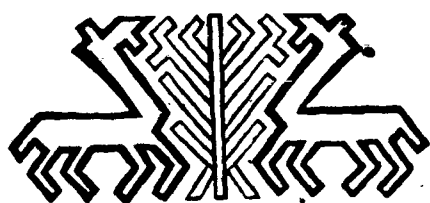

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5

1 9 5 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

м 15761

5

СЕНТЯБРЬ - ОКТЯБРЬ

1 9 5 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов
Зам. главного редактора член-корр. АН СССР А. В. Ефимов,
Н. А. Баскаков, Г. Ф. Дебец, М. О. Косвен, П. И. Кушнер,
М. Г. Левин, Л. П. Потапов, И. И. Потехин, Я. Я. Рогинский,
академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Г. Г. Стратанович, С. А. Токарев, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Н. А. Колгурина

Адрес редакции: Москва, Г-19, ул. Фрунзе, 10

---

* 1-10496 Подписано к печати 24/X 1959 г.   Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Тираж 1925 экз. Бум. л. 6¹/₄ Зак. 3656 Печ. л. 17,12+5 вкл. Уч.-изд. л. 21,7
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ В ЖИЗНИ НАРОДОВ БУРЯТИИ И КАЛМЫКИИ

В этом году бурятский и калмыцкий народы отмечают свой большой национальный праздник — юбилейные даты добровольного присоединения к России.

В многонациональном Советском Союзе стало традицией отмечать как важнейшие вехи в жизни народов исторические даты их вхождения в состав Российского государства. Так, народами СССР были торжественно отпразднованы: в 1954 г. — 300-летие воссоединения Украины с Россией; в 1957 г. — 400-летие добровольного присоединения к России Башкирии, Кабарды, Адыгеи, Черкесии и 325-летие вхождения Якутии в состав России; в 1958 г. — 400-летие добровольного присоединения Удмуртии и 250-летие добровольного присоединения Хакасии к России.

Такого рода национальные юбилеи не могут иметь места в капиталистических странах, где многие народы все еще борются за то, чтобы сбросить с себя цепи колониального рабства, а те, которые уже добились национального освобождения, с ненавистью и отвращением вспоминают то время, когда они находились под империалистическим игом.

Народы Советского многонационального государства потому с особой радостью отмечают юбилейные даты своего многовекового союза и дружбы с русским народом, взявшим на себя великую историческую миссию объединителя национальностей нашей страны, что именно теперь, в условиях советского строя, выявилось все огромное прогрессивное историческое значение соединения судеб народов Российской империи.

Если бы народы нашей страны не объединились вокруг своего старшего брата — великого русского народа, — они не смогли бы победить своих внутренних и внешних врагов и добиться социального и национального освобождения. Длительная и упорная революционная борьба трудящихся масс России, возглавлявшаяся героическим российским пролетариатом и его авангардом — Коммунистической партией, увенчалась победой Великой Октябрьской социалистической революции.

Одним из великих всемирно-исторических результатов этой победы явилось успешное разрешение национального вопроса и создание немыслимого в условиях буржуазно-помещичьего строя подлинного равноправия и братского сотрудничества народов в едином многонациональном Советском государстве.

И ныне, в дни этих национальных юбилеев, народы нашей страны, обозревая весь многовековой исторический путь, пройденный ими совместно с русским народом, особенно ярко осознают все положительное значение акта присоединения к России, давшего им в конечном счете возможность воспользоваться плодами Великой Октябрьской социалистической революции, всеми благами советского строя.

* * *

В середине XVII в., когда произошло добровольное присоединение Бурятии к России, бурятские племена находились еще на стадии родоплеменной и феодальной раздробленности, которая приносила народу большие бедствия. Бесконечные внутренние распри и междоусобицы феодально-родовой знати разоряли страну и облегчали иноземным захватчикам возможность совершать опустошительные набеги на бурятскую землю. Как и другие народы Сибири, буряты в поисках мирной жизни и защиты от жестоких завоевателей обращаются к русским и неоднократно заявляют о своем желании присоединиться к России. Уже в 1626 г. до русских властей в Сибири доходят сведения, что ждут «бракские люди к себе тех государевых служилых людей, а хотят тебе, великому государю, брацкие люди поклониться и ясак платить и с служилыми людьми торговаться»¹. И действительно, первая же встреча бурят с русскими людьми — пришедшим из Енисейска отрядом казаков во главе с сотником Петром Бекетовым — приводит в 1629 г. к тому, что часть бурятских племен вступает в русское подданство.

Процесс добровольного вхождения бурятских племен в состав России продолжался в течение нескольких десятилетий и был в основном завершен к концу пятидесятих годов XVII в. В тогдашних исторических условиях принятие русского подданства являлось для бурят, как и для других сибирских народов, единственно правильным путем, обеспечивавшим внешнюю безопасность и прекращение губительных междоусобных войн. Присоединение Бурятии к России отвечало коренным интересам бурятского и русского народов, которые в дальнейшем совместно трудились над развитием производительных сил Сибирской земли и защищали восточные границы Российского государства.

Вхождение бурятских племен в состав России создавало более благоприятные условия для их мирного хозяйственного и культурного развития; оно привело в дальнейшем к консолидации этих племен в единую народность. Бурятские племена были спасены от нависшей над ними накануне присоединения к России угрозы окончательного разорения со стороны враждовавших между собой монгольских, маньчжурских и прочих феодальных властителей Восточной Азии, поглощения другими народами и гибели.

Вместе с тем подчинение русскому царизму принесло бурятскому народу и новые тяготы: к эксплуатации местной феодально-родовой знати — тайшей, зайсанов, шуленг — прибавился гнет и произвол царских воевод и приказных людей. Опираясь на местную знать, царские администраторы облагали бурятских «улусных людей» ясаком, грабили и притесняли их. Развитие капиталистических отношений в России усугубило социальный и национальный гнет и обострило классовые противоречия внутри бурятского общества. Царизм, помещики и буржуазия препятствовали прогрессивному воздействию русской культуры на бурят, всячески тормозили их экономическое, политическое и культурное развитие.

Однако не это было главным и определяющим во взаимоотношениях русского и бурятского народов. С первых же дней присоединения к России буряты увидели в лучших представителях русского народа своих подлинных друзей и наставников. Вопреки угнетательской политике царизма и эксплуататорских классов, насаждавших национальную рознь, росла и крепла дружба между трудящимися русскими и бурятами. Эта дружба развивалась на основе социальной солидарности, на основе совместной трудовой деятельности, хозяйственного и культурного сотрудничества.

Помимо царских чиновников, купцов и капиталистов-промышленников в Бурятию, как и в другие районы Сибири, направлялось из России все

¹ Цит. по А. П. Окладникову — «Очерки из истории западных бурят-монголов», Л., 1937, стр. 33—34. «Бракские люди» — буряты.

более возраставшее число переселенцев из среды трудового народа. Богатую природными дарами и почти незаселенную Сибирь, являвшуюся естественным продолжением основной территории России, на протяжении многих веков осваивали терпеливо и упорно русские трудовые люди. Среди них были как насильно переселяемые сюда царизмом, так и добровольные пришельцы. Последних оказалось больше. Правительственная колонизация сыграла сравнительно незначительную роль в заселении сибирских земель и в особенности Прибайкалья,— сельское и городское русское население росло здесь главным образом за счет вольной колонизации. В далекой Сибири простой русский народ искал убежища и лучшей жизни, уходя сюда от крепостного, а позднее и капиталистического гнета.

Русская колонизация не стесняла бурят и другое аборигенное население, жившее на необъятных просторах Сибири. Поэтому буряты дружелюбно встречали мирных русских поселенцев и помогали им обосновываться на новых местах. Документальные источники свидетельствуют о фактах добровольной уступки бурятами части своих кочевий для заселения их русскими крестьянами на протяжении XVII—XIX вв. Нам также известны примеры того, как буряты оказывали экономическую помощь русским переселенцам, выделяя им для первоначального хозяйственного обзаведения лошадей и коров.

В свою очередь русские поселенцы передали бурятам, как и другим народам Сибири, достижения своей более высокой материальной и духовной культуры. Буряты, в период присоединения к России почти не знавшие земледелия и оседлого быта, ни сколько-нибудь развитого ремесла, заимствовали у русских важнейшие сельскохозяйственные, ремесленные и другие орудия производства, научились хлебопашеству, познакомились со многими неизвестными им ранее сельскохозяйственными культурами, переняли более совершенные виды сенокосения, скотоводства, средств передвижения, жилища, домашней обстановки и утвари и т. д.

В этой связи следует отметить, что по своему характеру и последствиям русская колонизация Сибири в корне отличалась от системы действий испанских, голландских, английских и других западноевропейских, а позднее и североамериканских колонизаторов, которые безжалостно истребляли и вытесняли местное население, уничтожали его древнюю культуру, превращая оставшихся жителей захваченных территорий в своих колониальных рабов.

Бурятские летописцы свидетельствуют о том, что русские охотно делились со своими бурятскими соседями накопленными знаниями и опытом. В одной из летописей хоринских бурят сообщается, что русские «обучали и наставляли» бурят «различным способом сеяния... хлебов», выделяя бурятам семена ржи, пшеницы, овса, ячменя, гречихи, а также сельскохозяйственные орудия — сохи, серпы и проч.²

Русские крестьяне оказали прогрессивное влияние на постановку скотоводства — исконного и важнейшего хозяйственного занятия бурят вплоть до революции. Буряты восприняли у русских косу, что значительно способствовало развитию сенокосения и дало возможность увеличить запасы сена на период неблагоприятных зимних месяцев, когда сильные бураны и глубокий снег не позволяли пользоваться подножным кормом. У русских буряты научились и более совершенным приемам ухода за скотом, стойловому содержанию скота и т. п. До прихода русских буряты не знали ни телег, ни саней, ни соответствующей этим средствам передвижения конской упряжи. Все это они заимствовали у своих русских соседей, научивших их пользоваться лошадьми не только для верховой езды, которая бурятам как кочевникам была издавна известна.

Появление с приходом русских земледелия, а также усовершенствование сенокосения и тесно связанного с ним скотоводства явились глав-

² «Летописи хоринских бурят», вып. 1, М.—Л., 1935, стр. 147.

ными условиями постепенного перехода бурят от кочевого образа жизни к оседлому, что имело огромное положительное значение для всего дальнейшего развития их экономики и культуры. Переходя к оседлому быту, буряты стали строить взамен войлочных деревянные юрты, а впоследствии, по русскому образцу, избы, амбары, загоны для скота.

Необходимый для возведения деревянных построек инструмент буряты также получили у русских, которые обучили их всем тонкостям плотничьего и столярного ремесла, так что буряты вскоре сами стали строить хорошие дома, делать отличные телеги, сани, изготавливать бондарные изделия.

Трудовое сотрудничество бурят и русских нашло свое яркое выражение в организации совместных артелей, в частности звероловных товариществ. При этом русские научили бурят применять огнестрельное оружие, а буряты поделились с ними своим многовековым опытом охоты в местных условиях. Тесная дружба и взаимная помощь характеризовали взаимоотношения бурят и русских и в других смешанных промысловых артелях (рыбаков, возчиков, плотников, дровосеков, сплавщиков леса и т. д.).

Постоянное общение бурят с русским населением Прибайкалья привело к распространению среди них русского языка и к обогащению бурятского языка за счет русских слов. Вместе с восприятием у русских предметов земледельческой культуры, конской упряжи, домашнего обихода и т. п. в бурятский язык вошли и соответствующие наименования, заимствованные из русского. Со своей стороны и русские не только перенимали от бурят немало полезных сведений и навыков, но и овладевали бурятским языком.

Дружба русских и бурят вступила в новый этап своего развития, когда началось революционное движение в России. Появление в Сибири русских политических ссыльных особенно наглядно показало бурятскому народу, что существуют две России. С этого времени неизмеримо выросло и прогрессивное воздействие передовой русской культуры на бурят. Уже первое поколение русских революционеров — декабристы начали в Бурятии просветительную деятельность. Ее продолжали народники. Но по-настоящему революционную работу в Бурятии, как и во всей Сибири, развернули марксисты-ленинцы, большевики. Величайшее значение при этом имело пребывание в сибирской ссылке великого вождя Коммунистической партии В. И. Ленина и его ближайших соратников и учеников. Непосредственное участие в организации революционной работы в крае принимали такие видные пролетарские революционеры, как И. В. Бабушкин, В. К. Курнатовский, М. В. Фрунзе, Е. М. Ярославский. Именно большевикам-ленинцам обязан бурятский трудовой народ пробуждением своего революционного сознания, именно они сплотили трудящихся русских и бурят в Прибайкалье и возглавили их борьбу с царизмом и местными эксплуататорами. Под руководством большевистской партии бурятский народ плечом к плечу с русским народом принял участие в трех революциях и победил своих врагов в период гражданской войны и иностранной интервенции.

Так нерушимая дружба с русским народом обеспечила бурятскому народу установление Советской власти, открывшей перед ним широкий и светлый путь политического, экономического и культурного развития. При Советской власти бурятский народ впервые обрел свою государственность. В 1923 г. в Бурятии была образована Автономная Советская Социалистическая Республика. Буряты, проживающие компактными массами за ее пределами, получили возможность национального самоопределения в бурятских округах Иркутской и Читинской областей.

За годы Советской власти бурятский народ под руководством Коммунистической партии, при постоянной бескорыстной помощи русского и других братских народов нашей страны осуществил глубочайшие со-

циалистические преобразования во всех областях своей жизни и сложилась в социалистическую нацию.

В результате неуклонного проведения ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства Бурятия из отсталой окраины России, где почти полностью отсутствовала промышленность, а в сельском хозяйстве господствовало кочевое или полукочевое скотоводство, превратилась в передовую индустриально-колхозную республику. Важную роль в индустриализации Бурятии сыграли передовые представители русского рабочего класса — посланцы Москвы, Ленинграда и других городов России. При их непосредственном участии, при помощи многих промышленных центров страны на базе неисчерпаемых естественных и сырьевых богатств в Бурятии стали сооружаться различные промышленные предприятия. В степях и тайге появились шахты, заводы, фабрики, оснащенные первоклассной советской техникой. Индустриализация Бурятии шла исключительно быстрыми темпами, что является одним из примеров особой заботы Коммунистической партии о подъеме экономики ранее отсталых национальных окраин.

По сравнению с 1913 годом объем промышленного производства Бурятии увеличился в 80 раз и ныне он составляет $\frac{3}{4}$ всей валовой продукции народного хозяйства республики, представляя более 25 отраслей промышленности с общей стоимостью продукции в 2,6 млрд. руб. в год. Бурятия, где до революции существовало лишь несколько кустарного типа мыловарен и мельниц, пивоваренный и спирто-водочный заводы, дает теперь стране железнодорожные вагоны и стандартные дома, жаротрубные котлы и деревообрабатывающие станки, стальное литье и стиральные машины, золото и концентраты редких металлов, уголь и цемент, шифер и стекло, лес и пиломатериалы, шерстяные ткани и трикотаж, мясные и рыбные консервы.

Поразительные изменения произошли и в сельском хозяйстве Советской Бурятии. На смену примитивному кочевому пастбищному скотоводству пришло крупное механизированное многоотраслевое полеводческое и животноводческое хозяйство, ведущееся на социалистической основе. Ликвидация дореволюционных земельных отношений, уничтожение эксплуататорских классов и проведение коллективизации трудовых крестьянских хозяйств обеспечили массовый переход бурят к оседлому образу жизни. Так в условиях советского строя в исторически кратчайший срок была окончательно решена важнейшая для бурятского народа задача преобразования его кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства и быта. Теперь общественное животноводство в колхозах и совхозах Бурятии ведется на основе достижений советской зоотехнической и ветеринарной науки. Широко проводится работа по улучшению местных пород скота, строятся скотные дворы, овчарни, конюшни и т. д.

После сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.) в развитии сельского хозяйства Бурятии, как и всего Советского Союза, был сделан новый шаг вперед. Началось освоение целинных и залежных земель, повышается урожайность сельскохозяйственных культур, укрепляется и расширяется кормовая база животноводства, увеличивается поголовье скота и его продуктивность. Только за последние пять лет в республике освоено более 260 тыс. га целинных и залежных земель, поголовье овец возросло почти на 60%, производство молока — в 2,4 раза, шерсти — в 2,3 раза, мяса — в 1,8 раза, яиц — в 1,5 раза.

Вместе с подъемом общественного хозяйства растут и доходы колхозов, которые за последние пять лет утроились. В соответствии с последними решениями Коммунистической партии о дальнейшем развитии колхозного строя колхозы Бурятии приобрели на свои средства всю необходимую им технику — 2 тысячи тракторов, 1400 комбайнов и много других машин.

Происшедшие за годы Советской власти коренные преобразования в промышленности, сельском хозяйстве и культуре Бурятии создали совершенно новые условия труда и быта бурятского народа. Социалистическая индустриализация Бурятии привела к формированию кадров национального пролетариата. Многие буряты стали работать на фабриках и заводах, на транспорте и в строительстве, овладевать сложными профессиями. С проведением коллективизации в бурятский улус пришла невиданная прежде сельскохозяйственная техника, электрификация. Буряты пересели с коней и верблюдов на тракторы и автомобили. Электричество не только стало давать свет, но и приводить в действие ножницы для стрижки овец, аппараты для дойки коров. Передача колхозам из МТС всей сельскохозяйственной техники сделала труд бурятских колхозников еще более механизированным.

Происшедший при Советской власти окончательный переход бурят к оседлому образу жизни, промышленное и колхозное строительство, а в последние годы широкое освоение целинных и залежных земель привели к быстрому заселению пустынного края. Вокруг промышленных предприятий, МТС, колхозов, совхозов выросли новые населенные пункты с просторными и светлыми жилыми домами, школами, больницами, библиотеками, магазинами, парками, стадионами. Неузнаваемо изменился и облик старых поселений. Безвозвратно ушла в прошлое войлочная юрта, юрочника, произошла полная перепланировка старых разбросанных улусов, в которых жилища нередко находились на расстоянии нескольких километров друг от друга. Столица Бурятии — Улан-Удэ превратилась из захолустного купеческого сибирского городка, каким был до революции Верхнеудинск, в благоустроенный социалистический город с высокоразвитой промышленностью и культурой.

Небывалого расцвета достигла за годы Советской власти культура бурятского народа — национальная по форме, социалистическая по содержанию. До Великой Октябрьской социалистической революции население Бурятии было почти сплошь неграмотным (более 90% мужчин и 99% женщин). Отсутствие собственной письменности и литературного языка мешало просвещению бурятского народа и тормозило развитие его национальной культуры. С момента установления Советской власти было обращено особое внимание на развитие народного образования, культуры и науки в Бурятии. Была открыта разветвленная сеть начальных и средних школ, культурно-просветительных учреждений. Создана письменность и разработаны нормы литературного языка. Организованы вузы и научные учреждения.

Получив широкий доступ к знаниям, бурятский народ за годы Советской власти вырастил из своей среды многочисленные кадры интеллигенции, обеспечивающие потребности различных отраслей народного хозяйства и культуры республики в квалифицированных специалистах. До революции бурят, получивших высшее образование, насчитывалось менее десяти, причем среди них не было ни одного инженера. Ныне в Бурятии работает более 19 тысяч специалистов с высшим и средним образованием, из них около 5 тысяч инженерно-технических работников. 15 средних специальных и 2 высших учебных заведения, где обучается более 11 тысяч человек, ежегодно выпускают сотни молодых специалистов. Многие бурятские юноши и девушки получают образование в Москве, Ленинграде, Иркутске, Чите и других городах нашей страны.

В Бурятском комплексном научно-исследовательском институте Сибирского отделения Академии наук СССР, в педагогическом и зооветеринарном институтах и других учреждениях республики занято несколько сот научных работников, в том числе до двухсот докторов и кандидатов наук.

Ярким показателем культурного роста бурятского народа является издание тысячами экземпляров газет, книг и журналов на бурятском

языке. Буряты ныне читают на родном языке выдающиеся произведения классиков марксизма-ленинизма, а также русской и мировой литературы. Широкий размах получило издание научных трудов по истории, экономике, археологии, этнографии Бурятии.

Бурятская художественная литература по существу оформилась лишь в советский период. Ее развитие тесно связано с социалистическим строительством Бурятии, со всем культурным ростом бурятского народа. Плеяда талантливых бурятских прозаиков и поэтов своим творчеством помогает родному народу строить новую жизнь. Лучшие произведения бурятских писателей Хоца Намсараева, Жамсо Тумунова, Чимита Цыдендамбаева и других известны за пределами Бурятии. Они переведены на русский язык, на языки других народов Советского Союза и зарубежных социалистических стран. В свою очередь бурятские писатели знакомят свой народ с творчеством современных русских и других советских писателей, переводя их произведения на бурятский язык.

Бурное развитие в Советской Бурятии получило профессиональное театральное и музыкальное искусство, в прошлом бурятам совершенно не известное. Опираясь на традиции народного искусства, используя драгоценное наследие классической русской музыкальной культуры, при непосредственном участии и братской помощи деятелей советского русского искусства буряты создали самобытную оперу и балет, национальную драму. Бурятский народ заслуженно гордится своим Государственным ордена Ленина театром оперы и балета, драматическим театром, филармонией, артисты которых с громадным успехом выступали в Москве и многих других городах Советского Союза, а также за рубежом. Наряду с профессиональным искусством широкое развитие получила художественная самодеятельность. Почти в каждом колхозе и совхозе, на каждом промышленном предприятии имеются самодеятельные коллективы танцоров, музыкантов, певцов.

Культурная революция проникла в самые отдаленные уголки бурятской степи и тайги. Теперь в Бурятии не найдешь такого населенного пункта, где не было бы радио, книг и газет, где не существовало бы специального культурно-просветительного учреждения, где не появлялась бы кинопередвижка.

В борьбе за новую жизнь, за социалистические преобразования своего края вырос новый человек — самоотверженный труженик, передовик и новатор производства. По всей Бурятии известны имена Героев Социалистического Труда — строителя Ч. Цыбикова, шахтера М. А. Шахерзанова, машиниста П. Р. Чабана, доярки П. В. Жалсановой, чабана В. С. Дабаева, депутатов Верховного Совета СССР председателя колхоза Ж. Б. Ванкеева, механизатора Д. Х. Таханова и многих других, кто своим доблестным созидательным трудом множит богатства Родины. Из среды бурятского народа выдвинулись замечательные организаторы общественного хозяйства, командиры производства, партийные и государственные деятели.

Навсегда покончено с бесправным и приниженным положением бурятской женщины. Она наряду с мужчинами принимает активное участие в производственной и общественной жизни, внося свой вклад в развитие экономики и культуры родного народа.

На крутом подъеме встретил бурятский народ свой славный юбилей — 300-летие добровольного вхождения Бурятии в состав России. Крупные успехи, достигнутые бурятским народом в хозяйственном и культурном строительстве, отмечены награждением Бурятской АССР высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

Коренных преобразований в развитии экономики и культуры добились также трудящиеся Усть-Ордынского и Агинского бурятских национальных округов, которые вместе с трудящимися Бурятской АССР празднуют национальный юбилей своего народа.

Калмыцкий народ также долгое время испытывал тяжкий гнет враждовавших между собой феодальных властителей. В конце XVI в. предки калмыков, входившие вместе с другими родственными им племенами в Ойратский союз, желая избавиться от разорительных междоусобиц и насилиев ойратских ханов, отделились от основной массы соплеменников и двинулись через степные просторы Сибири на запад. В результате этого передвижения калмыки уже в самом начале XVII в. вошли в непосредственные сношения с Россией, прося принять их в подданство и предоставить им земли для поселения. Несмотря на то, что в это время Русское государство само переживало трудный период внутренних неурядиц и иностранной интервенции, калмыкам в 1608—1609 гг. было оказано просимое покровительство, и они были приняты в русское подданство.

С этого времени начинается новая эпоха в истории калмыцкого народа, установившего прочную и нерушимую связь с великим русским народом, приобщившегося к его высокой материальной и духовной культуре, делившего вместе с ним все тяготы и радости.

Обосновавшись в степях Нижнего Поволжья и Приуралья, калмыки вместе с русскими стали защищать от чужеземных захватчиков свою родину — Россию. Храбрые калмыцкие наездники принимали активное участие и в народных восстаниях под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева. Так в борьбе с внешними врагами и внутренними угнетателями зарождалась дружба калмыцкого народа с русским и другими народами России. Укреплению этой дружбы всячески мешали калмыцкие феодалы и царизм. С помощью ханов царское правительство пыталось превратить калмыцкий народ в орудие своей угнетательской политики.

В царской России — «тюрьме народов» — калмыцкий народ был одним из самых отсталых в хозяйственном, политическом и культурном отношении. Он подвергался жестокой эксплуатации со стороны своих помещиков-крепостников, нарождавшегося кулачества, духовенства (лам). Калмыки терпели вопиющие злоупотребления царских «попечителей» и приставов, обманы и насилия русских торговцев и промышленников. Трудящиеся Калмыкии были лишены наиболее удобных земель и вытеснены в песчаные безводные пустыни. Зато калмыцкая знать получила от царского правительства в собственность огромные земельные угодья, измерявшиеся сотнями и тысячами десятин. В руках той же знати и кулачества сосредоточилось и главное богатство калмыков — скот. Перед революцией шести процентам хозяйств Калмыкии принадлежала половина всего поголовья скота. Крайняя нищета стала уделом основной массы калмыцкого народа, находившегося накануне Октября 1917 г. на грани полного разорения.

С огромным энтузиазмом встретил калмыцкий народ известие о победе Великой Октябрьской социалистической революции. Но калмыцкие князья и богатеи, объединившись с русскими белогвардейцами и иностранными интервентами, попытались оторвать трудящихся калмыков от Советской России, использовать их политическую отсталость в гнусных целях контрреволюции. Козни врагов трудового калмыцкого народа были раскрыты и разбиты при братской помощи и под руководством русского рабочего класса, Коммунистической партии.

В разгар гражданской войны и иностранной интервенции, в июле 1919 г. Советское правительство обратилось со специальным воззванием «К калмыцкому трудовому народу». В этом воззвании, подписанном В. И. Лениным, трудящиеся Калмыкии призывались к совместной с русским народом борьбе за Советскую власть. «Братья-калмыки! — говори-

лось в ленинском воззвании.— Судьба вашего народа в ваших руках. Все в ряды Красной Армии! Все против белогвардейских, казачьих банд Деникина! Все на защиту вашей Советской власти!»³.

Призыв великого вождя нашел горячий отклик в сердцах калмыцкой бедноты. В степях Калмыкии были организованы красные конные полки, в ряды Красной Армии пошли сотни и тысячи пастухов-батраков, рабочих рыбных и других промыслов. Они бок о бок с русскими и другими воинами Красной Армии громили белогвардейские полчища, показывая образцы преданности революционному долгу, бесстрашия и героизма. Под руководством Коммунистической партии трудящиеся Калмыкии кровью лучших своих сынов завоевали возможность строить новую, счастливую жизнь.

4 ноября 1920 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров вынесли решение об образовании в Калмыкии советской автономии. Коммунистическая партия приняла все меры к тому, чтобы в Советской Калмыкии собрались разьединенные при царизме калмыки, жившие в Оренбургских степях, на Тереке, Куме и т. д.

За короткий исторический срок Калмыкия преобразилась. Ее население перешло к оседлому образу жизни, ее сельское хозяйство перестроилось на социалистической основе, возникла крупная промышленность, развиваются национальная культура, литература и искусство.

Больших успехов добились трудящиеся Калмыцкой АССР в подъеме экономики и культуры за последнее время. Промышленность в 1958 г. выпустила продукции в два с лишним раза больше, чем в предвоенном 1940 г. Освоено около 300 тыс. га целинных и залежных земель, посевная площадь расширилась более чем в два раза, поголовье овец увеличилось на 71 %, производство шерсти, молока, яиц — в полтора раза. Все более ширится обводнение калмыцкой степи. Только в этом году построено около 300 колодцев и более 60 прудов. Заканчивается сооружение Оля-Каспийского канала и Черноземельского водопровода, что позволит обводнить и оросить свыше 85 тыс. га засухливых земель. Широим фронтом осуществляется дальнейшая механизация производственных процессов в животноводческом хозяйстве. Стремясь всемерно содействовать успешному выполнению задач, поставленных XXI съездом КПСС, трудящиеся Калмыкии ныне борются за выполнение семилетнего плана производства продуктов сельского хозяйства в четыре года.

Калмыкия стала республикой сплошной грамотности, тогда как до революции всего лишь 2,3 % населения было грамотным. В республике создана и быстро растет сеть школ, научных и культурно-просветительных учреждений. В крае, где до революции не было ни одного очага культуры, ныне работает научно-исследовательский институт литературы, языка и истории, институт усовершенствования учителей, научно-исследовательская лесная станция, опытная сельскохозяйственная станция, Государственный калмыцкий драматический театр, национальный ансамбль песни и танца, музыкальные школы, сотни домов культуры, клубов, библиотек, киноустановок. В республике выпускается двенадцать газет на калмыцком и русском языках, издается большое количество учебной, политической, художественной и другой литературы. За последние два года в Калмыцкой АССР издано более пятидесяти названий книг на родном языке. За годы Советской власти в Калмыкии выросла национальная интеллигенция, появились свои поэты и писатели, артисты и художники, инженеры и научные работники.

Коммунистическая партия и Советское правительство, отмечая достигнутые трудящимися Калмыкии успехи в хозяйственном и культур-

³ «Известия ВЦИК», № 161, 24 июля 1919 г.

ном строительстве и в ознаменование 350-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, наградили Калмыцкую АССР орденом Ленина. Высоких наград удостоились 230 передовиков промышленности, сельского хозяйства, деятелей науки и культуры, работников партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других организаций Калмыцкой АССР.

* * *

Национальные юбилеи Бурятии и Калмыкии, подводящие замечательные итоги их многовековой дружбы с русским народом, отмечаются в период, когда исторические решения XXI съезда КПСС открыли перед всеми народами нашей великой Родины новые грандиозные перспективы. «Семилетие, в которое мы вступили,— указывал Н. С. Хрущев на XXI съезде партии,— это новый важный, можно сказать, решающий рубеж на пути исторического развития нашей страны»⁴.

Как и все советские люди, трудящиеся Бурятии и Калмыкии хотят поскорее взять этот рубеж и выйти на то «широкое плато», с которого, по образному выражению Н. С. Хрущева, откроются новые просторы и будет легче идти вперед. И потому в дни своих радостных праздников буряты и калмыки, обращаясь к Коммунистической партии, к ее ленинскому Центральному Комитету, торжественно обещают вместе со всем советским народом еще шире развернуть соревнование за досрочное выполнение семилетнего плана великих работ по строительству коммунизма.

---

⁴ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, М., 1959, стр. 141.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. В. ХОМИЧ

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ НЕНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА

15 июля 1959 г. исполнилось тридцать лет со времени образования первого из северных национальных округов — Ненецкого национального округа.

Ненцы, в прошлом одна из крайне отсталых в хозяйственном и культурном отношении народностей Севера, благодаря последовательному осуществлению ленинской национальной политики за годы советской власти добились больших успехов в области построения социализма и сейчас вместе со всем советским народом приступают к развернутому строительству коммунизма.

Хозяйственный и культурный уровень ненцев до Великой Октябрьской социалистической революции был крайне низок. Эксплуатация со стороны богатых сородичей и вторгавшихся в ненецкие тундры кулаков коми-ижемцев, частые эпизоотии при полном отсутствии ветеринарной помощи — все это разоряло оленеводческое хозяйство основной массы ненцев. В тундру в XIX — начале XX в. проникали торговцы, которые, пользуясь доверчивостью и отсталостью ненцев, старались нажиться на своих коммерческих операциях. Завозившаяся ими водка в большой степени способствовала разорению тундрового населения. Особенно низок был культурный уровень ненецкого населения. Как и другие народности Севера, ненцы не имели своей письменности. Церковно-приходские школы, организованные в ряде пунктов, не давали сколько-нибудь положительных результатов. Это и понятно: учителя не знали языка местного населения, а учащиеся — русского. Приходские школы находились обычно в плохих помещениях, учебный год продолжался 3—4 месяца. О том, каковы были учителя и результаты обучения, свидетельствует хотя бы сообщение священника В. Невского архангельскому архиерею: учителя-псаломщики в Колвинской школе, которую посещали дети ненцев, «будучи малопросвещенными, неподготовленными и, кроме того, алкоголиками, обучение в школе вели так слабо, что ученики, проучившись в школе пять или более лет, едва могли подписывать свое имя и фамилию, а о русской речи имели лишь самое смутное представление»¹. Но и получившие такое «образование» ненцы насчитывались единицами, большинство же было совершенно неграмотно.

Медицинское обслуживание кочевого населения отсутствовало. При заболеваниях ненцы обращались к шаманам. В результате смертность от

¹ Л. Г. Базанов и Н. Г. Казанский, Школа на Крайнем Севере, М., 1939, стр. 35.

различных болезней среди ненцев, особенно среди детей, достигала больших размеров. «Отсутствие заботливости вызывает ужасную смертность между детьми... Врачей и лекарств тундра не видела»,— писал В. И. Немирович-Данченко². «Они (дети.— Л. Х.) у юраков весьма часто умирают, не достигнув года или двух»,— читаем мы у Н. А. Кострова по поводу восточных ненцев³.

Передовые русские люди, посещавшие районы, заселенные ненцами, главным образом— ученые, всеми мерами старались помочь коренному населению. В своих трудах они описывали бедственное положение ненцев, предлагали различные мероприятия по улучшению их жизни.

Связи с простым русским народом имели большое положительное значение для ненцев. Русские принесли с собой усовершенствованные орудия охоты (ружья, железные капканы), различные предметы домашнего обихода, культурные навыки, торговлю. В результате ненецкое хозяйство из натурального стало превращаться в товарное. Включение ненцев в состав Русского государства содействовало прекращению родовых междоусобиц.

Однако при всем положительном значении общения ненцев с русским народом, они в условиях царской России продолжали оставаться экономически и культурно отсталыми.

* * *

После Великой Октябрьской социалистической революции перед Коммунистической партией и Советским правительством со всей остротой встал вопрос о разработке радикальных мер по изжитию экономической и культурной отсталости ненцев, борьбе против социальных и религиозных предрассудков, оставшихся в наследство от царизма,— с тем, чтобы помочь ненцам, как и другим народам Севера, в строительстве социализма в СССР.

Как известно, ввиду особых условий Севера (отдаленность, трудность связи и т. п.), установление там советской власти произошло несколько позднее, чем в центральных районах. Фактически работа среди малых народностей Севера началась лишь со времени создания Комитета Севера.

Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) был учрежден декретом ВЦИК от 20 июня 1924 г. «Учитывая огромное экономическое и политическое значение северных окраин, с одной стороны,— гласило постановление ЦИК СССР, предлагавшее ВЦИК создать Комитет Севера,— и катастрофическое положение племен, их населяющих,— с другой, а также принимая во внимание полную неорганизованность и оторванность туземной массы от советского строительства и необходимость законодательной, административно-правовой и экономической защиты их интересов, образовать Комитет содействия народностям северных окраин»⁴.

Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 23 февраля 1925 г., были учреждены также местные Комитеты содействия народностям северных окраин. Такой местный Комитет был создан, в частности, в Архангельской губернии. Комитеты Севера сыграли большую роль в проведении в жизнь законов, изданных советской властью для скорейшего поднятия хозяйственного и культурного уровня малых народов Севера.

² В. И. Немирович-Данченко, Мезенская тундра, «Живописная Россия», под ред. П. П. Семенова, т. I, ч. I, 1881, стр. 89.

³ Н. А. Костров, Юраки, «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», кн. II, 1856, стр. 28; См. также: К. А. Белиловский, Женщина инородцев Сибири, СПб., 1894, стр. 74.

⁴ А. С., Десять лет работы Комитета Севера, «Сов. Север», 1934, № 2, стр. 9.

Принятое в 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» положило начало административно-судебному устройству. В то время как во многих районах Крайнего Севера местное управление организовывалось первоначально по родовому признаку (т. е. в качестве низовой коллективной единицы был принят род), в европейских тундрах (и в некоторых других районах Севера), где далеко зашедшее разложение родовых связей делало невозможным и нецелесообразным создание родовых советов, они были организованы по территориально-национальному признаку.

Еще в 1919 г., после разгрома белогвардейского выступления на р. Печоре, был организован первый на территории, заселенной ненцами, волостной Исполнительный Комитет Советов в с. Оксина. В 1921 г. был образован Большеземельский волостной Исполнительный комитет. Канинская тундра в то время входила в состав Мезенского уезда. В 1926 г., согласно «Временному положению», были созданы Канинский, Тиманский и Малоземельский тундровые советы в составе Архангельской губернии. Несколько позднее был образован Большеземельский тундровый совет⁵. Были созданы также три островных совета (на островах Новая Земля, Колгуев и Вайгач).

Работа Советов протекала в трудной обстановке. На Севере в 1920 — начале 1930-х гг. происходила ожесточенная классовая борьба. Степень классового расслоения среди европейских ненцев показывают следующие цифры: 130 бедняцким хозяйствам принадлежало 24,5% общего поголовья оленей (66 оленей на чум), 54 середняцким хозяйствам — 57% (367 оленей на чум), 5 кулацким хозяйствам — 18% (1324 оленя на чум)⁶.

Кулачество и шаманы ожесточенно боролись против новой власти, активно противодействовали всем ее начинаниям — организации Советов, созданию кооперативных форм хозяйства среди населения и т. д. Умело используя отсталые взгляды большинства ненцев, кулаки и шаманы настраивали население против всего нового, организовывали сопротивление культурно-просветительным мероприятиям советской власти, используя в этих целях почти сплошную неграмотность местного кочевого и полукочевого населения⁷.

В результате большой систематической работы, проведенной органами советской власти в тундре, кулаки и шаманы были в значительной степени разоблачены, а роль и авторитет местных Советов чрезвычайно возросли. К 1929 г. из среды коренного населения выдвинулся ряд видных общественных работников, как, например, Тыко Вылка (председатель Новоземельского островного Совета), А. Ф. Хатанзейский (председатель Тельвисочного районного исполнительного комитета), М. В. Вылка (первая женщина-председатель Канино-Тиманского районного исполнительного комитета) и другие.

О национальном составе населения Ненецкого национального округа (включая острова) перепись 1926 г. сообщает следующие данные: ненцев было 4220, коми 3033, русских 5411 чел.⁸; из них кочевого населения — 5694 чел. (основная масса ненцев, часть коми и незначительное

⁵ «Сов. Север», 1930, № 9—12, стр. 229.

⁶ Архив Комитета Севера, оп. 61, п. 76, д. 125. Материалы совещания женщин при ЦК ВКП(б) в 1930 г.

⁷ По данным переписи 1926 г. грамотных среди ненцев было: мужчин — 4,5%, женщин — 1,3%.

⁸ Архангельский областной архив Октябрьской революции (в дальнейшем цит. АОА), ф. 352, № п/п 59, по описи 352-1, л. 13, Приполярный район. Доклад об организации Ненецкого национального округа от 30 октября 1926 г. В связи с тем, что перепись 1926 г. проводилась зимой, часть ненцев оказалась в пределах области Коми и других районах Архангельской области. Всего на Европейском Севере ненцев числилось 5235 чел. (там же).

число русских). Главным занятием кочевого населения было оленеводство, подсобными — пушной промысел и рыболовство. Русское население жило по долинам рек Печоры, Пеши, Индиги, Омы и др., где издавна возникли такие поселения, как Верхняя и Нижняя Пеша, Тельвиска, Оксина, Несь, и занималось животноводством и рыболовством.

Вскоре после утверждения советской власти на Севере началось создание кооперативных форм хозяйства среди местного населения; значительную роль в этом сыграл кооператив «Кочевник», базировавшийся в с. Тельвисочное. В марте 1929 г. из числа ненецких оленеводческих кочевых хозяйств Малоземельского тундрового совета организованся Первый ненецкий оленеводческий колхоз (ПНОК; ныне колхоз им. И. П. Вучейского). К моменту организации колхоза в него входило семь хозяйств, из них шесть бедняцких и одно середняцкое.

С осени 1926 г. в с. Верхняя Пеша была открыта ненецкая школа, где дети находились на полном государственном обеспечении (к 1929 г. в ней училось около 30 ненецких детей). В с. Нижняя Пеша в 1929 г. началось строительство больницы. С 1927 г. оленеводов Тиманской тундры обслуживал передвижной ветеринарно-врачебный участок⁹. Аналогичная работа проводилась в Большеземельской тундре и в других районах. В целях улучшения медицинского обслуживания населения в 1924—1927 гг. было проведено медико-санитарное обследование всех тундр Архангельской губернии и области Коми.

Однако проведению социалистического переустройства в ненецких тундрах мешала административная раздробленность и отсутствие определенного принципа отнесения населения к той или иной административной единице. В отдельных местах в основу была положена принадлежность к определенной национальности. В результате дело доходило до курьезов: русские, проживавшие в селе Нижняя Пеша, относились к Мезенской области, тогда как ненцы, жившие в том же селе, причислялись к Канино-Тиманской волости¹⁰ и т. д.

Но дело было не только в неудобствах административного и хозяйственного управления. Европейские ненцы осознавали себя одной народностью и сами видели необходимость объединения в какую-то определенную административную единицу. «Мы, ненцы Малоземельской тундры в районе Лапты, ходатайствуем и настаиваем на решении IX районного ненецкого съезда Советов о создании единого Ненецкого округа, объединив тундры: Малоземельскую, Большеземельскую, Тиманскую и Канинскую... Мы, ненцы (самоеды), просим нам дать полные национальные права, как велел В. И. Ленин»¹¹, — писали в марте 1929 г. ненцы Малоземельской тундры.

После подробного обсуждения вопроса о границах округа, административном аппарате, названии, центре и т. п. Архангельским Комитетом Севера при активном участии местных работников из среды ненецкого населения VI пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК в 1929 г. признал необходимым создание Ненецкого округа в европейской части РСФСР с непосредственным подчинением Исполнительному Комитету Советов вновь организованного Северного края.

Постановление Президиума ВЦИК от 15 июля 1929 г. положило начало организации новой административной единицы — Ненецкого национального округа в составе районов: Канино-Тиманского (центр — Нижняя Пеша) и Ненецкого (центр — Хоседа-Хард). Решением ВЦИК от 20 декабря 1929 г. в состав Ненецкого округа была дополнительно вклю-

⁹ «Сов. Север», 1930, № 9—12, стр. 232.

¹⁰ АОА, ф. 352, № п/п 69, по описи 352-1, л. 49. Доклад об организации Ненецкого национального округа.

¹¹ АОА, ф. 3252, № п/п 79, л. 131. О работе среди нацменьшинств Севера, 1928—1929 гг.

чена часть бывшей Пустозерской волости в виде третьего района — Пустозерского¹². Центром стало с. Тельвисочное (позднее началось строительство современного центра — гор. Нарьян-Мара). 15 января 1930 г. состоялся Первый окружной съезд Советов.

* * *

За тридцать лет существования округа ненецкий народ при повседневной помощи Коммунистической партии и Советского правительства достиг значительных успехов. Создание округа способствовало развитию хозяйственного и культурного строительства, подъему благосостояния ненецкого народа. Положительный опыт был учтен, и в конце 1930 г. было образовано еще несколько национальных округов, в том числе Ямало-Ненецкий и Таймырский (Долгано-Ненецкий).

Образование Ненецкого национального округа совпало с началом коллективизации. Вслед за Первым ненецким оленеводческим колхозом стали появляться другие коллективные хозяйства, сначала еще слабые, а затем все крепнущие, вбирающие в себя новых членов. Основной формой коллективных хозяйств первоначально были Товарищества по совместному выпасу оленей (ТСВО). К концу 1934 г. в тундровых районах округа насчитывалось 6 артелей и 15 ТСВО, объединявших около 30% всех кочевых хозяйств¹³.

Тогда же началось создание совхозов — в 1930 г. был организован первый ненецкий оленеводческий совхоз. К концу 1930-х гг. коллективизация была в основном завершена — процент ее на 1 января 1939 г. составлял 86%¹⁴. В настоящее время все сельскохозяйственное население округа состоит в колхозах или работает в совхозах. В округе имеется четырнадцать оленеводческих, один животноводческий и семнадцать рыболовецких колхозов, объединяющих 2411 хозяйств; два оленеводческих совхоза — Ненецкий и Индигский; один звероводческий совхоз — на о-зе Колгуеве, одна лугомелиоративная и одна научная сельскохозяйственная станция¹⁵.

Основными отраслями сельского и промыслового хозяйства округа являются оленеводство, молочное животноводство, рыболовство, звероводство и пушной промысел. Земледелие как новая и еще малоразвитая отрасль не имеет пока существенного значения в экономике колхозов. Оленеводством занимаются в основном ненцы и коми. Рыболовецкие и животноводческий колхозы объединяют главным образом русское население округа. Для тундрового населения оленеводство по-прежнему имеет очень важное значение: помимо использования оленя в качестве транспортного животного, ненцы получают от него пищу, одежду, части жилища. В настоящее время общественному сектору принадлежит большинство оленей. Если в 1930 г. в колхозах и совхозах было 21,9% общего числа оленей, а в личной собственности — 78,1%, то в 1956 г. в колхозах и совхозах уже имелось 84,2%, а в личной собственности — 15,8% всего поголовья оленей¹⁶.

В прошлом в ненецких тундрах полностью отсутствовало ветеринарное обслуживание, что приводило к массовым падежам оленей. Сейчас, благодаря проведению прививок и других предохранительных мероприятий, полностью ликвидировано такое опаснейшее заболевание оленей как си-

¹² В настоящее время Ненецкий национальный округ включает четыре района: Нарьян-Марский, Канино-Тиманский, Большеземельский и Амдерминский.

¹³ Е. В. Бунаков, Ненецкий национальный округ Северного Края, Труды Полярной Комиссии, вып. 29, М.—Л., 1936.

¹⁴ Нарьян-Марский окружной архив, ф. 6, 1939, арх. инв. 7, л. 90.

¹⁵ А. Н. Крупин, Преображенный край, Архангельск, 1957, стр. 9.

¹⁶ Там же, стр. 10.

бирская язва, значительно сократились глистные заболевания, а также чрезвычайно распространенная в прошлом болезнь — некробациллез (копытка). Ныне почти в каждом колхозе имеются зооветеринарные пункты, сотрудники которых проводят профилактическую и лечебную работу в стадах, выезжая на кочевья.

За годы существования округа значительно улучшилась система планирования развития оленеводства. Колхозы и их пастушеские бригады получают конкретные годовые производственные задания, осуществляется постоянный контроль за их исполнением. В повышении продуктивности оленеводства помощь колхозам оказывает Нарьян-Марская сельскохозяйственная опытная станция, специалисты которой на основе работы в ее стаде, стадах колхозов и обобщения опыта передовиков оленеводства разработали комплекс мероприятий по улучшению содержания, кормления и разведения оленей. Такие мероприятия, как солевая подкормка оленей в зимний период, рациональное использование ягельных пастбищ, племенная работа, отстрел волов с самолетов, — включены в обязательные зоотехнические и ветеринарные правила по оленеводству округа и внедряются на практике. В результате перечисленных мероприятий из года в год улучшаются показатели оленеводческого хозяйства. Оленеводство Ненецкого национального округа по выходу продукции и производственным показателям находится на одном из первых мест среди других оленеводческих районов СССР.

В конце 1958 г. делегация финских оленеводов во главе с депутатом Сейма, председателем Союза оленеводов Финляндии г. Юрье Алэруйка посетила Ненецкий национальный округ, где ознакомилась с хозяйством оленеводческого колхоза «Нарьяна ты», с бытом и культурой колхозников, а также встретила с оленеводами Ненецкого оленсовхоза и сотрудниками сельскохозяйственной опытной станции. В своих публичных выступлениях Ю. Алэруйка дал высокую оценку успехам советских оленеводов¹⁷.

В 1930-е годы началось создание оседлых баз колхозов. Так, в колхозе ПНОК (ныне им. И. П. Выучейского) в 1934 г. был построен первый жилой дом. А сейчас оседлая база колхоза — радифицированный и электрифицированный поселок, состоящий из одно- и двухквартирных жилых домов, двух скотных дворов, маслозавода, электростанции, здания тундрового Совета и почты. В 1957 г. колхозники достраивали типовую конюшню, строили начальную школу, на которую колхоз выделил 350 тыс. руб. В поселке постоянно работают клуб, библиотека, киноустановка¹⁸. К сороковой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции все оленеводческие колхозы округа имели свои базы оседлости.

Оленеводческие колхозы развивают и другие отрасли хозяйства: пушной промысел, добычу рыбы и новые отрасли, появившиеся в связи с переходом колхозов на оседлость, — животноводство и звероводство. Пушной промысел имеет важное значение в хозяйстве округа; на его территории встречается до 16 видов пушных зверей (песец, горностай, заяц, красная лисица и т. д.). Основным объектом промысла является песец, на долю которого приходится более 80% стоимости заготавливаемой пушнины.

За годы советской власти охотничий промысел в колхозах стал одной из доходных отраслей хозяйства. Государство неоднократно повышало заготовительные цены на пушнину, что стимулировало заинтересованность охотников и позволило увеличить заготовку. С 1930 г. сдача пушнины

¹⁷ Окружная газета «Нарьяна Вындер», № 201, 8 октября 1958; № 41, 27 февраля 1959; «Советская Россия», № 242, 16 октября 1958.

¹⁸ Н. Д. Терентьев, Тундровый колхоз на подъеме, Архангельск, 1957.

государству в денежном выражении увеличилась более чем в семьдесят пять раз, что явилось результатом как повышения заготовительных цен, так и увеличения промысла песка. Если в 1929—1939 гг. среднегодовой вылов составлял около 6 тыс. песцов, то в 1950—1957 гг. ежегодно добывалось почти 11 тыс. шкурок¹⁹.

Большое значение имело проведение охотоустройства и закрепления охотничьих угодий за колхозами, это — одно из условий дальнейшего увеличения добычи пушнины. В последние годы положено начало широкому проведению ряда биотехнических мероприятий в пушном промысле (подкормка, привада зверя), больше внимания уделяется дальнейшим внутриколхозным охотоустроительным мероприятиям, промысловой разведке.

Не менее важное значение имели проведенные несколько лет назад обобществление охотничьих промыслов и переход к оплате охотников по трудодням. Инициатором обобществления охотничьих промыслов был колхоз «Красный Октябрь» Амдерминского района, где за 1956 год от этого промысла получено 917 тыс. руб. дохода; по его примеру успешно проводится обобществление охотничьих промыслов и в других колхозах округа.

Совершенствуются и орудия лова. В результате использования опыта передовых охотников вырабатываются более совершенные типы деревянных ловушек, которые с успехом применяются наряду с железными капканами. Так, нашли широкое применение кормушка-ловушка конструкции С. А. Кожевина, представляющая собой сочетание ящичной ловушки с ловчей ямой, а также карская переносная пасть, сконструированная ненцами-охотниками Амдерминского района И. А. Тайбареем и М. С. Вылкой²⁰. Внесены усовершенствования в традиционный способ лова песка загоном — для этого с 1949 г. применяются сети. Лучшие охотники округа постоянно делятся своим опытом с молодежью.

Еще одна издавна существовавшая в этих местах отрасль хозяйства — рыболовство — также достигла больших успехов за годы существования округа. С 1931 г. по 1956 г. вылов рыбы увеличился в 6,4 раза, причем это увеличение шло не за счет пополнения числа рыбаков на путине, а за счет усиления механизации и внедрения более совершенных орудий лова.

Быстрому подъему вылова рыбы в округе способствовали моторно-рыболовецкие станции; первой в 1933 г. была организована Канинская, в 1937 г. — Печорская, в 1940 г. — Чешская. В настоящее время Канинская и Мезенская станции объединены, а Чешская присоединена к Печорской. Таким образом, в округе имеется одна крупная Печорская моторно-рыболовецкая станция, обслуживающая 25 рыболовецких колхозов и 10 рыботорварных ферм оленеводческих колхозов, два же рыболовецких колхоза Канино-Тиманского района обслуживаются техническими средствами Мезенской моторно-рыболовецкой станции.

В округе добываются в основном ценные породы рыбы — семга, омуль, сиг, навага и др. С 1956 г. канино-тиманскими рыбаками практикуется экспедиционный лов на р. Печоре, куда они доставляются на самолетах. Рыбаки и рыбацки округа добывают высоких производственных показателей. В последнем квартале 1958 г. 15 рыболовецких бригад уже промышляли рыбу в счет 1959 г.²¹

Из новых отраслей хозяйства особенно большое значение приобрело молочное животноводство. До образования округа крупный рогатый скот имелся только у русского населения, жившего по р. Печоре вверх от

¹⁹ А. Н. Крупин, Указ. раб., стр. 28.

²⁰ В. Д. Скробов и С. Кожевин, Охота на песка. Из опыта охотников Ненецкого национального округа, Архангельск, 1957.

²¹ «Нарьяна Вындер», № 218, 1 ноября 1958.

с. Тельвисочного, и частично в Канино-Тиманском районе. Совершенно не было этого вида скота в Большеземельской тундре и в низовьях Печоры.

Учитывая благоприятные природно-экономические условия отдельных районов округа и наличие продуктивной и выносливой породы печорского крупного рогатого скота, колхозы округа стали развивать эту важную отрасль хозяйства. За годы существования округа общее поголовье этого вида скота увеличилось почти в 2,5 раза, общественное поголовье — в 5 с лишним раз. Большинство молочно-товарных ферм (МТФ) базируется в оседлых рыболовецких колхозах, были созданы также фермы и в ряде оленеводческих колхозов. В ближайшее время фермы будут созданы во всех оленеводческих колхозах, где кормовая база позволит иметь скот. Ненцы, не знавшие раньше молочного животноводства, быстро освоили эту отрасль хозяйства. В транспортных целях внедряется также коневодство.

Звероводство — еще сравнительно новая отрасль хозяйства в округе. Первые зверофермы были организованы в 1949 г. в Индигском оленсовхозе и Нижне-Печорской районной заготовительной конторе «Заготживсырь». Обе зверофермы были укомплектованы серебристо-черными лисицами, привезенными из Ширшинского зверосовхоза Архангельской области. В дальнейшем были организованы еще восемь таких ферм, в том числе шесть колхозных и две совхозных. Звероводство в национальных колхозах в основном базируется на отходах оленеводства. Развитие звероводства способствует повышению доходов колхозов и облегчает трудовое устройство коренного населения, живущего на базах оседлости. К 1960 г. намечено иметь в округе 17 звероферм с числом зверей в 1825 голов.

Земледелием занимаются только колхозы Нарьян-Марского и Канино-Тиманского районов (в 1955 г. общая посевная площадь составила всего 163,9 га). Земледелие в округе начало развиваться лишь 15—20 лет назад. Работы Нарьян-Марской сельскохозяйственной опытной станции, а также передовой опыт колхозов и совхозов доказывают полную возможность рентабельного и устойчивого земледелия в округе, поэтому планируется дальнейшее его развитие. В 1960 г. валовой урожай продовольственных культур в округе должен составить: картофеля не менее 2000 т, овощей — 300 т. Особенно важное значение ввиду климатических условий Заполярья имеет развитие тепличного хозяйства (закрытый грунт) с использованием тепловых отходов промышленных предприятий и электростанций.

Большим достижением округа является развитие промышленности. К моменту образования округа на его территории было всего два промышленных предприятия: лесозавод с устаревшим оборудованием и кустарный кирпичный завод в дер. Екуша. За годы советской власти промышленность в округе неузнаваемо выросла. Сейчас насчитывается 216 государственных и колхозно-кооперативных предприятий, которые выпускают валовой продукции на сумму около 150 млн руб. Лесозавод № 51 им. Г. Хатанзейского оснащен новой современной техникой. На территории округа недавно были открыты большие залежи углей Печорского бассейна, и в августе 1957 г. в Большеземельской тундре у р. Хальмер-Ю вступила в строй первая в Ненецком национальном округе шахта. Этим было положено начало освоению угольных богатств далекого Заполярья. В этом же районе построены заводы — цементный и железобетонных конструкций.

Большое развитие получила рыбная промышленность. В настоящее время в округе имеется три рыбозавода: Печорский, Индигский и Канинский, которые располагают многочисленными приемными пунктами и сборочным моторным флотом. Только один Печорский рыбозавод имел в 1956 г. 32 самоходных судна общей мощностью свыше 1500 индикатор-

ных сил, в том числе шесть рефрижераторных судов²². Это позволяет своевременно производить сбор рыбы с тоней и сохранять ее качество. Развивается холодильное хозяйство. Еще в 1950 г. в округе не было ни одного холодильника, в 1957 г. их было около десяти, в том числе один мощный механический в г. Нарьян-Маре. В округе имеются три консервных цеха, один из которых построен в 1957 г. в Нарьян-Маре и оснащен новейшим оборудованием. Есть также копильные цеха. Это дало возможность значительно поднять качество рыбной продукции.

Рис. 1. Промысловый поселок Шойна

Вокруг промышленных центров вырастают благоустроенные поселки (рис. 1). На многих промышленных предприятиях округа работают представители ненецкой народности. Их процент еще очень невелик, но процесс образования рабочего класса из числа ненцев понемногу идет. К сожалению, этот процесс еще недостаточно изучен.

За годы существования округа получили развитие различные виды средств сообщения. С начала образования округа были проложены специальные тракты, связывающие населенные пункты. К 1933 г. протяженность наземного тракта составляла 2900 км. В настоящее время регулярные поездки на оленях и собаках упразднены (сохраняются только на лошадях — в зимнее время), их заменили самолеты, на которых можно попасть в любой населенный пункт. Олени и собаки используются только для связи между бригадами, для охоты и т. д. В летнее время из Архангельска в Нарьян-Мар и другие пункты пароходы совершают регулярные рейсы. Все населенные пункты связаны телефоном или радиотелеграфом с районным и окружным центром. Работает широкая сеть агентств и отделений связи.

Особенно большие изменения за последние тридцать лет произошли в области культуры и быта населения. В 1925 г. Комитет Севера при Президиуме ВЦИК признал необходимым создание на Севере культурных баз. Культбазы организовывались и строились в самых глухих, отдаленных местах, там, где проходили пути кочевания оленеводов. В 1927 г. была создана первая культбаза Хоседа-Хард («Дом у Березовой сопки»),

²² А. Н. Крупин, Указ. раб., стр. 44—45.

ставшая центром культурно-воспитательной работы среди оленеводов Большеземельской тундры. Несколько позднее была создана вторая, Колоколовская культбаза в местечке Табседа, обслуживавшая оленеводов Малоземельской и Тиманской тундр. Культбазы представляли собой комплексные учреждения: при них имелись школы, больницы, культурно-просветительные учреждения, ветеринарные и зоотехнические пункты. Работа проводилась не только на базе, но и в тундре. Культбазы сыграли большую роль в развитии хозяйства и культуры ненцев на социалистических началах.

Ненецкие школы с самого начала стали создаваться как школы-интернаты, где дети содержались на полном государственном обеспечении. При кочевом образе жизни основной массы населения и низком еще уровне его материальной обеспеченности это была единственная возможная форма обучения детей. После XVI съезда партии, который дал директиву о проведении всеобщего начального обучения в стране и ликвидации неграмотности среди взрослого населения, строительство школ в Ненецком округе развернулось еще большими темпами. Так, если в 1930 г. в округе было 19 школ (из них 5 ненецких), а в 1940 г. — 39 (в том числе 15 ненецких), то в 1956 г. была уже 61 школа (из которых 24 ненецких)²³.

Огромное значение имело создание письменности на языках народов Севера, и в частности на ненецком. Еще в конце XVIII и особенно в XIX в. отдельные исследователи (П. С. Паллас, архимандрит Вениамин, М. А. Кастрен) занимались изучением ненецкого языка, однако результаты их работ остались лишь достоянием ученых. Только в советское время появились необходимые условия для создания письменности и литературы на языках народов Севера. В 1930 г. по решению партии и правительства был создан Институт народов Севера, просуществовавший до 1941 г. Научными сотрудниками этого Института Г. Н. Прокофьевым, А. П. Пырерка, Г. Д. Вербовым была проведена большая работа по изучению ненецкого языка. В 1932 г. вышел первый ненецкий букварь «Jadej wada» (Новое слово), составленный Г. Н. Прокофьевым. В последующие годы были изданы учебники для первых четырех классов ненецкой школы, художественная и общественно-политическая литература для внеклассного чтения. В настоящее время занятия в подготовительном и первом классах ведутся на ненецком языке, во втором-четвертом классах ненецкий язык преподается как учебный предмет. Первоначальное обучение на родном языке способствует скорейшему овладению русским языком и другими предметами. В школах округа широко внедряется политехнизация обучения. На лето учащиеся разъезжаются в родные колхозы, где применяют на практике полученные знания. Школьников отправляют в пионерские лагеря южных районов Архангельской области, в Артек и т. д.

С 1931 г. существует Нарьян-Марское педагогическое училище. За эти годы оно выпустило несколько сот учителей, в том числе много ненцев и коми. Большинство выпускников работает в национальных и русских школах округа. Учителя — ненцы и коми — повышают свое образование в высших учебных заведениях Ленинграда, Архангельска, Омска и других городов СССР. В округе имеются и специальные учебные заведения: Окружная сельскохозяйственная школа, готовящая квалифицированные кадры для оленеводческих колхозов и совхозов; Окружная культурно-просветительная школа, выпускающая заведующих красными чумами, сельскими клубами, избами-читальнями, библиотеками и др.

В основном с неграмотностью и малограмотностью взрослого населения в округе покончено. Если в 1933 г. грамотных среди взрослого на-

²³ А. Н. Крупин, Указ. раб., стр. 52; См. также: П. И. Леонтьев, Трудовое воспитание в школах Ненецкого национального округа, Архангельск, 1957.

селения было всего 12% ²⁴, то в настоящее время среди оленеводов грамотных более 93%. Не ликвидировали свою неграмотность и малограмотность только люди пожилого возраста.

Создана широкая сеть детских учреждений. Открыто свыше 30 детских садов и три дома ребенка. В детские сады все больше вовлекаются дети тундрового населения. Большое место занимают разнообразные культурно-просветительные учреждения. В Ненецком округе имеется 4 дома культуры, окружной музей, 12 клубов, 17 красных чумов, 7 изб-читален, десятки колхозных и профсоюзных клубов, свыше 50 библиотек, 18 кино-стационаров, 31 кинопередвижка. 10 колхозов приобрели киноустановки для своих клубов, готовят кадры киномехаников. Все культурно-просветительные учреждения снабжены радиоустановками, у многих имеются радиотрансляционные пункты, широко практикуется местное радиовещание. Выпускаются окружная и две районные газеты общим тиражом 5500 экз. ²⁵ Книги, газеты, журналы стали обычным явлением в домах и чумах самых отдаленных уголков тундры. Произведения молодых ненецких писателей и поэтов часто можно видеть на страницах окружной газеты. Издается литературно-художественный сборник «Заполярье», где печатаются лучшие стихи и рассказы ненцев ²⁶.

Красные чумы проводят большую культурно-просветительную и санитарно-гигиеническую работу среди кочевого населения. В штате каждого красного чума — заведующий, культработник, учитель, медицинский работник и киномеханик. Работники красных чумов проводят лекции, беседы, демонстрацию кинокартин, работу по ликвидации неграмотности и малограмотности, медицинское обслуживание населения, организуют выступления художественной самодеятельности. При каждом красном чуме имеются переносные бани-палатки ²⁷.

С каждым годом улучшается медицинское обслуживание трудящихся тундры. До революции на всей современной территории округа было только два медицинских пункта с двумя койками. К 1930 г. в округе имелись уже четыре больницы с 32 койками и пять фельдшерско-акушерских пунктов, а в 1957 г. — восемнадцать больниц с 325 койками и сорок три фельдшерских и фельдшерско-акушерских пункта. Населению оказывается постоянная специализированная медицинская помощь. Работают хирургические, рентгеновские кабинеты. Широко используется санитарная авиация для оказания неотложной помощи. В результате резко снизилась общая и детская смертность среди ненцев, а рождаемость и естественный прирост ненецкого населения в последние годы даже выше, чем средний прирост населения в округе. Исчезли характерные для прошлого социально-бытовые и инфекционные болезни — оспа, трахома и др. Следует отметить большое число детей в ненецких семьях. Так, в колхозе «Северный полюс» Канино-Тиманского района из 46 ненецких семей в 17-ти (37%) — от трех до семи детей ²⁸.

Непрерывно растет материальное благосостояние населения округа, в частности — ненцев. Большинство колхозов добилось высокой стоимости трудодня — свыше 20 руб. деньгами, не считая мяса и оленьего сырья. Об улучшении материального положения населения свидетельствует и постоянный, все увеличивающийся рост торговой сети, товарооборота и общественного питания (стоит отметить, что многие ненцы, живущие в промышленных центрах и промысловых поселках, питаются в столовых). Только с 1930 по 1956 г. товарооборот увеличился более чем в 150 раз.

За годы советской власти из среды ненецкого народа выросли кадры

²⁴ «Сов. Север», 1934, № 1, стр. 80.

²⁵ А. Н. Крупин, Указ. раб., стр. 54.

²⁶ «Заполярье», Литературно-художественный сборник, Архангельское книжное изд-во.

²⁷ Бани-палатки приобретают также многие колхозы для оленеводческих бригад.

²⁸ Материалы экспедиции автора на Канинский п-ов летом 1958 г.

партийных, советских и комсомольских работников, работников просвещения и здравоохранения. В течение нескольких лет бессменный председатель Окружного исполнительного комитета — ненец П. М. Хатанзейский; депутатом Верховного Совета СССР является председатель Канино-Тиманского райисполкома В. Н. Ледков. В этом году трудящиеся округа выдвинули в Верховный Совет РСФСР заведующую молочно-товарной фермой колхоза «Харп» М. П. Выучейскую; секретарем Окружного комитета ВЛКСМ работает Т. И. Сядэйский. Многие ненцы возглавляют колхозы, руководят партийными организациями. Среди тружеников оленеводства, рыболовства, пушного промысла и других отраслей хозяйства немало заслуженно пользующихся славой в округе и за его пределами.

Коммунисты и комсомольцы округа находятся в первых рядах строителей коммунизма. Число членов КПСС и ВЛКСМ непрерывно растет. В 1931 г. в тундре были всего четыре партийные ячейки, объединявшие 31 коммуниста; в 1933 г. — четырнадцать ячеек, включавших 103 коммунистов²⁹. Сейчас партийные организации имеются в каждом колхозе.

Ненцы трудятся во всех областях народного хозяйства вместе с русскими и коми. Много лет работает в области просвещения русский — А. И. Рожин, автор большинства учебников ненецкого языка для начальной школы, в совершенстве овладевший ненецким языком. Огромной любовью и уважением пользуются многие русские врачи, десятки лет работающие в суровых условиях Севера. Большинство оленеводческих колхозов многонациональны по своему составу. Колхоз им. И. П. Выучейского Нарьян-Марского района объединяет 107 ненецких хозяйств, 4 русских и 3 коми³⁰; колхоз имени В. И. Ленина Канино-Тиманского района — 47 ненецких хозяйств, 18 коми, 6 русских; колхоз «Красное знамя» того же района — 49 хозяйств коми и русских, 9 — ненцев³¹. Так в результате ленинской национальной политики осуществляется на практике дружба народов нашей страны даже в самых отдаленных ее уголках.

* * *

За годы советской власти, и особенно за годы существования округа, в хозяйственной и культурной жизни ненцев произошли, как мы видели, огромные изменения. Через преодоление пережитков родового строя, через борьбу с шаманством и кулачеством, через осуществление коллективизации и преодоление экономической отсталости ненцы при братской помощи русского народа, под руководством Коммунистической партии и Советского правительства добились коренного преобразования всей своей жизни и стали полноправными членами социалистического общества.

XXI съезд КПСС поставил новую величественную задачу перед советским народом — переход к развернутому строительству коммунистического общества. Главные задачи этого периода, говорится в докладе Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», — создание материально-технической базы коммунизма, дальнейшее укрепление экономической и оборонной мощи СССР и одновременно все более полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей народа.

Ненецкий национальный округ в предстоящем семилетии пойдет по пути дальнейшего развития промышленности и сельского хозяйства, повышения культурного уровня и материального благосостояния населения. Значительно расширится промышленность, базирующаяся на разработке

²⁹ «Сов. Север», 1934, № 1, стр. 89.

³⁰ Н. Д. Терентьев, Указ. раб., стр. 9.

³¹ Материалы экспедиции 1958 г.

полезных ископаемых, особенно угля; одновременно будут продолжать свою работу экспедиции по разведке нефти, газа, угля и др. Развитие рыбной промышленности будет идти по пути увеличения вылова рыбы, повышения качества выпускаемой продукции и расширения ее ассортимента. Предполагается освоение новых водоемов, внедрение прогрессивного метода лова семги путем перекрытия рукавов Печоры, строительство рыбо-разводного завода по выращиванию ценных пород рыбы. Предусмотрено увеличение выпуска мясной продукции, в связи с чем в Нарьян-Маре будет построен мясокомбинат с мощным холодильником и другим современным оборудованием. Намечена дальнейшая реконструкция лесозавода им. Г. Хатанзейского. В 1959 г. будет пущен в эксплуатацию столлярно-мебельный цех, что поможет скорейшему удовлетворению потребности в мебели жителей новых поселков.

В сельском хозяйстве основным направлением явится повышение продуктивности оленеводства и молочного животноводства. Учитывая, что дальнейшее увеличение поголовья оленей ограничивается существующей кормовой базой, необходимо закончить организацию правильного пастбищеоборота во всех колхозах и совхозах округа. Перед оленеводами стоит задача максимально сократить непроизводительные потери оленей, увеличить вес забойного контингента, довести маточное поголовье до 60—65 процентов. Существенным является своевременное и полное проведение зоотехнических и ветеринарных мероприятий и племенной работы. Следует реорганизовать забойные пункты, одновременно по возможности приблизив их территориально к местам реализации продукции или упорядочив вывоз мяса. Дальнейшее развитие получают животноводство и звероводство.

В настоящее время ставится вопрос об объединении Ненецкого оленеводческого совхоза, сельскохозяйственной опытной станции и лугомелиоративной станции. Этот проект предусматривает повышение продуктивности оленеводства, молочного животноводства и звероводства, увеличение площади под огородными культурами. Кроме того, объединенное хозяйство может явиться хорошей производственно-учебной базой для Ненецкого зооветеринарного техникума³².

Наряду с увеличением производства сельскохозяйственных продуктов, важнейшей задачей является снижение себестоимости продукции. Важен вопрос и об оплате труда. В округе уже имеется опыт перевода рыбаков и оленеводов-колхозников на оплату по общеколхозным трудовым дням. Наиболее экономически крепкие колхозы следует готовить к переходу на денежную оплату труда. Необходимо лучше организовать отдых колхозников.

В связи с задачами строительства коммунистического общества перед Ненецким национальным округом встает ряд крупнейших вопросов, решение которых — дело ближайшего будущего. Важнейшей проблемой на ближайшее время остается вопрос о кочевом быте коренного населения, связанном с ведением оленеводческого хозяйства. Как уже упоминалось, к сороковой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в основном было закончено строительство баз оседания во всех оленеводческих колхозах округа. За последние годы на оседлый образ жизни перешло 290 семейств из числа членов оленеводческих колхозов. В результате появления баз стали возможными такие отрасли хозяйства, как звероводство, молочное животноводство, земледелие.

Однако строительство поселков способствовало переходу на оседлость лишь незначительной части населения, связанной с новыми отраслями хозяйства, строительными работами и т. д. Члены оленеводческих бригад и большая часть их семей продолжают вести кочевой образ жизни.

³² «Нарьяна Вындер», № 235, 25 ноября 1958; № 8, 11 января 1959 г.

Как известно, олени стада подчиняются определенному режиму перекочевок: весной — к северу, нередко до самого берега моря, где олени меньше страдают от комаров и мошкар; осенью — обратно к югу, к границе лесов, где олени, укрытые от холодных зимних ветров, без особого труда добывают себе корм из-под рыхлого снега. Маршруты перекочевок некоторых колхозов достигают нескольких сотен километров, поэтому ежегодно в течение всех месяцев весеннего и осеннего сезонов пастухи и их семьи непрерывно кочуют (летом и зимой расстояния и частота перекочевок сокращаются). Оседлые базы многих колхозов расположены как раз в районе весенне-осенних пастбищ, т. е. в местах, мимо которых

Рис. 2. Оседлая база колхоза «Северный полюс» Канино-Тиманского р-на

оленоводы обычно проходят особенно быстро, не имея возможности задерживаться. В этих случаях колхозный поселок фактически не играет почти никакой роли в жизни членов оленеводческих бригад.

Приведу пример: стада колхозов «Северный полюс» и имени В. И. Ленина в зимнее время выпасаются в лесах к западу от р. Мезень. В течение марта — июля оленеводы двигаются вдоль западного побережья Канинского полуострова на север и доходят до отрогов Канинского Камня. Оседлая база первого из названных колхозов (рис. 2) находится вблизи поселка Кия, расположенного в ста с небольшим километрах от летних пастбищ. Однако в летнее время доступ к поселку затруднен, ввиду обилия пересекающих местность рек, а зимой стада уходят к югу на 250—300 км от поселка. Поэтому необходимые покупки легче произвести в находящемся поблизости от зимних пастбищ городе Мезени. Оседлая база колхоза им. В. И. Ленина — поселок Чижа находится на половине пути между зимними и летними пастбищами. Так же обстоит дело во многих других колхозах.

Естественно, что чум как жилище по своим удобствам не может сравниться с домом. В связи с конусообразной формой чума значительная часть площади может быть использована только для сна, в чуме невозможно употребление иной мебели, кроме низеньких столиков и т. д. Железные печки недолго сохраняют тепло, поэтому недостаточная температура внутри чума и резкие ее колебания вынуждают оленеводов длительное время находиться в меховой одежде и затрудняют выполнение правил гигиены; в чумах отсутствует электрическое освещение; кочевой образ жизни затрудняет нормальное культурное обслуживание, снабжение и т. д.

Неудивительно, что все чаще можно слышать высказывания о необходимости скорейшего перехода на оседлость всего населения тундры. Не так давно окружная газета «Нарьяна Вындер» опубликовала в порядке обсуждения статью ненца В. Ледкова «О перспективах развития северного оленеводства», где автор высказывает ряд интересных соображений по поводу ведения оленеводческого хозяйства в условиях перехода оленеводов к оседлому образу жизни³³. На примере колхоза «Нарьяна ты» В. Ледков показывает, что переход на оседлость всего населения тундры даст возможность развивать экономику оленеводческих хозяйств в более рациональных формах, повысит производительность труда, поднимет культурно-просветительную работу. Автор предлагает в колхозах округа, ставших экономически крепкими, могущими приобрести у государства транспортные средства, необходимые для осуществления смены дежурств пастухов (небольшие самолеты, вертолеты, гусеничные вездеходы), предоставить возможность всем членам оленеводческих бригад жить на базах оседания с выездами в стада лишь на период дежурства. При этом целесообразно, по мнению автора, установить еженедельную, ежедекадную, а там, где это нужно, ежемесячную или даже посезонную смену дежурств, так как практикуемая в условиях кочевого оленеводства ежесуточная смена не может обеспечить рентабельность использования техники.

Имеются и другие предложения, связанные с реорганизацией оленеводства: о строительстве промежуточных баз; о замене чума как производственного жилища переносными домиками облегченных конструкций; о введении полувольного выпаса оленей в изгородах в летне-осенние периоды и т. д. В связи с широким применением различных препаратов для опрыскивания оленей в летнее время с целью защиты их от гнуса и с практикой подкормки оленей солью правомерна постановка вопроса о возможности выпаса оленей круглый год в более южных районах, без вывода их на побережье.

Указанные мероприятия, проводимые с непременным учетом особенностей каждого колхоза, могут способствовать переходу основной массы оленеводов Ненецкого национального округа на оседлость уже в ближайшее время.

В колхозах с длинными маршрутами кочевания для этой цели должно послужить, очевидно, строительство дополнительных поселков в районе зимних пастбищ, с тем чтобы пастухи, обслуживающие стада в зимний период, оставались на лето в поселке, выполняя другие виды работ и сдавая стада другой группе пастухов, базирующейся в поселках, находящихся ближе к летним пастбищам. В отдельных случаях возможен пересмотр маршрутов в сторону их сокращения. В колхозах, где маршруты кочевания не имеют большой протяженности, по-видимому, достаточно организации смены пастухов с помощью современных средств сообщения. Большое будущее за полувольным выпасом оленей, для чего необходимо усиленное истребление хищников.

Таким образом, нам представляется, что разрешение вопросов, связанных с кочевым образом жизни, для оленеводов Ненецкого национального округа должно идти по пути постепенного перехода на оседлость всего населения тундры, при одновременной реорганизации методов ведения оленеводческого хозяйства. Ни в коем случае не следует практиковать перевод на оседлость только членов семей пастухов при сохранении старых методов выпаса оленей. Это вело бы к отрыву главы семьи от других ее членов на долгое время.

Большое значение имеет также вопрос о национальных формах культуры в условиях дальнейшего развития ненецкого народа. Матери-

³³ «Нарьяна Вындер», № 18, 25 января 1959 г.

альная и духовная культура ненцев складывалась на протяжении многих веков. Появились формы хозяйства и быта, соответствующие природным условиям района их расселения: оленеводство и связанные с ним кочевой образ жизни и переносное жилище; средства передвижения, единственно возможные в тундре при существовавшем уровне техники; одежда, максимально приспособленная к климатическим условиям севера. Постепенно в результате общения с представителями русского народа произошло взаимное проникновение элементов культуры русского и ненецкого населения. Русские, связанные с оленеводством, восприняли одежду, жилище, средства передвижения от ненцев. С другой стороны, ненцы, переходящие к оседлому образу жизни, заимствовали многие элементы культуры у русских (меблировка и убранство жилых комнат, использование конного транспорта и т. д.). Среди всех групп ненцев в настоящее время широко бытует одежда (костюмы, платья, белье) русского покроя из различных тканей. Национальная меховая одежда используется как верхняя и снимается при входе в помещение. Коми, занимающиеся оленеводством, тоже заимствовали у ненцев элементы культуры, связанные с оленеводством, а также (с некоторыми изменениями) жилище и одежду³⁴.

Какие же элементы традиционной культуры ненцев сохраняются надолго и какие уже сейчас имеют тенденцию к исчезновению? По-видимому, будут продолжать существовать такие отрасли хозяйства, как оленеводство и охота, сохраняются такие средства сообщения, как оленье и собачья упряжки для передвижений, непосредственно связанных с производством (выпас оленей, осмотр капканов и т. д.). Безусловно сохранится национальная верхняя меховая одежда. На протяжении XIX—XX вв. она претерпела некоторые изменения. В частности, бытовавшие прежде на более широкой территории (возможно, у всех ненцев) малица с воротником (без капюшона) и женская шуба из меха бобра, белки, выдры с опушкой из собачьего меха вытеснились всюду, за исключением Канинского полуострова, малицей с капюшоном и шубой из оленьих шкур, орнаментированной вставками из темного и белого меха³⁵. В современном своем виде верхняя меховая одежда (малица, совик, женская шуба, шапки, обувь) полностью сохранилась у всех групп ненцев как у оленеводов, так и у живущих в поселках³⁶. Как мы упоминали, она воспринята многими коми и русскими, живущими в тундре. Интересно, что в связи с более регулярным завозом в послевоенные годы в тундру сукна традиционных цветов (зеленого, желтого, красного, черного) возродилась традиция украшать меховую одежду сукном (особенно на Канинском полуострове).

Сохраняется, по-видимому, некоторые виды пищи. Несмотря на то, что в рацион ненцев прочно вошли печеный хлеб, масло, сахар, молоко и другие покупные продукты, ненцы (да и многие русские старожилы) до сих пор употребляют в пищу сырое мясо и рыбу. Видимо, медицинским работникам следует подробнее заняться изучением влияния сырой пищи на организм и проблемой предупреждения связанных с ней глистных заболеваний.

У ненцев слабо сохранились пережитки родового строя, а на европейском севере они вовсе исчезли. Дольше сохраняются пережитки древних религиозных представлений. Еще и сейчас в тундре можно встретить «священные места», проезжая мимо которых пожилые люди оставляют кусочки сукна, монетки, а иногда и забивают на этом месте оленей. В похоронном обряде еще сохранился обычай класть вместе с покойником

³⁴ См. В. Н. Белицер, Очерки по этнографии народов коми, М., 1958, стр. 60, 249, 372.

³⁵ Такие шубы появились, по-видимому, в результате влияния хантов, заимствовавших в свое время меховую одежду у ненцев и внесших в нее свои изменения.

³⁶ Материалы экспедиций автора к ненцам в 1949, 1953 и 1958 гг.

одежду и различные предметы. Представления, возникшие во времена, когда люди не могли объяснить многих явлений и считали, что удачу в промысле могут приносить духи, неуместны сейчас, когда так неизмеримо выросла культура народа. Молодежь, как правило, не придерживается уже этих представлений. Работникам красных чумов и учителям следует терпеливо разъяснять отсталой части населения несовместимость этих обычаев с социалистической идеологией.

Ненцы создали богатый фольклор, являющийся важным источником для изучения прошлого этого народа. Носителем устного творчества является старшее поколение. Необходимо систематически проводить записи фольклорных произведений, которые сохраняют для молодежи и для науки ненецкий эпос, сказки, песни.

Все ненцы, за исключением живущих долгое время вместе с русскими (например, в Нарьян-Маре) или с коми (юг Большеземельской тундры), сохранили в быту родной язык. Так, по-ненецки говорят на Канинском полуострове, в Малоземельской и на севере Большеземельской тундры³⁷. В этих районах дети дошкольного возраста, как правило, не знают русского языка. Плохо еще знают русский и многие взрослые. Представляется необходимым сохранять пока преподавание в начальной школе на ненецком языке с переходом на русский в третьем классе и преподавание ненецкого языка как учебного предмета в старших классах. Одновременно в тех районах, где большинство населения лучше говорит на ненецком, чем на русском, следует усилить проведение культурно-массовой работы (беседы, обсуждение просмотренных кинофильмов и т. д.) на родном языке.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном вопросе. Как известно, ненцы живут не только в Ненецком национальном округе Архангельской области, но и составляют основное население северной части Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области и западной части Таймырского национального округа Красноярского края. Все группы ненцев, начиная с живущих на Канинском полуострове и кончая живущими по берегам Енисея, имеют одинаковый тип хозяйства, ведущая отрасль которого — оленеводство, и связанные с ним элементы культуры. Поэтому многие современные задачи, стоящие перед ненцами Ненецкого округа, стоят и перед ненцами других округов. В последнее время связь между ненецкими округами несколько оживилась, однако она совершенно недостаточна. Необходимо наладить постоянную связь в виде обмена опытом, кадрами и т. д., тем более, что контакты между европейскими и азиатскими ненцами существовали в далеком прошлом.

Успехи Ненецкого национального округа являются свидетельством торжества ленинской национальной политики в нашей стране. Ненцы, одна из наиболее отсталых народностей царской России, ныне в братской семье народов СССР уверенно идут по пути строительства коммунизма.

SUMMARY

The Nenets National District, the first of the national districts to be formed in the north of the Russian Federation, was established thirty years ago.

As a result of the steady implementation of the national policy of the Communist Party and the Soviet government, the Nentsy, formerly one of the most economically and culturally backward peoples of the Far North, have in the years of Soviet power scored important achievements in the upbuilding of Socialist society.

The main branch of economy among the Nentsy, reindeer breeding, is now developing on the basis of the achievements of modern science, with the District's reindeer breeders all belonging to collective farms. Following a gradual transition to settled rein-

³⁷ Это относится и к зауральским ненцам, которых мы не касаемся в настоящей статье: ненцы Ямала, Тазовской тундры и низовьев Енисея полностью сохранили родной язык.

deer breeding on the collective farms, new branches of economy have developed — dairy farming, breeding of fur-bearing animals and, in some areas, crop-raising. Local resources began to be utilized, collieries and fisheries springing up in the District.

The past thirty years also witnessed tremendous changes in the culture and mode of life of the people. Before the Great October Socialist Revolution the great majority of the Nentsy were illiterate. Today general education has become a reality for the North. There is a ramified network of cultural-educational and medical institutions. The people's living standards have soared.

In the current seven-year period the Nenets National District will continue to develop its agriculture and industry; the people's cultural and living standards will show a further rise.

Together with the other fraternal peoples of the USSR, the Nentsy are firmly launched on the path of the upbuilding of Communist society.

Б. И. ВАЙНБЕРГ

К ИСТОРИИ ТУРКМЕНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ XIX в. В ХОРЕЗМЕ

Кочевой и полукочевой образ жизни большинства туркменских племен вплоть до установления Советской власти в Туркмении послужил причиной того, что в дореволюционной, а иногда и в советской литературе отрицалось существование туркменской народной архитектуры¹. Юрта часто считалась единственным жилищем туркмен. Появление у них оседлого жилища некоторые исследователи относили к периоду 1920—1930-х годов². В публикациях дореволюционных путешественников и исследователей Туркмении все же иногда, хотя и довольно скупо, описываются имевшиеся у туркмен, наряду с юртами, примитивные глинобитные постройки, «глинобитные ограды, околы стен которых внутри расположены крытые конюшни, хлевы и загоны для скота; внутри такого двора ставится кибитка хозяина»³. Постройку их эти авторы чаще всего приписывают узбекским, таджикским или персидским мастерам. Южно-Туркменистанской археологической и Хорезмской археолого-этнографической экспедициями были обнаружены и исследованы памятники народной туркменской архитектуры, в том числе и оседлые жилища туркмен⁴. Довольно развитая и своеобразная архитектура была обнаружена не только у тех туркменских племен, которые издавна жили на одной и той же территории и занимались в основном оседлым земледелием

¹ А. В ам б е р и, Очерки Средней Азии, М., 1868, стр. 106; П. И в а н о в, Ыж — кибитка, «Туркменоведение», 1930, № 8—9, стр. 47, сл.; В. Л. В о р о н и н а, Народные традиции архитектуры Узбекистана, М., 1951, стр. 126, и др.

² П. И в а н о в, Основные типы жилища туркмен в переходный период, «Туркменоведение», 1930, № 11, стр. 7—9; его же, Хозяйственные приспособления туркменского жилища и дворовые постройки туркменского двора, «Туркменоведение», 1930, № 12, стр. 10—12.

³ «Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Составлено Ген. штаба кап. Гиршфельдом, переработано нач. Аму-Дарьинского отд. ген.-майором Галкиным» (в дальнейшем цит.: Гиршфельд и Галкин, Указ. раб.), ч. II, Ташкент, 1903, стр. 124; см. также М а к - Г а х а н, Военные действия на Оксусе и падение Хивы, М., 1875, стр. 262; И. Авдакушин, Санитарный обзор Аму-Дарьинского отдела с 1887 по 1891 г., «Материалы по характеристике Сыр-Дарьинской области», 1882, стр. 12; Е. Марков, Россия в Средней Азии, СПб., 1901, стр. 274; А. А. М и х а й л о в, Туземцы Закаспийской области и их жизнь, Асхабад, 1900, стр. 39—40, и др.

⁴ В. А. Л е в и н а, Д. М. О в е з о в, Г. А. П у г а ч е н к о в а, Архитектура туркменского народного жилища, «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции» (в дальнейшем цит. ЮТАКЭ), т. III, М., 1953; В. А. Л е в и н а, Поздние туркменские поселения и жилье южного Туркменистана, Автореферат кандидатской диссертации, Ташкент, 1954; Г. А. П у г а ч е н к о в а, Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958; Б. В. А н д р и а н о в и Г. П. В а с и л ь е в а, Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в., «Изв. АН ТССР», 1957, № 2, стр. 103—105; их же, Покинутые туркменские поселения XIX века в Хорезмском оазисе, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР» (в дальнейшем цит. КСИЭ), вып. XXVIII, 1958, стр. 41—45; Б. И. В а й н б е р г и Г. С. К о с т и н, Гоклен-медресе, КСИЭ, вып. XXX, 1958, стр. 100—109.

(али-эли, анаули, мурчали, нухурли), но даже у таких полукочевых в основном племен, как иомуты в Хорезме и теке в южной Туркмении и Хорезме. Теке и иомуты, прочно оседая на землю и развивая земледельческо-скотоводческое хозяйство (первые — в районе Атрека и Мервского оазиса, вторые — на западных границах Хорезмского оазиса), создавали оседлые жилища.

На большой пустынной территории левобережного Хорезма — в междуречье старых русел Дарьялыка и Даудана почти вплоть до Сарыкамыш — до сих пор сохранились полуразвалившиеся туркменские усадьбы и целые селения XIX в. К югу от Даудана они встречены в урочище Уаз. Изредка одинокие развалины таких же построек встречаются и среди колхозных полей к северу от Дарьялыка (до Айбугирской низменности). Результаты исследования этих поселений и излагаются в настоящей статье.

Архитектурно-археологическое обследование развалин туркменских построек и наряду с этим изучение разнообразных источников — данных хивинских хроник и архивов⁵, описаний путешественников и исследователей прошлого века⁶, картографического материала⁷ и этнографических сведений, полученных от стариков-туркмен современной Ташаузской области Туркменской ССР⁸, — позволили довольно определенно очертить границы расселения туркмен на «землях древнего орошения» левобережного Хорезма в XIX в. и выяснить историю многочисленных туркменских поселений.

Туркмены, издавна тяготевшие к северо-западным районам Хорезма, с начала XIX в. получили возможность поселиться на окраинах Хивинского ханства, так как мощные прорывы амударьинских вод в старое русло Дарьялык позволили оросить здесь большие массивы старых залежных «земель древнего орошения». Значительная часть этих вновь освоенных земель была роздана в виде атлычных держаний за нукерскую службу туркменам⁹, с конца XVIII в. ставшим военной опорой утвердившейся в Хивинском ханстве Кунградской династии.

На всей этой обширной территории от Айбугира на севере до Заунгузских Кара-Кумов на юге и от чинка Устюрта и Сарыкамыш на западе до культурной полосы Хивинского ханства на востоке поселились турк-

⁵ Хроники Муниса и Агехи использованы по переводу в кн.: «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (в дальнейшем цит. МИТТ), т. II, стр. 323—638; извлечения из хроники Баяни в русском переводе даны в книге Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней», Ташкент, 1957, гл. VII; П. П. Иванов, Архив хивинских ханов XIX в., Л., 1940; Ю. Э. Брегель, Расселение туркмен в Хивинском ханстве в XIX в. (по материалам архива хивинских ханов), Сб. «Страны и народы Востока», М., 1959.

⁶ Наиболее ценны следующие описания: И. Г. Данилевский, Описание Хивинского ханства, «Записки Русского географического общества», кн. V, СПб., 1951; Гиршфельд и Галкин, Указ. раб.; А. И. Глуховской, Пропуск вод р. Амударьи по старому ее руслу в Каспийское море, СПб., 1893; А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г., «Записки РГО по отд. географии», т. IX, СПб., 1881.

⁷ Из картографического материала наиболее ценна карта 1905 г., приложенная к книге Лобачевского «Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район», Ташкент, 1912.

⁸ В 1955—1956 гг. поселения туркмен XIX в. в урочище Уаз и в районе Кандумкалы изучала Г. П. Васильева, ею же в течение ряда лет собран большой этнографический материал о расселении туркмен в XIX в. на территории современных Куняургенчского и Ленинского районов. В 1957 г. отряд Хорезмской экспедиции под руководством автора настоящего сообщения специально занимался изучением туркменских поселений XIX в. по Дарьялыку и в урочище Уаз, причем, наряду с архитектурно-археологическим обследованием памятников, был собран значительный историко-этнографический материал по изучаемым районам.

⁹ Ю. Э. Брегель, Землевание у туркмен в Хивинском ханстве в XIX в., «Сов. востоковедение», 1957, № 3, стр. 123—137. Атлык (от слова «ат» — конь) — земельный надел, давался ханами туркменам за военную службу. Подробнее см. в указанной статье.

мены, в основном иомуты подразделения байрам-шали (родовые подразделения — салак, окуз, ушак, орсукчи) и часть иомутов подразделения карачока, или шериф-джафарбай (родовые подразделения — коджук, машрык, бага, бехельке). Лишь изредка встречаются поселения других туркменских племен: емрели, карадашлы, теке, сакар, чоудор.

В 1850-х годах, в период иомутского восстания, а затем вплоть до прихода русских туркменам описанных районов приходилось вести жестокую борьбу с ханами за землю и воду. Чтобы подчинить непокорных туркмен, ханы строили заградительные плотины на протоках, питавших водою Дарьялык, и таким образом лишали туркменские поля воды. И хотя туркмены часто разрушали ненавистные плотины, приток воды в эти районы непрерывно уменьшался и к концу XIX в. совсем прекратился.

В течение всей второй половины XIX в. туркмены использовали все прорывы амударьинских вод в Дарьялык (как образовавшиеся в результате разрушения плотин, так и немногочисленные естественные прорывы) для того, чтобы продолжать заниматься земледелием на освоенных землях, и упорно, до последней возможности держались за созданные ими оседлые поселения.

Первые описания покинутых туркменских поселений XIX в. в Хорезме приведены в работах Б. В. Андрианова и Г. П. Васильевой¹⁰. Типология поселений и жилищ в этих работах неточна и неполна, так как авторы ее располагали еще небольшим материалом, полученным в результате первых полевых исследований 1955 г. Сплошное обследование покинутых туркменских поселений XIX в., проведенное в большинстве районов на «землях древнего орошения» левобережного Хорезма в 1956 и 1957 гг., позволяет в настоящее время пересмотреть предварительные заключения и дать более точную и полную типологию оседлых туркменских поселений XIX в. в Хорезме.

На территории «земель древнего орошения» левобережного Хорезма, освоенных туркменами в XIX в., бытовали три типа поселений: укрепленные родовые (родоплеменные) поселения (сенгир, кала); рассредоточенные сельские поселения так называемого —хуторского» типа (обá) и торгово-ремесленные поселения (базар).

Укрепленные родовые поселения

Поселения этого типа были основаны в периоды обостренных отношений с соседями (чаще всего казахами) или с ханским правительством. Большинство таких укреплений встречается на западной окраине Куны-Ургенского района. Близ чинка Устюрта, откуда в начале XIX в. постоянно нападали отряды казахской феодально-племенной знати¹¹, сохранились развалины ряда иомутских укреплений. Из них Караул-кала, Эрез-кала и Чардере принадлежали иомутам родового подразделения салак, Кемки-кала — подразделению орсукчи кемки¹², Коджук-кала — подразделению коджук. Немного юго-западнее, в районе плотины Егенклыч на Дарьялыке находятся развалины укрепления машрыков — Машрык-сенгир, и др.¹³ (рис. 1, I).

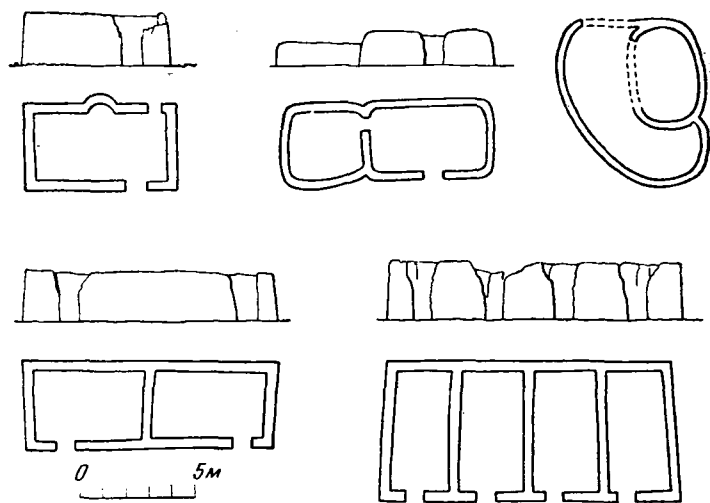
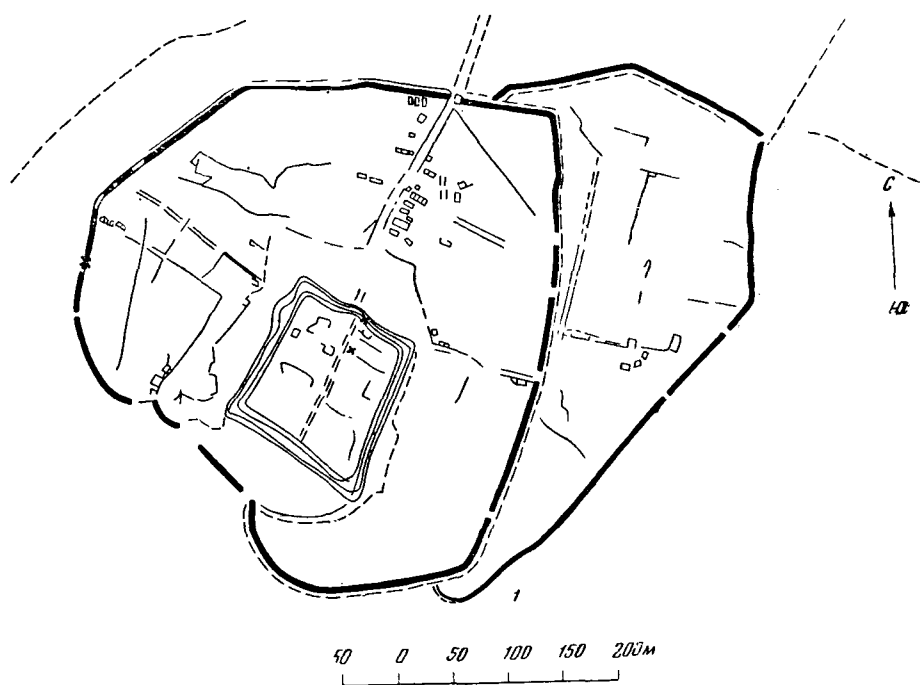
В первой половине XIX в. в урочище Уаз (на северной границе Заунгузских Кара-Кумов) в связи с обострением текинско-иомутской вражды

¹⁰ Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева, Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений, стр. 101—104; их же, Покинутые туркменские поселения..., стр. 41—44.

¹¹ «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, Ашхабад, 1957, стр. 68.

¹² Г. П. Васильева, Итоги работ Туркменского отряда за 1948 г., «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 453; Полевая запись автора, № 20 за 1957 г. (хранится в Ин-те этнографии АН СССР).

¹³ Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева, Указ. работы; Полевые записи автора, № 20, 24 за 1957 г.

2

Рис. 1. Укрепленное туркменское поселение. Теке-сенгир: 1 — план; 2 — типы построек внутри сенгира

возникло укрепление Теке-сенгир, служившее текинцам для защиты от поселявшихся в урочище иомутов (рис. 1, 2).

Вероятно, в период иомутского восстания 1850-х годов против хивинских ханов к югу от Дарьялыка, в районах наиболее интенсивного расселения туркмен, возникает ряд временных укреплений — сенгиров. Во время полевых исследований 1957 г. развалины сенгиров были встречены нами в районах поселения сакаров к юго-западу от Куня-Ургенча и в районе Ханабада. К северо-востоку от Мангыр-чардере обнаружен сенгир иомутов, упоминающийся в хивинской хронике¹⁴, и Емрели-кала — укрепление туркмен-емрели. Во второй половине XIX в. туркменских укреплений в этом районе было значительно больше, чем сохранилось до наших дней. На карте 1905 г.¹⁵ во многих местах к югу от Куня-Ургенча стоят пометки «сенгир», часто без всяких дополнительных названий; ряд укреплений, построенных иомутами, помнят здесь информаторы¹⁶. В западной части урочища Ат-крылган (район к югу от плотины Салак-бент на Дарьялыке) у арыка Орсукчи нами был обнаружен сенгир подразделения орсукчи, построенный, очевидно, в то же тревожное для туркмен время — в середине XIX в.

Некоторые из этих укреплений — такие, как Эрез-кала, Чардере, Кемки-кала, Коджук-кала, по описанию обследовавшей их Г. П. Васильевой, — небольшие глинобитные крепости. Внутри такой «кала» помещалось несколько юрт. Скот находился в загороженных местах под открытым небом или под навесами, устроенными у стен крепости¹⁷. Большей частью туркменские укрепления представляли собой глинобитные или обнесенные земляным валом и рвом крепости различных размеров и конфигурации. Внутри них располагались землянки, жилые и хозяйственные глинобитные постройки, чаще всего вытянутые в ряды, образующие таким образом отдельные линии. Землянки также были жилые и хозяйственного назначения (для скота, припасов и т. д.). Внутри этих укреплений нередко оставались места для установки юрт. В укреплениях, построенных, очевидно, в более короткий срок, преобладают землянки, внутренняя площадь гуще застроена, мест для юрт почти совсем нет. Так выглядят развалины сенгиров сакаров, сенгира иомутов в районе Ханабада, сенгира орсукчи в Ат-крылгане и наиболее поздняя восточная пристройка Теке-сенгира в Уазе. Крепостные стены туркменских сенгиров и кала сделаны из пахсы, они небольшой толщины (от 0,9 до 1,3—1,5 м), сверху сужены (до 50—40 см), стены вверху в некоторых случаях оформлены зубцами; снаружи укрепление почти всегда было обнесено рвом. Укрепления в плане чаще всего неправильные.

Жилища внутри сенгиров (если это не землянки) построены, как и большинство жилых построек Хорезма этого времени, из пахсы, перекрытия у них были плоские (в настоящее время от перекрытий ничего не сохранилось, остались лишь отверстия для балок), ширина помещений, обусловленная длиной балок, не превышает 3—4 м. Жилища в плане представляют собой чаще всего одно- или двухкамерные постройки, примыкающие друг к другу или стоящие на небольшом расстоянии. Встречаются и многокамерные дома, но число их в большинстве укреплений незначительно. Обычно одно из помещений дома служило жильем для семьи, здесь же хранили продукты и т. п., другое предназначалось для скота. Значительная часть населения, судя по хорошо сохранившейся застройке Теке-сенгира, сенгиров сакаров и орсукчи, имела однокомнатные дома. Построек общественного характера в описанных укреплениях, за редкими исключениями, нет. В Теке-сенгире и Машрык-сенгире сохра-

¹⁴ МИТТ, т. II, 563.

¹⁵ См. Лобачевский, Указ. раб.

¹⁶ Полевая запись автора, № 2 за 1957 г.

¹⁷ Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 453.

нились развалины небольших мечетей, включающих, кроме самой мечети, одно или несколько помещений. Вокруг большинства туркменских укреплений располагались поля с разветвленной системой ирригационных каналов.

Сельские поселения «хуторского» типа

Большинство туркменских поселений XIX в. в районе Дарьялыка, а также к северу и к югу от него — сельские поселения так называемого хуторского типа (оба), с раннего средневековья характерного для Хорезма. Этот тип селений возник и продолжал жить в Хорезме, как и в ряде других мест, в соответствии с социально-экономическими отношениями феодального общества. Обычно по ответвлениям больших каналов селились отдельные родовые подразделения туркмен. Родовой принцип расселения почти всегда строго соблюдался. Группа усадеб членов одного родового подразделения, расположенная вдоль одного канала, образовывала разбросанное селение, внутри которого усадьбы ближайших родственников находились поблизости одна от другой. Вообще усадьбы в таком селении обычно расположены на расстоянии от 50 до 500 м одна от другой, чаще всего вблизи магистрального канала. Рядом с усадьбой находились поля ее хозяев. Изредка на заброшенных полях можно видеть остатки низких (около 50 см) загородек, некогда разделявших участки. Какого-либо общественного центра большинство туркменских поселений не имело. Базары в таких селениях отсутствовали; на базар ездили в основном в Куня-Ургенч и Актепе (ныне Ленинск). Развалины мечетей имеются лишь в немногих поселениях. Больше всего их встречено при обследовании поселений в урочище Уз. Часто эти мечети были построены в усадьбах баев или ишанов (рис. 2, 24ж). Встречаются и мечети, подобные описанным выше, обнаруженным в туркменских укреплениях. В урочище Уз существовали две купольные мечети. На территории, заселенной туркменами в XIX в., имелось несколько медресе, построенных в основном тогда же. Медресе эти являлись религиозными центрами довольно большой округи. Наибольшей известностью у туркменского населения пользовались Гоклен-медресе¹⁸ и Айлак-медресе (в северной части Уза).

В селениях даже при беглом осмотре развалин обычно выделяются большие усадьбы одного или нескольких баев, державших в подчинении окрестное население. К богатым усадьбам примыкают и большие массивы полей. При обследовании туркменских поселений XIX в. мы столкнулись с довольно большим разнообразием во внешнем облике и планировке усадеб, поэтому предлагаемая ниже типология жилищ туркменских поселений «хуторского» типа намечает лишь основные линии развития туркменского жилища в Хорезме. Все многообразие туркменских усадеб Левобережья в XIX в. можно в общем виде свести к пяти основным группам (рис. 2).

1. Наиболее простыми по планировке были жилища бедняков (рис. 2, 1). Обычно это был одно-, двухкамерный глинобитный дом, ориентированный чаще всего входом на юг; иногда около него устраивали небольшой загон для скота, обнесенный невысокой пахсовой стеной (рис. 2, 2, 4, 6). В нескольких случаях встречены однокомнатные дома с айванами с северной и южной стороны дома (рис. 2, 8). Перед айваном ставили юрту. Наиболее бедные туркмены жили в землянках или полуземлянках с одним или двумя помещениями (рис. 2, 5). Описанные усадьбы не имели ни дворов, ни специальных хозяйственных помещений. Развалины таких усадеб встречаются во всех районах левобережного Хорезма.

¹⁸ См. Б. И. Вайнберг и Г. С. Костин, Указ. раб.

II. Довольно четкую группу образуют многокамерные дома с коридором, по одной или обеим сторонам которого располагались жилые и хозяйственные помещения (рис. 2, II). Состоятельностью хозяина определялись как размеры дома, так и число помещений. Коридор чаще

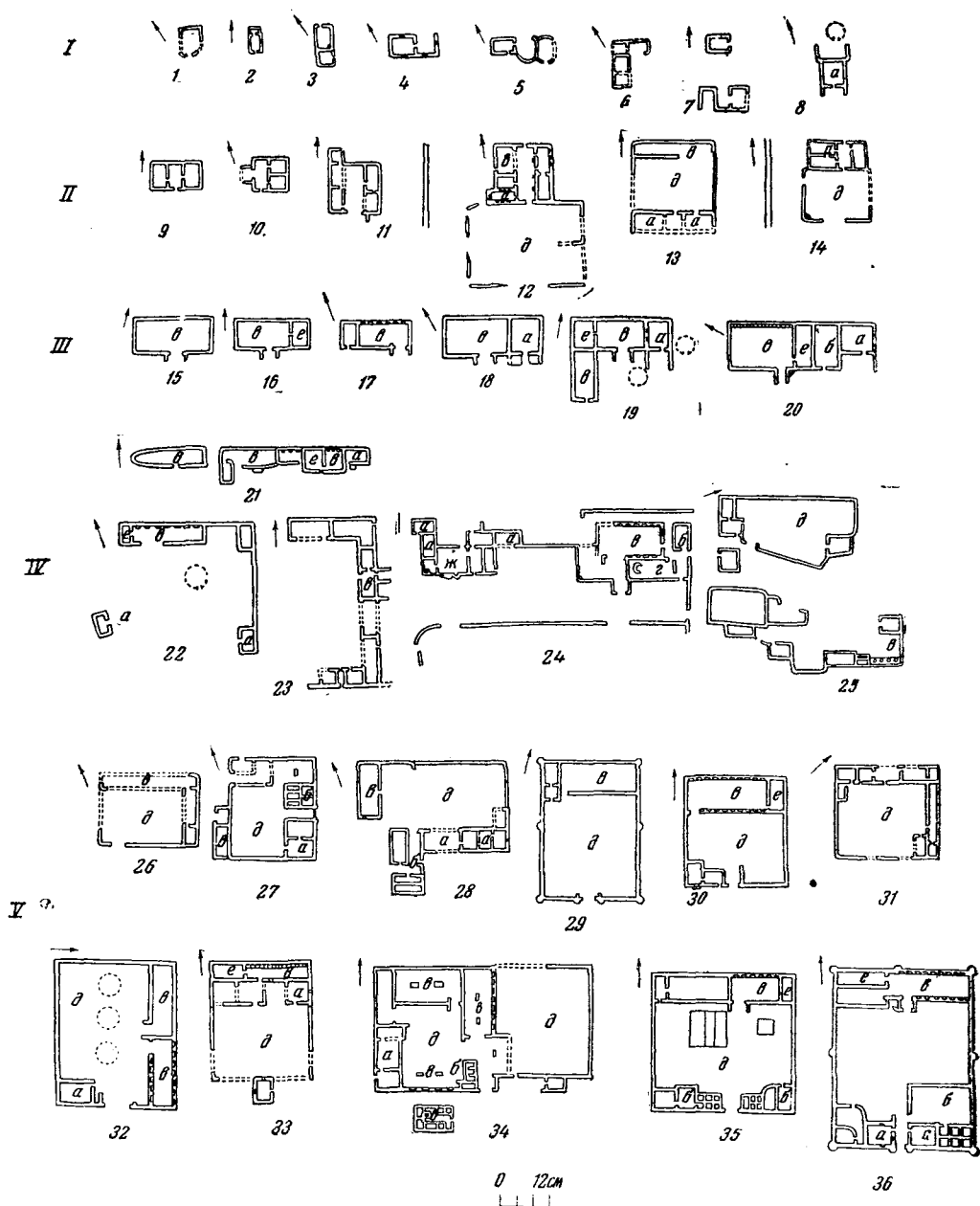

Рис. 2. Типы планировки туркменских жилищ в поселениях «хуторского» типа: а—жилые помещения, б—кладовые, в—помещения для скота, г—мельница (хараз-там), д—дворы, е—помещения для сена (саман-хана), ж—мечеть

всего был ориентирован меридионально, входом на юг. В некоторых случаях вместо коридора устраивали проходную комнату, в которую выходили двери из других помещений, чаще всего расположенных по одну сторону от проходного (рис. 2, 10). Иногда стены этого помеще-

ния или коридора делали выше стен соседних комнат и устраивали помещение со сквозной вентиляцией типа закрытых высоких айванов современного туркменского дома. Помещения, расположенные по сторонам коридора, в основном были жилыми или хозяйственными (типа кладовых); довольно редко в развалинах этих домов встречаются конюшни, хлевы, чаще же всего для мелкого скота к дому пристраивали дворы и загоны (рис. 2, 12—14). Большая часть жилищ описанного типа встречена в покинутых поселениях сакаров, в остальных районах они встречаются реже, совсем их не обнаружено при обследовании поселений урочища Уз. Нужно отметить также, что этот тип туркменского жилища обнаруживает большую близость к современным жилищам туркмен-сакаров и эрсари, живущих в Чарджоуской области.

III. Даже при беглом знакомстве с покинутыми туркменскими поселениями выделяется группа одно-, трехкамерных построек, где жилые помещения часто отсутствуют (рис. 2, III). В простейшем виде основное место в такой постройке занимает обширная конюшня, вытянутая в широтном направлении, с кормушками у северной (северо-восточной) и частично южной стены, с широким входом вроде ворот в южной стене (рис. 2, 15). Вход обычно оформлен двумя выступающими стенками типа ант. Рядом с такой постройкой ставили юрту. Иногда в одной стороне конюшни выделено помещение для сена (рис. 2, 16). Наиболее развитый вариант усадьбы этого типа имеет уже небольшую жилую комнату, пристроенную чаще всего с восточной стороны (всегда почти справа от входа в конюшню); перед этой комнатой делали небольшой обращенный к югу айван с суфами по сторонам от прохода, ведущего к двери в комнату. Юрту ставили перед айваном (рис. 2, 18—20). Обычно длина комнаты с айваном равна ширине конюшни. Усадьбы такого типа строили добротнo, высота их почти всегда на ряд пахсы выше большинства усадеб, стены комнат над нишами иногда украшены. Среди обследованных развалин встречаются усадьбы описанного типа, усложненные позднейшими пристройками хозяйственных помещений, а иногда и дворов. Распространены усадьбы этого типа были в Ханабаде к северу от Мангыр-чардере, в районе Каттакар-чардере, в низовьях Сипай-яба и в селении айлаков в северной части Уза. Как удалось выяснить у информаторов, а также из исторических и картографических источников, большинство таких усадеб принадлежало иомутам родового подразделения салак.

IV. Меньше всего поддается точной характеристике выделяемая нами группа туркменских усадеб с жилыми и хозяйственными постройками, расположенными либо в одну линию, либо под углом, иногда довольно разобщенно, при отсутствии двора или ограды, объединяющих все строения в один комплекс (рис. 2, IV). В этой группе мы встречаемся с разнообразием планировки, с большим количеством различных пристроек и переделками, изменившими первоначальный облик усадеб. Встречаются такие усадьбы во всех районах покинутых туркменских поселений XIX в. Переходными от этой группы к следующей являются усадьбы, в которых жилые и хозяйственные постройки расположены вокруг какой-либо (квадратной, прямоугольной, неправильной в плане) площадки. Ограниченное постройками пространство представляет собой зародыш внутреннего двора, объединяющего все строения усадьбы (рис. 2, 22, 25).

V. В последнюю группу можно выделить усадьбы с двором и примыкающими к нему постройками, обнесенные высокой (в 3—4 ряда пахсы) глухой глинобитной стеной (рис. 2, V). Усадьбы этого типа различны по своим размерам и дают большое число вариаций в планировке, что чаще всего определялось состоятельностью их хозяев. По большей части это прямоугольная в плане усадьба, окруженная глухой глинобитной стеной, вытянутая меридионально, чаще всего со входом в южной (юго-восточной или

юго-западной) стене. Внутри вдоль стен усадьбы расположены, преимущественно в южной части, хозяйственные и жилые постройки; в центре во дворе помещали юрту (иногда несколько юрт); в северной части двора, у стены находились помещения для скота. Иногда они отсутствуют (рис. 2, 29, 30, 32). В усадьбах более богатых хозяев планировка усложнена, увеличивалось в первую очередь число и размеры помещений для скота, в особенности для лошадей и крупного рогатого скота. Иногда встречаются двухэтажные кладовые (телек), поставленные почти всегда на углу усадьбы или у входа (рис. 2, 27, 28, 34—36), реже — мельницы (хараз-там). Постройки и здесь располагали по периферии усадьбы, оставляя в середине незастроенный двор, где ставили юрты, иногда устраивали легкие загоны для скота; в ряде развалин найдены землянки для скота. Иногда внешние стены этих усадеб имеют ложные башенки (кунгре), придающие им облик древних маленьких крепостей (рис. 2, 29, 36); аналогичный прием бытовал у узбеков Хорезма, Самарканда и у туркмен южной части Туркмении¹⁹.

К этой же группе можно отнести и усадьбы, не имеющие такого правильного геометрического плана, а в силу подчинения рельефу местности или позднейших перестроек получившие неправильную конфигурацию; но они также обнесены стеной, и принцип расположения построек в них тот же. Часто в таких усадьбах можно отметить перестройки, производившиеся, очевидно, в связи с выделением новых семей, так как отдельные комплексы жилых и хозяйственных помещений здесь повторяются.

Усадьбы немногих крупных туркменских баев строились специально приглашенными узбекскими мастерами. Они по внешнему облику смыкаются с описываемой группой; это такие же прямоугольные в плане усадьбы, обнесенные глинобитной стеной, чаще всего с ложными башенками (кунгре). Внутри эти усадьбы обычно разделялись идущим от входа коридором на мужскую и женскую половины (чего не отмечается в других туркменских усадьбах) с многочисленными жилыми и хозяйственными помещениями. Имеются помещения без крыш или двора, где ставили юрты. В глубине усадьбы отделяли двор для скота, либо ставили крытую конюшню с саман-ханой (помещением для сена). Иногда часть хозяйственных строений перенесена тоже в эту часть двора.

Строительным материалом для жилых и хозяйственных построек туркмен и в этих поселениях служила пахса. Стены возведены без фундамента. В усадьбах наиболее состоятельных хозяев над первым, невысоким слоем пахсы сделана изолирующая от грунтовой воды и солей прокладка из камыша или мелкого хвороста. Наружная и внутренняя поверхности стен заглажены, но изредка их поверхность покрыта мелким рифлением из вертикальных желобков (делали это по сырой глине). Другие украшения встречаются редко (о них см. ниже). По сведениям, приводимым информаторами, перекрытия в помещениях были плоские, балочные. Поверх балок клали иногда циновки, чаще крупные прутья и хворост; сверху насыпали небольшой слой земли, после чего все это обмазывали глиной. В перекрытиях, обычно посередине, делали отверстие (туйнук) для освещения и выхода дыма. Очаги в помещениях были большей частью открытые, в развалинах от них почти не сохранилось остатков. В богатых домах иногда встречаются каминь (мор) с дымоходом в толще стены (в селении айлаков в Уазе, в Ат-крылгане). В усадьбах туркмен XIX в. при всем разнообразии их планировки в различных комбинациях сочетались следующие элементы:

1. Одной или несколькими небольшими по размерам жилыми помещениями (рис. 2, а). В очень немногих усадьбах жилые помещения отсутствовали, их полностью заменяла юрта. Во всех домах,

¹⁹ В. Л. Воронина, Указ. раб., стр. 42, 47; В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Указ. раб., стр. 67—70.

кроме самых богатых, в этих же помещениях принимали гостей. В усадьбах, где не было отдельных помещений для хранения припасов, жилая комната служила и кладовой. В стенах этих помещений встречаются разнообразные по форме и размерам ниши, расположенные на разной высоте в пределах человеческого роста. Над нишами на стене прочерчивали орнамент. Иногда встречается мотив бараньих рогов.

2. Помещения для скота (рис. 2, в) также составляли необходимую часть туркменских усадеб. Разнообразие и размеры их зависели от состоятельности хозяев. В бедных усадьбах, хозяева которых имели минимальное количество скота, — это всего лишь небольшое помещение или даже невысокая загородка, примыкающая к жилому строению. Не только в бедных, но иногда и в более состоятельных хозяйствах помещением для скота служила полуземлянка (дөле), надстроенная одним, реже — двумя рядами пахсы. У наиболее бедных хозяев помещений для скота совсем не было. В более состоятельных домах для скота строили крытый хлев, а нередко и отдельное помещение для сена (саман-хана) (рис. 2, е). С увеличением достатка хозяев увеличивалось число помещений для скота. Отдельно ставили конюшни и помещения для крупного рогатого скота с кормушками (ахыр) вдоль стен. Чаще всего в этих районах ахыры делали на высоте около 70—90 см в виде выемки в толще стены до самого ее верха (размером 70—100×30—50 см), трапезиевидные или прямоугольные в плане. Помещения для овец кормушек не имели и обычно отделялись от конюшен и помещений для крупного рогатого скота. Кроме этих постоянных и закрытых помещений для скота, иногда невысокой стеной внутри двора или вне его отгораживали загоны.

3. Далеко не во всех усадьбах имелись специальные кладовые (телек) (рис. 2, б). Существовало несколько типов таких помещений. Часто это была просто отдельная комната с разнообразными нишами в стенах; иногда часть ее площади или вся кладовая делилась на отдельные закрома (ахыр), где хранилось зерно и пр., с невысокими (до 70 см) глинобитными перегородками. В таких помещениях, как, впрочем, часто и в жилых, над полом в стенах делали небольшие отверстия для вентиляции; в холодное время года их замазывали. Наиболее интересны двухэтажные телеки, встречающиеся в разных районах. Их обычно ставили на углу усадьбы, а иногда и вне ее стен. Входили на второй этаж по глинобитной лестнице (текчек), пристроенной к телеку. Зерно и другие продукты чаще всего хранили в закромах описанного типа на втором этаже, что предохраняло от сырости и грызунов. Среди всех построек хорезмских туркмен только на этих двухэтажных телеках встречается прочерченная по глине в виде геометрических фигур орнаментация на внешней стороне стен, это выделяет такие телеки из всех построек и позволяет предположить, что орнаментирование их представляет собой реликт какого-то древнего обычая, связанного с помещением, где хранились основные пищевые продукты²⁰.

4. Внутри усадеб состоятельных туркмен имелись иногда помещения для мельниц (хараз-там) (рис. 2, г), где на круглом глинобитном возвышении устанавливали мельничные жернова, приводимые в движение животными. Нередко хараз-там строили за пределами усадьбы вблизи ее стен.

5. Во многих усадьбах туркмен имелись дворы (рис. 2, д), обнесенные глинобитной стеной; вдоль стен их располагались жилые и хозяйственные постройки, а внутри ставили юрты.

6. Юрта продолжала широко бытовать у туркмен в XIX в. В большинстве усадеб во дворе или, при отсутствии его, у стен дома можно и

²⁰ В южной Туркмении этот обычай орнаментации двухэтажных кладовых тоже бытует. См.: В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Указ. раб., стр. 69; Г. А. Пугаченкова, Указ. раб., стр. 462.

сейчас обнаружить следы площадок, на которые ставили юрты. Лишь самые бедные хозяева не имели юрт. Иногда в усадьбе ставили несколько юрт, чаще всего чтобы отделить женатых сыновей.

7. В некотором отдалении от глинобитного жилища и юрты, а иногда даже вне пределов двора усадьбы (если он имелся) устраивали кухонные очаги и тамдыры (очаги для выпечки лепешек); последние иногда выносили на значительное расстояние от усадьбы. Среди развалин встречаются остатки сделанных над землей тамдыров, бытующих и теперь у туркмен Хорезма, а также «землянные тамдыры», полностью заглубленные в грунт.

8. Для дополнения общей картины туркменских поселений нужно отметить еще поставленные полукругом с южной стороны чигирей пахсовые стены с опирающимся на них навесом, служившие для защиты работавших у чигиря людей и животных от солнца. Иногда близ чигирей вместо такого навеса имелась землянка (полужемлянка) или небольшой пахсовый дом в одну комнату, так как чигири чаще всего устанавливали вдали от жилья.

Торгово-ремесленные поселения

Третий тип туркменского поселения, так называемый базар, в XIX в. не получил распространения в Хорезме. Во время полевых исследований 1957 г. к северо-западу от Куня-Ургенча, в низовьях канала XIX в. Есаулбаши, близ крепости Кызылча-кала нами были обнаружены развалины неизвестного поселения такого типа.

Рис. 3. Базарный поселок у Кызылча-кала. Часть южной улицы

Как удалось выяснить путем сопоставления сведений, полученных от информаторов, с данными, приводимыми Ф. Базинером и А. В. Каульбарсом, а также с картографическим материалом и результатами обследования развалин²¹, «базар» у Кызылча-кала был создан туркменами в начале 1830-х годов, вероятно при содействии, а возможно и по инициативе ханского правительства (построившего здесь даже резиденцию хакима) в противовес русскому укреплению Ново-Александровскому, находившемуся на берегу залива Мертвый Култук на Мангышлаке. Этот «базар» должен был способствовать укреплению экономических связей туркмен Устюрта и северо-западных окраин Хорезма с Хивинским ханством и помешать укреплению русско-туркменских отношений. В связи с ликвидацией русского укрепления в конце 1830-х годов, вероятно, потерял значение и «базар» у Кызылча-кала, и к 1842 г. он был уже заброшен²².

«Базар» у Кызылча-кала, в противоположность всем подобным поселениям в ханстве, — неукрепленное поселение с четкой планировкой: че-

²¹ См. П. С. Савельев, Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву, «Географические известия», 1849, № 4, стр. 164; А. В. Каульбарс, Указ. раб., стр. 406; «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, стр. 72; Карта Средней Азии, составленная по новейшим сведениям, гравирована при военно-топографическом депо, 1863. «Генеральная карта Оренбургского края и частей Хивинского и Бухарского владений», составлена при генеральном штабе отдельного Оренбургского корпуса и гравирована в военно-топографическом депо, 1851.

²² П. С. Савельев, Указ. раб., стр. 164

тыре параллельные улицы, пересекаемые идущей перпендикулярно им магистральной улицей, упирающейся в дом хакима.

В этом селении, кроме усадьбы хакима, построенной по типу ханских резиденций, но гораздо скромнее, было около ста домов, подобных описанным выше туркменским жилищам (рис. 3), одна небольшая мечеть, два караван-сарая, расположенные на окраинах селения. Планировка жилищ «базара» довольно разнообразна (рис. 4); иногда она сходна с описанной в селениях «хуторского» типа. Около 10—15% домов имеет такую же планировку, как жилища выделенной нами группы II в селениях «хуторского» типа (рис. 4, I, 2, 4, 5; II, 7). Не менее 30% жилищ сходны

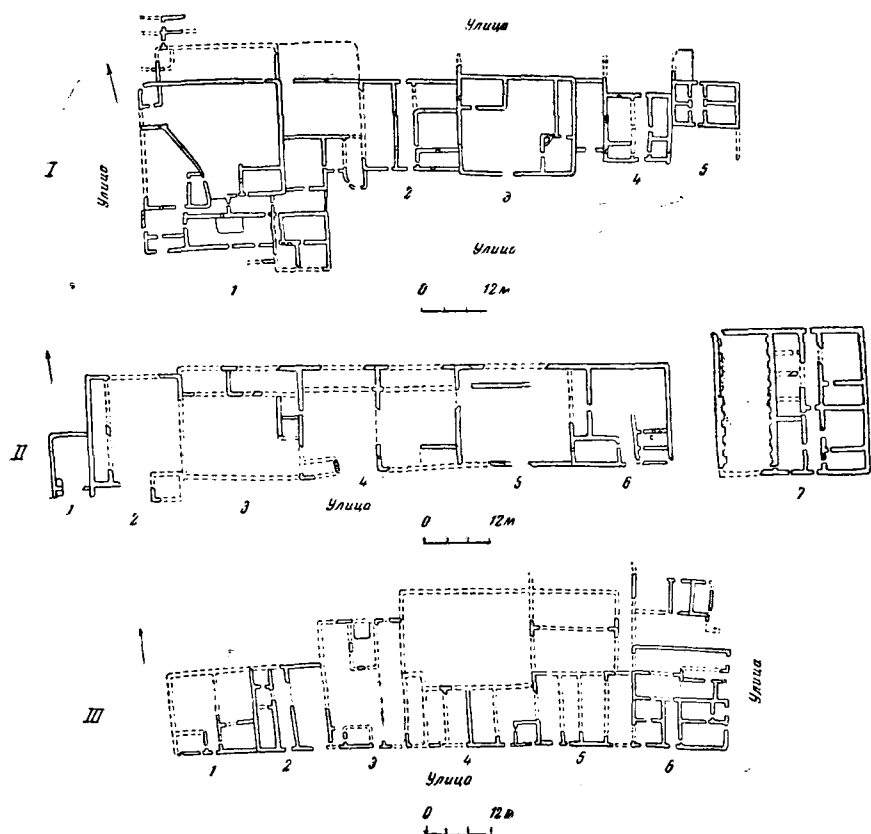

Рис. 4. Типы планировки кварталов в базарном поселке у Кызылча-кала

с группой V усадеб тех же селений. Во дворах этих усадеб, вероятно, ставили юрты, так как жилые помещения нередко отсутствуют или сведены к минимуму (одной небольшой комнате) (рис. 4, I, 3; II 2—6).

Третья группа жилищ, тоже довольно многочисленная, выделяется не совсем четко. Это ряд нешироких и длинных помещений, иногда расположенных по периферии двора, чаще же примыкающих друг к другу (рис. 4, III, 3—5). Длинные помещения иногда делятся поперечными стенами. Назначение этих помещений иногда неясно, вероятнее всего это по большей части жилые и производственные помещения. С этими помещениями часто связаны большие дворы, где помещался скот.

Остальные дома не представляется возможным объединять в какие-либо группы по типу планировки из-за их многообразия. Нередко планировка жилищ подчиняется конфигурации места, оставшегося при застройке квартала, есть дома со сложной и асимметричной внутренней

планировкой, с различными жилыми, хозяйственными и производственными помещениями (например, рис. 4, I, I). В ряде мест селения сохранились следы ремесленных производств: гончарного, железоделательного, хлебопечения. Вдоль магистральной улицы и большинства поперечных были построены айваны, на которых велась торговля.

* * *

Подводя итог нашему описанию, можно с полным основанием отметить, что туркмены на «землях древнего орошения» левобережного Хорезма создавали в основном сельские поселения «хуторского» типа; постройка немногочисленных укрепленных поселений (кала, сенгиров) вызвана была политическими причинами; торгово-ремесленные помещения не получили развития в XIX в.

Вопрос о появлении тех или иных типов туркменских жилищ очень сложен и не может быть решен в отрыве от изучения этнической истории туркменского народа. Хотя на рассматриваемой территории и жили туркмены разных племенных групп, выделить жилища, характерные лишь для отдельных племен, нельзя. Жилища гокленов, емрели, карадашлы сходны с жилищами иомутов — наиболее многочисленного туркменского племени в Хорезме; возможно, это вызвано не только длительным совместным проживанием этих племен, но и какими-то более глубокими связями, возникшими в процессе смешения племен и образования туркменской народности. Несколько обособленную группу представляют, как указывалось, жилища сакаров, что находит, возможно, свое объяснение в разных путях исторического развития иомутов и сакаров²³. Вероятно, это племя сохранило в планировке жилища очень древние традиции, роднящие его в большей степени, чем любое другое туркменское жилище, с узбекским, хотя сакары и не имели близкого культурного контакта с узбеками.

В различных районах «земель древнего орошения» встречаются развалины усадеб почти всех типов; в двух районах — урочищах Уаз и Уришан-баба (последнее к югу от Куня-Ургенча), находящихся в более суровых природных условиях, окруженных песками, строили в основном более замкнутые усадьбы, обнесенные высокой глинобитной стеной, что, по-видимому, предохраняло население от песка при частых ветрах.

Выяснение, там, где это было возможно, родовой принадлежности бывших хозяев иомутских усадеб, позволяет отметить, что у салаков в ряде районов преобладала особая планировка усадеб (выделенная нами группой III), что, возможно, связано с происхождением этой родовой группы, отличным от происхождения других иомутских родов. В связи с тем, что вопрос о сложении и историческом развитии племени иомутов пока еще неясен, нельзя сказать ничего более определенного и о происхождении салакского жилища, тем более что в известных нам памятниках жилой архитектуры древних и современных народов Средней Азии аналогий ему мы пока не обнаружили.

В памятниках народной туркменской архитектуры XIX в. других районов мы находим ряд общих черт с туркменским жилищем Хорезма того времени; ближе всего по типу планировки и внешнему облику многие усадьбы хорезмских туркмен и эрсаринцев приамударьинских районов²⁴.

Несомненны связи туркменской и узбекской народной архитектуры Хорезма (сходство отмечается во внешнем облике усадеб, иногда в планировке), но меньше всего здесь можно говорить о заимствовании турк-

²³ См. Г. И. Карпов, Этнический состав туркмен, Кандидатская диссертация, Ашхабад, 1942, стр. 131—133. (Хранится в библиотеке имени Горького при Московском гос. ун-те.)

²⁴ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Указ. раб., стр. 28—35, 65—69.

менами у узбеков опыта строительства, так как связи эти имеют древнюю основу. В планировке и узбекских и туркменских усадеб XIX в. прослеживаются генетические связи с усадьбами населения раннесредневекового и средневекового Хорезма. Туркменские усадьбы с двухэтажным телеком восходят, по всей видимости, к усадьбам с каптар-ханой и афригидским замкам с донжонами ²⁵.

Можно отметить еще одну древнюю традицию, сказывающуюся в туркменском жилище XIX в. В древнейшей части огузского эпического сказания «Китаб-и-Коркут» ²⁶ сохранилось описание жилища Салор-казана, полностью приложимое к типичным туркменским усадьбам, обнесенным общей стеной, с небольшим числом построек внутри (группа V). Как и в усадьбах туркмен XIX в., жилище Салор-казана имело ограду, о чем свидетельствует неоднократное упоминание ворот ²⁷. Из обращения Салор-казана к разрушенному жилищу можно сделать бесспорный вывод о существовании «внутри ворот» каких-то построек, кроме стоявшего там шатра; особо отмечается «черная кухня» и «место, где сидела мать» Салора ²⁸. О наличии таких построек свидетельствует упоминание о том, что после того как жилище Салор-казана было покинуто и шатры сняты, песок мог засыпать какие-то оставшиеся части поселения.

С. П. Толстов, исследуя города гузов, отмечал, что представление о характере кочевого хозяйства тюркских народов должно быть уточнено ²⁹. Представление о чисто кочевом быте огузов в X—XI вв., позднее и туркмен, сложилось по отчетам чужеземных наблюдателей, которые в первую очередь отмечали несвойственные их собственному быту черты — легкую подвижность населения и наличие кочевых жилищ, развившихся из потребностей полукочевого скотоводства и земледелия. Огузская традиция возведения огороженных усадеб с небольшими постройками и юртами внутри, продолжавшая жить у туркмен в XIX — начале XX в., несомненно должна была существовать в некоторых районах в течение всего средневековья, но, к сожалению, до нас не дошли памятники туркменской жилой архитектуры, созданные ранее XIX в.

Дальнейшие исследования по этнической истории и материальной культуре туркмен позволят, вероятно, разрешить вопрос о происхождении отдельных типов туркменского жилища и еще ярче покажут самобытность народной туркменской архитектуры.

SUMMARY

Recent investigations by the South Turkmenian Archeological Expedition and the Khwarizm Archeological and Ethnographical Expedition have refuted the view denying the existence of permanent dwellings among the Turkmenians and the very existence of a Turkmenian architecture. In 1955-57 surveying parties of the Khwarizm Expedition studied the deserted 19th century Turkmenian settlements, ruins of which still remain on the «ancient irrigated lands» in Khwarizm on the left bank of the Amu-Darya. Information about these settlements was also obtained from some of the older men of Tashauz Region in Turkmenia. The data collected has made it possible to reconstitute the history of the Turkmenian settlements, as well as the geographical location of the tribes and clans in the area.

In the past century the Turkmenians inhabiting this territory had three types of settlements: the walled settlements of a clan or tribe (the sengir or kala), built in the

²⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 128—153, 158—159; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 191—209, 278.

²⁶ В. В. Бартольд, Китаб-и-Коркуд. Текст и перевод раздела «Рассказ о разграблении дома Салор-казана», «Записки Восточного отдела Русского археологического общества», т. XII, вып. 4, СПб., 1900; «Деде Коркут», Перевод В. В. Бартольда, Баку, 1950.

²⁷ В. В. Бартольд, Китаб-и-Коркуд, стр. 38; «Деде Коркут», стр. 29.

²⁸ В. В. Бартольд, Китаб-и-Коркуд, стр. 50—51; «Деде Коркут», стр. 31.

²⁹ С. П. Толстов, Города гузов, «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 100.

periods when the Turkmenians waged wars against the neighbouring peoples or rose up against the rule of the khan; rural settlements with the dwellings spread over a large area, rather in the manner of farmsteads (the oba); and, lastly, settlements of traders and artisans (the bazar). The latter type was practically non-existent among the Turkmenian population of Khwarizm in the 19th century; only one such settlement was discovered near the fortress of Kizylcha-kala.

The present article considers the types of dwellings within each type of settlement. The walled settlements consisted mainly of small clay houses divided into a row of rooms, as well as dugout and semi-dugout dwellings. The rural settlements of the second type present five types of farmsteads. The bazar dwellings near Kizylcha-kala are rather similar in appearance and planning to those of the rural settlements.

The study of the deserted 19th century Turkmenian settlements on the «ancient irrigated lands» of left-bank Khwarizm has led to several important conclusions. The Turkmenians of different tribal groups and clans, it appears, built similar types of dwellings; the only exception are the dwellings of the Sakars and some of the Salaks, a group of the Yomud tribe; this is explained by the specific historical development of these groups of Turkmenians. The relation between the Turkmenian and Uzbek popular architectures in Khwarizm has been established beyond doubt, based as it is not on borrowing but on common traditions dating from early medieval architecture.

Judging by the description of Salor-kazan dwellings contained in the old Oghuz epic of «Quitab-idede Korkut», a certain type of Turkmenian farmstead shows traces of affinity with Oghuz dwellings.

The traditions of Turkmenian popular architecture of the past century have been developed in present-day Turkmenian dwellings in Khwarizm.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ПРОБЛЕМА ВОССОЕДИНЕНИЯ КАМЕРУНА

Специальная XIII сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в феврале — марте 1959 г. рассмотрела вопрос о будущем, статусе подопечной территории Камерун. Сессия заслушала заявления многочисленных представителей Камеруна, которые от имени своих народов потребовали прекращения международной опеки, предоставления независимости и воссоединения в едином суверенном государстве обеих частей Камеруна — западной, находящейся под английским управлением, и восточной — под французским управлением.

Генеральная Ассамблея не прислушалась к этим законным требованиям камерунцев, дружно поддержанным делегациями африканских, некоторых азиатских и всех социалистических государств. Она приняла формальное решение о прекращении опеки и провозглашении 1 января 1960 г. независимости восточной части Камеруна. Принятие этого решения — большое дело. Оно завершает определенный этап борьбы народов Камеруна за свою независимость и создание своего суверенного государства. Резолюция, однако, не предусматривает создания условий, обеспечивающих возникновение подлинно независимого демократического государства и совершенно ясно сформулированных в выступлениях представителей Камеруна. Большинство Ассамблеи поддержало колонизаторские в своей сущности предложения Франции.

Генеральная Ассамблея не приняла никакого решения о независимости Западного Камеруна и обошла молчанием вопрос о воссоединении обеих его частей. Особая резолюция, касающаяся западной части страны, предусматривает проведение раздельного плебисцита в ее северных (середина ноября 1959 г.) и южных (между декабрем 1959 и апрелем 1960 г.) районах. По вопросу об условиях проведения плебисцита в северных районах большинство Ассамблеи приняло английские предложения, явно рассчитанные на то, чтобы присоединить эти районы к английской колонии Нигерии, которая в следующем, 1960 г., получит статус доминиона Британского содружества наций. Ассамблея отклонила все предложения делегаций африканских государств, обеспечивающие свободное волеизъявление народов. Вопрос об условиях проведения плебисцита в южных районах должен быть предметом специального обсуждения на XIV сессии Генеральной Ассамблеи.

В общем обе резолюции по камерунскому вопросу носят явные следы колониализма и не отвечают ни чаяниям народов Камеруна, ни чаяниям африканских народов вообще. Отношение их к этим резолюциям высказал на заключительном заседании Ассамблеи глава делегации Гвинейской республики Измаил Туре. Он говорил о новой опасности, нависшей над народами Африки, — о новых формах колониализма, ко-

торые «более опасны, чем старые формы». Колониальные державы «пытаются по-прежнему эксплуатировать нас и в то же время делают вид, что идут навстречу требованиям независимости колониальных народов». Измаил Туре предупреждал об опасности «контролируемой независимости, фиктивной независимости, дарованной или октроированной независимости». «Проекты резолюций, принятые Четвертым Комитетом благодаря большинству, которое не вызывает у нас удивления, говоря откровенно, не учитывают ни необходимости проконсультироваться с камерунским народом, ни его единодушного желания воссоединения двух частей Камеруна*».

Народы Камеруна продолжают борьбу за воссоединение в суверенном и демократическом государстве. Их по-прежнему поддерживают все народы Африки. Чрезвычайная сессия Постоянного Комитета Конференции народов Африки, состоявшаяся в Конакри (столице Гвинеи) в апреле 1959 г. потребовала, чтобы государства — члены Организации Объединенных Наций пересмотрели резолюцию по камерунскому вопросу. В мае 1959 г. премьер-министр Ганы Кваме Нкрума посетил Конакри, где вел переговоры с премьер-министром Гвинейской республики Секу Туре. Премьеры двух африканских государств подписали коммюнике, в котором заявляют, что резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по камерунскому вопросу «противоречат законным стремлениям народов Камеруна и всему сознательному общественному мнению Африки». Они потребовали, чтобы камерунская проблема была вновь рассмотрена на XIV сессии Генеральной Ассамблеи.

Камерунская проблема остается неразрешенной. Борьба за ее справедливое решение продолжается. В связи с этим редакция журнала «Советская этнография» публикует ниже материалы и исследования, имеющие отношение к проблеме воссоединения Камеруна.

А. С. ОРЛОВА

УРОВЕНЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ КАМЕРУНА К НАЧАЛУ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ АФРИКИ

Изучение истории народов Африки к югу от Сахары крайне затруднено скудостью источников. Особенно скудны сведения, касающиеся древних периодов их истории. Большую услугу оказывают изыскания археологов и изучение устных народных преданий. В равной мере относится это и к довольно сложной истории народов Камеруна. Наибольшей сложностью отличается этническая история Северного Камеруна, что находит отражение в этническом составе современного населения этой части страны. Исторической карты Камеруна пока еще нет. Опираясь на литературные источники, мы попытались составить публикуемую здесь карту; ее следует рассматривать лишь как первое приближение, так как источники, на основании которых она составлена, неточны и неполны.

Северный Камерун вместе с прилегающими к оз. Чад районами Нигерии и Республики Чад¹ в далеком прошлом входил в состав территории распространения культуры сао. Плодородная долина, хорошо орошаемая р. Логоне, раскинувшаяся между горами Мандара и оз. Чад, — одна из древнейших культурных областей Африки и, вероятно, область очень древней государственности.

* United Nations. General Assembly. Thirteenth Session. Provisional Verbatim Record of the Seven Hundred and Ninety-Fourth Meetings. 13 марта 1959, стр. 46—47.

¹ Республики — Чад, Центрально-Африканская, Конго и Габон — французские колонии, получившие по новой конституции Франции статус государств — членов Франко-Африканского сообщества.

Французские археологи Лебёф и Гриоль, открывшие культуру сао, полагают, что она датируется XI в. н. э. Расцвет этой культуры (как и «империи Сао») они относят к XIII в. н. э., корни ее восходят к X, а может быть, и к VIII в. н. э. Открытия французских ученых говорят в первую очередь о существовании там очень плотного земледельческого населения, жившего в больших поселениях, защищенных глинобитными стенами, в глинобитных прямоугольных домах.

Большие сосуды для зерна, бронзовые украшения, подвески, керамика, а особенно — выразительная глиняная скульптура, огромные погребальные урны, зарыты вертикально в землю и увенчанные глиняными опрокинутыми сосудами, возвышавшимися над землей, — таков перечень основных находок. Глиняная скульптура сао поражает своими характерными чертами: огромный, как бы разверзшийся в крике рот с непомерно толстыми губами занимает большую часть лица. Остальные черты едва намечены. От всех изображений веет глубокой архаикой.

Особенности планировки поселений, большая плотность земледельческого населения, высокий уровень ремесленной техники — все это заставляет думать о существовании у сао сильного и древнего государства. Французские ученые считают, что между XII и XIII в. «империя Сао» подчинила своей власти государство Борну. Южные окраины Сао в это время уже населял ряд народов, названия которых частью дожили до наших дней, частью исчезли с карты Африки. Взаимоотношения их с «империей Сао» пока неясны. На севере гор Мандара обосновались матакам. У подножья гор жили майя. Между горами и рекой Логоне кочевали муфу.

Государство и культура сао пали под ударами племен маса, которые, двигаясь с востока и юго-востока, около XV в. пересекли р. Логоне и обосновались в стране. Многие исследователи полагают, что в результате постепенного проникновения в страну и взаимодействия маса и сао сложился новый народ — котоко. Во всяком случае к XVI в. память о сао осталась лишь в преданиях и легендах народов, живущих вокруг оз. Чад.

Некоторые группы маса дошли до подножья гор Мандара, смешались здесь с народом майя, ныне исчезнувшим, и дали начало предкам современных мандаря, заселивших горы и потеснивших ранее обосновавшихся здесь горцев. Часть племен маса, отставшая в своем движении на запад, широко расселилась на берегах р. Логоне вдоль ее течения. Потомки этих маса живут здесь и поныне. Следуя за маса, родственные им музгу заняли район к западу от р. Логоне и к северу от племен маса. По-видимому, примерно в то же время с юга к подножью гор Мандара, подошли племена мунданг, двигавшиеся с юго-востока и принадлежавшие к иной языковой группе, чем народы маса-котоко. В XVI—XVII вв. расселение народов Северного Камеруна приняло в общих чертах тот же характер, что и в наши дни.

Таковы первые наброски сложного процесса этнической истории Северного Камеруна².

Между XVII и XVIII в. в районе гор Мандара возникло сильное государство Мандара, этническую основу которого составил народ того же названия. Это государство распространило свою власть далеко на юго-восток (на район Диамаре). Проникновение с севера, из Борну, ислама привело к исламизации народов, входивших в сферу влияния государства (султаната) Мандара. Относительно характера общественного строя в султанате Мандара нет прямых указаний. Можно лишь предполагать, что

² См.: J. P. Lebeuf et A. Masson-Detourbet, *La civilisation du Tchad*, Paris, 1950; B. Lambezat, *Kirdi, les populations païennes du Nord-Cameroun*, «Mémoires de l'Institut Français de l'Afrique Noire» (в дальнейшем цит. «Mémoires de l'IFAN»), Centre du Cameroun», Serie: «Populations» № 3, 1950, и мн. др.

общественный строй здесь был близок к феодальной организации мусульманских султанатов, протянувшихся в XVI—XVIII вв. от плато Кордофана и Дарфура вплоть до оз. Чад. По существу султанат Мандара был самым южным в этой цепочке мусульманских государств. Вся равнина, лежащая к югу от оз. Чад, в XVIII в. находилась в зависимости от султанов Борну. В горах Мандара сохранили независимость малочисленные народы, укрывавшиеся от врагов в своих неприступных крепостях.

В конце XVIII — начале XIX в. народы Северного Камеруна пережили нашествие воинственных полукочевников-скотоводов фульбе. В течение всего XVIII в. небольшие группы их просачивались постепенно с северо-запада и расселялись среди других народов Северного Камеруна. После востания под главенством Османа дан Фодио и образования в северной Нигерии султаната Сокото сильные отряды фульбе, спустившись через плато Адамауа, к началу 1820 г. вторглись в пределы Северного Камеруна. Хотя они действовали во имя «священной войны» против язычников, презрительно именуемых ими «кирди», первой жертвой фульбе стал мусульманский султанат Мандара. Витог войны и набегов, длившихся десятилетия, фульбе вытеснили мандара из обширного района Диамаре с центром в Маруа (Марва) к границе их этнической территории. Отсюда, из района Маруа, отряды военных вождей фульбе — ламидо совершали набеги в обширном радиусе. Результатом вторжения фульбе была, во-первых, организация ряда небольших государственных образований, так называемых ламидатов, первоначально признававших верховную власть эмирата Иола, а потом объявивших себя независимыми. Только на территории современного французского Камеруна сложилось несколько таких ламидатов — Маруа, Миндиер, Бого, Кальфу и ряд других.

Во-вторых, вторжение фульбе вызвало многочисленные передвижения среди населения равнинной части Северного Камеруна. Во внутренние районы негостеприимных гор Мандара бежали муфу. Музгу ушли со своих плодородных земель на болотистые берега р. Логоне, однако и тут не спаслись от военных отрядов фульбе и были вынуждены подчиниться им.

Установив власть над населением равнинных районов, фульбе оказались не в состоянии подчинить горцев Мандара, которые продолжали жить независимыми родоплеменными общинами в крепостях, выстроенных на вершинах гор. Так, крепости муфу состояли из семи каменных стен, расположенных одна внутри другой. В крепости — поселении вождя племени — сразу же за второй стеной стояло его личное жилище, контролировавшее единственный вход в крепость. Между второй и третьей стеной располагались хижины, в которых жили члены семьи вождя, его приближенные и служители. Остальные пять каменных оград защищали вершину горы. Проникнуть за эти ограды можно было только по подземному ходу. На самой вершине за последней оградой находилось святилище — хижины духов предков.

Поселения, в которых жили семьи простых крестьян, также были основательно укрыты за каменными стенами. Располагаясь на некотором расстоянии от центральной крепости, они тяготели к этому убежищу. Здесь муфу отсиживались от вражеских атак, тут же хранились запасы продовольствия и воды. При всей простоте жизненного уклада муфу, как и других горцев Северного Камеруна, обусловленной в значительной степени необычайной суровостью условий жизни, муфу ушли довольно далеко по пути развития классовых отношений. Сохраняя внешне формы родоплеменного строя, общество муфу знало резкое имущественное расщепление, рабство и сильную власть вождя племени. Достаточно сказать, что муфу и многие другие горные народы Северного Камеруна принимали активное участие в работорговле, регулярно устраивая набеги на равнины.

В обход горного массива фульбе двинулись в центральные районы Ка-

меруна. В жестокой борьбе с их населением фульбе насаждали власть военных вождей и основывали ламидаты. Крупнейшим из них в Центральном Камеруне был Тибати.

Ламидаты фульбе, так же как раньше султанат Мандара, в середине — конце XIX в. представляли собой небольшие княжества. Верховным владельцем земли в пределах своего княжества считался ламидо. Он выделял участки земли в наследственное пользование главе большой семьи, составлявшей основную социальную ячейку общества фульбе. Особо выделялись земли под пастбище и пашню, особо — под застройку. Саре — поселения фульбе-завоевателей — служили местом жительства большой семьи фульбе и были либо разбросаны среди поселений покоренных народов, либо группировались вокруг саре самого ламидо. Рядом с ним ставила свои саре знать фульбе, высшие должностные лица. Далее стояли саре подчиненных и прислуги ламидо, еще дальше располагались саре обслуживавших двор и знать ремесленников, а также богатых торговцев и разносчиков. На самых окраинах селились выходцы из покоренных народов, окружая города завоевателей поясом бедных и обездоленных кварталов. Структура городов фульбе служила своеобразным сколком общественного устройства ламидатов с их резким делением населения на обложенный налогами и поборами, обязанный различными повинностями в пользу знати фульбе покоренный народ (или народы) и привилегированную группу фульбе-завоевателей с не менее резким делением и внутри этой группы — на простонародье (крестьян, пастухов, ремесленников) и знать, пользующуюся в полной мере плодами своего господствующего положения в обществе.

К тому времени, когда Камерун стал объектом империалистической экспансии, наиболее отсталые народы северных районов — горцы Мандара стояли на грани перехода от бесклассового общества к классовому. В равнинных областях возникло несколько феодальных княжеств фульбе, на западных же отрогах гор Мандара существовал феодальный султанат, история которого насчитывала уже несколько столетий.

Население центральных районов Камеруна принадлежит к весьма компактному и ярко очерченному этническому массиву народов восточно-бантоидной группы. К их числу относятся — тикар, бамум, бамилеке, которых роднит большая языковая близость. Исследователи полагают, что наиболее значительные языки этой группы имеют корневую систему, общую с корневой системой языков банту. Родственна языкам банту и грамматическая структура этих языков³. Таким образом, близкие друг к другу народы этой группы по языку тяготеют к третьему большому этническому массиву современного Камеруна — к западным банту.

Много параллелей и связей можно отметить и в культуре бантоидных народов Центрального Камеруна и западных банту. Между тем народные предания сохранили воспоминания о том, что бантоидные народы пришли откуда-то с северо-запада. Так, бамилеке считают, что их далекие предки жили в северной Нигерии. Под давлением других народов они начали медленное движение на юго-восток, пока не обосновались в верховьях р. Мбам. Примерно в одно время с бамилеке в плодородной долине Мбам поселились тикар. Около XV в. в страну проникли бамум, оттеснившие тикар к северу, а бамилеке к югу. В XV в. основные народы бантоидной группы поселились в пределах Центрального Камеруна.

Примерно к этому же времени народная традиция бамум относит возникновение у них государства. Однако сопоставление основных фактов истории бамум и окружающих народов привело исследователей к выводу, что официальная версия народных преданий преувеличивает древность государства бамум. Основание его относится к концу XVII — началу XVIII в.

³ J. Dugost, Inventaire ethnique du Sud-Cameroun, «Mémoires de l'IFAN. Centre du Cameroun», Serie: «Populations», № 1, 1949, стр. 110—130.

Исторические предания, повествующие о первых королях, об организации государства, и нормы обычного права бамум были записаны в конце XIX — начале XX в. на их языке особой системой письменности, изобретенной правителем государства султаном Нджойа, принявшим ислам. Изобретение письменности бамум относится, вероятно, к последним десятилетиям XIX в. Она состоит из 300 знаков, часть которых носит иероглифический характер, часть — слоговый, часть — фонетический. Нджойа использовал изобретенную им письменность и для деловых записей, и для составления книги исторических преданий, и для записи норм обычного права. К составлению книги был привлечен широкий круг информаторов — хранителей народных сказаний, знатоков правовых норм и т. д.⁴ Именно к этому времени, по всей вероятности, относится обработка исторических преданий с целью возвеличить древность правящей династии.

При первых королях бамум ядро государства было невелико по территории. Лишь во второй половине XVIII в. при короле Мбвембве (1757—1814) была завоевана и присоединена обширная территория, ограниченная реками Мбам и Нун, и объединена, таким образом, вся этническая территория бамум. Предания содержат многочисленные рассказы о войнах бамум с соседями — бамилеке и тикар. В противоположность бамум территории бамилеке и тикар не были объединены в централизованное государство. Разделенные на небольшие княжества, они были во власти междоусобий и лишь в минуту грозной опасности отбрасывали распри и действовали согласованно. Так, опасность, возникшая в начале XIX в. в связи с завоевательными походами фульбе, заставляла тикар не раз забывать вражду с бамум и выступать единым фронтом.

Войска фульбе, вторгшись в восточные районы страны тикар, покорили одно за другим их разрозненные княжества. Однако продвижение фульбе было медленным и растянулось на весь XIX в., так как многие княжества тикар отчаянно сопротивлялись. Например, в конце XIX в. войска ламидо Тибати семь лет осаждали крепость городка Нгамбе, но так и не смогли его взять. Город не был окружен полностью и все время получал продовольствие и боеприпасы от своих союзников тикар и бамум. Осада была снята в 1899 г. с приходом немецких колониальных войск.

Пройдя через страну тикар, войска фульбе вторглись в пределы государства бамум. Предупрежденный союзниками — тикар правитель государства бамум укрепил свою столицу Фумбан и отбил все атаки войск фульбе. Сопротивление хорошо вооруженного войска бамум, имевшего, как и фульбе, в своем составе конницу, задержало дальнейшее продвижение воинственных кочевников. Ему помешали также массовый падеж скота и гибель людей от укусов мухи цеце, после того как фульбе вторглись в пределы экваториального леса.

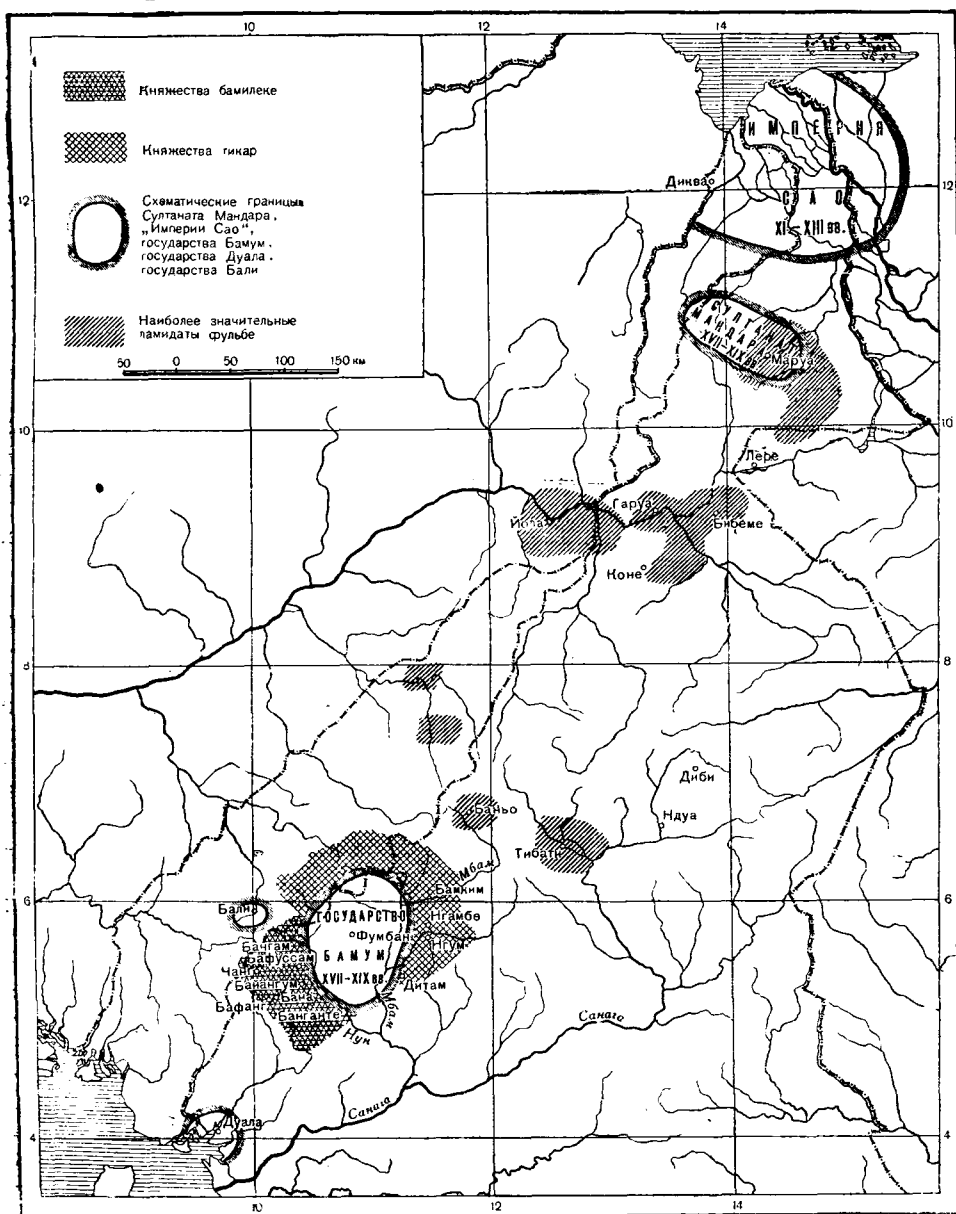
Княжества бамилеке сохранили независимость. Однако угроза вторжения военных отрядов фульбе подстегнула тенденции к объединению этих княжеств. Наиболее характерной чертой их истории в течение XIX в. было постепенное усиление княжества Банджун. При Фотсо II Банджун объединил под своей властью мелкие княжества Бангам-Фокам, Бандрефали, Бафусеам, Байянгам, Бахуван, Бана, Банденкой. Постепенное объединение страны бамилеке под властью княжества Банджун было прервано вторжением колонизаторов.

История государства Бамум в XIX в., в противоположность бамилеке, характеризовалась усилением центробежных тенденций. Королям бамум

⁴ Книга переведена на французский и издана Французским ин-том Черной Африки (См.: «Histoire et coutumes des Bamum, rédigées sous la direction du sultan Njoya», «Mémoires de l'IFAN, Centre du Cameroun», Serie: «Populations», № 5, 1952). Впервые о письменности бамум стало известно из статьи немецкого миссионера Гёринга (См.: Goehring, Der König von Bamum und seine Schrift, «Der evangelische Heidenbot», т. 80, 1907, № 6, стр. 41—42).

1

Государственные образования на территории Камеруна до европейской колонизации

государственных сановников, поддержанный двумя братьями короля. Окруженный в своей столице, Нджойа обратился за помощью в ламидаг Баньон. Конница фульбе разбила войска заговорщиков, зачинщики были взяты в плен и казнены. Власть Нджойи утвердилась по всей стране. Однако это обошлось дорого народу бамум: в компенсацию Нджойа отдал ламидо 15 тыс. пленников, 8 своих девушек и много добра. Нджойа принял ислам и объявил его государственной религией бамум.

Когда немцы появились в стране, султан быстро понял, какие выгоды может иметь для него помощь европейцев, и добровольно отдал свою страну под колониальное иго.

Так же поступил и глава небольшого государства Бали (на территории под английским управлением) — Гарега, а потом и наследовавший ему Фонджонге. Народ бали — небольшая группа населения, говорящего на языке, близком к языку чамба, живущая среди сплошного массива восточнобантоидных народов Центрального Камеруна. По культуре современные бали очень близки этим народам. Об истории государства Бали известно очень мало.

Таким образом, в Центральном Камеруне к моменту вторжения европейцев существовали: небольшое государство Бали, централизованное независимое государство Бамум (ослабленное феодальными междоусобицами), несколько независимых княжеств бамилеке, постепенно объединявшихся под властью правителей Банджун, и ряд независимых небольших княжеств тикар на западе их этнической территории. Восточные княжества были покорены фульбе.

Нам ничего не известно относительно общественного строя этих государственных объединений в ранний период их истории. Наиболее существенные материалы для изучения общественного строя дают записи норм обычного права бамум, собранные в книге Нджойи, уже указанной нами. Однако и они относятся лишь ко второй половине XIX в. Эти материалы неоспоримо свидетельствуют о том, что Бамум к концу XIX в. было феодальным государством с развитой иерархией высших должностных лиц, с типично феодальным характером землевладения и землепользования. Глава государства — король был владельцем всех земель. Осуществляя свои права на землю, он получал налоги со всего крестьянского (податного) населения. Высший слой общества — наследственная аристократия (нджи) состояла из четырех групп, положение которых измерялось степенью личной близости к королю. В состав знати входили ближайшие родственники короля, его дети, королевы и высшие должностные лица — ком и титамфон. Ком как представители центральной власти находились в тех провинциях, куда король посылал их контролировать положение дел. Лишь несколько раз в году король собирал их в столице. Фактически они на местах обладали очень большой властью. Ближайшие родственники короля, его сыновья, братья, имели право на получение больших участков земли, становившихся их наследственным владением. Крестьяне, жившие на этих землях, были обязаны уступить их и уйти либо (что случалось чаще) оставались жить на прежнем месте, выплачивая новому владельцу подати натурой.

Местное управление носило двойственный характер. С одной стороны, короли Бамум, как правило, сохраняли власть и прерогативы наследственной аристократии тех небольших княжеств, на которые первоначально разделилась этническая территория бамум и которые были одно за другим объединены в едином централизованном государстве. С другой стороны, все государство было разбито на небольшие округа, каждый из которых включал несколько поселений с окружающими их землями. На такие же административные единицы разделялась и столица государства Фумбан. В системе управления этими округами сочетались черты общинного самоуправления и административной организации централизованного государства. Глава округа — мфойомэ избирался на народном собрании сроком на три года. Однако утверждал его в должности сам король, который мог не согласиться с результатами выборов и в любое время сместить главу округа. От короля мфойомэ получал в пользование определенные земельные массивы, которые и распределял между деревнями и домохозяйствами. Кроме того, он отвечал за сбор налогов, созывал народное ополчение в случае войны и т. д.

Поскольку мфойомэ избирался на три года, можно предполагать,

что каждые три года происходило какое-то перераспределение крестьянских земель. Население в пределах каждого округа было очень смешанным: короли часто перемещали небольшие группы населения с их традиционного места жительства в другие округа, чтобы вырвать их из-под влияния местной наследственной аристократии и подорвать корни местного сепаратизма.

Наряду со свободным крестьянством, в государстве Бамум существовали большие группы несвободного и полусвободного населения. Происхождение их связано с наличием сильного рабовладельческого уклада. В соответствии с тем, что в государстве существовали различные источники рабовладения, среди рабов имелось несколько категорий, положение которых резко различалось. Одна из таких категорий — потомственные рабы вела свое происхождение от каких-то групп населения некоторых княжеств, оказавших упорное сопротивление королям Бамум. Они, как правило, продолжали заниматься земледелием, и положение их было гораздо лучше, чем положение других рабов. Среди них обычно вербовались так называемые начальники рабов, которые были людьми состоятельными, имели нескольких жен и собственных рабов в услужении. Иным было положение долговых рабов — мутангу и рабов-военнопленных. Военнопленные становились собственностью короля. Они в подавляющем большинстве продавались за пределы страны.

Источники говорят о существовании каких-то групп полусвободного населения, происхождение которого неясно. По-видимому, это были и рабы, посаженные на землю, и потерявшие независимость свободные крестьяне. Так, в книге Нджойи имеется следующий текст: «Если человек владеет собственностью, состоящей из нескольких участков земли, и если он продаст всех людей, которые находятся на этих землях, он должен отдать эти последние королю»⁵.

Перед нами неоспоримое свидетельство того, что, во-первых, знать пыталась низвести это зависимое население на положение рабов (продажа людей); во-вторых, что продажа земли вместе с находящимися на ней людьми была нередким явлением в жизни страны.

Таким образом, несмотря на верховные права короля на землю, знать уже имела право продавать свои земельные владения: «Никто не может, — пишет Нджойя, — продавать участок без разрешения короля»⁶, который регистрирует акт продажи записью в своей книге и собирает в свою пользу пошлину за продажу.

Государство Бамум в XIX в. было значительным культурным центром Западного Судана. Своеобразие традиционной архитектуры, великолепная резьба по дереву, бронзовое литье (в технике потерянного воска), глиняная посуда изящных форм, ornamentация тканей и плетеных изделий — все это носило печать особого стиля, характерного для бамум, и делало их изделия широко известными среди других народов. Фумбан — столица государства — считалась крупным политическим, ремесленным и торговым центром. Рынок Фумбана славился далеко за пределами страны и привлекал много людей. Ремесленные ряды тянулись на многие кварталы, каждый ряд был отведен под жилье и мастерские ремесленников определенной специальности (горшечников, кузнецов, ювелиров и пр.).

Город был окружен глинобитной стеной, единственным входом в пределы которой служили высокие городские ворота с соломенной крышей, резными деревянными дверью и колоннами. Дворец султанов Бамум в начале XX в. представлял собой большое двухэтажное здание с арочными входами и окнами. Изобретение письменности султаном Нджойя также является свидетельством своеобразия и высокого уровня развития культуры бамум.

⁵ «Histoire et coutumes des Bamum», стр. 119.

⁶ Там же.

Государство Бамум — высшая ступень развития феодальных отношений в Центральном Камеруне (высшая, конечно, по сравнению с организацией княжеств тикар и бамилеке).

Княжества бамилеке во французской литературе принято называть «шефферы». Под этим названием подразумевается территория, находящаяся под управлением наследственного вождя; таким образом, подчеркивается непосредственная связь шефферы с родоплеменной организацией. Однако уже в XIX в. им были свойственны такие черты общественных отношений, которые неоспоримо свидетельствуют о развитии феодализма. Каждое из княжеств имело свои особенности политической и общественной организации. Однако характерным для всех них было существование иерархии наследственных должностных лиц, сочетание в руках правителя власти политической с властью над землей, взимание ренты с земли в виде поземельного налога и т. д. Вся земля считалась владением правителя княжества, и лишь он был вправе ею распоряжаться. Частная собственность на землю у бамилеке еще не сложилась. Земля была неотчуждаема. Никаких иных форм феодального землевладения, кроме верховных прав правителя княжества на землю, не существовало. Резиденция правителя была одновременно экономическим центром княжества. Сюда на рынок каждый восьмой день стекались толпы народа — и крестьяне с продуктами своего хозяйства, и ремесленники, и купцы, привозившие издалика различные товары (европейские ткани — с юга, орехи кола — с севера и северо-запада). Все народы центральной полосы Камеруна славилась высоким уровнем развития ремесла и мастерством ремесленников.

Подводя итоги, можно без преувеличения сказать, что феодальные отношения были господствующими у народов данного района. Однако разные народы находились на различных ступенях развития этих отношений и на разных ступенях развития феодального государства; у бамум было развитое централизованное феодальное государство, у бамилеке — возникли ранние формы феодального землевладения, и становление централизованного государства сочеталось со значительными остатками родовой организации, наличием тайных союзов и пр.

Третий компактный этнический массив в Камеруне — северо-западные банту — населяли широкую полосу тропического леса, южной и западной границей которого служил берег океана. Оказавшись в тяжелых жизненных условиях, западные банту, как и горцы Северного Камеруна, отстали в своем развитии. Большая часть этих численно небольших народов к началу XIX в. находилась на различных ступенях разложения родоплеменной организации. Из всех народов банту Южного Камеруна наивысшего развития достигли дуала, у которых сложилось государство.

Нам ничего не известно о древности государства Дуала. Наиболее ранние сведения о нем относятся к первым десятилетиям XIX в. и принадлежат англичанам — предпринимателю Робертсону (побывавшему там до 1814 г.) и врачу Джексону (1826 г.)⁷. Судя по этим сведениям, быстрое развитие классовых отношений и возникновение государства имело здесь иную основу, чем у бамум. Дуала выдвинулись как посредники сначала в работоторговле, а затем в торговле слоновой костью и другими товарами с европейцами. К началу XIX в. Дуала стал большим городом с прямыми улицами и рыночной площадью, где каждые восемь дней собирался базар. Сюда издалика, из внутренних районов страны, приезжали на лодках и приходили пешком караваны людей с товарами. Однако монополию торговли с европейцами прочно захватили крупные торговцы-дуала. Приезжие не имели права самостоятельно вести торговлю. Через город Дуала ежегодно вывозилось до 40 т слоновой кости, 50—

⁷ J. Bouchaud, *La Côte du Cameroun dans l'Histoire et la Cartographie. «Mémoires de l'IFAN. Centre du Cameroun»*, 1952, № 5, стр. 115—121.

60 т пальмового масла, много перца, воска и др. На этой посреднической торговле успели обогатиться несколько семей дуала. Этой компрадорской олигархии фактически принадлежала власть в городе и стране. Верховную власть осуществлял представитель одной из крупнейших семей предпринимателей-компрадоров, по-видимому, выходцев из числа племенной знати — король Беле (или Белл, в английской транскрипции). Короли дуала передавали власть по наследству. Робертсон пишет, что эта власть носила деспотический характер. На протяжении всего XIX в. очень большую роль в общественных отношениях играло рабство. Развитие рабовладения было стимулировано тайной работорговлей, широко развернувшейся после официального запрещения ее в Европе и Америке.

В 1814 г. в результате восстания под предводительством Аква Дуала разделилось на два государства: в одном правили Аква и его потомки, в другом — Беле и его потомки. Джексон, побывавший в резиденциях обоих королей, отмечает хорошие строения, богатство их внутреннего убранства. Дом-дворец Беле представлял собою большое двухэтажное здание с застекленными окнами. Внутреннее убранство его Джексон сравнивает с домом зажиточного английского буржуа. Таков был облик самого южного из государств Камеруна.

Сделанный нами краткий обзор основных этапов исторического прошлого народов Камеруна позволяет говорить о том, что они имеют многовековую богатую событиями историю. Многие народы Камеруна создали свою государственность и своеобразную культуру.

Б. В. АНДРИАНОВ

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО КАМЕРУНА

Стремясь оправдать и сохранить существующее положение, защитники колониализма пишут об «этническом хаосе», необычайной этнической раздробленности и отсталости населения Африки вообще, коренного населения Камеруна — в частности. На этнических картах, публикуемых колониальными учреждениями, этнический состав населения изображается как конгломерат множества ничем между собой не связанных племен. На лингвистических картах выделяются многие десятки и даже сотни самостоятельных языков. Еще в 1930-х годах немецкий этнограф и лингвист Г. Тессман на очень подробной и детальной двухмиллионной карте Камеруна показал ареалы двухсот двадцати пяти языков¹. В большой работе Дюга, опубликованной Французскими институтом Черной Африки в 1949 г.², только на территории Южного Камеруна выделено около 80 отдельных народов. Лингвист Г. Гасри в специальной работе, посвященной северо-западным банту, насчитывал в Камеруне около 70 самостоятельных языков.

Лингвистическая карта Камеруна действительно сложна. Однако более пристальное изучение фактического положения убеждает нас в том, что лингвисты явно преувеличивают языковую дробность этой страны, выдавая племенные диалекты за самостоятельные языки. На публикуемой здесь этнической карте Камеруна достаточно четко выделяются три крупных этнических массива: народы, говорящие на языках банту, восточно-бантоидные народы Центрального Камеруна и народы группы хауса.

¹ G. T e s s m a n n, Volksstämme Kameruns. «Petermanns Geographische Mitteilungen», № 78, 1932, табл. 4.

² J. D u g a s t, Inventaire ethnique du Sud-Cameroun, «Mémoires de l'IFAN. Centre du Cameroun», Série: «Populations», № 1, 1949.

БАНТУ

- 1 Дуала (и балунду, баса, батанга) и а буби
- 2 Фанг или пангве (и булу, этон, яунде)
- 3 Мака (и нзем, кака)
- 4 Бабинга, бака, бакола (пигмеи)

ГРУППА ВОСТОЧНАЯ БАНТОИДНАЯ

- 5 Бамилеке (и бамум, виденум)
- 6 Тикар
- 7 Тие (и экой, боки)
- 8 Джукун
- 9 Ибибио

ГРУППА ЗАПАДНАЯ БАНТОИДНАЯ

- 10 Фульбе

ГРУППА ХАУСА

- 11 Хауса
- 12 Бата (и бура, марги)
- 13 Мандара (и матакам, гидар)
- 14 Маса (и музгу)
- 15 Нотоко

НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО СУДАНА

- 16 Чамба (и дуру, бали, вере, фали, мумуйе)
- 17 Мбум
- 18 Банда (и гбайя)
- 19 Багирми (и сара)
- 20 Буте

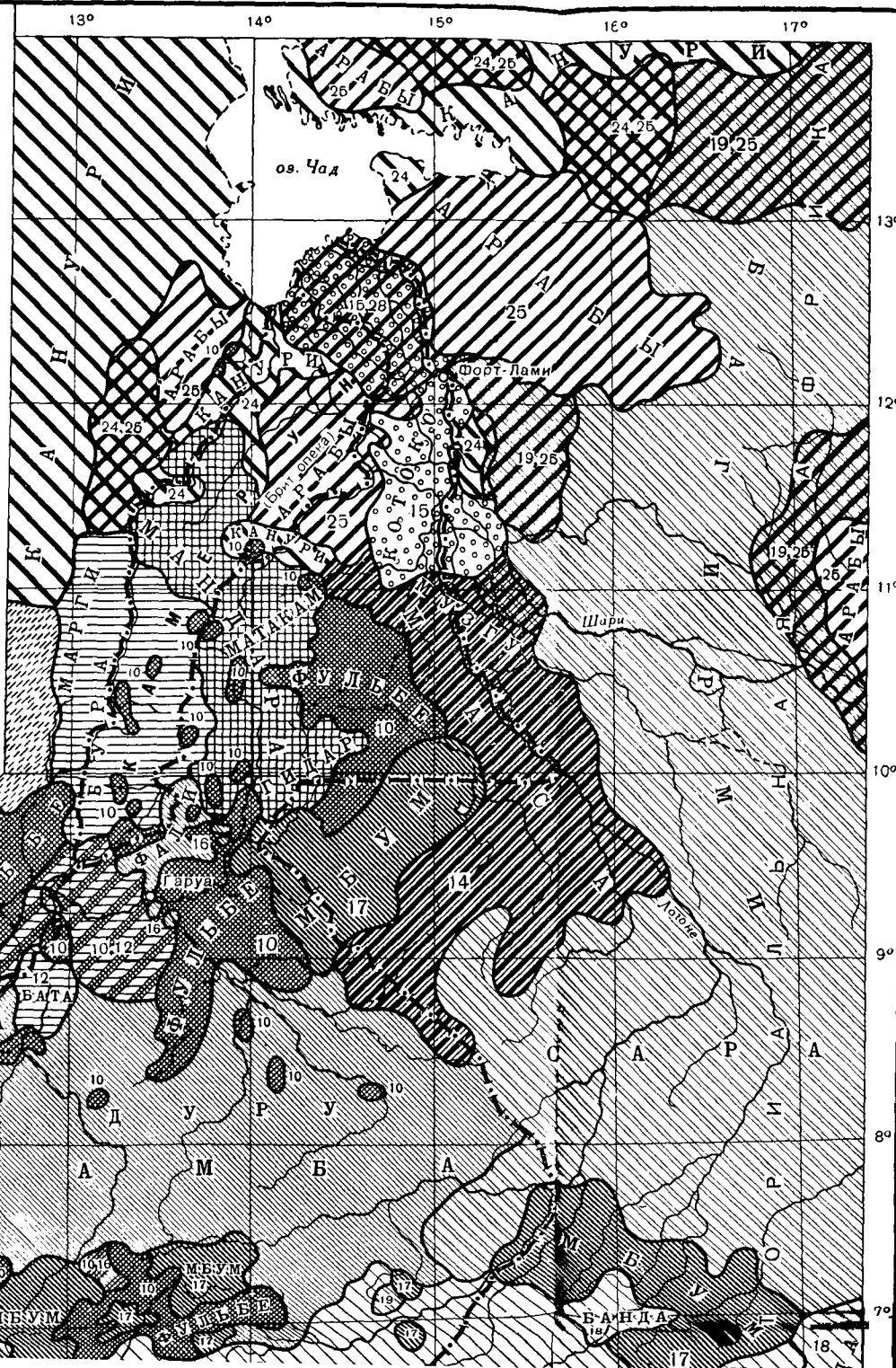
ГРУППА ГВИНЕЙСКАЯ

- 21 Ибо
- 22 Иоруба
- 23 Иджо

ГРУППА КАНУРИ

- 24 Канури (и тиббу)
- 25 Арабы (шоа)
- 26 Французы
- 27 Англичане

30 60 90 120 км

Вместе с тем эта карта показывает, что многие племена и этнические группы живут смешанно. Так, фульбе расселены очень широко по всем внутренним районам Камеруна. То же можно сказать и о некоторых других народах. Этнические границы, обозначенные на карте, следует рассматривать как весьма условные, приблизительные. Состояние этнической статистики не позволяет дать точную картину расселения народов и создания какой-то одной или нескольких национальных общностей. Это, вероятно, относится прежде всего к народам, говорящим на языках банту и бантоидных.

Народы банту и родственные им, говорящие на бантоидных языках (бамилеке, тикар и другие), составляют больше половины населения Камеруна (2710 тыс. чел. — 56,5% от общего числа 4802 тыс. чел. на 1 июля 1957 г.). Они занимают всю южную и юго-западную, экономически развитую и густонаселенную земледельческую зону на берегу Гвинейского залива, где среди тропических лесов распространены плантации какао, кофе, масличных пальм, бананов и лесопромышленные предприятия, принадлежащие европейским колониальным фирмам. Большинство населения занимается тропическим земледелием, возделывая просо, маниоку, арахис, ямс, бататы, кукурузу. В окрестностях Дуала преобладают насаждения масличных пальм, из плодов которых получают ценное пальмовое масло. Вокруг Мбанга распространены плантации бананов, в окрестностях Яунде, Эболова и Криби — какао. Для этой зоны характерна высокая плотность сельского населения, особенно вокруг главного экономического и политического центра Камеруна — морского порта Дуала, а также по берегам среднего и нижнего течения р. Санаги, где на больших территориях средняя плотность равна 50—100 чел. на 1 кв. км. В отдельных районах (например, на плато Бамилеке) плотность превышает 100—300 чел. на 1 кв. км.

Камерун — страна аграрная. Только 6% населения живет в городах. Из них самые крупные — Дуала (около 100 тыс.), Криби (52 тыс.), Яунде (60 тыс.) и Эболова (10 тыс.) — расположены на территории банту. В городе Дуала банту составляют 80% населения³. На 100 тыс. африканцев приходится 6 тыс. европейцев, преимущественно французов⁴.

Банту обладают едиными культурными особенностями и говорят на чрезвычайно близких между собой языках, имеющих одинаковый грамматический строй и общий словарный фонд⁵. Однако, как мы отмечали выше, большинство зарубежных этнографов и лингвистов подразделяют банту Камеруна на многие десятки племен, которые группируются каждым автором по-разному на основании различных признаков⁶.

Во французском отчете 1955 г. о Камеруне приводится группировка народов банту, разработанная Дюга и включающая семь племенных групп: 1 — бети, 2 — басо, 3 — баса и бакоко, 4 — дуала, 5 — бакунду, 6 — кака и нзем, 7 — пахун (или фанг)⁷. Первые пять племен могут быть объединены с дуала на основании материалов Дока, опубликовав-

³ По данным Дюга, этнический состав населения Дуала на 1947 г. был следующим: дуала (и баса, бакоко) — 23,4 тыс., фанг 8,1 тыс., неафриканцев — 4,5 тыс., всего — 59,9 тыс. (J. Dugast, Указ. раб., стр. 23).

⁴ Кроме французов, имеются англичане и американцы. В Дуала находятся агентства двух американских и четырех английских компаний.

⁵ «Народы Африки», под ред. Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина (Серия «Народы мира. Этнографические очерки», под общ. редакцией С. П. Толстова), М., 1959, стр. 113.

⁶ Ср., например, классификации: Бюлька («Les Langues du Monde», Paris, 1952, стр. 896, 897); Гасри (M. Guthrie, The Bantu Languages of Western Equatorial Africa, Oxford, 1953, стр. 15—50) и Дюга (J. Dugast, Указ. раб.).

⁷ «Rapport annuel du Gouvernement Français à l'Assemblée Générale des Nations Unies sur l'Administration du Cameroun, Année, 1955», Paris, 1956.

шего в 1948 г. наиболее основательную классификацию языков банту⁸. Таким образом, банту Камеруна подразделяются на три группы, объединяющие близкородственные племена: дуала (и балунду, баса, батанга) — 533 тыс.⁹; фанг, или пахуин (и булу, этон, яунде) — 752 тыс.; мака (и нзем, кака) — 225 тыс. Это деление хорошо согласуется с этнографическим материалом, распространением основных элементов материальной культуры (например, — разновидностей прямоугольных домов с двускатной крышей), а также с размещением на территории банту трех главных культурных и экономических центров, к которым тяготеют эти группы: на приморском западе — порта Дуала (группа дуала); в центре — Яунде (группа фанг); на востоке — Эбонг-Мбанг (группа мака).

Дуала¹⁰ вместе с родственными племенами балунду¹¹ и баса¹² расселены по берегу Гвинейского залива вокруг морского порта Дуала в Восточном Камеруне (355 тыс.) и в юго-восточной части (районы Виктория и Кумба) Западного Камеруна (178 тыс.). Они занимаются преимущественно тропическим земледелием и рыболовством. Значительный контингент рабочих дуала занят на различных предприятиях, мастерских и фабриках Дуала и Криби. Язык дуала был издавна широко распространен у соседних народов как язык торговли и в настоящее время, наряду с близкородственным языком фанг, стал главным языком на территории всего Южного Камеруна.

Фанг, или пахуин (и булу, этон, яунде), примыкают к дуала с востока и занимают громадный вытянутый с севера на юг ареал, охватывающий тропические леса Южного Камеруна, Габона и испанской колонии Рио-Муни. Подобно дуала, они представляют собой единую этническую группу, но разделены между несколькими колониальными владениями¹³. Они занимаются тропическим земледелием (возделывая просо, маниоку, арахис, ямс и другие культуры) и работают на плантациях какао, бананов, масличных пальм, гевеи, где подвергаются жестокой эксплуатации. На территории фанг вокруг центров Яунде, Эбон и Криби размещаются многочисленные плантации какао — важнейшей экспортруемой культуры Камеруна¹⁴. В Яунде — административном центре Восточного Камеруна, кроме предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов (риса, какао, плодов масличных пальм и т. д.), имеются текстильные фабрики, где трудятся местные рабочие. После Дуала район Яунде — второй центр этнической консолидации банту, где формируются кадры сельскохозяйственного и промышленного пролетариата, разрушается племенной быт и усиливается процесс смешения и слияния мелких племенных групп, объединения их в большие этнические общности.

Мака¹⁵ обитают во внутренних редконаселенных, покрытых влажно-

⁸ См.: C. D. Oke, *Bantu. Modern grammatical, phonetical and lexicographical studies since 1860*, London, 1945, стр. 2—8.

⁹ Здесь и далее численность народов приводится на 1 июля 1957 г.

¹⁰ Племенные подразделения дуала: дуала, мбоко, баквири, исубу, понго, вури, бодиман, малимба, мунго.

¹¹ Племенные подразделения балунду: балунду, нголо, бакунду (або), балонг, бонгкент, мбо.

¹² М. Гасри не отмечает связи баса с дуала. Однако Док и Дюга подчеркивают их близость и объединяют в одну группу. Племенные подразделения баса: баса, баккоко, банен, ньокон, леманде, ямбега.

¹³ Фанг насчитывается: в Камеруне — 752 тыс., Габоне — 150 тыс., Рио-Муни — 160 тыс. Племенные подразделения фанг (численность на 1947 г.): этон (112 тыс.), яунде (97 тыс.), мвеле (108 тыс.), булу (111 тыс.), бане (58 тыс.), фанг, фонг, нтуму, мвале (13 тыс.), некаба (14 тыс.), бафок (5 тыс.), бамвеле (18 тыс.) и др.

¹⁴ В 1951 г. было вывезено из Камеруна 56 тыс. т бананов, 47 тыс. т какао, 30 тыс. т пальмового масла, 10 тыс. т кофе и т. д.

¹⁵ Племена мака: мака, нзем, со, нгумба, конавембе, баквеле, мбуму, кака, пол, бакум. Языки кака, пол, бакум занимают в лингвистическом отношении промежуточное положение между банту и восточнотантоидными языками, однако могут классифицироваться вместе с мака (см. M. Guthrie, Указ. раб., стр. 50).

тропическими лесами частях Южного Камеруна и прилегающих районах Убанги-Шари, Среднего Конго и Рио-Муни¹⁶. Они занимаются тропическим земледелием и охотой. В последние годы на территории мака были произведены насаждения каучуконоса гевеи (в 1951 г. — 8 тыс. га), и обитатели лесов привлечены к сбору натурального каучука.

На языках банту говорят также рассеянные в юго-восточных лесах Камеруна низкорослые племена — бабинга, бака и бакола, ведущие полудрожащий образ жизни. Пигмеи — древние аборигены тропической Африки. Их численность в Камеруне не превышает 8—10 тыс. чел.

Северней и северо-западней банту на границе тропических лесов и саванн живут народы, говорящие на бантоидных языках — бамилеке, тикар, тив и др. Подобно банту, они занимаются тропическим земледелием (маниока, таро, ямс, арахис, кассава и др.) и работают на банановых, кофейных и табачных плантациях, принадлежащих иностранным компаниям. Самый крупный из этих народов — бамилеке (и бамум, видекум) — насчитывает около 725 тыс. чел. Большинство их (573 тыс.) живет в Восточном Камеруне на границе с Западным в гористой местности в верховьях рек Мбам и Вури. На плато бамилеке расположены самые крупные в Камеруне плантации бананов, кофе (в долине р. Нун) и табака, а также насаждения хинного дерева. Население плато Бамилеке отличается высокой плотностью, которая местами достигает 180—340 чел. на 1 кв. км¹⁷.

По своей культуре, нравам, обычаям и языку бамилеке наиболее близки к банту. Грамматический строй и отчасти словарный состав языка бамилеке имеет много общего с языками банту, что указывает на их древние этногенетические связи¹⁸. Бамилеке охотно поселяются среди банту. По данным Дюга, в 1947 г. их проживало среди банту дуала 32,5 тыс.¹⁹ Бамилеке, наряду с банту дуала и фанг, составляют основную часть рабочего населения Дуала.

Тикар (общая численность — 263 тыс.) вместе с бамилеке видекум составляют основное население провинции Баменда Западного Камеруна²⁰. В Восточном Камеруне их около 12 тыс. Основное их занятие — земледелие (просо, кукуруза, ямс, кассава). Многие работают на плантациях кофе, кола и табака.

Из восточнобантоидных народов на территории Камеруна проживают также тив (и экой, боки), джукун и ибибио, основная территория которых находится в Нигерии (в провинциях Бенуэ, Плато и др.). Тив (122 тыс.) занимают в Западном Камеруне район Мамфе. Джукун (70 тыс.) расселены к северу от Нкамбе вплоть до Гашака. Ибибио (10 тыс.) обитают на юго-западной границе Западного Камеруна.

Религиозные воззрения банту и бантоидных народов связаны с культом предков и анимизмом. В результате деятельности христианских миссионеров и мусульман-хауса часть их исповедует христианство или ислам²¹.

В отличие от Южного Камеруна, населенного банту и бантоидными народами, обладающими едиными культурными особенностями, этнический состав северной части Камеруна отличается большой сложностью

¹⁶ В Убанги-Шари — 4 тыс., Среднем Конго — 5 тыс., Рио-Муни — 1 тыс.

¹⁷ P. Vaast, *Petite Géographie du Cameroun*, 1954, стр. 28.

¹⁸ I. Greenberg, *Studies in African linguistic classification*, III. The Position of Bantu, *Southwestern Journal of Anthropology*, т. 5, 1949, № 4, стр. 316.

¹⁹ J. Dugast, *Указ. раб.*, стр. 23.

²⁰ По данным переписи 1952 г., в Баменда из общей численности населения 429 тыс. насчитывалось: тикар — 222 тыс., бамилеке — 128 тыс. См. *Ethnographic Survey of Africa, Western Africa*, IX, *Peoples of the Central Cameroons*, London, 1954, стр. 11.

²¹ Среди банту часть исповедует христианство, у бантоидных народов преобладает ислам. Так, из 80 тыс. бамум ислам исповедуют 20—30 тыс., протестантов — 11 тыс., католиков — 4 тыс.

и пестротой. Преобладают народы, говорящие на языках группы хауса²²: бата (и бура, марги) — 384 тыс.; мандара (и матакам, гидар) — 357 тыс.; маса (и музгу) — 196 тыс.; котоко — 53 тыс.; хауса — 68 тыс. Общая численность их — 1058 тыс. Из них 642 тыс. живут на территории, управляемой французами, а 416 тыс. в Западном Камеруне.

Бата (и бура, марги)²³ занимают предгорья и некоторые горные массивы к северу и югу от р. Муби в Западном Камеруне (309 тыс.); на территории, управляемой французами, они живут в окрестностях Гаруа (75 тыс.), где смешаны с фульбе. Занимаются земледелием (террасным в горах), сеют просо и арахис. Бата, живущие по берегам Бенуэ, промышляют рыболовством.

Мандара (и матакам, гидар)²⁴ населяют горы Мандара, окрестности Мора, Моколо, Маруа (на территории, управляемой французами) и область между Макалари и Диква (в Западном Камеруне). Горные племена (матакам и др.) занимаются террасным земледелием (просо и арахис). Живущие на равнине мандара (или вандала) сеют кукурузу, рис и просо, разводят крупный рогатый скот и славятся как хорошие ремесленники (ткачи). Исповедуют ислам.

Маса (и музгу)²⁵ занимают обширную территорию в Убанги-Шари и в Северном Камеруне в окрестностях Музгу и по берегам р. Логоне. В Камеруне их 196 тыс. Они занимаются земледелием, разведением крупного рогатого скота и рыболовством.

Котоко, подобно маса, разделены между Камеруном и Республикой Чад. Они населяют территорию южнее оз. Чад, западнее Шари, по берегам реки Логоне, на юг до Музгу. В северных районах они смешаны с арабами шоа. В Восточном Камеруне их 53 тыс., примерно столько же их и в соседней Республике Чад. Котоко занимаются рыболовством, а также земледелием и скотоводством. Под влиянием арабов исповедуют ислам.

Хауса — преимущественно ремесленники и торговцы. Они широко рассеяны по всему Северному и Центральному Камеруну, образуя отдельные торговые колонии, религиозные мусульманские общины в городах и небольшие группы в некоторых сельских местностях. Их общая численность в Камеруне — 68 тыс. чел.

Из прочих народов Северного Камеруна наиболее многочисленны фульбе — кочевые скотоводы бороро и оседлые (общая численность 404 тыс.); язык их принадлежит к западной бантоидной (атлантической) языковой группе. На территорию Камеруна они пришли с запада в XVIII—XIX вв. Однако язык фульбе широко распространился в Северном Камеруне как язык торговых сношений между различными племенами и народами. Численность фульбе в Западном Камеруне — 79 тыс., в Восточном — 325 тыс.

В центральной части Камеруна значительные территории заняты народами, говорящими на изолированных и малоизученных языках, услов-

²² В работе, посвященной языкам Западной Африки, Д. Вестерман классифицирует бура, бата, тера, мандара отдельно от хауса, хотя и признает их определенное лингвистическое родство. В последнее время лингвисты (И. Гринберг, Д. А. Ольдепроге и др.) объединяют их в одну группу (См. D. Westermann, M. A. Bryan, *Languages of West Africa*, 1952, стр. 153; I. Greenberg, *Указ. раб.*, IV, *Hamito-Semitic*, «*Southwestern Journal of Anthropology*», т. 6, 1950, № 1, стр. 52; «Народы Африки», стр. 97).

²³ Племена бата: зуму (зираи), холма, хиги, капсики, шеке (D. Westermann, M. A. Bryan, *Указ. раб.*, стр. 153 сл.).

²⁴ Племена мандара: матакам (мофу, мора), даба (гизига, мусгой, даба, хина, гавар), мандара (или вандала), гамергу и гидар (D. Westermann, M. A. Bryan, *Указ. раб.*, стр. 158).

²⁵ Племена маса: маса, музгу, сигила, мусей, марба, дари (D. Westermann, M. A. Bryan, *Указ. раб.*, стр. 166).

Этнический состав населения Камеруна

Народы	Численность в тыс. чел.				
	Восточный Камерун		Западный Камерун		Всего по Камеруну
	1951 *	1957 **	1952 ***	1957 **	1957 **
Банту	1264	1342	164	178	1520
Дуала (и балунду, баса, батанга)	327	355	164	178	533
Фанг (и булу, этон, яунде)	715	752	—	—	752
Мака (и нзем, кака)	212	225	—	—	225
Бабинга, бака, бакола	10	10	—	—	10
Восточная бантоидная группа	549	584	558	606	1190
Бамилеке (и бамум, видекум)	538	573	138	152	725
Тикар	11	11	232	252	263
Тив (и экой, боки)	—	—	113	122	122
Джукун	—	—	65	70	70
Ибибио	10	10	10	10	10
Западная бантоидная группа	305	325	73	79	404
Фульбе	305	325	73	79	404
Группа Хауса	605	642	383	416	1058
Бата (и бура, марги)	70	75	285	309	384
Мандара (и матакам, гидар)	250	265	85	92	357
Маса (и музгу)	185	196	—	—	196
Котоко	50	53	—	—	53
Хауса	50	53	13	15	68
Народы Центрального Судана	240	258	49	52	310
Чамба (и дуру, бали, вере, фали), му-муйе, мбум	159	170	49	52	222
Гбайя	65	70	—	—	70
Буте	16	18	—	—	18
Гвинейская группа	—	—	33	35	35
Ибо	—	—	26	28	28
Йоруба	—	—	1	1	1
Иджо	—	—	6	6	6
Другие народы					
Канури	20	21	123	134	155
Арабы (шоа)	45	47	52	56	103
Французы	10	16	—	—	16
Англичане	—	—	1	1	1
Прочие	17	5	4	5	10
Всего населения	3065	3240	1440	1562	4802

* Составлено по данным Дюга (J. Dugast, Указ. раб.) и французского отчета о подопечной территории («Rapport annuel du Gouvernement Français à l'Assemblée Générale des Nations Unies sur l'Administration du Cameroun, Année 1955», Paris, 1956).

** Население на 1957 г. исчислено по данным 1951 г. (Восточный Камерун) и 1952 г. (Западный Камерун).

*** См. «Cameroons under United Kingdom trusteeship. Report for the Year, 1953», Lagos, 1954, стр. 136, 137; D. Westermann, M. A. Bryan, Указ. раб.

но называемых центральносуданскими²⁶. Численность этих народов в Восточном Камеруне 170 тыс., в Западном 52 тыс. К ним относятся чамба (и дуру, бали, фали, вере), мумуие и мбум²⁷, живущие на западе, а также обитатели полупустынных восточных районов находящейся под французским управлением части Камеруна — гбайя (70 тыс.) и буте (18 тыс.). Чамба и мумуие разводят крупный рогатый скот на степных пространствах к югу от р. Бенуэ. Оседлые земледельцы мбум разбросаны на широкой территории и используют все пригодные для посевов участки саванн, вкрапленные в полупустынные пространства степной зоны. Большинство мбум исламизировано и владеет арабским языком. Гбайя живут в основном на территории Центрально-Африканской республики, где они находятся в соседстве с родственным им многочисленным народом банда²⁸.

На северных окраинах Камеруна, у границы с Нигерией и Республикой Чад, расселены канури, язык которых резко отличается от всех других языков этого района. Он относится к флективным языкам и имеет развитую систему падежей²⁹. Литературный язык канури имеет письменность на арабской основе. Их общая численность в пределах Камеруна — 155 тыс. Канури обладают высокоразвитой культурой поливного земледелия и славятся своим ремесленным производством (тканями, гончарными изделиями и др.).

Кроме канури, на севере Западного и Восточного Камеруна живут арабы (103 тыс.), также занимающиеся поливным земледелием и скотоводством. Шоа — крайняя западная группа арабских племен, перекочевавших в средние века из Восточного Судана.

На западных и юго-западных окраинах Камеруна, преимущественно в плантационных районах, встречаются отдельные группы гвинейских народов — ибо (28 тыс.), иджо (6 тыс.) и йоруба (1 тыс.) — переселенцев из Нигерии.

Население европейского происхождения, главным образом французы (16 тыс.) и англичане (1 тыс.), живут в городских центрах Камеруна. Они занимают господствующее положение в экономической и политической жизни страны.

И. И. ПОТЕХИН

БОРЬБА ЗА ВОССОЕДИНЕНИЕ КАМЕРУНА

Достаточно взглянуть на публикуемую выше карту этнического состава населения Камеруна, чтобы понять, что единой камерунской нации, в подлинном смысле этого слова, еще не существует. Этим спекулируют сторонники колониализма, противники объединения двух частей Камеруна: они утверждают будто никогда не существовало единого камерунского государства, не было и нет единого камерун-

²⁶ И. Гринберг считает языки этих народов близкими по происхождению языкам банту и Судана, объединяемым им в единую лингвистическую семью Нигер-Конго. См. I. Greenberg, Указ. раб., 1, The Niger-Congo Family, «Southwestern Journal of Anthropology», т. 5, 1949, № 2, стр. 89.

²⁷ Эти народы раньше объединялись в группу Адамауа (см. «Народы Африки», стр. 106). Мбум подразделяются на ряд мелких племен: мунданг, мангбай, топори (ндоре), кера, моно, мбун, каре. См.: D. Westermann, M. A. Bruun, Указ. раб., стр. 142.

²⁸ Такер и Брайн, отмечая близкородственные связи языка гбайя и банда, классифицируют их вместе («Handbook of African languages, Africa», Oxford, 1956, стр. 31).

²⁹ «Народы Африки», стр. 106.

ского народа, границы Камеруна не имеют отношения к границам расселения народов, а поэтому нет и не может быть проблемы воссоединения двух частей Камеруна.

Политические границы Камеруна действительно искусственны, они не совпадают с этническими. На соседних с Камеруном территориях (Нигерия, Чад, Центрально-Африканская республика, Конго, Габон) живут те же народы, что и в Камеруне.

Границы большинства африканских колоний и стран, уже завоевавших независимость, разрезают этнические массивы и потому включают различные народы. Камерун не является в этом отношении исключением. Это очень тяжелое наследие колониализма, чреватое серьезной опасностью острых национальных конфликтов и раздоров между суверенными государствами. Очевидно, в будущем потребуются пересмотр политических границ, национальное размежевание, а пока от государственных деятелей Африки требуется много политического такта и государственной мудрости, чтобы избежать таких конфликтов и раздоров. Но вопрос об искусственности границ Камеруна не имеет отношения к проблеме воссоединения его западной и восточной частей.

Верно и то, что единого камерунского государства до начала европейской колонизации не было. Не было вообще страны, носящей название «Камерун», — оно было введено португальцами. Когда первые португальцы появились в устье реки Вури, они обнаружили там большое количество креветок и, не зная местного названия реки, наименовали ее «Cameroes» (по-португальски — креветки). Вначале это относилось лишь к реке и прилегающему к ней прибрежному району. Немцы распространили это название на всю колонию.

На территории, оказавшейся в границах германской колонии Камерун, существовало несколько мелких государств, находившихся на разных этапах исторического развития. Народы этой территории переживали бурный процесс становления классового общества и создания своей государственности. Здесь возникали одни государства и исчезали другие; некоторые государства раскалывались, входили в состав других; одни государства подчиняли себе другие и т. д. Картина — характерная для всех стран и народов определенной эпохи развития. Несчастье африканских народов состоит в том, что вторжение европейцев нарушило, приостановило этот нормальный исторический процесс образования сильных централизованных государств.

Но и этот вопрос также не имеет никакого отношения к проблеме воссоединения Камеруна. Ссылки на прошлое служат лишь средством прикрыть нежелание разрешить современные проблемы в интересах народов.

Сущность проблемы состоит в следующем: имеются ли какие-нибудь этнические и исторические основания сохранять границу, появившуюся после раздела германской колонии Камерун между Англией и Францией, т. е. границу между западной и восточной частями Камеруна? Население Западного Камеруна не поднимает вопроса о создании самостоятельного государства. Вопрос стоит так: или воссоединить западную часть с восточной в едином камерунском государстве, и тогда эта существующая граница исчезнет, или присоединить западную часть к английской колонии Нигерия, которая в следующем, 1960 г., получит статус доминиона Британского содружества наций, и тогда эта граница сохранится.

Рассмотрим этот вопрос прежде всего с этнической точки зрения. Этническая статистика весьма несовершенна, но она все же дает возможность сделать определенные выводы. Самая южная провинция Западного Камеруна — Камерунская. В отчете английских властей за 1954 г. указывается, что из общей численности населения в 323 тыс. чел. 260 тыс., или 80%, принадлежат к «камерунским племенам» (са-

meoons tribes), т. е. к племенам, которые живут только в Камеруне¹. В отчете указываются также племена (точнее: люди, принадлежащие к этим племенам), живущие и в Камеруне, и в Нигерии (ибо, ибибио, фульбе, хауса и др.), но все они вместе взятые составляют менее одной пятой общей численности населения провинции. Кроме того, такие народы, как хауса и фульбе, расселены почти повсюду в странах Западного Судана и, следовательно, не являются коренным населением указанной провинции. Камерунская провинция — этническая территория «камерунских племен». С этнической точки зрения она не связана с Нигерией, но зато связана с восточной (т. е. находящейся под французским управлением) частью Камеруна.

Группу «камерунские племена» составляют главным образом племена, говорящие на языках и диалектах банту; все южные районы восточной части Камеруна населены племенами, говорящими также на языках банту. Общая численность племен банту в Камеруне — 1520 тыс. чел., из них 1324 тыс. живут в восточной части и 178 тыс. — в западной. Одно из наиболее многочисленных и развитых племен этой группы — дуала — разъединено существующей политической границей на две части.

Аналогично положение с этнической принадлежностью населения соседней провинции Баменда. Согласно данным указанного отчета, население, относящееся к племенам Нигерии, составляет лишь 17% общей численности населения. С этнической точки зрения, провинция Баменда, как и Камерунская провинция, не связана с Нигерией, но опять-таки связана с восточной частью Камеруна. Основные народы провинции Баменда — бамилеке и тикар — относятся по языковому признаку к восточной бантоидной группе. Общая численность населения этой группы в пределах Камеруна составляет 1190 тыс. чел., из них 606 тыс. в западной части и 584 тыс. в восточной. Бамилеке (включая бамум и видекум) насчитывают 725 тыс. чел., из них 573 тыс. живет в восточной части и 152 тыс. — в западной; 252 тыс. тикар живут в западной и 11 тыс. — в восточной части Камеруна.

Северные районы западной части включены в административную структуру Нигерии: 3 района входят в нигерийскую провинцию Бенуэ, 13 районов — в Адамауа и 9 районов — в Борну. Это обстоятельство еще больше затрудняет анализ территориального размещения племен.

Общая численность населения трех подопечных районов провинции Бенуэ по переписи 1952 г. — 12 797 чел. Это — часть племени джукун. Их общая численность — 70 тыс. чел. Они населяют сплошную территорию, расчлененную между провинциями Баменда, Бенуэ и Адамауа; одна часть их этнической территории включена в Нигерию. По языковому признаку они принадлежат к тем же восточнобантоидным народам, что и бамилеке, тикар в соседней провинции Баменда.

Общая численность населения подопечных районов провинции Адамауа по переписи 1952 г. — 409 тыс. чел. Основное население подопечной территории составляют фульбе и так называемые «языческие» племена — чамба, фали, буте и др. Фульбе, как уже указывалось, расселены по многим странам Западного Судана. В пределах Камеруна их насчитывается 404 тыс. чел.: 325 тыс. в восточной части и 79 тыс. в западной. Фульбе составляют значительную часть населения северной Нигерии, в провинции Адамауа их 179 тыс. Установить этнические связи фульбе западной части Камеруна и их этническое тяготение на запад или на восток возможно только путем тщательного изучения историче-

¹ В буржуазной литературе и в колониальной этнической статистике все африканские народы, независимо от степени их этнического развития, обозначаются одним термином «племя», хотя многие из них представляют собою давно сложившиеся народности и даже нации. Поэтому и мы вынуждены условно пользоваться этим термином.

ских традиций, родоплеменной структуры и опроса населения. Сейчас мы можем подчеркнуть лишь одно: существующая граница между двумя частями Камеруна проходит по территории расселения фульбе.

Не легче разобраться в расселении так называемых «языческих племен». Укажем лишь, что чамба живут в восточной части Камеруна (170 тыс.) и в западной его части (52 тыс.), т. е. граница проходит по территории их расселения.

Воспользуемся старым, весьма добросовестным исследованием английского правительственного антрополога в Нигерии — Мика и приведем несколько частных примеров, относящихся к племенам Адамауа:

1. Группа родов Хижи населяет несколько деревень по обе стороны границы.

2. Несколько деревень района Манха населены камерунцами, принадлежащими к племени нжан; по другую сторону границы живет то же племя.

3. Граница разделяет группу деревень, населенных племенем чеке.

4. Население деревень Вога, Вемга и Визик принадлежит к племени, основная часть которого живет по другую сторону границы².

Число этих примеров можно увеличить. Приведем выдержку из петиции Национальной Федерации Камеруна, датированную 9 декабря 1949 г.: «Если... существовала когда-либо большая несправедливость, совершенная европейскими правителями в отношении камерунского народа, так это разделение Камеруна между Англией и Францией, проведенное даже без консультации с народом, которого это разделение касалось непосредственно. При разделении Камеруна между Великобританией и Францией совершенно не принималось во внимание то влияние, которое это разделение окажет на местное население, так как в процессе этого дележа были разорваны племенные и даже семейные связи, и разрыв, возникший в жизни людей в результате введения пограничных ограничений, можно скорее вообразить, чем описать.

Для пограничного жителя стало необходимым проделывать путь в десятки миль в соответствующую штабквартиру управляющей власти, чтобы добиться паспорта, разрешающего ему на законных основаниях посетить родственника или друга, проживающих в нескольких метрах от его дома по ту сторону границы.

В определенных районах и областях было совершенно невозможно установить, к какой стороне принадлежит тот или иной житель, в результате чего нередко члены отдельных пограничных племен, например племени бакосси, вынуждены платить налоги как английским, так и французским сборщикам».

Общая численность населения подопечной территории провинции Борну по переписи 1952 г. — 265 тыс. чел. Этнический состав населения здесь очень сложен. Канури, основная часть которых живет в Нигерии (в провинции Борну их 753 тыс. чел.), другие племена, явно нигерийские, и арабы шоа составляют большую часть населения подопечных районов Борну. Но канури и арабы живут и в восточной части Камеруна. Не имеет этнической связи с Нигерией и племя мандара, составлявшее до германской оккупации этническую основу одноименного государства. Оно насчитывает 357 тыс. чел.: 265 тыс. в восточной и 92 тыс. в западной части Камеруна.

Анализ этнического состава населения позволяет сделать следующие выводы:

1. Южные районы Западного Камеруна являются частью единой этнической территории, включающей и весь юг Восточного Камеруна.

² С. К. Meak, Tribal studies in Northern Nigeria, т. 1, London, 1931, стр. 252, 282, 293, 320, 534 и др.

Основная масса населения этих районов не имеет этнических связей с Нигерией. Существующая граница между Западным и Восточным Камеруном с этнической точки зрения не имеет никакого оправдания.

2. Население северных районов Западного Камеруна этнически связано как с Нигерией, так и с восточной частью Камеруна: одни народы или племена этнически тяготеют к Нигерии, другие — к Восточному Камеруну. Некоторые племена живут по обе стороны границы между западной и восточной частью Камеруна.

3. В целом по Камеруну подавляющее большинство населения его западной части этнически связано не с Нигерией, а с восточной частью.

Рассмотрим этот же вопрос с точки зрения исторических связей народов. История этой области Африки до немецкой колонизации известна пока лишь в самых общих чертах. Границы государственных образований были весьма условны и непостоянны. Поэтому чрезвычайно рискованно делать какие-либо заключения о соотношении границ этих государственных образований и существующих ныне политических границ. Но вот перед нами петиция ламидо Адамауа, переданная выездной миссии Совета по опеке Организации Объединенных Наций в 1949 г. Ламидо заявляет, что с приходом европейцев эмират Адамауа был сначала разделен между английской колонией Нигерия и германской колонией Камерун, а затем, после первой мировой войны, в результате раздела германской колонии часть эмирата отошла к французским колониям. Таким образом, единое в прошлом государство было разорвано на три части. Но это — единое государство, говорит ламидо, и население всех трех частей продолжает до сих пор считать его, ламидо, своим государем. Он требует воссоединения всех частей в одном государстве. С аналогичной петицией обратился к выездной миссии и эмир Диквы. Он также жалуется на то, что его эмират оказался разделенным между Англией и Францией, и требует воссоединения.

Следовательно, разорванные границей области Камеруна связаны между собой не только этнически. Между ними существовала исторически сложившаяся экономическая и политическая общность, они входили в состав одних и тех же государств.

Противники воссоединения выдвигают еще один аргумент: сорокалетнее господство Англии и Франции наложило свой отпечаток на культуру народов — в западной части населению прививалась английская культура, в восточной части — французская; в одной части насаждался английский язык, в другой — французский. Рассмотрим и этот аргумент. Народы Камеруна, как и других африканских стран, имеют свою собственную культуру, которую они создавали на протяжении своей многовековой истории. В колониальный период народы Камеруна были лишены возможности развивать свою культуру дальше. Колонизаторы объявили ее неполноценной, не заслуживающей внимания и пытались насадить свою, европейскую, культуру, точнее — какие-то суррогаты европейской культуры. Сначала Германия требовала, чтобы камерунцы говорили на немецком языке и жили по немецкому образцу. Затем камерунцев заставили «переучиваться»: от одной части камерунцев потребовали говорить и жить по-английски, а от другой — по-французски. Едва ли это можно назвать «распространением европейской культуры». Колонизаторы требовали, чтобы камерунцы отказались от своего культурного наследия и забыли свой родной язык. Истребление племен, сопротивляющихся колонизаторам, земельные ограбления, принудительный труд и расовая дискриминация — вот что принесли колонизаторы в Камерун под флагом европейской культуры. Колонизаторы не научили камерунцев даже элементарной грамоте. Только за последние годы под мощным давлением народа было сделано кое-что в области народного образования. Однако и сейчас на территории, управляемой Францией, школьным обучением охвачена лишь половина детей.

школьного возраста, а в северных районах — лишь 6% (данные 1957 г.). При этом надо иметь в виду, что школьное обучение ограничивается исключительно начальной школой. На территории, находящейся под управлением Франции, учащиеся средних школ составляют лишь 2% общего числа учащихся, а в южных районах Камеруна под английским управлением ученики средних школ составляют всего 0,8% общего числа учащихся. Ни в той, ни в другой части Камеруна нет ни одного высшего учебного заведения.

Народы Камеруна продолжают говорить на своих родных языках и сохраняют свою культуру. Они, конечно, заимствовали некоторые элементы английской и французской культуры, но это никак не может служить препятствием на пути воссоединения. Некоторые языковые трудности будут испытывать лишь очень незначительная прослойка интеллигенции, но она, несомненно, быстро преодолеет эти трудности. Следовательно, и этот аргумент не выдерживает критики.

Бесспорно, самым сильным аргументом в пользу воссоединения обеих частей Камеруна в независимое государство является воля народов, а она была достаточно ясно выражена в тысячах петиций, направленных камерунцами в Совет по опеке, в заявлениях и решениях многочисленных национальных организаций. Союз народов Камеруна, наиболее массовая и прогрессивная организация страны, уже в течение многих лет ведет самоотверженную борьбу за независимость и воссоединение. Объединенный Национальный Конгресс Камеруна, Камерунская национально-демократическая партия, Комитет воссоединения Камеруна, партия «Один Камерун» и многие другие организации поддерживают требование о воссоединении.

В январе 1959 г. состоялись выборы в парламент Южного Камеруна (английское управление). До выборов у власти стояла коалиция Национального Конгресса Камеруна и Камерунской народной партии, возглавляемая доктором Эндели. Она пришла к власти в 1957 г. под флагом борьбы за воссоединение, но затем руководство коалиции сделало крутой поворот в своей политике: доктор Эндели выступил с заявлением, будто интересы населения западной части Камеруна требуют не воссоединения с восточной частью, а присоединения к Нигерии, т. е. полностью солидаризировался с точкой зрения английских империалистов.

Вследствие такого резкого поворота коалиция Эндели утратила доверие народа. В октябре 1958 г. состоялась конференция вождей Южного Камеруна. Председатель конференции Ачиримби II опубликовал меморандум, в котором говорится: «Правительство, представленное Камерунским Национальным Конгрессом, ввиду своей непоследовательности и ненадежности, совершенно утратило доверие населения этой территории... Это правительство оказалось у власти потому, что проповедовало доктрину отделения в случае достижения Нигерией независимости. Позднее лидер этой непопулярной партии доктор Эндели от принципа отделения стал переходить к слиянию и ассоциации»³.

На январских выборах коалиция доктора Эндели потерпела поражение: камерунцы отдали свои голоса Национально-демократической партии Камеруна, лидер которой Дж. Н. Фонча поддерживает требование воссоединения. Это достаточно ясное выражение воли народа. Коалиция Эндели получила все же 37% голосов избирателей, но это может быть объяснено тем, что за объединение с Нигерией голосовало большое число нигерийцев, живущих в Камеруне.

Менее ясно выражена воля народов северных районов Западного Камеруна. По мнению представителей демократических организаций

³ «Объединенные Нации. Совет по опеке. Выездная миссия Организации Объединенных Наций в подопечные территории Западной Африки, 1958 г. Доклад о подопечной территории Камерун под британским управлением», Приложение, стр. 14. Изд. ООН, 1959 г.

Камеруна, это объясняется тем, что политическая активность народных масс в северных районах чрезвычайно низка. Там нет национальных организаций, народные массы находятся под сильным влиянием феодалов и мусульманского духовенства. До сих пор никто не разъяснил народу возможные пути дальнейшего национального развития, ему не было предоставлено никакой возможности высказать свою волю. Представители демократических организаций не сомневаются в том, что в условиях свободного волеизъявления большинство камерунцев северных районов выскажется за воссоединение.

Посланцы народов Камеруна на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций высказали немало аргументов в пользу воссоединения. Приведем лишь одну выдержку из заявления Карла Мбуту, представителя Социального союза Камеруна: «Я полагаю, что Генеральной Ассамблее известен факт, что коренные жители Виктории, Тино, Буза и др. в Британском Камеруне принадлежат к тому же племени, что и коренные жители района Вури (Дуала) в Восточной зоне под французской опекой; что бамилеке (Бабаджу — Баменда) живут и в восточной и в западной части Камеруна; что бали в Камеруне под британским управлением является западной ветвью народа бамуи в Камеруне под французским управлением, что камерунцы Виктории, Саоса и баквери исполняют богослужение в своих церквях на языке дуала; что в Адамауа, как это всякий может видеть, один и тот же ландшафт, фауна, один и тот же народ, исповедующий общую религию: ислам исповедуют по обе стороны искусственной границы. Учитывая это родство и эти связи (один народ, один язык, одна религия, одни традиции), чтобы не упоминать других, Социальный союз Камеруна на всех его национальных конгрессах, начиная с 1954 г., выдвигал перед Объединенными Нациями требование воссоединения двух Камерунов».

Требование воссоединения Камеруна и ликвидации границы, разделяющей его западную и восточную части, вполне обосновано. Оно соответствует национальным устремлениям народов и жизненным интересам их развития. Единственное препятствие на пути воссоединения — интересы колонизаторов-империалистов.

Об этом свидетельствует напряженная борьба, развернувшаяся в Камеруне (находящемся под французским управлением) в 1955—1959 гг. В мае 1955 г. французские власти запретили деятельность прогрессивных национальных организаций: Союза народов Камеруна и связанных с ним Демократической федерации женщин и Демократической федерации молодежи Камеруна. Начались аресты активных деятелей национально-освободительного движения. Полицейский террор вынудил население южных районов страны взяться за оружие в порядке самообороны. В районах приморской Санаги возникли партизанские отряды. Французские войска, перебросенные в Камерун, учинили кровавую расправу. Но это не сломило волю народа. Камерунцы продолжают борьбу за независимость и воссоединение своей страны. Это — борьба за правое дело, и потому все люди с чистой совестью на стороне камерунцев.

SUMMARY

The special XIIIth Session of the United Nations General Assembly convened in February and March 1959 considered the future status of the Cameroons trust territory. Representatives of the Cameroons peoples called for the reunification of the Western part of the country, administered by the British, and its Eastern part, administered by the French, in a single sovereign state. The colonialist majority of the General Assembly, however, succeeded in securing a formal decision on the suspension of trusteeship and the proclamation of Eastern Cameroons an independent state as of January 1960. It actually refused to recognize the legitimate claim of the peoples of the Cameroons for the reunification of their country. The Cameroons problem thus has remained unsettled; its people are faced with the prospect of waging a firm struggle for reunification.

The Social Development Level of the Cameroons Peoples at the Time of the Colonization of Africa

By A. S. Orlova

The oldest centre of culture and statehood on present-day Cameroons territory — the so-called Sao Empire — emerged in the 10th-14th centuries in the lower reaches of the Shari and Logone. The migration of the Masa tribes which occurred around the 15th century dealt a telling blow to the «Sao Empire»; it marked the beginning of an intricate process of migration of tribes and peoples which dominated the ethnic formation of the population of Northern Cameroons.

In the 17th and 18th centuries a Muslim sultanate emerged in the Mandara mountains. Early in the 19th century military bands of the Fulbe cattle raisers invaded Northern Cameroons. Their intrusion resulted in the emergence of a number of small feudal states — lamidats — and in a new population migration, particularly on the territory of Northern Cameroons.

Eastern Bantoid peoples who form the bulk of the population of Central Cameroons (the Tikar, Bamum and Bamileke) inhabited the territory which they occupy today as early as in the 15th century. In the 17th century the state of Bamum was formed there, with small Tikar states taking shape to the east, and those of the Bamileke emerging to the southwest. The history of the Bamileke in the 19th century was characterized by a gradual consolidation of their states under the power of local rulers.

At the time of European colonization feudal relations prevailed among the major peoples of Central Cameroons. The Bantu peoples of Southern Cameroons by the 19th century were going through different stages of the process of disintegration of clan and tribal relations. A full-fledged state took shape only among the Duala.

The peoples of the Cameroons have their own eventful history and well-developed, original culture; many of them had states whose history dates from time immemorial.

The Ethnic Composition of the Cameroons Today

By B. V. Andrianov

The colonialists, who would make it believe that ethnical chaos prevails in Africa, are largely exaggerating the split character of the ethnic composition of the African population in general, and that of the Cameroons in particular. A careful study of the data available, however, makes it possible to single out three large ethnic groups on Cameroons territory: 1) the Hausa-Kotoko speaking peoples, 2) the Eastern Bantoid peoples of Central Cameroons, and 3) cognate Bantu speaking peoples. Over a half of the Cameroons population speak the Bantoid languages of Central Cameroons and cognate Bantu languages. The main occupation of the population in this part of the country is the cultivation of high-yielding tropical cultures for exports on plantations. The main towns are situated in this territory, with the density of the population in some areas reaching 100—300 people per square kilometre.

More complex is the ethnic composition of Northern Cameroons where, besides the main body of the Hausa-Kotoko peoples, groups of Arab peoples are to be found, such as the Shoa, Fulbe and others speaking the so-called non-classified languages of Central Sudan. These are the most economically backward areas of the Cameroons.

Europeans reside chiefly in the main urban centres and, despite their limited numbers, hold the key positions in the economical and political life of the country.

The boundary between Western (British) and Eastern (French) Cameroons, imposed by the colonialists, runs across the ethnic territories of several peoples, thus dividing them.

The Struggle to Reunite the Cameroons

By I. I. Potekhin

Denying the peoples of the Cameroons their right to reunification, the advocates of colonialism claim that there never was a single Cameroons people or a single state on its territory, alleging that its boundaries were arbitrarily traced in the course of its colonization. Such statements are clearly meant to perpetuate the colonial division of the Cameroons.

A study of the ethnic composition of its population, of the historical ties between its peoples and the legitimate claims of the rulers of the Cameroons states whose territories are severed by colonial boundaries, yields convincing testimony in favour of reunification. Statements to the effect that the forty-year administration by France and Great Britain has affected the cultural makeup of the populations of Eastern and Western Cameroons, which allegedly precludes the reunification of its severed parts, are utterly groundless. The peoples of the Cameroons have created a culture of their own and have succeeded in keeping it intact notwithstanding the colonialists' efforts to implant an alien culture. And last but not least, the strongest argument in favour of reunification is the will of the Cameroonians; resorting to all possible methods in their struggle for this goal they have insisted on their claim coming up before the special session of the General Assembly. The struggle to reunite the Cameroons is a just cause and it is the duty of all honest-thinking men and women to support it.

Ю. И. ЖУРАВЛЕВ

ТИБЕТСКИЕ НАРОДНОСТИ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТИБЕТЦЕВ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Тибетцы Китайской Народной Республики относятся к наиболее крупным по численности национальностям страны. Они заселяют обширные территории северо-западного, западного и юго-западного Китая¹.

Первые известия о предках собственно тибетцев относятся еще ко II тысячелетию до н. э. С VII в. н. э. крепнут связи между китайским и тибетским народами. Дружественные взаимоотношения с Китаем способствовали развитию в Тибете сельского хозяйства, ремесла. Тибетский народ за свою многовековую историю создал высокую культуру, замечательные памятники литературы, архитектуры и искусства.

Кроме собственно тибетцев, к тибетским народностям Китая относятся живущие в различных районах провинций Юньнань и Сычуань цян, ну, дулун, а в пограничной области Китая (Тибет) и Индии, известной у тибетцев под названием Лоюл,— лоба². Сифань и цзяжун являются этнографическими группами тибетцев. Языки этих народностей относятся к одной лингвистической группе. Однако в материальной и духовной культуре каждой из них наблюдаются свои специфические особенности.

Изучение социально-экономических отношений, существовавших у тибетских народностей в прошлом, имеет важное значение для исследования процесса распада родовой и возникновения сельской общины, а также раннефеодальных отношений, происходившего у национальных меньшинств горного юго-запада Китая. Изучение же их материальной и духовной культуры может дать многое для понимания этногенеза и связей тибетских народностей Китая с их соседями в процессе исторического развития. К сожалению, вопросы этногенеза и этнической истории тибетских народностей еще совершенно не изучены, и потому в настоящее время еще не представляется возможным их в должной мере осветить. Дулун, лоба и в какой-то мере ну, принадлежа по языку к тибетским народностям, по этнографическим признакам тяготеют к бирманским народностям или же к народностям группы ицзу.

¹ Кроме Китая, тибетцы живут также в северном Непале, в некоторых районах Республики Индии (Ладак, Балтистан), в зависимом от нее княжестве Бутан и в княжестве Сикким, входящем в ее состав.

² В советской литературе иногда употребляют название «ло-юй». Это китайская транскрипция тибетского Лоюл (страна Ло), и применение географического термина как этнического не совсем правильно. Население Лоюл известно тибетцам под собирательным названием лоба (уроженцы страны Ло). В настоящее время в Китае в Лоюл, кроме тибетцев, выделяют еще две группы — ло жэнь и мань-жэнь (см. сб. «Вэньбу цяньцзинь чжунды сицзан» (Тибет, неуклонно идущий вперед), Пекин, 1958, стр. 115). Эти названия, по-видимому, также не являются этнонимами. В дальнейшем, говоря о всем населении этого района Китая, мы будем пользоваться названием лоба как более точным. Для определения же этнических групп лоба будут сохранены более распространенные в науке названия — абор, дафла, мири, мишми, а также апа-тани, которых вполне можно рассматривать отдельно от дафла в силу специфики их культуры.

Исходя из доступных нам материалов, можно считать, что в культуре дулун, лоба и ну преобладают элементы, свойственные культуре бирманских народностей или народностей группы ицзу.

Лингвистическое, этнографическое и антропологическое изучение этих народностей носило в прошлом случайный характер, и имеющиеся в нашем распоряжении сведения отличаются крайней скудостью и подчас противоречивы. В последнее время китайские и советские ученые перестали выделять цзяжун и сифань как самостоятельные народности тибетской группы. Но еще в 1954 г. профессор Ло Чан-пэй на основании лингвистических данных отличал цзяжун от тибетцев³. Основание для их включения в состав собственно тибетцев некоторые ученые Китая (например, профессор Фу Мао-цзи) видят в длительном процессе общего исторического развития тибетцев и цзяжун. Цзяжун сохраняют самоназвание «кара», отличное от самоназвания собственно тибетцев — «бодпа», что может свидетельствовать об их некоторой этнической самостоятельности. Известные нам работы различных ученых дают больше оснований выделять их из общей массы собственно тибетцев хотя бы как локальные группы тибетцев с сильными специфическими особенностями в языке и культуре. Пока что уровень наших знаний о тибетских народностях Китая не дает возможности прийти к твердо обоснованным заключениям, но тем не менее уже сейчас можно наметить постановку ряда таких вопросов, разрешение которых станет возможно лишь после всестороннего лингвистического, антропологического и этнографического изучения всех групп тибетцев Китая.

В настоящее время китайские ученые приступили к выполнению этой трудной и важной задачи. Данная статья написана с учетом последних известных нам фактических данных, собранных китайскими исследователями. Так как общие сведения о собственно тибетцах довольно обширны как в нашей, так и особенно в зарубежной литературе, то в статье основное внимание уделено остальным народностям тибетской группы.

Языки тибетский, цян, сифань, цзяжун, ну, дулун и лоба составляют тибетскую группу тибето-бирманской ветви китайско-тибетской семьи языков. Языки тибетских народностей делются на ряд диалектов; между некоторыми из них ученые отмечают особую близость (между языками ну и дулун, некоторыми диалектами лоба и языками цзяжун⁴ и ну⁵). Окончательно вопрос о большей или меньшей близости между некоторыми языками тибетской группы сможет быть решен после сравнительного исследования этих языков.

Антропологического обследования тибетских народностей до сих пор почти не проводилось⁶, что исключает возможность привлечения сравнительных антропологических данных. Тибетцы по своему антропологическому типу в целом близки к северным китайцам. Среди них довольно четко прослеживаются два варианта⁷. Камские тибетцы (западные районы Сычуани) характеризуются более выступающим носом, долихоке-

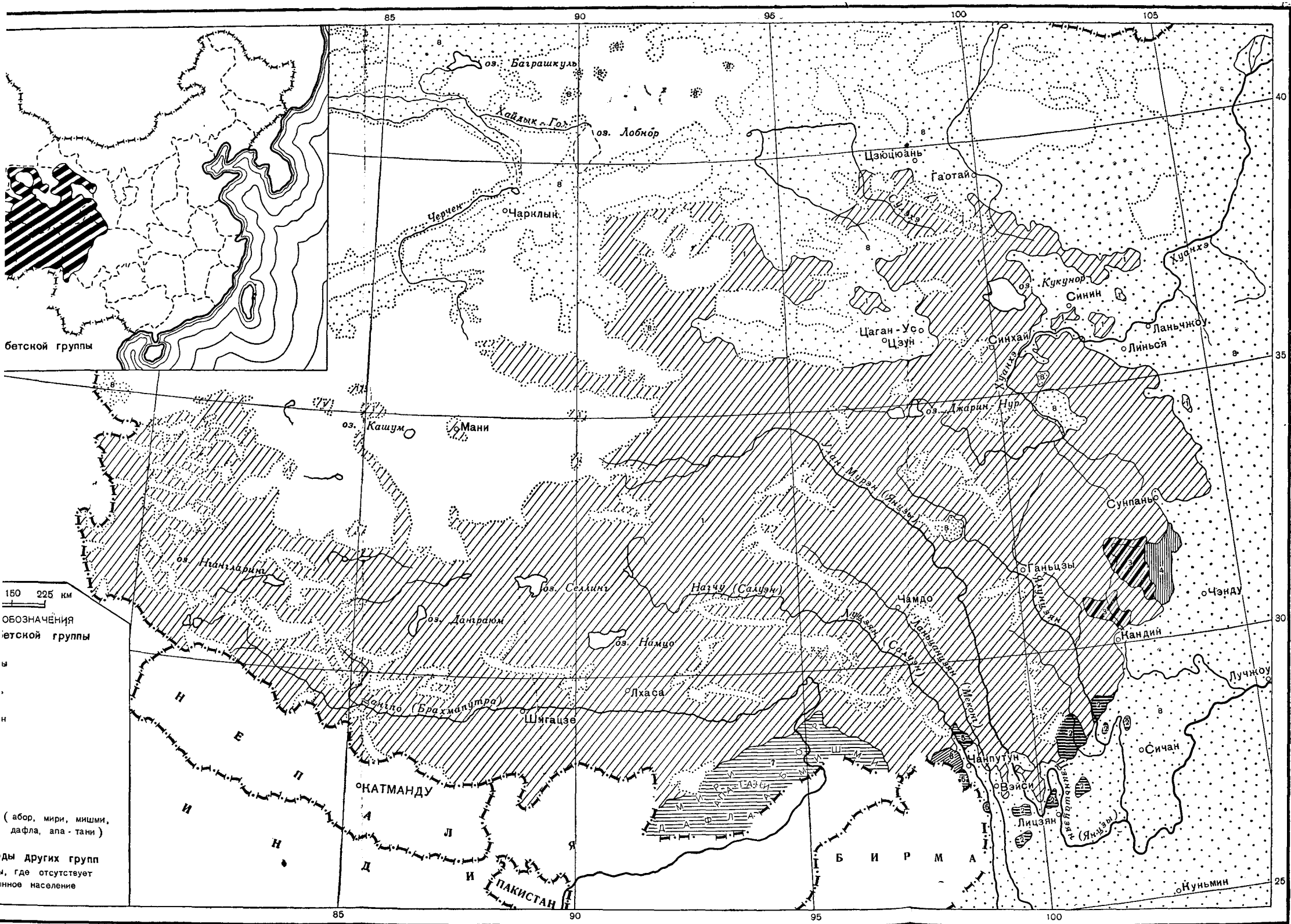
³ Сб. «Гонэй шаошу миньцзу юйянь вэньцзыды гайкуан» (Письменность и язык национальных меньшинств Китая), Шанхай, 1954, стр. 30.

⁴ T. W. Thomas, *Nam. An ancient Language of the Sino-Tibetan Borderland*, London, 1948, стр. 154.

⁵ Сб. «Гонэй шаошу миньцзу юйянь вэньцзыды гайкуан», стр. 30.

⁶ Одни из первых таблиц антропометрических измерений цян см. в «*Studia Serica*», т. V, 1946, стр. 1—6.

⁷ A. C. Haddon. *Les races humaines e leur répartition géographique* (пер. с англ.), Paris, 1925, стр. 95; W. Turner, *Contribution to the Craniology of the People of the Empire of India*. «*Transactions of the Royal Society*», XLIX, Edinburgh, 1913, стр. 705—734; G. M. Morant, *A first study of the Tibetan Skull*. «*Biometrika*», XIV, 1923, стр. 193—260; его же. *A study of certain oriental series of Crania*, «*Biometrika*», XVI, 1924, стр. 1—105; Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении китайцев, «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 43—44; Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955, стр. 375.

фалией. У тибетцев южных районов хорошо выражены особенности южноазиатской расы. Некоторые исследователи отмечали широкое распространение волнистых, а иногда курчавых волос даже у тибетцев Батана, где население прибегало к всевозможным средствам для выпрямления волос⁸. По некоторым данным, у сифань прослеживаются те же два варианта антропологического типа. У ну, дулун и лоба ясно выражены южномонголоидные черты.

Основную массу тибетских народностей составляют собственно тибетцы (около 2 800 тыс. чел.). Из остальных групп наиболее многочисленны лоба — 50 тыс. чел.⁹. Численность цян составляет примерно 36 тыс., ну — 12 800, дулун — 2 600. Численность цяжун, по некоторым данным, равна примерно 70 тыс. чел., сифань — 48 тыс., из которых в провинции Юньнань проживает 15 тысяч.

Тибетские народности живут компактными группами. Основная масса собственно тибетцев — 1 273 969 чел. — живет в Тибете и районе Чамдо¹⁰. В провинции Сычуань (в Ганьцзыском и Абаском тибетских автономных округах, а также в Мулиском тибетском автономном уезде) насчитывается 712 869 тибетцев. В провинции Цинхай общее число тибетцев составляет 516 180 чел. (в Хайбэйском, Хайнаньском, Хуаннаньском, Юйшуском и в Голо тибетских автономных округах, а также в Хайсиском монголо-тибетско-казахском автономном округе, в Вэйюаньском и Хуалунском автономных уездах национальности хуэй, в Хучжуском автономном уезде национальности ту (монгор), в Сюньхуаском автономном уезде национальности салар и в Хэнаньском монгольском автономном уезде). В провинции Ганьсу (в Ганьнаньском тибетском автономном округе, Тяньчжуском тибетском автономном уезде, Субэйском монгольском автономном уезде, Сунаньском автономном уезде национальности юйгу) проживают 204 632 тибетца. В провинции Юньнань (в Дидинском тибетском автономном округе, Далиском автономном округе национальности бай, Гуншаньском автономном уезде национальностей дулун и ну Нуцзянского автономного округа национальности лису и в Нинланском автономном уезде национальности ицзу) — 66 893 тибетца. Компактная группа тибетцев численностью 476 чел. проживает в Эвенкийском автономном хошуне Хулун-Буирского аймака автономной области Внутренняя Монголия. Кроме того, в незначительном числе тибетцы живут почти во всех провинциях и в больших городах Китая.

Цян в основном живут среди тибетцев в Абаском тибетском автономном округе провинции Сычуань (35 465 чел.) — в уездах Вэньчуань, Ли, Мао, Хэйшуй, Сунпань, а также в соседних районах. Недавно был создан автономный уезд Маовэнь национальности цян в составе Абаского тибетского автономного округа.

Цзяжун населяют долины горного хребта Лайбаланшань к северо-западу от г. Гуаньсянь в пределах Абаского тибетского автономного округа, где их причисляют к тибетцам. Там они живут в уездах Маэркан, Чосыцзя, Дацзинь, Сяоцзинь, Ли, а также в уездах Даньба и Даофу Ганьцзыского тибетского автономного округа и в уезде Баосинь.

Сифань живут в Ганьцзыском тибетском автономном округе (470 чел.), в Ляншаньском автономном округе национальности ицзу провинции Сычуань (2 200 чел.), в Дидинском тибетском автономном округе провинции Юньнань (316 чел.) и в Нинланском автономном уезде национальности ицзу провинции Юньнань (4 410 чел.). Остальные сифань населяют отдельные районы провинций Сычуань (уезды Мули,

⁸ Р. Н. Stevenson, *The Chinese-Tibetan Borderland and its Peoples*, «Bulletin of Peking Society of Natural History», т. II, ч. 2, 1927—1928.

⁹ С. И. Брук, *Расселение национальных меньшинств Китайской Народной Республики*, «Сов. этнография», 1958, № 1, стр. 77.

¹⁰ В дальнейшем численность дается на февраль 1957 г.

Цзюлун, Яньтай) и Юньнань (уезды Лицзян, Ланьпин, Юншэн и др.), где они живут вместе с тибетцами, наси, лису, ицзу.

Ну живут почти на границе с Бирмой по р. Нуцзян (Салуэн) в провинции Юньнань: 3152 чел. в Гуншаньском автономном уезде национальностей дулун и ну, 7645 — в Нуцзянском автономном округе национальности лису, 606 — в Дидинском тибетском автономном округе, остальные — в прилежащих районах провинции Юньнань. Небольшие группы ну имеются также в Чаюй и Чавалуне района Чамдо.

Основная масса дулун (2413 чел.) живет на границе с Бирмой в долине р. Нуцзян, на северо-западе Юньнани в Гуншаньском автономном уезде национальностей дулун и ну, и 179 дулун — в уезде Вэйси особого района Лицзян провинции Юньнань.

Лоба занимают обширную территорию на юго-восток от Лхасы, в районе излучины р. Цангпо и по берегам ее притока Субансири. Лоба живут также в пограничных с Китаем районах Индии. Политическая история этого района сложна, и до сих пор на различных картах границу между Китаем и Индией в этом районе отмечают по-разному или же считают неустановленной.

* * *

Основные занятия большинства тибетских народностей — земледелие и скотоводство, причем, вопреки обычным представлениям, преобладает первое. В Тибете чисто земледельческое население, составляющее примерно 44% всего населения, сосредоточено в бассейне р. Цангпо и ее притоков. Земледелие — главное занятие тибетцев Сычуани и Юньнани, значительной части тибетцев Цинхая, а также сифань, цян, цзяжун, ну, дулун, апа-тани, мири. Большая часть собственно тибетцев занимается скотоводством. Тибетские группы часто сочетают земледелие со скотоводством (тибетцы, сифань, цян, цзяжун, все группы лоба) или охотой и рыболовством (ну, дулун, абор, мири, дафла), так что иногда бывает довольно трудно определить главное из их занятий. В прошлом у некоторой части дулун преобладали охота, рыболовство и собирательство. Ну и дулун, наряду со сбором лекарственных растений (горечавка, вечник), собирали лак с лаковых деревьев, а ну, кроме того, — плоды тунгового дерева.

Способы обработки земли у тибетских народностей Китая различны. Тибетцы пашут землю деревянным плугом, затем разрыхляют комья бороной из рогов яка. Они применяют севооборот с паром и искусственное орошение. В прошлом почти повсеместное использование деревянных сельскохозяйственных орудий, плохое качество обработки почвы и прополки полей, а также недостаток удобрений были причинами низкой урожайности. Таким же было раньше земледелие и у цян. Зачастую у них не было тяглового скота, и тогда деревянный плуг тянули по пашне двое мужчин, а третий шел сзади, налегая на ручки плуга. Цзяжун же даже среди китайцев были известны как умелые земледельцы, особенно искусные в сооружении дамб и каналов для орошения полей. Приемы земледелия и сельскохозяйственные орудия у сифань несколько отличны от тибетских и схожи с китайскими. Ну также применяют сельскохозяйственные орудия китайского типа. У южных тибетских народностей (ну, апа-тани, частично дафла и мири) широко развито земледелие с искусственным орошением. Лоба устраивают террасовые поля. Но в прошлом у абор, дафла, мишми и мири, как и у дулун, было распространено преимущественно подсечно-огневое земледелие¹¹ (накануне Освобождения оно частично сохранялось и у цян) с применением крайне несложных орудий — палки-копалки и лопаты, сделанной из ло-

¹¹ Сб. «Вэньбу цянцзинь чжунды сицзан», стр. 117.

паточной кости буйвола (у мири). Дулун, выбрав участок леса, молодые деревья вырубали, а старые, толстые — окольцовывали. После того как деревья засыхали, их сжигали, а затем деревянными мотыгами обрабатывали поле. При жатве дулун использовали серп. У лоба же (за исключением апа-тани), как правило, серпов не было. Женщины дафла, обрывая руками метелки риса, кидали их в корзину, удерживаемую за спиной при помощи налобного ремня.

Собственно тибетцы, цян, сифань, цяжун выращивают в основном одни и те же культуры: цинко (голосемянный ячмень), пшеницу, гречиху, овес, горох, просо, кукурузу, различные овощи; сифань, кроме того, — суходольный рис; цяжун в прошлом культивировали опийный мак. Тибетские народности Юньнани выращивают и иные культуры: ну — ямс, таро и в широких размерах (в отличие от собственно тибетцев) — заливной рис; дулун — сою, кукурузу, суходольный и заливной рис, батат, хлопок; лоба — заливной и суходольный рис, хлопок, кунжут.

Таким образом, в то время как у собственно тибетцев, цян и цяжун к моменту Освобождения был достигнут сравнительно высокий уровень земледелия, у дулун и части лоба еще сохранялась примитивная подсечно-огневая система, а мотыга и палка-копалка были почти единственными земледельческими орудиями. Различия в выращиваемых культурах обусловлены в первую очередь природными условиями в районах расселения данных групп.

Часть тибетцев занимается кочевым скотоводством. Там, где это возможно, практикуют отгонное скотоводство (собственно тибетцы, сифань). Скотоводы разводят яков, крупный рогатый скот, овец, лошадей, коз; население земледельческих районов — свиней, а также птицу. В этих районах скот содержат в первом этаже дома или же в одном помещении с людьми, если дом одноэтажный. Ну, использующие тягловый скот на полевых работах, в прошлом выменивали его у своих соседей, а сами разведением животных не занимались. Дулун также разводили только свиней, а быков на мясо и для жертвоприношений выменивали у соседних народностей. Апа-тани в основном выменивали скот у дафла и мири.

Охота прежде играла очень большую роль у ну, мишми, дулун. Последние широко практиковали коллективную охоту загонном. Охотничьим оружием у собственно тибетцев, цян, сифань, цяжун служило ружье, у дулун и ну — самострел с небольшими тонкими стрелами, по типу схожий с самострелами наси и лису. Абор, мишми, а также дулун пользовались луком со стрелами; у мишми были известны копья. Наконецники стрел и копий они смазывали ядом аконита¹². Отравляющие свойства аконита издавна были известны собственно тибетцам, которые, однако, никогда не применяли отравленных стрел. В настоящее время охотой как подсобным промыслом занимаются все тибетские народности Китая.

Из ремесел у тибетских народностей наиболее широко распространено ткачество, у лоба — плетение из бамбука и тростника. Вертикальный ткацкий станок известен только тибетцам, а горизонтальный — всем тибетским народностям Китая. Профессиональные ремесленники существовали прежде только у собственно тибетцев, цян, цяжун, сифань. У ну, дулун и лоба ремесло еще в первой половине 1950-х годов не вполне отделилось от земледелия. Отдельные виды ремесла (выделка сукна у тибетцев, особенно в Гьянцзе и Шигацзе, обработка металлов в Дэгэ, оружейное ремесло у цяжун в Сомо) издавна были высоко развиты.

Таким образом, еще недавно тибетские народности находились на различных ступенях экономического развития, что определяло и уровень развития социально-экономических отношений у той или иной народности.

¹² F. K. Ward, Explorations in South-Eastern Tibet, «The Geographical Journal», т. LXVII, London, 1926, № 2, стр. 109.

До Освобождения у собственно тибетцев существовала феодальная собственность на землю, пастбища и скот. В Тибете она продолжала существовать без изменений до самого недавнего времени¹³, причем сохранявшаяся у скотоводов родоплеменная структура прикрывала феодальную эксплуатацию, как это было в прошлом у цян¹⁴ и цзяжун. У цзяжун прежде существовало несколько феодальных владений — Сомо, Дамба, Хошиа, Вассу. Их территории были разделены на районы, которыми управляли ставленники феодалов. Они были обязаны поставлять слуг во дворец феодала, людей для обработки его полей¹⁵, а в случае необходимости — и воинов.

Четкое классовое расслоение перед Освобождением наблюдалось и среди сифань. Наиболее плодородная земля в долинах рек находилась в частной собственности, земля же в горах еще была собственностью всей деревни. Землю можно было покупать и продавать, что вело к концентрации ее в руках помещиков из числа самих сифань, а также наси и китайцев. Так, один из помещиков-сифань в Ланьпине (провинция Юньнань) владел вначале 20 цзя земли (около 6,5 га); скупая землю у крестьян, он увеличил свое владение до 190 цзя. Безземельные крестьяне-общинники были вынуждены арендовать землю у помещиков, попадали в долговую зависимость от них, становились их «семейными слугами» (бацзы). Положение бацзы было сходно с положением крепостных; их можно было покупать и продавать. У сифань существовали целые поселения бацзы. Так, тусы¹⁶ Нинлана владел двумястами дворов бацзы. Каждая семья бацзы обрабатывала выделенный ей участок земли и ежегодно уплачивала ренту не только частью урожая, но и лекарственными травами, изделиями ремесла и пр.; она была обязана также в течение определенного времени отработать на полях помещика и в его домашнем хозяйстве.

Накануне Освобождения у сифань еще сохранялась сельская община, однако процесс ее разложения зашел уже очень далеко. Члены общины владели на правах частной собственности участками пахотной земли. Пустоши же в горах считались собственностью всей общины, но фактически ими распоряжались деревенские старшины. С их разрешения жители деревни своими силами выкорчевывали лес и затем в течение пяти лет обрабатывали поле, не внося за это платы, а потом эта земля становилась частью земельного фонда всей деревни; арендная плата за пользование этой землей составляла десятую часть урожая, что было вполнину меньше платы за аренду земли у помещика. Она поступала в общедеревенскую кассу, однако значительная ее часть шла непосредственно старшинам. Должностные лица общины уже выполняли функции низшего слоя феодального аппарата управления в районах национальных меньшинств старого Китая.

Накануне Освобождения феодальные отношения господствовали только у собственно тибетцев, цян, сифань и цзяжун. У ну и лоба наблюдался

¹³ Подробнее см.: Е Лу, Хэ Ши, Сицзан фэнцзянь нунну чжидуду чубу фэнсяси (Начальный анализ феодально-крепостнической системы Тибета), «Миньцзу яньцзю», 1959, № 3, стр. 13—25.

¹⁴ О феодальной формации у цян см. коллективную статью «Цун маовэнь яньмэньсянды дяоча кань цзэфаньянь цянцзуду шэхуй цзинцзи цзегоу» (Социально-экономические отношения у цян до Освобождения, по данным обследования деревни Яньмэнь уезда Маовэнь), «Миньцзу яньцзю», 1959, № 3, стр. 41—48.

¹⁵ Т. М. Ainscough, Notes from a Frontier, Shanghai, 1915, стр. 9—10, 61.

¹⁶ Тусы (буквально «управляющий землей») — чиновник старой китайской администрации, поставленный для управления национальными меньшинствами на местах. Там, где в результате общественного развития национальных меньшинств уже выделились мелкие феодалы, тусы назначались из их среды. У тех же национальных меньшинств, где четкого расслоения общества еще не было, тусы назначались из числа старейшин родов и вождей племен или же из представителей других национальных меньшинств, иногда из среды самих китайцев. Это, естественно, ускоряло процесс феодализации данного общества.

процесс распада сельской общины и становления раннеклассовых отношений. С этой точки зрения интересна сельская община ну. Пахотная земля у них в то время еще не полностью перешла в частную собственность отдельных семей, являвшихся уже основной экономической ячейкой общества; род как форма организации еще сохранял свое значение, хотя процесс замены родственных связей территориальными принял уже широкие размеры.

До кооперирования сельскохозяйственного производства собственность на землю у ну выступала в двух формах: частной собственности и «гунгэн» (буквально «совместная обработка земли», но этим содержанием термин не исчерпывается; в дальнейшем под гунгэн мы подразумеваем, в зависимости от контекста, как форму собственности или форму коллективного труда, так и форму организации, а также надел земли члена данного объединения). В частной собственности находилась большая часть обрабатываемых земель (рисовое заливаемое поле, участки земли с естественным орошением, огороды), а также бамбуковые рощи, участки в горах, где произрастают лекарственные растения¹⁷. Но еще довольно значительной частью земли на правах коллективной собственности владели группы в несколько семей. В некоторых деревнях в гунгэн объединялось от 90 до 100% всех хозяйств, члены которых обрабатывали от 50 до 80% всей пахотной земли, принадлежавшей деревне. В деревнях ну, как правило, проживало несколько родов, иногда носивших названия животных — «медведь», «тигр» и т. д., в чем можно видеть следы тотемизма. Так, в деревне Пулэ уезда Бицзян насчитывалось в 1954 г. 205 семей, принадлежавших к пяти родам. Роды возглавляли старейшины (эша), не имевшие особых привилегий по сравнению с сородичами. Этот титул не передавался по наследству, а авторитет эша держался в основном на уважении сородичей; лишь при возникновении больших споров между членами рода старейшинам родов делали подношения за помощь в разрешении таких споров.

В деревне Пулэ сохранялись границы между земельными участками каждого рода, но 70% земли находилось уже в частной собственности отдельных семей, ее можно было продавать и покупать, хотя жители деревни еще помнили о принадлежности этой земли одному из родов. Остальная земля находилась в коллективной собственности — гунгэн, при которой несколько семей сообща владели участком земли рода и совместно его обрабатывали. После сбора урожая зерно поровну распределяли между всеми семьями, работавшими на этом участке. В 1954 г. число семей, обрабатывавших землю в таких объединениях, составляло 50—70% всех семей деревни.

В том же 1954 г. в деревне Чжицзыло уезда Бицзян, населенной ну, насчитывалось 76 дворов. Из них 68 состояли в объединениях гунгэн, причем число семей в каждом из них колебалось от двух до семи. В гунгэн объединялись обычно только сородичи, но в некоторые из них входили уже члены других родов и даже представители других народностей. Это нарушение родственных связей стало в общине обычным явлением.

В деревне Чжицзыло 48% всей земли, использовавшейся в соответствии с системой гунгэн, первоначально составляли собственность всего рода. Впоследствии эта земля была поделена на участки и перешла в постоянное пользование отдельных семей; ее стали обрабатывать по системе гунгэн. 33% всей земли гунгэн составляли купленные участки. Ранее эта земля уже находилась в частной собственности, но ее владельцы были вынуждены по тем или иным причинам продать ее. Приобретшие же ее ну создавали объединения гунгэн, сохранив за собой, очевид-

¹⁷ И Цюнь, Вого шаошу миньцу цзяньцзе (Национальные меньшинства Китая. Краткий очерк), Пекин, 1958, стр. 160.

но, право собственности на свои участки. Возможно, именно в этом случае урожай делили не поровну, а в зависимости от величины участка каждой входившей в объединение семьи. Эти семьи еще не могли целиком обрабатывать приобретенные участки только своим трудом и были вынуждены объединяться в гунгэн. Оставшиеся 19% земли, обрабатываемой по системе гунгэн, составляла поднятая целина; она находилась в коллективной собственности семей данного гунгэн. По-видимому, были две формы гунгэн: при одной земля была коллективной собственностью входящих в объединение семей, при другой — семьи сохраняли свои права на участки земли и коллективно их обрабатывали. Очевидно, форма гунгэн зависела и от формы собственности на земельные участки, в него входящие.

Взаимоотношения членов внутри гунгэн можно проследить на следующем примере. В одной из деревень уезда Гуншань три семьи ну — Пуцзя, Ваяо и Лату, принадлежавшие к одному роду, объединялись в гунгэн; они сообща владели участком неорошаемой земли и в течение длительного времени совместно его обрабатывали. Когда-то они пытались превратить свой участок в заливаемое поле, но из-за недостатка рабочих рук не смогли этого сделать. Затем в состав гунгэн приняли еще три семьи: сородича Мэйцянъ, лису Гоцзэ и дулун Тоняньпа. Силами шести семей к участку подвели воду, и в течение ряда лет члены этого гунгэн работали на поле сообща и делили урожай строго поровну. Затем лису Гоцзэ захотел взять приходящийся на его долю пай земли и выйти из гунгэн. В виде компенсации Гоцзэ устроил для остальных пяти семей угощение, состоявшее из риса, свинины, вина. Позже и Мэйцянъ вышел из состава гунгэн, взяв свой пай земли. Подробности его расчета с оставшимися членами гунгэн неизвестны. Несколько ранее Лату, выдав замуж дочь, передал свой надел заливаемого поля зятю Цзяшэнь; тот в свою очередь половину полученного надела обменял лису Баоэянъ на кукурузу. Процесс дробления поля продолжался и в дальнейшем.

Таким образом, число членов гунгэн не было постоянным, как и размер самого земельного участка. Члены объединения коллективно трудились на своем поле, причем вкладывали в его обработку разное количество труда, а урожай чаще всего продолжали делить строго поровну.

В отношении форм земельной собственности у ну можно сделать следующие выводы. Несмотря на распад родового строя, род как форма организации накануне Освобождения еще сохранялся, но основной хозяйственной единицей уже стала малая семья. Подъем производительных сил, обусловивший распад рода, в известной мере был вызван тем, что в районе обитания ну в середине XVII в. поселялись китайцы (хань) и бай, обрабатывавшие землю при помощи железных сельскохозяйственных орудий и тяглового скота. Соседние племена заимствовали эти способы обработки земли. В процессе распада рода собственность всего коллектива на землю сменилась частной собственностью на пахотные земли (причем этот процесс не завершился еще и к началу 1950-х годов), а общинная собственность сохранялась лишь на пустоши. В сельской общине ну начинался процесс имущественного расслоения и выделения деревенских старейшин из всей массы общинников, но говорить о феодализме у ну накануне Освобождения не приходится.

Объединение гунгэн было пережитком собственности рода на землю и системы коллективного труда сородичей на полях рода. Поэтому в гунгэн работали на поле сообща и делили урожай обычно поровну между его членами, независимо от количества вложенного труда. Каждый желавший выйти из объединения и взять свой надел земли должен был как бы компенсировать его стоимость оставшимся членам гунгэн деньгами или равноценным угощением. Но в то же время внутри гунгэн от-

дельные участки земли уже можно было передавать по наследству и даже уступать другим лицам за известное вознаграждение.

Гунгэн — явление переходного периода распада родовой общины и возникновения сельской общины, несущее черты как старых, так и новых общественных отношений. Относительная устойчивость этого явления у ну объяснялась тем, что на этой ступени развития производительных сил одна малая семья еще не могла превратить свой участок в горах в заливаемое поле, а также прочными навыками коллективного труда. Но развитие производительных сил привело уже к тому, что род как хозяйственная единица распался, от родового строя остались только форма организации, названия родов и границы их земельных владений.

Родоплеменная структура сохранялась до последнего времени также у лоба. Пахотная земля здесь находилась уже в частной собственности. Большой вес имели богатые сородичи, хотя до недавнего времени у некоторых групп лоба сохранялись собрания всех членов рода. Раньше у лоба существовало патриархальное рабство. Число рабов пополнялось за счет пленных, захваченных во время набегов на селения соседей. Положение рабов было сравнительно терпимым, раб мог жениться на дочери свободного, иметь землю, скот, дом. Но в то же время раб навсегда оставался рабом по своей социальной принадлежности.

В какой-то мере можно говорить о патриархальном рабстве и у дулун, но здесь рабами могли быть и сородичи, тогда как у апа-тани, например, положение раба дафла отличалось от положения зависимого апа-тани. У лоба патриархальное рабство получило значительно большее развитие, чем у дулун. Общество лоба находилось на последней стадии разложения первобытно-общинного строя, когда отношения родового общества прикрывали далеко зашедшее имущественное расслоение и начавшееся обособление родовой верхушки от массы рядовых общинников. У дулун же процесс распада родового строя к 1954 г. не зашел еще особенно далеко. Деревня дулун была поселением одного патриархального рода или же нескольких (обычно пяти-шести) больших семей. Численность большой семьи достигала 20—40 чел., иногда и больше. Возглавлял род или большую семью старейшина — «мэнгаоба», которого выбирали все члены данной группы из числа наиболее уважаемых и опытных мужчин. Власть мэнгаоба основывалась только на личном авторитете. Все более или менее важные дела обсуждали коллективно члены данной группы. Большие семьи деревни выбирали общего вождя из среды наиболее влиятельных лиц. Между вождями отдельных деревень не было постоянной связи и взаимодействия; единого верховного вождя также не было. Вождь деревни не обладал особыми правами; его функции сводились к разрешению различных споров и недоумений. В знак достигнутого примирения дулун устанавливали на площадке деревни камень как напоминание о клятвенном обещании союза и дружбы. Должность вождя, как и должность старейшины, была выборной, а не наследственной.

Вся земля у дулун была поделена между родами и являлась собственностью рода в целом. Купли-продажи земли у дулун не было, но довольно часто один род за зерно или скот уступал другому участок пахотной земли или пустошь. В очень редких случаях род уступал участки на тех же условиях отдельным лицам, которые, возможно, не были дулун.

У некоторых родов дулун еще существовала коллективная обработка земли. Семена для посева в строго равном количестве выделяли из своих запасов большие семьи. Роду (или большой семье) принадлежали также участки, засаженные тыквой, и огороды, которые дулун разбивали близ жилищ; но их обрабатывали только члены данной семьи, и урожай с огородов шел на удовлетворение ее потребностей. У дулун было два вида распределения урожая и потребления продуктов. В первом

случае весь урожай распределяли поровну по большим семьям, которые хранили полученные продукты в общем амбаре. Постоянная стряпуха из числа женщин большой семьи готовила пищу и поровну распределяла ее между всеми членами семьи¹⁸. Во втором случае урожай распределяли поровну между всеми супружескими парами большой семьи, которые хранили его раздельно. Одна из супружеских пар начинала готовить пищу на всех членов большой семьи из своих запасов. После того как запасы этой пары кончались, начинала готовить из своих продуктов другая пара, и так далее по очереди. Первый способ потребления продуктов более архаичен, второй отражает усиление процесса выделения малой семьи.

Экономическое положение малой семьи в некоторых родах дулун упрочилось настолько, что она стала в состоянии своими силами обрабатывать находившийся в ее пользовании участок земли рода, и урожай являлся ее собственностью. Но и здесь еще сохранялась форма родовой взаимопомощи, известная под названием «вашуа». Если в период полевых работ семья в силу каких-либо причин (болезнь ее трудоспособных членов и т. д.) была не в состоянии своими силами обработать находившийся в ее пользовании участок, глава семьи забивал свинью, готовил угощение (хлеб, мясо, вино) для всех членов рода (или ближайших родственников), после чего они обрабатывали его участок. Иного вознаграждения за эту работу не полагалось. Вашуа — пережиток коллективного труда, известного под названием «байлайху» и практиковавшегося еще некоторыми родами дулун. В тех же родах, где уже появилось имущественное расслоение, богатые сородичи подчас использовали вашуа для эксплуатации членов своего рода. Однако род у дулун продолжал оставаться основной экономической единицей. Роды были связаны между собой строго установленными брачными отношениями.

В то же время, как видно из изложенного выше, род у дулун уже обнаруживал признаки начавшегося распада. Можно думать, что старейшины родов и вожди деревень получали уже большую долю по сравнению с остальными сородичами, так как только у них хватало продовольствия до следующего урожая. Консервации отношений родового строя у дулун в значительной мере способствовали природные условия в районе их обитания, затруднявшие развитие производительных сил и связи с более развитыми районами.

Таким образом, социально-экономические отношения у тибетских народностей Китая до проведения аграрных преобразований и начала движения за кооперирование сельскохозяйственного производства находились на стадии перехода от родового строя к феодализму через сельскую общину. Специфика социально-экономических отношений у той или иной народности определялась уровнем развития производительных сил. На более низкой ступени общественного развития стояли населяющие труднодоступные горные районы юго-восточного Тибета и юго-западного Китая народности, у которых обнаруживаются к тому же несвойственные тибетцам в целом особенности в материальной и духовной культуре.

* * *

Остановимся коротко на характерных чертах жилища и одежды тибетских народностей Китая.

Основные типы жилища тибетцев — одно- или двухэтажные дома из глины, камня, утрамбованной земли или рубленые (в восточных районах проживания тибетцев), с плоской или двускатной (на юге Тибета, отчасти в Сычуани и Юньнани) крышей. В нижнем этаже двухэтажного дома держат скот, второй используют для жилья; в одноэтажном доме скот

¹⁸ Так же поровну распределяли и мясо убитых на охоте животных.

и люди находятся в одном помещении. Эти типы жилища с незначительными изменениями распространены у всех оседлых тибетцев, цян, сифань и цзяжун, частично у ну. Обычный тип поселения — кучевой (рис. 2), причем дома иногда стоят очень близко друг к другу. Так, в деревне цян расположение домов настолько тесно, что там с крыши на крышу переброшены доски для перехода из одного дома в другой. У скотоводов-кочевников жильем служит палатка из шерсти яка. У цян и цзяжун, в отличие от всех остальных народностей тибетской группы, встречаются каменные башни (одна или несколько), расположенные в самой деревне

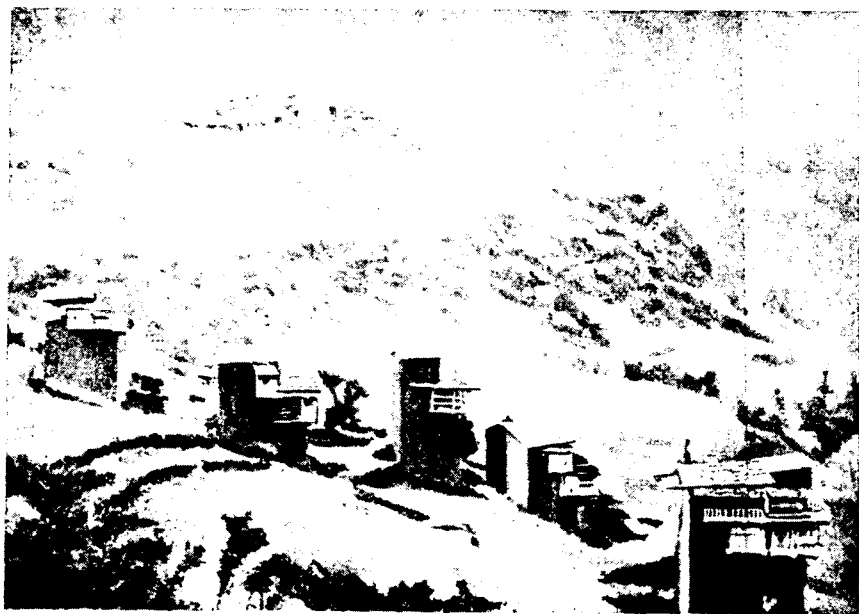

Рис. 2. Поселение цзяжун в начале XX в. в районе Сомо

или на ее окраине. Обычно они имеют четырехугольную форму, реже — шести- или восьмиугольную; высота их достигает 15—20 м (рис. 3). Башни прежде служили жителям деревни убежищем при нападении врагов. При приближении опасности скот заводили в нижний этаж и запирали на засов тяжелые деревянные двери. Жители поднимались на верхние этажи, откуда сбрасывали на осаждавших заранее приготовленные камни. На самой верхней площадке башни зажигали огонь, чтобы известить жителей дружественных деревень о вражеском нападении. Кроме того, башни использовали как склад для хранения общинных ценностей и зерна.

Тип жилища у дулун, лоба и некоторой части ну совершенно иной. Ну, кроме срубных, знают и каркасные жилища, для сооружения которых применяют бамбук. До недавнего времени у дулун преобладали удлиненные дома — жилища большой семьи, где каждая супружеская пара имела свое отдельное помещение. Обычно дом состоял из 8—10 и даже более помещений¹⁹ с отдельным очагом для приготовления пищи в каждом. Иногда такие дома строили параллельными линиями, оставляя между ними нечто вроде улицы. У дулун имеются также отдельные рубленые дома для малой семьи, иногда на невысоких деревянных сваях. В них раньше жили главным образом семьи родовых старейшин и вож-

¹⁹ И Цюнь, Указ. раб., стр. 163.

дей деревни. Еще несколько десятилетий назад у дулун можно было встретить жилища из тростника, соорудившиеся на деревьях. По преданию, дулун пришли в Гуншань из района р. Нуцзян около 200—300 лет назад. Из-за сырого климата в Гуншане, опасности укуса ядовитых змей и нападения диких животных пришельцы и стали строить такие жилища.

Удлиненный дом дулун по типу сходен с жилищем лоба. Абор, как и все лоба, дома строили на сваях. Длина дома — 18—20 м, ширина — 4—6 м. По фасаду шла веранда, над которой нависала крыша. В дом

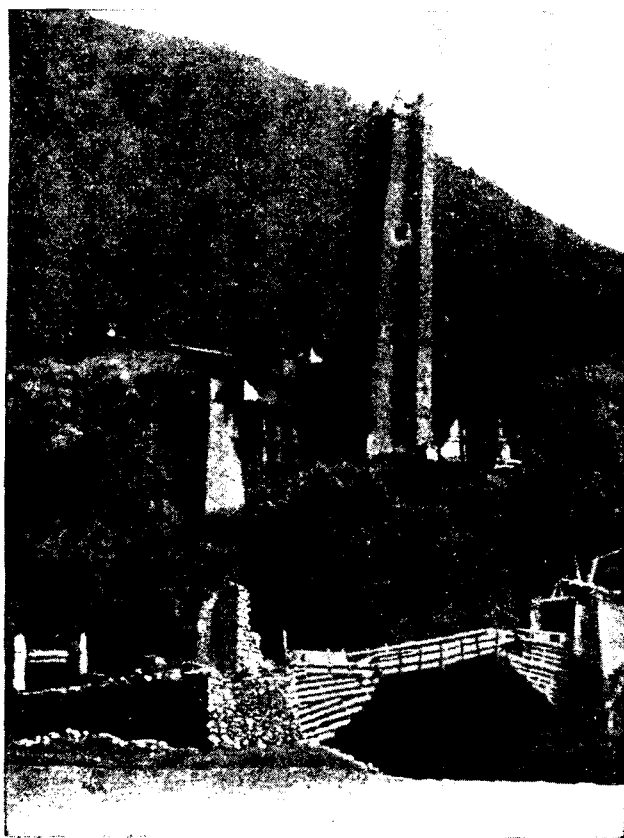

Рис. 3. Замок феодала у цзяжун (начало XX в.); башни того же типа характерны для поселений цзяжун и цян

поднимались по своеобразной лестнице — бревну с зарубками. Такая же лестница есть в домах и у собственно тибетцев. Под домом абор, как и все лоба, держали скот²⁰. Внутренних перегородок в доме не было, и 4—5 очагов были расположены один за другим. В таком доме прежде жил хозяин со всей своей семьей. У мишми такой же по типу дом был поделен на несколько проходных помещений, где прежде жил хозяин дома со своими женами, причем у каждой из них было свое помещение с очагом и отдельный амбар для запасов. Дом мира в целях защиты от нападения врагов нередко был окружен со всех сторон оградой (часто без входа). С этой же целью веранда дома забиралась решеткой²¹. Дафла, часто менявшие месторасположение своих деревень,

²⁰ Hem Barua, *The Red River and the Blue Hill, Gauhati*, 1956, стр. 156.

²¹ Ch. von Furer-Haimendorf, *Glückliche Barbaren*, Wiesbaden, 1956, стр. 20.

сооружали свайные жилища без особой тщательности (рис. 4). У них в удлиненном доме жил хозяин со своими женами, детьми и рабами, причем первый от входа открытый очаг принадлежал первой, главной жене²², а последний — рабам²³. Дома апа-тани, также свайно-каркасные и однокамерные, отличались значительно большей тщательностью постройки. Стены и фронтоны апа-тани делали из двух слоев матов из расщепленного бамбука²⁴, что сохраняло тепло в доме. Внутри дома были расположены два очага: первый для хозяина и его жены, второй

Рис. 4. Поселение дафла в бассейне р. Субансири

для слуг. В отличие от всех групп лоба, тип поселений у апа-тани уличный, а численность населения их деревень была довольно значительна — от 750 до 5000²⁵.

Из всех групп лоба только у абор были общественные дома (моранг), вмещавшие до 200 человек, где останавливались на ночлег гости и жили холостые мужчины и юноши старше 14 лет, охранявшие деревню от нападения врагов. В настоящее время у лоба распространены деревянные двухэтажные дома с двускатной крутой крышей или же небольшие дома из бамбука и дерева. В центре дома на трех больших камнях стоит котел для варки пищи. Мебели в домах нет; спят лоба на циновках²⁶.

Общий для тибетцев тип одежды — чуба²⁷ из овчины или сукна, подпоясываемая с напуском широким матерчатым кушаком, сапоги с кожаной головкой и подошвой и суконным верхом — распространен, кроме собственно тибетцев, у цзяжун, сифань, в меньшей мере у цян. Сходный по покрою с чубой халат из ткани местного производства бытует у ну. У цян, цзяжун и отчасти сифань прослеживаются свои особенности в одежде. Так, мужчины и женщины цян и мужчины цзяжун носят на голове навой из темной или светлой ткани в виде чалмы. Один из устой-

²² U. Graham Bower, *The Hidden Land*, London, 1953, стр. 49.

²³ Ch. von Furer-Haimendorf, *Указ. раб.*, стр. 121.

²⁴ U. Graham Bower, *Указ. раб.*, стр. 91.

²⁵ Там же, стр. XV.

²⁶ Сб. «Вэньбу цянцзинь чжунды сицзан», стр. 116.

²⁷ Чуба — распахная верхняя одежда с высоким воротом и длинными рукавами, длина ее доходит до щиколоток. Чубу носят мужчины и женщины, женская отличается лишь отделкой.

чивых элементов мужской одежды цян — передник из темной ткани; его носят обычно в сочетании с курткой, иногда с халатом. Мужчины сифань уезда Мули (Сычуань) в прошлом иногда носили вместо штанов нечто вроде юбки из шерстяной ткани (несколько напоминает саронг), что не свойственно остальным тибетским народностям. По-видимому, эти особенности в известной мере отражают культурное взаимодействие данных народностей с иными этническими группами. Этим же объясняются широко бытовавшие ранее особенности одежды у других тибетских на-

Рис. 5. Женщина дафла в национальной одежде (бассейн р. Субансири)

(из Ассама или Тибета), покрывающая плечи и грудь, и набедренная повязка; женщины носили такую же накидку вместе с юбкой. У некоторых групп мира (в верховьях р. Камла) исследователи отмечали довольно широкое распространение бамбукового футляра на шнурке для penis'a; нередко это составляло единственный предмет «одежды» мужчины²⁸. Типичным для женщин апа-тани украшением была большая выкрашенная в черный цвет деревянная втулка, вставленная в отверстие, проделанное в носовой перегородке. В настоящее время у женщин лоба распространены длинные халаты без рукавов, которые подпоясывают в талии с напуском, а также кофты и юбки. Украшения лоба сходны частично с украшениями лису, частично — с украшениями тибетцев.

Теперь мужчины лоба носят безрукавки (в холодную погоду — куртки из жесткой кожи), рубахи, штаны и шляпы различных фасонов.

У ну, дулун и лоба прослеживается обычай татуировки, не отмеченный у других тибетских народностей. У ну ребенку по достижении им десяти лет татуировали лицо скрещивающимися линиями, изображениями драконов и цветов. У дулун, когда ребенку исполнялось двенадцать лет, ему татуировали лицо узорами в виде бабочек и т. д., причем у девочек татуировка отличалась особой тонкостью линий. Обычай татуировки

²⁸ U. Graham Bower, Указ. раб., стр. 13.

²⁹ Интересно, что у нага это — боевой наряд воина.

³⁰ Ch. von Furer-Haimendorf, Указ. раб., стр. 222.

исчез у дулун в деревнях, где был распространен католицизм. У абор женщины татуировали ноги ниже колен. Неизвестно, обставляли ли у этих народностей процесс татуировки какими-либо обрядами, каково было значение знаков татуировки, имели ли они у дулун отношение к сохранявшейся у них родовой структуре. Материальная культура тибетских народностей испытывала сильное влияние со стороны китайцев, что привело, в частности, к вытеснению некоторых элементов национальной одежды повседневной китайской одеждой (у-сифань, отчасти у цян).

* * *

Преобладающая форма брака у тибетских народностей Китая — моногамия, в прошлом среди вождей племен и богатых лиц практиковалась полигамия. Полигамия довольно широко была распространена у всех групп лоба, за исключением апа-тани. У тибетцев встречается полиандрия, чаще всего в форме братской полиандрии, известной также у цян и сычуаньских сифань. У тибетцев довольно широко распространен сорорат, наблюдаются случаи левирата. Левират известен также у сифань, цян, лоба. Добрачная половая свобода существовала раньше почти у всех тибетских народностей. В свадебных обрядах у некоторых народностей до самого последнего времени сохранялись пережитки матриархата. Так, у цзяжун еще в начале XX в. молодая жена сразу же после свадьбы возвращалась в дом своих родителей. Только спустя три — шесть месяцев сестра или тетка мужа посещала молодую и привозила ее в дом свекра. Сватом у цзяжун обычно выступал дядя жениха по матери. До сих пор женщина у цзяжун и цян пользуется большим уважением и почетом, и до недавнего времени нередко во главе их племен стояли женщины. У дулун еще в 1950-х годах брачные отношения регулировались на основе родового деления. Роды дулун были экзогамны и связаны между собой строго определенными брачными отношениями. Так, девушки из рода Кунсянь обязательно должны были выходить замуж в род Мэндин, но девушки из рода Мэндин не могли выходить замуж за юношей из рода Кунсянь, а должны были становиться женами юношей третьего рода. Возможно, что эта система по своей организации приближается к трехродовому союзу, известному у некоторых племен Юго-Восточной Азии. Трехродовой союз, существование которого у дулун можно предполагать, совершенно не известен у других народностей тибетской группы (возможно, это объясняется слабой изученностью некоторых народностей). У дулун же имели место такие браки, когда несколько сестер одновременно выходили замуж за одного мужчину или несколько братьев вступали в брак с несколькими сестрами³¹, как и у собственно тибетцев.

В духовной культуре тибетских народностей сохранилось много самобытных черт, но она также изучена крайне недостаточно. Господствующая религия тибетцев — ламаизм; кое-где, особенно в восточных районах расселения тибетцев, а также у цян, сифань, цзяжун древняя религия бон, основанная на шаманизме, еще имеет довольно большое влияние. Анимистические представления, в особенности же культ гор, сохраняются у всех тибетских народностей. По представлениям сифань и цян, божества гор оказывают благоприятное влияние на всю жизнь населения, в частности обеспечивают хороший урожай. У цян культ гор известен как культ белого камня. Цян в первом и шестом месяцах лунного календаря у особого алтаря — белого камня — приносили в жертву духам ягненка, наиболее же торжественным было жертвоприношение в десятом месяце. Молились духам гор о сохранении стад от болезней и падежа. После

³¹ И Цюнь, Указ. раб., стр. 164.

заклания ягненка его мясо делили между участниками обряда и затем употребляли в пищу. Иноплеменники не могли принимать участия в обряде и пиршестве. Этот обряд в том виде, как он совершался у цян и сифань, имеет некоторые общие черты с культом гор у лепча и шерпа.

У дулун до недавнего времени сохранялся культ черепов животных. Быков для жертвоприношения дулун выменивали у соседей, так как сами они крупный рогатый скот не разводят. После жертвоприношения духам череп быка вешали на ограду дома или помещали на специальную деревянную полку вне дома. Кости жертвенного животного также бережно хранили. У абор было в обычае развешивать черепа убитых на охоте животных по внутренним и наружным стенам жилища. Особенно сильно культ черепов был развит у мишми.

В праздниках тибетских народностей Китая сохранялся ряд моментов, связанных с древними ламаистскими верованиями. Так, в начале XX в. в четвертом месяце лунного календаря цзяжун отмечали праздник начала сельскохозяйственных работ. В известной мере его можно сравнить с обрядом «весенней коровы» (чунь-ню) у китайцев. В этот день жители деревни вместе с жрецом бон поднимались в горы, где жрец читал заклинания, долженствующие, по мнению цзяжун, уберечь будущий урожай от стихийных бедствий. После этого жрец освящал березовые веточки, смазанные кровью петуха и украшенные перьями фазана. Сразу же по окончании освящения все собравшиеся устремлялись к своим полям и втыкали эти веточки по углам поля и в его середину, где лежали три белых камня — «сердце пашни». Вслед за этим начинались сельскохозяйственные работы. Этот праздник очень древен и непосредственно связан с культом природы. Возможно, что обычай втыкать в пашню березовые веточки, вымазанные кровью петуха, — пережиток более древнего обычая: перед началом полевых работ приносить животных в жертву духам природы с целью обеспечения хорошего урожая. Связь с культом природы в празднествах собственно тибетцев частично утрачена, частично прикрыта наложениями ламаизма.

Таким образом, в духовной культуре, как и в материальной, у некоторых из тибетских народностей обнаруживается ряд черт, не свойственных общей всем тибетцам культуре.

* * *

Тибетские народности КНР в целом составляют значительную часть национальных меньшинств страны. Область их расселения занимает обширную территорию на западе и юго-западе республики. Различия в географической среде обусловили в известной мере не только преобладание того или иного рода хозяйственной деятельности у каждой народности, но и ряд черт материальной культуры. Однако объяснять особенности хозяйства, быта, культуры, исходя только из географических условий, было бы неверно. Решение этого вопроса надо искать прежде всего в этнической истории данных народностей.

Недостаток материала не позволяет с полной ясностью осветить вопросы, связанные с этнографией тибетских народностей Китая, но уже сейчас можно высказать некоторые предварительные соображения.

Тибетские народности Китая принадлежат к различным хозяйственно-культурным типам. Тибетцы — кочевые скотоводы относятся к хозяйственно-культурному типу кочевников-скотоводов. Большинство остальных тибетцев, цян, сифань и цзяжун, подавляющее большинство ну и апа-тани относятся к различным группам высокогорных, преимущественно пашенных земледельцев; они держат также различные породы скота. Нужно отметить, что мотыжное земледелие еще недавно преобладало у ну и до сих пор преобладает у апа-тани. Очевидно, что абор, дафла,

мири и мишми (а до самого недавнего времени частично ну и дулун) относятся к иным хозяйственно-культурным типам. Если у ну и апа-тани преобладает высокогорное земледелие, то у дулун и части лоба охота, рыболовство и собирательство еще недавно сохраняли часто решающую роль в хозяйстве.

Можно ли считать, что все тибетские народности Китайской Народной Республики принадлежат к одной и той же историко-этнографической подобласти? Нетрудно заметить, что из всех тибетских народностей наиболее близки к тибетцам по хозяйству, материальной и духовной культуре цян, цзяжун и сифань; это находит отражение и в том, что обычно цзяжун и сифань не отделяют от собственно тибетцев. Тем не менее, ряд особенностей их культуры не характерен для собственно тибетцев, что можно объяснить только исходя из их этногенеза и из культурных взаимодействий данных народностей с другими в ходе их исторического развития. Проблема этногенеза тибетских народностей Китая до сих пор остается неразрешенной, и приступать к ней можно лишь после тщательного их этнографического изучения, что также еще не проводилось в достаточно широких масштабах. Фрагментарные данные свидетельствуют о том, что конкретный ход формирования цян, цзяжун и сифань как народностей был в известной степени различным. Предки сифань, захваченные потоком монгольских завоевателей, переселились в XIII в. в районы современного обитания этой народности в провинции Юньнань из более северных областей, воспоминания о чем сохранились в легендах сифань и что отражено также в их похоронном обряде. Так, прежде шаман у сифань уездов Ланьпин и Нинлан при погребальной церемонии перечислял места, через которые должна была пройти душа умершего, чтобы вернуться в земли предков. Этот путь шел по р. Цзиншацзян на север до Куньлуня, что, по мнению некоторых китайских исследователей, в основном совпадает с путем продвижения монгольских завоевателей. Предки сифань, переселившись к югу из более северных районов страны, на новом месте смешались с местным населением. В преданиях цзяжун также сохранилось упоминание об их переселении в Сычуань. Около 600 лет назад они, по легендам³², населяли некоторые районы северного Тибета и Китайского Туркестана; затем, после переговоров с китайскими властями, переселились на юг, где им за военные заслуги в борьбе против враждебных китайцам племен были предоставлены земли к западу от р. Миньцзян. Позже войска феодального Китая оттеснили их в горы. По другим легендам³³, цзяжуа считают себя потомками переселенцев из Нгари около Кхамба Дзонг в западном Тибете, пришедших на правый берег Миньцзяна в начале XIII в. вместе с монгольскими войсками. Данные лингвистики³⁴ и этнографии (детали одежды, жилища) также дают возможность предполагать неавтохтонность цзяжун. Возможно, что этногенез цян и цзяжун, у которых обнаруживается большая близость в хозяйстве и культуре, имел много общего. Таким образом, хотя тибетцы, цян, цзяжун и сифань близки друг другу по хозяйству, культуре и по своему этногенезу (здесь один и тот же компонент в виде различных древних племен цян сыграл решающую роль), однако у этих этнографических групп иной, в частности и местный, этнический компонент наложил, очевидно, довольно значительный отпечаток на ход их культурно-исторического развития.

В культуре ну, а тем более дулун и лоба, обнаруживается ряд особенностей по сравнению с культурой живущих севернее тибетских народностей. Достаточно отметить обычай татуировки, а также захоронение на

³² W. N. Fergusson, The tribes of North-Western Se-Chuan, «The Geographical Journal», т. XXXII, 1908, № 6, стр. 596.

³³ T. M. Ainscough, Указ. раб., стр. 51—52.

³⁴ T. W. Thomas, Указ. раб., стр. 100.

боку у ну и дулун. В свадебном обряде дулун и цзинпо имеются сходные моменты. Культ черепов характерен для народов Юго-Восточной Азии, а не для народностей тибетской группы. Свайное жилище, известное у дулун, и обычай смазывать растительным ядом наконечники стрел сближают их с народностями бирманской группы. Трехродовой союз также не известен у других тибетских народностей. Здесь наблюдается целый комплекс черт, отличающих дулун от остальных тибетцев и сближающих их с бирманской группой народов и, возможно, с группой ицзу. Этот комплекс очень древнего характера. Возможно, что формирование этнической общности дулун происходило в более тесном контакте с народами бирманской группы или ицзу.

Можно думать, что дулун, кроме языка, имеют мало общего с тибетскими народами Китая, принадлежа по своему этногенезу и культуре к бирманской группе или же к группе ицзу. Ряд черт культуры лоба (широко развитое свиноводство, обычай смазывать ядом аконита наконечники стрел и копий, каркасно-свайные постройки, существование общественных домов, обычаи татуировки, ношения на талии опояски из лиан, а девушками — металлических дисков на поясе, обычай жевания табака) в значительной мере также сближает их с бирманской группой народов. Не исключено, что при дальнейших исследованиях народности группы лоба будут признаны в этнографическом отношении более близкими к этим народам, чем к тибетцам, хотя с последними их связывают длительные культурно-хозяйственные отношения. Возможно, что решение проблемы нага связано с решением вопроса о месте лоба в этногенезе южных тибетцев. Дулун и лоба, по-видимому, относятся к иной историко-этнографической подобласти, нежели тибетцы, цянь, сифань и цяжун. Особенности, сближающие их с соседними народами бирманской группы, группы ицзу и отчасти цзинпо, нельзя объяснять только близкими географическими условиями в районах их обитания, примерно равным уровнем общественно-экономического развития или длительным культурным контактом, ибо эти особенности представляют собой не случайное заимствование, а органическое единство. В связи с этим всестороннее изучение культуры и языка этих народностей представляет большой интерес, ибо это дает возможность более конкретно проследить ранние связи народностей тибетской и бирманской групп и, возможно, более четко наметить пути их расселения в далеком прошлом. Это будет иметь большое значение и для исследования этногенеза как некоторых тибетских групп (ну, дулун, лоба), так и южных тибетцев в связи с южным компонентом в этногенезе тибетцев вообще.

* * *

После образования Китайской Народной Республики жизнь тибетских народностей коренным образом изменилась. Коммунистическая партия Китая в своей национальной политике руководствуется строго дифференцированным подходом к каждой национальности, учитывая специфику ее исторического, социально-экономического и культурного развития. Основным методом разрешения национального вопроса Коммунистической партией Китая является предоставление национальным меньшинствам национальной автономии, обеспечивающей все возможности для скорейшего экономического, политического и культурного подъема. 22 апреля 1956 г. был создан Подготовительный комитет по созданию Тибетской автономной области, в состав которой, кроме Тибета, входит район Чамдо. Но группа реакционеров, крупных крепостников-феодалов, входивших в местное правительство Тибета, всеми силами тормозила его демократизацию вплоть до того, что в марте 1959 г. подняла открытый вооруженный мятеж против Китайской Народной Республики. Ликвидация этого мятежа кучки изменников родины, осужденных всеми народами Китая и прежде

всего самым тибетским народом, ускорила демократизацию Тибета и приблизила начало там социалистического строительства. Этого потребовали общественные деятели Тибета и его народ на многочисленных митингах в Тибете, это же прозвучало в выступлениях делегатов на недавно закончившейся первой сессии Всекитайского собрания народных представителей второго созыва. 17 июля 1959 г. вторая сессия Подготовительного комитета приняла решение об осуществлении в Тибете демократических реформ. Как пишет «Жэньминь жибао» в передовой статье от 6 мая 1959 г., в Тибете начинается мирная революция, в ходе которой навсегда будет ликвидирован крепостнический строй.

В районах провинций Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань, населенных тибетцами, были созданы автономные округа и уезды. К настоящему времени тибетцы этих провинций обогнали население Тибета в политическом, хозяйственном и культурном отношении. Здесь движение за создание народных коммун приняло уже большой размах. Что касается других национальных меньшинств тибетской группы, то после Освобождения в большинстве районов их проживания была проведена аграрная реформа, и затем повсюду развернулось движение за кооперирование сельскохозяйственного производства, в настоящее время успешно завершающееся. Это привело к изменениям в жизни тибетских народностей, что можно видеть на примере деревни цян — Цутоу Абаского тибетского автономного округа. Там в 1955 г. был создан сельскохозяйственный кооператив, к 1957 г. преобразованный в артель высшей ступени и объединивший уже 88 из 93 дворов деревни³⁵. Кооперативу было под силу то, что не могла сделать отдельная семья цян. Только за 1956 г. члены кооператива подняли более 50 му целинных земель, построили три оросительных канала и обводнили еще около 200 му земли. Несмотря на то, что 1957 год был неурожайным, все же было собрано хлеба на 30% больше, чем в 1956 г., а в целом производство зерна, сравнительно с периодом до Освобождения, увеличилось вдвое. Теперь цян применяют современные сельскохозяйственные орудия, специальные плуги для работы в горах. В 1956 г. в деревне построена небольшая гидроэлектростанция, и сейчас там освещены дома и улицы, электрифицированы основные трудоемкие работы (рис. 6, 7). В деревне создана школа, начала работать библиотека. Голод и нужда ушли в прошлое. К концу 1958 г. более 90% крестьянских дворов Маовэнь, Дацзинь и Ли были объединены в сельскохозяйственные кооперативы высшего типа³⁶, а в настоящее время цян создают народные коммуны. Этим путем идут все тибетские народности Китая. С 1959 г. на этот путь вступили и тибетцы Тибета.

Центральное народное правительство провело большую работу по облегчению положения всех тибетских народностей. Еще перед Освобождением у дулун были широко распространены деревянные, каменные и

Рис. 6. Электромонтер-цян из деревни Цутоу за работой

³⁵ «Миньцзу хуабao», 1957, № 10, стр. 18.

³⁶ «Миньцзу яньцзю», 1958, № 4, стр. 46.

Рис. 7. Крестьяне деревни Цутоу осматривают новую электростанцию

Рис. 8. Женщина ну за лущением кукурузы на машине

бронзовые орудия. Правительство предоставило им железные сельскохозяйственные орудия (мотыги, серпы, плуги), тягловый скот, посевные семена, одежду, продовольствие, соль. Уже эта первоначальная помощь сыграла известную роль в улучшении жизни дулун и увеличении их производства. За четыре года, с 1951 по 1954 г., дулун продали государству своей продукции на общую сумму в 50 тыс. юаней. Ну также было бесплатно передано большое количество железных сельскохозяйственных орудий и тяглового скота, продовольствия, одежды и других

Рис. 9. Чжицзыло — один из культурных центров уезда Бицзян провинции Юньнань; за последнее время здесь построены здания государственной торговой компании, народная больница, книжный магазин, школа, дом культуры с постоянной киноустановкой

жизненно необходимых предметов (рис. 8). В деревне Мугуцзя уезда Фугун, населенной ну, в 1949 г. на каждого жителя приходилось в среднем 280 цзиней продовольствия на весь год, а в 1956 г. — уже 414 цзиней³⁷. Лоба также получили большую помощь от правительства. С 1952 г. в районе расселения лоба крестьянам была предоставлена беспроцентная ссуда для развития их хозяйства, оказана денежная помощь нуждающимся, государство бесплатно роздало населению большое коли-

³⁷ И Цюнь, Указ. раб., стр. 162.

чество сельскохозяйственных орудий, работники государственных учреждений обучали крестьян новым методам ведения сельского хозяйства. Площадь пахотных земель в этом районе увеличилась за счет начавшейся разработки целины, стала исчезать старая подсечно-огневая система земледелия³⁸. Все это способствовало росту благосостояния населения.

В районах расселения ну и дулун аграрная реформа в общем порядке не проводилась. После большой подготовительной работы ну, имевшие в частной собственности много земли, часть ее безвозмездно и добровольно передали малоземельным. Затем в этих районах началось широкое движение за кооперирование. К концу 1957 г. в пограничных районах Юньнани было создано 2077 кооперативов первичного типа, которые объединяли 21,9% всего населения. Создание первых опытных кооперативов у дулун и ну относится к 1953 г., а в первой половине 1958 г. кооперирование у этих народностей было в основном завершено. Теперь население этих районов создает народные коммуны. В настоящее время в районах их расселения широко развернулось дорожное строительство. Проложены дороги Бицзян — Чжицзыло — Ланьпин; Фугун — Гуншань — Вэйси и др.³⁹. С дальнейшим развитием путей сообщения экономический подъем районов ну и дулун пойдет еще более быстрыми темпами.

Наряду с оказанием помощи малым тибетским народностям в области экономики, Коммунистическая партия Китая и Центральное народное правительство уделяют большое внимание развитию просвещения и здравоохранения в этих районах. В районах расселения малых тибетских народностей создаются культурные центры (рис. 9). В 1957 г. были созданы первые в истории дулун школа и стационарный медицинский пункт⁴⁰. До этого дети дулун посещали другие начальные школы уезда Гуншань, которых в 1954 г. было уже 17⁴¹. У дулун была успешно проведена кампания предохранительных прививок против эпидемических заболеваний. Медицинские отряды, работающие в районах расселения лоба, к 1958 г. в основном ликвидировали очаги малярии, бывшей бичом населения этих мест. В деревнях цян, как и у других тибетских народностей, также созданы постоянные медицинские пункты, школы, и в 1958 г. примерно 90% детей школьного возраста цян Абаского тибетского автономного округа уже посещало их. Здесь же было подготовлено несколько сот кадровых работников из числа цян. Все малые тибетские народности Китая сбрасывают наследие вековой отсталости и успешно идут по пути хозяйственного и культурного развития.

Политика Коммунистической партии Китая, направленная на помощь национальным меньшинствам страны, обеспечивает переход тибетских народностей Китая непосредственно к социализму.

SUMMARY

A number of small Tibetan peoples and ethnographical groups inhabit the Chinese People's Republic. Though their languages are very closely related, these peoples and groups possess ethnographic peculiarities, which may be explained only by the peculiarities of their ethnic history. Dulun and Loba are especially different from the Tibetans proper and approach the Burman group of peoples — either the Itzu or Chingpo groups. The small Tibetan peoples are very little known in literature. Their study is of great interest for the investigation of the ethnic history of the Tibetans proper (of the southern ones in particular) in relation to the southern component in their ethnogenic history.

The paper published now gives some information on the settling of these groups, their occupations, their social-economic relations before Liberation, and also on their dwellings, apparel family life, rites and festivities. The closing part shows the changes in the life of the Tibetan peoples after the victory of the National Revolution in China.

³⁸ Сб. «Вэньбу цянънзинь чжунды сицзан», стр. 119—120.

³⁹ И Цюнь, Указ. раб., стр. 165.

⁴⁰ «Миньцзу хуабao», 1957, № 11, стр. 24.

⁴¹ И Цюнь, Указ. раб., стр. 166.

Р. Ф. ИТС

МАНЬ В ЭТНОГЕНЕЗЕ МЯО И ЯО

Южные народы Китайской Народной Республики мяо и яо — древние обитатели областей к югу от Янцзы. Часть их, в более позднее время переселившаяся из Китая, обитает в Северном Вьетнаме, Лаосе и Бирме. На протяжении столетий мяо и яо находились в тесных культурно-исторических контактах с китайцами и другими народами Китая.

В многонациональном Китае мяо и яо, как и другим братским народам, предоставлены права национальной автономии, возможности свободного национального и культурного развития. Ушли в прошлое годы национального угнетения и бесправия, годы господства феодалов, гоминьдановской реакции и империалистов.

В силу различных исторических причин один из крупных народов южного Китая — мяо (2,5 млн. чел.) оказался разъединенным на пять групп, которым соответствуют пять диалектов языка мяо. Наиболее компактно мяо проживают в западной Хунани и восточной части Гуйчжоу — области, считающейся исторической зоной расселения мяо с VIII в. н. э. Мяо этих районов, при всех языковых диалектных различиях между собой, в целом отличны от мяо Гуандуна и о-ва Хайнань, Юньнани, Вьетнама, Лаоса и Бирмы.

С другой стороны, народ яо (около 0,7 млн. чел.), который наиболее компактно сосредоточен в Гуанси (район Даяшань), Гуандуне (автономный Ляньнаньский уезд) и родственные группы которого обитают также в Хунани, Вьетнаме и Бирме, обнаруживает большее по сравнению с мяо языковое единство своих отдельных групп.

Исследователи, изучавшие эти народы, никогда не ставили под сомнение родство языков мяо и яо; долго дискутировался вопрос о месте группы мяо и яо в системе языковой классификации. Некоторые исследователи (Х. Дэвис, Р. Гейне-Гельдерн, П. Бенедикт и др.) относили их к мон-кхмерской семье, предполагая при этом, что их расселение в южном Китае связано с миграцией мон-кхмеров (или других аустро-азиатов) с юга, из полуостровного и островного мира. Другие исследователи (С.-А. Оллон, Г. Гирсон) выделяли их в самостоятельную семью мань (по одному из самых распространенных самоназваний яо, живущих вне Китая). Наконец, в последние годы была высказана, прежде всего китайскими учеными, новая точка зрения, которая получила широкое распространение. Согласно этой концепции, группа языков мяо и яо входит в большую китайско-тибетскую семью языков и древние истоки этногенеза народов, говорящих на этих языках, связаны с территорией Китая, а мяо и яо, в частности, с областями к югу от Янцзы.

Китайскими и западноевропейскими лингвистами при изучении языков мяо и яо была подмечена одна характерная особенность — в языковом отношении мяо Хайнаня, Юньнани (а возможно и Вьетнама и Бирмы) были значительно ближе к соседним группам народа яо и даже к его основной гуандунской группе, чем к мяо Хунани, Гуйчжоу и Сы-

чуани. Проф. Чэнь Ци-сян, обследовавший языки мяо и яо Гуанси, яо Гуандуна и мяо Хайнаня, в таблице, приведенной в его работе¹, дал наглядное представление о характере языковой близости этих групп двух народов, не останавливаясь при этом на причинах, вызвавших отмеченную близость. В то же время, по мнению видного специалиста по языкам малых народов южного Китая проф. Юй Ши-чжана, языковая близость хайнаньских мяо к яо объясняется тем, что данная группа мяо говорит на языке яо. Надо отметить, что подобное суждение широко распространено сейчас среди китайских лингвистов. Однако такой вывод не объясняет причин языковой близости других групп мяо и яо. Видимо, ответ надо искать в каких-то общих для двух народов языковых корнях (а может быть и всей культуры).

Некоторый намек на возможность такого пути решения данной проблемы имеется в замечаниях двух видных представителей мировой синологии. Давая краткое описание языков Индокитая, Анри Масперо писал о языке яо: «Некогда их язык был диалектом языка мяо, который разошелся с последним с течением времени в результате исторических и географических изменений»². Очевидно, для вьетнамских мяо и яо Масперо предполагает иное объяснение причины языковой близости, допуская, что вьетнамские яо говорят на диалекте языка мяо.

Более определенно об историческом единстве мяо и яо высказывался Н. Я. Бичурин, который в одной из своих работ писал: «Miao и яо ... все родоначальником своим считают Паньху, которому и жертву приносят. В сей религиозной черте открывается разительное доказательство единства их по происхождению»³.

Не ясно ли, что изучение этногенеза мяо и яо поможет не только выяснить причины их родства или сходства элементов культуры и быта, но может ответить на главный вопрос: не является ли современное языковое отличие и родство мяо и яо следствием каких-то исторических и этногенетических процессов?

Примерно в середине I тысячелетия до н. э. в долине Янцзы, между озерами Дунтин и Поян обитали племена, названные в китайских исторических хрониках саньмяо. Анализ исторических хроник, а также археологического материала из этих районов позволил автору настоящей работы высказать суждение, что саньмяо включали в свой состав предков современных мяо-тайских народов, как основной компонент, и часть тибетских групп⁴. Вместе с тем в китайской хронике «Чжаньгоцэ» определенно говорится, что в саньмяо входили племена мань, более подробно о которых сообщает в хронике «Хоуханьшу» Фань Е.

Как уже было сказано, мань является одним из самых распространенных самоназваний яо, живущих вне Китая, а также и западной части китайских яо. Больше того, в период правления династии Сун (в первые годы X в.) уже появляется название маньяо для определения групп южных народов, обитающих в пределах горных районов Гуандуна и генетически связанных с мань прежних периодов истории Китая. Хотя в ранних китайских исторических сочинениях термин «мань» прилагался ко всем южным народам страны, его первоначальное появление связано с определенной этнической группой. Отсюда любопытны и совпадение этого термина с самоназванием народа яо, его связи с племенами мань периода

¹ Чэнь Ци-сян, Заметки об обследовании языков малых народов провинции Гуандун, «Кэсюэ тунбао», т. 3, № 5, Пекин, 1952, стр. 331 (на кит. яз.).

² Н. Масперо, *Langues*, в кн.: «Un Empire colonial Français, l'Indochine», т. 1, Paris, 1926, стр. 78.

³ Иакинф [Н. Я. Бичурин], Статистическое описание Китайской империи, в двух частях, ч. II, СПб., 1842, стр. 191—192.

⁴ См. Р. Ф. Итс, Народ мяо (историко-этнографический очерк), «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXIV, М., 1955; его же, Одежда мяо и яо (мань) Вьетнама в собраниях МАЭ, «Сборник Музея антропологии и этнографии», XVII, М.—Л., 1957.

саньмяо и его отношение к группе мяо и яо. Первые более или менее конкретные сведения о мань сообщает хроника «Хоуханьшу», излагающая легенду о происхождении их от Паньху, на значение которой для этногенеза мяо и яо обратил внимание Н. Я. Бичурин. Вот что сообщает китайская хроника (см. «Хоуханьшу», цзюань 86, стр. 1а и б).

В дано прошедшие времена у «императора» Гаосин (по мнению китайского автора XIX в. Ло Яо-дяня, Гаосин, возможно, был главой мяо) была пятицветная собака, ее звали Паньху. Когда враги напали на Гаосина и ему грозила гибель, он объявил, что тому, кто доставит голову предводителя врагов, он отдаст в жены свою дочь. Никто не смог совершить этот подвиг. Тогда собака покинула дворец и вскоре вернулась с головой главаря врагов в зубах. Но Гаосин не хотел отдать дочь замуж за пса. Дочь же настояла на исполнении слова. Паньху схватил ее и умчался с ней в дикие южные горы. Здесь в пещере, без одежды, на снегу они жили, и дочь Гаосина через три года родила двенадцать детей (шесть мальчиков и шесть девочек). Паньху погиб. Осталась его жена. Она из травы и коры деревьев соткала платья для детей и выкрасила их травами и плодами в пять цветов. Дети переженились между собой. Питались они дичью и рыбой. (Еще недавно, сообщает комментарий, в районе Чанша люди находили кости рыб и зверей и говорили, что это остатки пищи жены, детей и внуков Паньху.) Управляли размножившимся впоследствии потомством Паньху старейшины по материнской линии, учитывая заслуги жены Паньху. Назывались потомки Паньху — мань. Они занимались земледелием, но не знали тяглового скота, не знали ренты и податей. (Комментарий гласит, что еще сейчас (т. е. около V в. н. э. — Р. И.) мань района Чанша «такие же».)

Зародившись в начале нашей эры, эта легенда продолжает жить и по сей день у мяо и яо. В китайских исторических хрониках после «Хоуханьшу» она связывается сначала с мань, а затем с мяо и яо. В ряде случаев имя мифического предка мань Паньху было распространено китайцами и на сами племена, так что иногда вместо названия племен «мань» употребляли название «паньху». Причем область их расселения — также район Чанша.

Начавшееся во времена правления династии Суй широкое освоение китайцами территорий к югу от Янцзы захватило и область расселения племен мань — «потомков Паньху». О мань до династии Суй в исторических хрониках периода «северных и южных династий» сообщается, что они жили в районе гор Улин, были «потомками Паньху» и делились на пять ветвей (ср. пять цветов Паньху, пять цветов одежды его детей), а назывались также «уци — пять потоков» («Наньши», цзюань 79, стр. 7а). О потомках Паньху сообщает и хроника «Бэйши» (цзюань 95, стр. 1а).

Однако история династии Суй (589—619) — «Суйшу» в разделе «О южных варварах» уже не сообщает ни о потомках Паньху, ни о другом каком-либо населении районов Чанша. В этом нет ничего удивительного, так как в период VI—VIII вв. под давлением китайцев мань вынуждены были покинуть район Чанша и начать большое переселение на запад, юг и юго-восток. Часть мань была оттеснена в горные районы северо-восточной и центральной частей Гуйчжоу, а также в западный горный район Хунани, а часть двинулась на юг до районов Гуанси-Гуандунской границы (в данном случае мы приводим современные названия этих географических областей).

Отражая эти существенные изменения для мань бывшего района Улин, исторические хроники периода правления династии Тан (618—907) сообщают о двух основных группах мань — дунсемань и сичжаомань. Первые расселяются в районе Цзанго (северо-восточная часть Гуйчжоу), а также в соседних областях Сычуани (см. «Синьцзю таншу хэчао», цзюань 258, ч. I, стр. 96). Вторые занимают угол на стыке провинций Гуанси — Хунань — Гуандун, доходя на западе до Куньмина (там же, стр. 116).

Наряду с этим, для южной группы прежних мань района Улин появляется название «моя», где последний иероглиф означает — «собака-прародительница». В объединенной редакции «Старой и новой истории Тан» в разделе о сичжаомань сказано, что их обычаи и занятия такие же, как и у дунсемань, а управляет ими род Чжао.

Таким образом, с VI в. к периоду Тан вместо определенной группы населения районов Чанша и Улин — племен мань появляются две группы мань: дунсемань и сичжаомань; тогда же сам термин «мань» становится нарицательным и обозначает не китайские племена и народы юга страны.

Уже в начале XIX в. на историю разделения единой группы мань на две территориальные группы обратил внимание Ло Яо-дянь, который в предисловии к своему труду «Цяньнань чжифан цзилюе» («Хроника губернаторства южной Гуйчжоу»), изданному в 1847 г., пишет, что яо ведут свое начало от рода Чжао, т. е. сичжаомань, а дунсемань из «Тан-ской истории» — предыдущее название мяо.

Следовательно, сведения китайских хроник, фольклор народов мяо и яо, их языковое родство и тому подобные факты убеждают в прошлом их историческом единстве, выражением которого, как можно было видеть, являются племена мань — «потомки Паньху». С периода правления династии Сун в южном Китае уже обитают племена мяо и яо, прямыми потомками которых являются современные народы мяо и яо, расселившиеся на обширных пространствах южного Китая и соседних с ним стран Юго-Восточной Азии.

Литературные свидетельства, как нам кажется, дают право считать мань до VI — VIII вв. единым стволом последующих этнических групп мяо и яо; следовательно, изучение ранних истоков этногенеза мяо и яо должно заключаться в исследовании их общего корня мань.

В этой связи можно констатировать, что с конца II — начала I тысячелетия до н. э. в районе среднего течения Янцзы во временном племенном объединении саньмяо происходит дифференциация мяо-яоских (маньских) и тайских племен. Эти племена к IV—I вв. до н. э. выступают тремя основными племенными группами: мань, ли (более ранние — цзюли) и дуньюэ (в источниках также сиюэ, лоюэ), причем в начале нашей эры мяо и яо не были различными племенами, а составляли единую племенную группу. Появление в китайских хрониках этнонимов мяо и яо отразило исторически совершившееся разделение единого мяо-яоского этнического корня — мань.

В результате особых исторических условий, выразившихся в большей изолированности от других народов, яо оказались непосредственными преемниками мань и сохранили не только самоназвание общей мяо-яоской основы, но и языковую основу мань и более архаичную культуру. Этим можно объяснить указанные особенности языкового родства и различий между мяо и яо и внутри самих мяо.

Основная группа мяо (западнотунанская и гуйчжоуская) потеряла связь с основной группой яо Гуанси и Гуандуна примерно с VIII—IX вв. За столь длительный срок существовавшие различия и в области языка и в области культуры стали более значительными. Если считать, что хайнаньские мяо являются потомками переселенцев на остров с материка в XIV—XV вв., а в районы Индокитая мяо пришли в XV—XVI вв., т. е. через столетие с небольшим после прихода сюда яо, то вполне допустимо, что мяо вне своего основного района расселения оказались оторванными от своих племенных групп, больше были в контакте с родственными яо и менее длительное время, чем центральная группа мяо, находились в общении с соплеменниками из единой группы мань. Именно этим прежде всего и объясняется языковая близость вьетнамских, бирманских и хайнаньских мяо к яо.

SUMMARY

At the end of the 2nd-the beginning of the 1st millennium B. C. on the Middle Yangtze the temporary tribal confederation of Sanyao differentiated into the Yao-Miao and Tay tribes. By the 4th-1st centuries B. C. these tribes appear in three main groups: the Man, Li (formerly Tzuli) and Tungyueh (with the derivatives of Hsiyueh and Loyueh). At the beginning of our era Miao and Yao formed one tribal group, the Man. The appearance of the ethnonyms Miao and Yao in the Chinese chronicles reflects the division of the single Miao-Yao ethnical Man stem, which took place in the 8th—9th centuries. A. D. Due to historical causes the people of Yao became not only the bearers of the name of the general Miao-Yao stem but also of the linguistic Man stem. This Yao people live together with the Miao in the Southern provinces of China, as well as in the North of Viet-Nam, Laos and Burma.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. П. ХАМАГАНОВ

М. Н. ХАНГАЛОВ КАК ЭТНОГРАФ-ФОЛЬКЛОРИСТ (1858—1958)

Матвей Николаевич Хангалов вошел в историю культуры и науки бурятского народа как историк, этнограф-фольклорист и педагог.

Бурят по национальности, он родился в 1858 г. в улусе Закулее, расположенном в Унгинской долине Балаганского уезда, в зажиточной бурятской семье. Окончив в 1876 г. Иркутскую учительскую семинарию, Хангалов работал учителем в Кудинской инородческой школе восемь лет, в Закулейском инородческом училище — три года, а в Бильчирском инородческом училище — тридцать один год, т. е. до конца своей жизни.

Интерес к этнографии проявился у Хангалова, когда он еще учился в семинарии. Свою педагогическую деятельность Хангалов сочетал с напряженной научно-исследовательской работой: днем занимался в классе с учениками, по ночам засиживался над своими фольклорно-этнографическими материалами, а в каникулы ездил по улусам для записи фольклорных текстов.

По своим общественно-политическим взглядам М. Н. Хангалов был демократом-просветителем. Эти взгляды Хангалова формировались под идейным влиянием русских революционных демократов (главным образом Н. А. Добролюбова, по вопросам фольклора) и близких к их позициям А. П. Шапова, Д. А. Клеменца (по вопросам истории и этнографии бурятского народа). Это во многом определило демократическую направленность фольклорно-этнографических работ Хангалова, прогрессивный характер его деятельности. Так, в работе «Общественные охоты у северных бурят», написанной им в соавторстве с Д. А. Клеменцом, показан антагонизм между богатыми и бедными.

Приобщившись к передовой русской демократической культуре, к великим идеям освободительной борьбы, Хангалов всю свою жизнь боролся против социальной несправедливости, против преступного мира взяточников, царских чиновников, жестоких властителей — нойонов, защитников реакционного патриархально-феодального порядка. Борясь против националистической идеализации патриархально-феодальной старины в Бурятии, Хангалов сумел показать в своих фольклорно-этнографических исследованиях и в подборе материалов, а также в своих дневниках процесс классовой дифференциации в улусах и твердо стоял на стороне тех «бедных бурят, которых безнаказанно эксплуатируют». Он с боль-

шим участием писал о «бедных, которые кое-как пробиваются», тогда как «только одни кулаки, крестьянские начальники и письмоводители в округах... веселятся»¹.

Путешествуя в 1906 г. по бурятским улусам и кочевьям, Хангалов отмечал тяжелое положение трудящихся бурят, рост социального неравенства, классовых противоречий. «Одесинский улус...» — писал Хангалов, — разделяется на две части: зажиточных и бедных. Зажиточные (богачи) принадлежат одной фамилии: Данчиновы, Ашудуевы, которые с давних времен были родовые старосты, как местные властители. После... стали головами, выборными и старостами, таким образом у них сосредоточилась власть. Бедные люди... задавлены нуждою и бедностью»².

Хангалов вел смелую последовательную борьбу против бурятского нойонства, шаманства, царских чиновников, против всех тех, кто охранял интересы эксплуататорского общества, обрекавшего трудовой бурятский народ на отсталость и бескультурье. Он резко обличал произвол и лихоимство тайш, земских чиновников, разных заседателей, исправников, шаманов и т. д.

За свои демократические убеждения и активную общественную деятельность М. Н. Хангалов, будучи уже известным ученым, находился под постоянным надзором полиции, подвергался травле, гонениям, арестам, длительным судебным преследованиям, наконец отбыл тюремное заключение в Балаганске. Но его борьба за свободу, справедливость, за идеи просвещения и гуманизма, за жизненные интересы народных масс завоевали ему громадный авторитет и глубокое уважение соотечественников.

М. Н. Хангалов подчеркивал прогрессивное значение присоединения Бурятии к России, хотя указывал на отдельные столкновения, имевшие место между отрядами казаков и бурятами»³. Он всячески подчеркивал живительное хозяйственное и культурное влияние русского народа на бурят. Так, он писал, что «прежние буряты не знали, как запрягать коней в телеги и сани. Они этот способ езды переняли от русских»⁴, а в статье «О бурятах, населяющих Иркутскую губернию», указывал: «...Буряты от русских научились строить сперва деревянные юрты, как в зимниках, так и в летниках... Затем буряты научились строить амбары, избы и прочее. Впоследствии буряты постепенно и понемногу начали принимать от русских хлебопашество, начали сеять хлеб»⁵.

Хангалов опубликовал также ряд историко-фольклорных преданий и народно-поэтических легенд, свидетельствующих о давней дружбе трудящихся русских и бурят. Он видел пути ликвидации отсталости родного народа в просвещении, в приобщении бурят к русской культуре. Вот почему он постоянно требовал, чтобы буряты, особенно дети, хорошо овладели русским языком, чтобы «читать русские книги», чтобы «постоянно учиться по-русски»⁶, глубоко изучив прежде всего свой родной бурятский язык.

Хангалов неизменно выступал за дружбу широких масс трудящихся русских и бурят. Вся его педагогически-просветительская, научно-этнографическая, общественная деятельность была воплощением этой идеи.

¹ Из дневника М. Н. Хангалова от 14 сентября 1906 г., тетрадь № 3, стр. 99 (архив Бурятского республиканского музея им. М. Н. Хангалова).

² Из дневника М. Н. Хангалова от 8 сентября 1906 г., тетрадь № 3, стр. 83.

³ См. предисловие Г. Н. Румянцева к Собранию сочинений М. Н. Хангалова, т. I, Улан-Удэ, 1958, стр. 6. В этот том включена значительная часть упоминаемых в настоящей статье этнографических работ Хангалова, а часть опубликована впервые.

⁴ Из дневника М. Н. Хангалова от 16 сентября 1906 г., тетрадь № 3, стр. 113.

⁵ М. Н. Хангалов, Собр. соч., т. I, Улан-Удэ, 1958, стр. 108.

⁶ Рукописный отдел Бурятского комплексного научно-исследовательского института, архив М. Н. Хангалова, инв. № 356.

Сам М. Н. Хангалов находился в постоянном общении с русскими учеными, общественными деятелями.

Видные русские ученые щедро и бескорыстно оказывали Хангалову научно-методическую помощь, редактировали его труды, продвигали в печать фольклорно-этнографические материалы. Так, большую помощь Хангалову оказывал Г. Н. Потанин, который сумел привлечь его, как и других бурят, к активной работе в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества. Благодаря руководству Потанина Хангалов создал ценные в научном отношении фольклорно-этнографические сборники: «Бурятские сказки и поверья, собранные М. Н. Хангаловым и др.»⁷, «Сказания бурят, записанные разными собирателями»⁸, «Балаганский сборник» (под редакцией Г. Н. Потанина)⁹. Эти сборники имеют большое значение для изучения жизни и быта бурятского народа.

Творческое общение связывало Хангалова с Н. Н. Агипитовым, правителем дел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Об этом сохранились и письменные свидетельства современников.

«Член Отдела Хангалов,— писал Д. П. Першин,— занимаясь этнографией своих сородичей, собирает значительные материалы по шаманству. Отдел, заинтересовавшись собранным Хангаловым материалом, командировал его и Агипитова в 1882 г. для исследования шаманства к балаганским бурятам в Унгинскую степь для осмотра там многочисленных остатков каменного и железного веков. Материалы по шаманству были собраны с большой тщательностью, исследователи осмотрели все принадлежности шаманства, сделали с них рисунки и модели»¹⁰. Выступая 21 января 1896 г. на торжественном заседании членов Восточно-Сибирского отдела в день празднования юбилея Русского географического общества, Першин также отметил огромную работу Хангалова по изучению этнографии бурятского народа¹¹, а его статью «Зэгэтэ-аба. Облава на зверей древних бурят» считал крайне интересной.

Д. А. Клеменц писал в 1910 г., что «сельский учитель у бильчирских бурят, Матвей Николаевич Хангалов, уже более тридцати лет занимается изучением быта и верований бурят. Благодаря его трудам шаманство у северных бурят обследовано гораздо лучше, чем где-либо в Сибири»¹². По меткому выражению Клеменца, фольклорно-этнографическая работа Хангалова представляла собою энциклопедию бурятского быта¹³.

Хангалов был единодушно избран действительным членом Русского географического общества. К нему, как к знатоку жизни бурятского народа, за разными советами обращались многие русские и зарубежные ученые.

* * *

Педагогическая, научная и общественная деятельность М. Н. Хангалова в той или иной степени получила освещение в трудах Ф. А. Куд-

⁷ «Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по отделу этнографии» (далее ВСОРГО), т. I, вып. 1, Иркутск, 1889.

⁸ «Записки ВСОРГО», т. I, вып. 2, Иркутск, 1890.

⁹ «Труды ВСОРГО», т. V, Томск, 1903.

¹⁰ Д. П. Першин, Краткий очерк пятидесятилетней деятельности Русского географического общества по этнографии в пределах Азии. «Изв. ВСОРГО», т. XXVII, Иркутск, 1897, стр. 52.

¹¹ Там же, стр. 53.

¹² «Материалы по этнографии России», издание Этнографического отдела Русского музея, т. I, СПб., 1910, стр. 117.

¹³ Там же.

рявцева¹⁴, П. Т. Хаптаева¹⁵, Е. М. Залкинда¹⁶ и др. К сожалению, ими оставлено почти неизученным фольклористическое наследие М. Н. Хангалова.

Деятельность Хангалова как фольклориста развернулась в конце XIX—начале XX в. Им были записаны многочисленные произведения бурятского фольклора, частично затем изданные, а также опубликован ряд статей по фольклору.

Следует отметить, что в своих высказываниях по кардинальным проблемам бурятского фольклора Хангалов подчеркивал тесную связь фольклорных произведений с породившей их действительностью, отмечал историко-познавательное и общественное значение фольклора. В народно-поэтических произведениях бурят он видел выражение чаяний бурятских трудящихся масс и их отношения к важным общественным вопросам. Разрабатывал Хангалов и конкретные, узкие проблемы, например происхождение танцев и песен.

В ряде своих трудов М. Н. Хангалов, касаясь происхождения бурятского народного искусства, выступал против реакционно-идеалистической теории «автономности», «отрешенности» искусства от экономических, социально-политических условий жизни общества. Так, он устанавливает связь национального танца «хатарха» с важным для бурят в прошлом занятием — охотой¹⁷. В отдаленные времена, действительно, придавалось, по-видимому, большое значение приобретению навыков для быстрого и успешного проведения облавной охоты — зэгэтэ-аба. Обучение этому буряты, как правило, проводили в дни, свободные от охоты, т. е. в период летних стоянок; там, на открытых местах, они проводили также обучение и военным действиям. Один из видов такого обучения и сохранился, по мнению Хангалова, «до нашего времени у нынешних бурят в виде национального танца х а т а р х а»¹⁸. Автор проводит подробное сравнение процесса облавной охоты с исполнением танца и делит охоту на три этапа¹⁹. Первый этап характеризовался тем, что газарши (руководители двух групп облавщиков) «со своими людьми двигались вперед, совершая каждый полукруг... до тех пор, пока круг не замыкался». Этому соответствует первая часть танца хатарха, когда «танцующие, образовав круг, держат друг друга за руки, опущенные вниз, и в это время медленно двигаются по солнцу, делая круг, и поют протяжные песни разного содержания».

На втором этапе охоты облавщики «начинают быстрее сужать круг и кричат уже громче». Этому соответствует вторая часть танца, когда танцующие, по описанию Хангалова, подвигаются друг к другу плотнее, наполовину поднимают руки и слегка машут ими вверх и вниз, наклонившись немного вперед. В это время песня делается менее протяжной и поется громче.

На третьем этапе зэгэтэ-аба еще быстрее суживается «круг охотников, которые при этом кричат уже очень громко, чтобы испугать зверей, которые попали в круг облавы». И в последней части хатарха его участники вплотную придвигаются друг к другу, руки держат в локтях почти под прямым углом и дружно, как один человек, подскакивают. В это время песня делается совсем отрывистой.

М. Н. Хангалов развивал мысль, что согласованные движения, коллективные стройные действия не только практически полезны, но и прият-

¹⁴ См. «История Бурят-Монгольской АССР», изд. 2-е, исправленное и дополненное, т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 357.

¹⁵ См. «Краткий очерк истории бурят-монгольского народа», Улан-Удэ, 1942, стр. 165.

¹⁶ См. Е. М. Залкинд, М. Н. Хангалов, Улан-Удэ, 1945.

¹⁷ М. Н. Хангалов, Собр. соч., т. I, Улан-Удэ, стр. 282—286.

¹⁸ Там же, стр. 284.

¹⁹ Там же, стр. 282—285.

ны. Впоследствии эти действия стали привычными, они постоянно отрабатывались, получали определенную систему ритмических повторов, сопровождались песнями и делались явлением искусства. В заключение своего исследования М. Н. Хангалов проводит идею о том, что утилитарное, узкопрактическое начало исторически предшествовало эстетическому.

Он вообще интересовался танцами, воспроизводившими производственную деятельность трудящихся бурят: изучал танцы, подражающие укрощению лошадей, а также танец «нараана малтаашадай наадан»²⁰, в котором представлялось, как женщина выкапывает корень сараны, и др. На основе тонких наблюдений за поведением зверей, животных и птиц буряты, по мнению Хангалова, создавали и другие танцы. «Кроме хатарха,— писал Хангалов,— буряты имели и другие пляски, которые состояли в подражании разным животным, зверям и птицам. Как народ охотничий, буряты должны были постоянно наблюдать зверей, чтобы уметь перехитрить их в случае надобности; потому и в играх и в плясках их выразилась наблюдательность и подражательность в этом отношении. Буряты плясали так называемый *хойр наадан*; в переводе на русский язык это будет глухарина игра. Пляшущие садились вдвоем на корточки, держась на одних носках ног; руки держали вытянутыми наравне с плечами; так, поднятые руки представляли крылья глухаря. Пляшущие, подпрыгивая на носках, сходились и расходились; третий пляшущий представлял глухариную самку, которая во время пляски проходила между самцами, и самцы дрались за самку. Пляшущие подражали также и крику глухаря»²¹.

К этой группе танцев Хангалов относил и «баабгайн наадан» — медвежьё пляску, «шонын наадан» — волчью, «тэхын наадан» — козью.

Интерес Хангалова к народным танцам, отразившим трудовую деятельность бурят (например облавную охоту, укрощение лошадей, выкапывание луковицы сараны, уход за ребенком), а также к пляскам, подражающим поведению зверей и птиц, объясняется тем, что они служат ярким доказательством связи народного искусства с занятиями бурят — охотой, скотоводством, с их семейным бытом.

* * *

Говоря о происхождении бурятских песен, М. Н. Хангалов также показывает, что их создателем является трудовой народ.

Буряты в песнях прежде всего поэтизировали храбрых, метких охотников, ибо охота на медведей, волков и других зверей в дремучей тайге была небезопасна для человека, вооруженного лишь ножом, луком и копьем.

Смелым охотникам-героям были посвящены многие народные песни. «Меткие стрелки, руководившие облавами,— писал Хангалов,— пользовались известностью среди бурят; имена их сохранились в памяти народной, и о некоторых из них теперь еще поются песни. Так, в Балаганском округе помнят о некоем Номошки Габахаеве, который отличался меткостью выстрелов на местных облавах. Он был руководителем этих облав и будто бы сам сложил о себе следующую песню».

Приводя бурятский текст этой песни, М. Н. Хангалов раскрывает ее содержание: «Смысл этой песни таков. Сначала певец говорит, что он был руководителем (газарши) трехсотной облавы, охотившейся на вершинах трех падей; потом, что он был руководителем четырехсотной облавы,

²⁰ Бурятские термины и тексты, встречающиеся в работах М. Н. Хангалова, даны в настоящей статье в переводе на современную транскрипцию.

²¹ М. Н. Хангалов, Несколько данных для характеристики быта северных бурят, «Этнографическое обозрение», 1891, № 3, стр. 159. (Перепечатано в Собр. соч., т. I).

охотившейся на вершинах четырех падей, и, наконец, что он был руководителем пятисотной облавы в вершинах пяти падей»²².

М. Н. Хангалов приводит также песню о Шошке Амядаеве: «В песне, которую он сложил о себе, он хвалится, что в местности Доргото он убил семь козуль, а в местности Нагаса восемь козуль; затем он хвалит свою лошадь, которая, несмотря на неровность места, бегала, не спотыкаясь»²³. Очень важно отметить указание исследователя на то, что песня эта также создана самим охотником. Все это свидетельствует о глубоком интересе Хангалова к таким песням, которые сложены самими охотниками и воспевают представителей трудового народа, а не ханов и родоплеменных вождей. Он отмечал, что песни слагали и женщины, которые «принимали участие в облавах на зверей и в различных военных действиях».

В статье «Юридические обычаи у бурят» Хангалов приводит народные предания о том, как «одна девица, во время зэгэтэ-аба, отличалась меткостью в стрельбе, и лошадь у нее была хорошая; дядя ее из зависти застрелил стрелою из лука эту лошадь. Девица, оплакивая лошадь, пела:

Алайрай манай абада	В нашей аларской облаве
Альган минии дааралай,	Замерзла ладонь моя;
Алтан шаргалай хурданда	От быстроты бега золотисто-солового
Нюдэн минии борлолой,	Потемнело в глазах моих;
Алаха барихын урда	Перед тем, как поймать мне его,
Абага минии харбалай.	Застрелил его дядя мой» ²⁴ .

Приведя предание, положенное в основу этой песни, автор указывает на большое значение коня в жизни бурят в далеком прошлом, ибо тот, «который имел коня, имел и право голоса в делах, принимал участие в облавах на зверей и различных военных действиях и получал свой пай (хүби) из общего раздела»²⁵. Вот почему в «прежнее время, выдавая своих дочерей замуж, родители давали им верхового коня с полной сбруей, колчан со стрелами, запасные стрелы, лук и вообще все необходимое при облавах»²⁶.

Автор не случайно приводит не только песню, но и предание о ней, ибо оно с исключительной живостью рисует образ девушки-воительницы, которая соперничала с мужчинами, а нередко и превосходила их в стрельбе из лука, в верховой езде, в умении владеть мечом, крпьем и пр. Выражая веру в творческие силы широких народных масс, Хангалов, естественно, не мог принять реакционные теории аристократического происхождения фольклора, которые в те годы уже были в ходу.

* * *

М. Н. Хангалов в своих работах показал огромное историко-познавательное и воспитательное значение фольклора. Так, на материале народно-поэтических легенд он старался выяснить отношение бурятского народа к шаманству и к шаманам.

В работе «Мои предки» Хангалов, используя конкретные факты из своей родословной, а также произведения народно-поэтического творчества, подчеркивает, что буряты и бурятки испытывали к шаманам «некоторое недоверие и даже презрение и нелюбовь. Об этом говорит,—

²² М. Н. Хангалов, Зэгэтэ-аба. Облава на зверей у древних бурят, «Изв. ВСОРГО», т. XIX, № 3, Иркутск, 1888, стр. 3—4. (Перепечатано в Собр. соч., т. I.)

²³ Там же, стр. 4.

²⁴ М. Н. Хангалов, Юридические обычаи у бурят, «Этнографическое обозрение», М., 1894, № 2, стр. 131. (Перепечатано в Собр. соч., т. I.)

²⁵ Там же, стр. 129.

²⁶ Там же, стр. 132.

писал он,— и пословица: «Человек, испортившись, делается шаманом, а овца исхудавшая делается иноходцем», по-бурятски:

Хүн мужархада бөө болхо,
Хонин мурхада жоро болхо»²⁷.

Интересно отметить, что фольклорные произведения, которые использовал Хангалов в своих работах по шаманству, свидетельствуют о реакционной роли шаманства, о союзе шаманства и бурятского нойонства.

Выражая отрицательное отношение трудового народа к патриархально-феодальному строю, он записал и опубликовал в 1888 г. варианты «Легенды о прекращении обычая умерщвлять стариков». Легенда примечательна тем, что смело показывает, с одной стороны, жадность, алчность хана, зарившегося на золотую чашу, лежащую будто бы на дне моря, а с другой — его необузданный деспотизм, зверскую жестокость: «Тайжи-хан, желая достать эту золотую чашу со дна моря, собрал свой народ и всем приказал поочередно нырять в море за этой чашей; но кто ни ныряет, более уже не возвращается; таким образом Тайжи-хан утопил немало народа». Легенда воспекает простой народ, в среде которого нашлись люди, оказавшиеся умнее самого хана. Молодой человек — простой бурят, которому пришла очередь нырять в море за золотой чашей, обратился за советом к своему семидесятичетырехлетнему отцу, которого он, вопреки бесчеловечному обычаю умерщвления стариков и старух, достигших семидесятилетия, на свой собственный страх и риск прятал в течение уже четырех лет. Отец дал ему мудрый совет: золотую чашу надо искать не на дне моря, а на прибрежной горе, откуда ее блеск отражается в морской воде. Умственное и нравственное превосходство простых бурят над ханом талантливо показано в предании. Хан отдал строгий приказ на будущее время не исполнять обычай өөхэ үмхүүлхэ над стариками и старухами, которые полезны молодым людям своими советами и наставлениями»²⁸.

Переплетение новых воззрений с традиционными, иногда суеверными представлениями характерно для ряда бурятских фольклорных произведений, в которых выражен социальный протест, сочувствие освободительному движению. С особой силой это сказалось в социально-бытовой поэзии бурят, в частности в свадебных песнях. На первый взгляд кажется, что в этих песнях речь идет лишь о судьбе девушки-бурятки, жалующейся на свою участь: бесконечные обвинения ею своих родителей, жгучие упреки родным — отцу, старшим — в том, что они променяли ее на «коров и овец» и т. д. «Иногда девицы с невестою, — писал М. Н. Хангалов, — поют песни, укоряя своих родителей, что они их променяли на калым и отдают на чужбину; в этих песнях слышится глубокое горе и неудовольствие, что они по воле рока рождены девицами и принуждены жить вне родительского дома на чужбине; заунывный и протяжный мотив напева этих песен невольно заставляет прослезиться стариков и старух»²⁹. Той же грустью проникнуты и песни жениха. Это и понятно, ибо родители женили против воли его на девушке, которую он не любит. Тексты таких песен также приводятся Хангаловым³⁰.

Дети находились под деспотическим гнетом родителей, а те — под гнетом богатых и сильных; для всего строя жизни бурят, в частности

²⁷ М. Н. Хангалов, Собр. соч., т. I, стр. 134.

²⁸ М. Н. Хангалов, Зэгэтэ-аба. Облава на зверей у древних бурят, стр. 26.

²⁹ М. Н. Хангалов, Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят Унгинского инородческого ведомства Балаганского округа, «Этнографическое обозрение», М., 1898, № 1, стр. 47.

³⁰ Там же, стр. 53.

и семейной, в патриархально-феодальной Бурятии была характерна система порабощения. Этим вполне объясняется идейный смысл грустных бурятских свадебных песен.

Проявляя глубокий интерес к народным песням, Хангалов изучал их в связи с конкретной историей бурятского народа, с его занятиями охотой, скотоводством, земледелием. Фольклорные произведения привлекаются им для выявления отрицательного отношения народа к патриархально-феодальному строю, к ханской власти.

Все это хорошо показывает, что Хангалова интересовали фольклорные произведения, изображающие такие мысли и чувства, такие действия и события, которые имеют значительное звучание и показывают отношение широких народных масс к важным общественным проблемам.

* * *

Верный своему подходу к народной поэзии, М. Н. Хангалов ввел периодизацию бурятских народных песен на основе их идейно-тематического содержания, обусловленного теми существенными изменениями, которые происходили в области производства и в образе жизни бурят. В статье «Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят...» он наметил три таких периода.

К первому периоду Хангалов отнес песни «старинного происхождения», где «отражается образ жизни прежних бурят», когда они, «как охотничий народ, преимущественно жили в лесах и охотились за зверями... Вне облавы на зверей, во время стоянок, когда не охотились за зверями, они имели свои игры и забавы, во время которых пели песни». Ко второму периоду он отнесил «песни позднего происхождения», возникшие под влиянием перехода бурят к скотоводству. «Когда буряты стали заниматься скотоводством, то прежняя многошумная и бурная зэгэгэ-аба начала падать, скот доставлял без особых опасностей более питательную пищу, чем опасная и трудная охота...». Однако на первых порах при переходе бурят к скотоводству в их песнях продолжали упоминаться дикие звери, например, «имя изюбра и желание подражать голосу его. Следовательно, здесь смешались скотоводческий и звероловческий образ жизни бурят»³¹.

Третий период в развитии бурятских народных песен автор связывал с переходом бурят к хлебопашеству. Этот период датируется временем вхождения Бурятии в состав России. Тогда и появляются песни, отражающие новый род занятий — хлебопашество.

М. Н. Хангалов оставил ценные высказывания, касающиеся важных вопросов эпического творчества бурят, в частности эпоса «Гесер». Он записал «Гесер» со слов Петкова-Тушемилова и своего отца Николая Хангалова, дополнив текст отрывками, услышанными от Онгоя Чушкинова, Хабхуная и др. Правда, ввиду неразработанности в то время жанровых различий бурятских народно-поэтических произведений Хангалов ошибочно называл эпос «Гесер» «сказкой».

Объединив ряд вариантов эпоса, Хангалов опубликовал объемистый сводный текст в книге Г. Н. Потанина «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», а ряд других записей текста «Гесер» — в своем «Балаганском сборнике»³². Эти и другие публикации составляли в дореволюционной Бурятии главный источник для анализа социального содержания и поэтической формы эпоса «Гесер».

³¹ М. Н. Хангалов, Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят..., стр. 46.

³² М. Н. Хангалов, Балаганский сборник. Под редакцией Г. Н. Потанина, Тр. ВСОРГО, т. V, Томск, 1903.

«У балаганских бурят,— писал Хангалов,— с незапамятных времен устно передается из поколения в поколение сказка об Абай-Гэхэр — богдо-хане... Сказка «Абай-Гэхэр — богдо-хан» между другими бурятскими сказками занимает первое место; знающие ее бурятские рассказчики пользуются между бурятами почетом. При всяком удобном случае буряты в зимние долгие ночи стараются послушать или сказку про Абай-Гэхэр — богдо-хана, или же другую какую-нибудь. Бурятский рассказчик рассказывает, а все семейство бурят и собравшиеся соседи слушают сказку с большим вниманием. Сказки у бурят говорятся нараспев с рифмами; кто не может петь, тот говорит словами без пения. До чего достигает уважение бурят к рассказчикам сказок, можно видеть из народной поговорки: онтохоши хун олбог подушка дээрэ, дүүша хүн добуун дээдэ, „говорящий сказки человек (рассказчик) на перине и подушке, а поющий (певец человек) на бугре”»³³.

Текст эпоса «Гесер» М. Н. Хангалов сопроводил комментариями. Замечания об ореоле почета и уважения, которыми окружены имена улигершинов — народных поэтов, о широкой распространенности и популярности эпоса «Гесер» в народной среде, а также о характере бытования и о форме его исполнения представляют большой научный интерес.

Разнообразие тематики работ Хангалова опровергает ходячее мнение о том, что его научные интересы якобы прочно утвердились исключительно в области вопросов древней истории бурят, что пафос всех его трудов составляет попытка доказать существование полупоэтической эпохи зэгэтэ-аба, что в силу этого у него было стремление во всем открывать следы и пережитки зэгэтэ-аба и т. д. Действительно, М. Н. Хангалов, изучая многие стороны жизни и быта бурят, немало интересовался их древним звероловческим бытом, нередко привлекал такие фольклорные произведения, в которых, как пережиток, сохранились следы облавной охоты. Однако он умел находить в историческом прошлом такие явления, которые связаны с современностью многими нитями.

* * *

Как фольклорист-собираатель М. Н. Хангалов руководствовался современными ему научными принципами собирания и публикации устных народных произведений. Правда, записанные им тексты эпических фольклорных произведений он при публикации подвергал иногда некоторому сокращению. Но тексты произведений более мелких фольклорных жанров (например: песен, благопожеланий, пословиц, загадок) исследователь записывал и публиковал в оригинале целиком, сопровождая их русским переводом. Как переводчик Хангалов стремился к точности, решительно отвергал переделку текстов, добиваясь непосредственности и простоты наряду с сохранением национального колорита.

Производя записи фольклорных произведений, Хангалов всегда их паспорттизировал, указывая, от какой группы бурят они записаны, нередко сообщал имя и фамилию сказителя, улус, в котором он живет, социальное положение, возраст и т. д. К сожалению, Хангалов не дал характеристики творческой манеры улигершинов, не фиксировал их репертуар. Неутомимый собиратель и глубокий знаток бурятского фольклора, М. Н. Хангалов иногда производил записи текстов эпических поэм — улигеров в прозаической форме. Это объясняется, по-видимому, тем, что он записывал их не от крупных народных певцов, а от неспециалистов.

³³ Г. Н. Потанин, Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, т. II, СПб., 1893, стр. 114.

Большой интерес представляют комментарии Хангалова к текстам опубликованных им фольклорных произведений; в этих комментариях четко выявляется еще одна из основных черт его фольклористической концепции, а именно: этнографический принцип изучения фольклора.

Передавая текст «Легенды о прекращении обычая умерщвлять стариков и старух», о которой уже шла речь выше, М. Н. Хангалов указывал, что этот обычай возник в условиях примитивного уклада прежней жизни бурят, который, по его мнению, определялся охотой на зверей и рыбной ловлей, а отсюда — и постоянным передвижением в поисках «мест, удобных для добывания средств жизни», когда одряхлевшие старики являлись тяжелой обузой³⁴. Больше того, поясняя легенду, он дал конкретное описание самого обычая умерщвления, существовавшего в историческом прошлом и известного у бурят под названием өөхэ үмхүүлхэ (сало глотать).

Таким образом, тот этнографический метод изучения фольклора, который выдвинул Н. А. Добролюбов, привел М. Н. Хангалова к широкому и плодотворному использованию народно-поэтических произведений при освещении истории бурятского народа, его жизни и быта. Достаточно напомнить работы Хангалова «Зэгэтэ-аба. Облава на зверей у древних бурят», «Предания и поверья унгинских бурят», «Несколько данных для характеристики быта северных бурят», «Юридические обычаи у бурят», «Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания бурят Унгинского инородческого ведомства Балаганского округа», а также «Молочное хозяйство у бурят»³⁵, «Общественные охоты у северных бурят (Зэгэтэ-аба — охота на росомах)»³⁶ и др., не говоря уже о его работах, посвященных вопросам шаманства³⁷.

Прекрасно понимая важность и ценность фольклорных произведений как материала для характеристики жизни и быта народа, Хангалов стремился к их собиранию и публикации, чтобы как можно обстоятельнее изучить жизнь, мысли и чувства обездоленного в условиях царской России бурятского народа в интересах борьбы трудящихся против рабства и насилий, за свободу и счастье.

М. Н. Хангалов отдал много сил записи и публикации бурятского фольклора: легенд и преданий, улигеров, сказок, песен, пословиц и поговорок, загадок, благопожеланий — юролов и др. Записи Хангалова составили его широко известный «Балаганский сборник», вошли в сборник «Сказания бурят, записанные разными собирателями» и разбросаны по страницам дореволюционной периодической печати. К сожалению, они до сих пор не собраны воедино.

Записанные и опубликованные М. Н. Хангаловым народно-поэтические произведения свидетельствуют, что трудовой бурятский народ обладает большой поэтической душой, талантом словесно-художественного творчества. Всей своей деятельностью собирателя и публикатора Хангалов доказывал, что буряты имеют право на развитие своей культуры, ибо у них, как и у других народов, имеются ясные по идеям, ценные по своим художественным достоинствам фольклорные произведения. В результате неустанной многолетней работы М. Н. Хангалова как со-

³⁴ М. Н. Хангалов, Зэгэтэ-аба, Облава на зверей у древних бурят, стр. 2.

³⁵ «Изв. ВСОРГО», т. XXXI, № 1—2, Иркутск, 1901, стр. 118—149. (Перепечатано в Собр. соч., т. I).

³⁶ Статья написана М. Н. Хангаловым в соавторстве с Д. А. Клеменцом. См. «Материалы по этнографии России», т. I, СПб., 1910, стр. 117—154. (Перепечатано в Собр. соч., т. I.)

³⁷ См. «Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии». «Изв. ВСОРГО», т. XIV, № 1—2, Иркутск, 1883, стр. 1—61; «Новые материалы о шаманстве у бурят», «Зап. ВСОРГО», т. II, вып. I, Иркутск, 1890. (Обе статьи перепечатаны в Собр. соч., т. I.)

бирателя введено в научный оборот значительное число фольклорных произведений бурят.

В области научного анализа фольклорных произведений М. Н. Хангалов, как показано выше, оставил ценные наблюдения и замечания. Хотя ему не удалось обобщить в целостную систему свои теоретические высказывания, однако для него характерен материалистический подход к стержневым вопросам искусства.

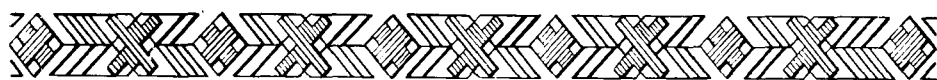
* * *

Значение фольклористического наследия М. Н. Хангалова для истории бурятской национальной культуры велико. Его интерпретация основных проблем изучения бурятского фольклора — несмотря на некоторые ошибки — служила действенным оружием в борьбе против распространенной в то время реакционной космополитической теории, провозглашающей миграцию фольклорных сюжетов, отрывающей их от родной, национальной почвы, от конкретных условий классовой борьбы, а также против идеалистической буржуазной теории независимости народно-поэтического творчества от экономических, социально-политических условий общества, от актуальных задач освободительного движения. Его концепция противостояла и реакционным теориям аристократического происхождения фольклора. Следует также добавить, что М. Н. Хангалов не увлекался и мифологической концепцией.

Место М. Н. Хангалова в истории отечественной ориенталистики определяется тем, что он был первым фольклористом, который в тяжелых условиях царской России своими трудами заложил основы бурятской демократической фольклористики, углубил и расширил научно-этнографические изыскания, начатые Доржи Банзаровым.

Фольклорно-этнографическое наследие М. Н. Хангалова огромно, но еще до сих пор не учтено до конца, не собрано воедино, хотя оно имеет актуальное значение и сейчас, когда бурятский народ на принципиально новой основе успешно развивает свою социалистическую культуру, учитывая лучшие национальные традиции прошлого. В настоящее время Бурятский комплексный научно-исследовательский институт приступил к изданию собрания сочинений Хангалова под редакцией Г. Н. Румянцева; первый том, содержащий значительную часть упомянутых выше этнографических работ Хангалова, вышел в свет в конце 1958 г.

В 1958 г. советская общественность отметила столетие со дня рождения М. Н. Хангалова. Бурятский народ законно гордится своим сыном, который сумел выдвинуться из темноты и невежества в ряды прогрессивных ученых, активных общественных деятелей России.

С О О Б Щ Е Н И Я

Л. П. ПОТАПОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТ ТУВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ¹

Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция была организована в 1957 г. для исследования этногенеза современных тувинцев и изучения истории Тувы.

Как известно, Тувинская Народная Республика, возникшая в результате Великой Октябрьской социалистической революции, в 1944 г. добровольно вступила в состав Советского Союза. Благодаря этому в отсталой прежде Туве стали быстро развиваться социалистическая экономика и культура. Коренным образом меняется древний кочевой быт тувинцев, основная масса которых перешла на оседлость. Быстрый рост культурного уровня тувинского народа выдвинул ряд специальных научных задач, к решению которых требовалось привлечь внимание центральных научных учреждений, в частности отдельных институтов Академии наук СССР. Одна из таких задач — необходимость ответить на вопрос о происхождении тувинского народа, а также принять участие в исследовании истории Тувы. Эту задачу взял на себя Институт этнографии АН СССР. Откликаясь на просьбу тувинских советских и партийных организаций, институт организовал Тувинскую комплексную экспедицию.

Проблема этногенеза тувинцев является частью более обширной проблемы этногенеза тюркоязычных народов Центральной Азии; с этим связаны более частные вопросы происхождения ряда тюркоязычных народностей СССР, например: казахов, киргизов, уйгуров, а также алтайцев, хакасов и других народностей Саяно-Алтайского нагорья.

Автор настоящего сообщения взял на себя исследование сложной проблемы этногенеза тувинцев и разработку некоторых вопросов истории Тувы в значительной мере потому, что считал себя до известной степени подготовленным к этому своими предшествующими многолетними исследованиями по истории этнографии алтайцев, хакасов и шорцев. Перечисленные народы Алтае-Саянского нагорья являются ближайшими соседями тувинцев, имеющими много общего в этнической истории, связанной историческим процессом, протекавшим за последние полторы тысячи лет в восточной части Центральной Азии.

Экспедиция работала в течение двух летних полевых сезонов (1957 и 1958 гг.) в труднодоступном и наиболее отдаленном высокогорном районе Тувы — Байтайгинском². Южная часть его носит название Монгун-Тайга, а северо-западная — Кара-Холь, по имени озера, находящегося в верховьях р. Алаша — левого притока Кемчика. Эта крайняя западная часть Тувы является пока наиболее отсталой в экономическом и культурном отношении по сравнению с ее центральными районами. В этнографическом и археологическом отношении этот район, граничащий с территорией расселения монголов-дербетов, алтайцев и хакасов, никем не был изучен. Это обстоятельство в известной мере определило выбор его для начала полевой работы. Результаты показывают, что выбор вполне себя оправдал. Но прежде чем сообщить о некоторых итогах полевого исследования, нужно сказать несколько слов о том, как строилась этнографическая и археологическая работа экспедиции.

¹ Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института этнографии 11 апреля 1959 г. во время археолого-этнографической сессии Отделения исторических наук АН СССР, посвященной итогам и перспективам экспедиционных работ.

² В состав возглавляемой мной экспедиции в первые два сезона полевой работы входили младшие научные сотрудники Института этнографии А. Д. Грач и В. П. Дьяконова, а также научный сотрудник Музея этнографии народов СССР П. И. Каралькин.

Этнографическая полевая работа была направлена на соби́рание данных по материальной культуре и хозяйству тувинцев, их домашнему быту, народным знаниям, искусству, верованиям. При этом, учитывая этническое окружение западных тувинцев, мы обращали особое внимание на соби́рание материала, имеющего этногенетическое значение. В области археологии, наряду с общим ознакомлением со всеми видами памятников, имеющих в данном районе, велось изучение тех из них, которые относятся к определенным крупным этапам этнической истории Тувы, например, к древнетюркскому времени. Особое значение придавалось исследованию поздних, так называемых впускных, погребений, относящихся к периоду XVII—XIX вв. Эти захоронения в каменных насыпях древних курганов отражают доламаистский, т. е. шаманистский, погребальный обряд. Поздние памятники вообще, как правило, не исследуются археологами, но для этнографии они дают очень много ценного материала. Эти археолого-этнографические памятники помогут нам характеризовать культуру и быт ближайших исторических предков современных тувинцев.

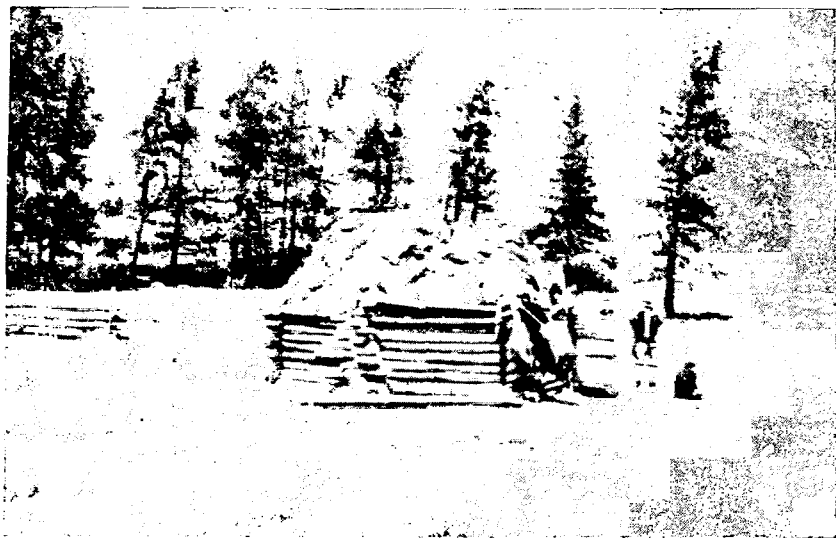

Рис. 1. Старинное шестиугольное жилище тувинцев — «чадыр»

Отмечу одну особенность профиля научных работников Тувинской экспедиции. Здесь каждый этнограф ориентируется в археологическом материале и принимает участие в его изучении, каждый археолог знаком с этнографическим материалом и участвует в его соби́рании.

В кратком сообщении нет возможности развернуть конкретный материал³, поэтому я попытаюсь показать частично то, что дает он для решения поставленной проблемы. Этнографические материалы свидетельствуют о сложном переплетении здесь тюркских и монгольских элементов и о генетической связи тюркских элементов культуры современных тувинцев с культурой и бытом различных древнетюркских племенных объединений, известных как по китайским источникам, так и по археологическим раскопкам в Туве. Возьмем основной тип жилища тувинцев досоциалистического периода, сохранившийся до наших дней, — войлочную юрту. Юрта эта монгольского образца, и вся терминология ее основных частей монгольская, однако называется она в целом древнетюркским термином «үг», зафиксированным еще в орхонских рунических надписях. В районе же Кара-Холя, отделенном от Монголии труднопроходимыми горами и соседящем с алтайцами и хакасами, войлочная юрта в целом называется как раз западномонгольским термином «терме». Но в Кара-Холе мы встретили также срубные шести- и восьмиугольные жилища, типичные для алтайцев-тубаларов, северных соседей карахольских тувинцев. Однако здесь эти жилища называют не современным алтайским термином «агаш аил», а «чадыр» (рис. 1), т. е. опять-таки словом, известным по руническим надписям, тогда как у современных алтайцев «чадыр» — это конический шалаш из жердей, крытый корой лиственницы. В Монгун-Тайге ориентируют дверь строго на восток, т. е. по-древнетюркски, а не по-монгольски — на юг. Именно вследствие этой устойчивой ориентировки жилища и постоянного размещения в нем предметов стало возможным исчи-

³ Этот материал в настоящее время подготовлен к публикации и составит первый том Трудов Тувинской комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР.

сление времени дня летом у тувинцев в зависимости от того, какой предмет или часть юрты освещены солнцем. Подробное изучение всех видов жилища и его внутренней обстановки дает богатый материал не только для решения этногенетических вопросов, но и для истории культуры тувинцев, их историко-культурных связей с соседними народностями⁴.

В отношении одежды этногенетические признаки выявляются путем изучения покроя, типов швов, терминологии⁵. Для древних тюрков было характерно запахивание верхней полы одежды налево, а для монголов — направо. Любопытно, что когда Ки-мин (K'i-min), каган восточных тюрков, обратился в 607 г. к Суйскому императору Китая (которому тюрки в то время были подчинены) с просьбой разрешить им носить одежду китайского образца, император отказал, подчеркнув, что одежда тюрков по покрою и способу запахивания полы отличается от китайской и что это различие должно быть сохранено⁶. Кстати сказать, верхняя, с фигурным выступом, пола шубы «тодарлыг гон» (рис. 2) или халата современных тувинцев носит название

Рис. 2. Тувинец в зимней шубе «тодарлыг тон»

(от воротника до первого выступа) «улух-хой бажы» (большая голова барана); это говорит о том, что шкуру барана, которая шла для этой полы, при раскрое прикладывали головной частью к воротнику; пола эта носит тюркское название, хотя запахивается теперь на монгольский лад. Нами изучены отличия в одежде — девичьей и замужней женщины, особенности одежды вдов и вдовцов и др. Впервые обращено внимание на изучение типов швов. Выявлено десять швов, применявшихся при шитье одежды, обуви, кожаных изделий и т. д. и отражающих древнюю традицию. Знание этого материала поможет нам при сравнительном изучении одежды по различным районам Тувы и пригодится также при исследовании археологических находок, как раннего, так и позднего времени. Нельзя не обратить внимание на сохранение у тувинцев остатков древнетюркского обычая носить волосы распущенными, зафиксированного китайской летописью. Тувинские девочки до брачного возраста носили волосы распущенными, и только часть волос была заплетена в косичку, тогда как, например, у соседних алтайцев или монголов-дербетов девочке заплетали волосы в ряд мелких косичек. При этом, как уверяют тувинцы, у дербетов число косичек девушки соответствовало числу имевшихся у нее братьев. Носили и носят волосы распущенными и старухи.

Большой, пожалуй, исчерпывающий материал собран по видам молочной и мясной пищи тувинцев⁷. Здесь господствует тюркская терминология, хотя главный вид молочной пищи, кислое молоко, называется по-монгольски — «хойпак» (в отличие от тюркского «айран»). Способ приготовления хойпака и в Монгун-Тайге и в Кара-Холе —

⁴ Изучением жилища в экспедиции занимается преимущественно П. И. Каралькин.

⁵ Изучением одежды занимается В. П. Дьяконова.

⁶ Liu-Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (Tu-küe), т. I, Wiesbaden, 1958, стр. 62.

⁷ Материалы по пище, свадебному обряду и семейно-брачным отношениям, по народным знаниям и народным верованиям, как и некоторые другие, собирались автором настоящего сообщения.

по монгольскому образцу: его делают из сырого молока, тогда как в других районах Тувы (например, по р. Хендере) можно встретить и тюркский способ приготовления хойпака — из вареного молока. Изучалась также растительная пища тувинцев (в частности, употребление диких съедобных растений). Само собой разумеется, что детальные описания жилища и домашней утвари, одежды, различных видов пищи, способов ее приготовления и консервации, сопровождающиеся подробной терминологией и иллюстративным материалом, явятся одним из основных источников для характеристики культуры и быта различных групп тувинцев в дореволюционное время и позволят определить этногенетические и исторические культурные связи и взаимоотношения тувинцев с различными окружающими их народами.

Впервые собирается подробный материал по свадебному обряду и семейно-брачным отношениям, терминам родства и свойства тувинцев. Старинный свадебный обряд, бытовавший во всех районах, где вела работу наша экспедиция, описан по расписанному данным. Этот материал представляет большой интерес. Первый этап обряда — сватовство. Второй — закрепление намечаемого брака (по-тувински «тухтеп»), когда договаривались о времени свадьбы, после чего девушка могла принимать у себя жениха («кудээнин кужун көр» — буквально «смотреть силу жениха»), а ее родители и родственники готовили ей обязательный комплект имущества, с которым она потом отправлялась в дом мужа. Третий этап — свадьба (куда түшкен). Невесту привозят в аал жениха и устраивают однодневный свадебный пир. В каждом из этих этапов тувинской свадьбы содержатся интересные моменты обряда, в литературе не известные, которые дают возможность сделать важные выводы по истории тувинцев. Во время тухтепа, например, происходило «распознавание волос» — своего рода гадание: будет ли брак удачным. Жениха и невесту усаживали рядом, к ним подходил сзади один из родственников, соединял концы их косичек, расчесанных гребнем, зажимал в кулак и подносил к их глазам, предлагая обоим узнать волосы друг друга. Если им это удавалось, то считалось, что брак должен быть хорошим. После тухтепа просватанной девушке делали прическу замужней женщины (две косы), надевали накосное украшение замужних — «чабага» и соответственно меняли кольца, браслеты, серьги с девичьих на женские. Тогда же начинали готовить «приданое» (беер уругнун херек сели). В него входила новая войлочная юрта с полным комплектом домашней утвари, комплект одежды и обуви невесты, некоторое количество скота и семейные пенаты (эренн), которые невеста увозила из дома родителей. Юрту для молодоженов должны были делать родственники невесты; можно думать, что этот обычай отражает существование в прошлом у тувинцев матрилокального брака. При смене его патрилокальным и возник, как дань старой традиции, обычай везти новую юрту, сделанную родственниками невесты, в аал жениха. В день приезда свадебного поезда невесты в аал жениха, там устанавливали привезенную невестой юрту, разводили в ней огонь, добываемый огнивом одним из родственников жениха; в этой юрте и происходил свадебный пир. На другой день выполняли обряд «төрел», или «алганып беер». Невестка угощала родителей и других старших родственников мужа молоком, в результате чего с нее снимался запрет избегания этой категории родственников. Затем она «кугошала» молоком огонь и ставила чашку молока перед бурханами. После свадьбы, при отъезде родственников невестки домой, тесть давал ее матери корову, как «эмик каргажы» (буквально плата, или выкуп, «за грудь», точнее — за молоко матери, которым была вскормлена ее дочь). Спустя 3—4 года после свадьбы устраивался обряд изготовления семейных эреней, проводившийся шаманом, и с этого времени супруги имели собственных домашних охранителей.

Различные старинные обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка у тувинцев, также удалось описать довольно полно.

Еще более ценными и важными для истории культуры и этнической истории тувинцев являются материалы, собранные по некоторым разделам народных знаний, в частности по народному календарю и народным мерам длины. Обращает на себя внимание тождественность народных мер длины у тувинцев и киргизов при полном совпадении терминологии. Скажу здесь кратко о летнем суточном исчислении времени. Сутки разбиваются на следующие периоды (если вести счет последовательно с полуночи):

1. Түн ортазы	Середина ночи, или полночь
2. Тангар түне, или түн ортазы ертин турар.	Время от полуночи до начала рассвета
3. Танг бажы, или танг хаязы	Начало рассвета (когда чуть брезжит)
4. Танг аткан, или танг адар, а также чер черин келгин	Рассвело. Земля осветилась (сгало светло)
5. Хүн теген, Варианты: хүн тееп элеген; хүн чалып теер; хүн унун келир	Восход солнца. Солнце показалось
6. Пиче түш, или күн тушеди	Малый полдень (время от поднятия солнца над горизонтом до большого полдня; самое начало этого периода суток называют еще «хүн уүрлеп кельди» — солнце поднялось над горизонтом).

7. Улуг тўш	Большой полдень
8. Жеже, или жежеки тўш, а так-же тўш ерткен	Поздний (вечерний) полдень (солнце идет к вечеру)
9. Шокар көлзге. Хўн чўгү-рүнде керэ берген	Пестрые тени. Солнце бежит к горизонту, краски и тени все время меняются, пестрят
10. Хўн таг пажында	Солнце село на вершину горы
11. Кызыл хўн	Красное солнце (село за горизонт, за горами)
12. Хўн ашкан, или хўн ажып эгелен, хўн ажып тур, или орай-танг	Закат
13. Чарык имир	Светлые сумерки (период от заката до наступления сумерек)
14. Имир	Сумерки
15. Каран-имир	Темные сумерки («сылтыс четишкен» — звезды показались)
16. Пеже тўнэ; жежеки туни; тўн керген	Начало ночи, или вечерняя ночь, или приход ночи
17. Тўн ортазы	Середина ночи (полночь)

Приведу определение времени дня по предметам юрты, освещаемым солнцем через отверстие для выхода дыма. Это было связано с определением времени дня по солнцу вообще. Поэтому я приведу параллельную терминологию.

1. Танг адар	Рассвет (в это время женщины в юрте первыми поднимаются с постели)
2. Хўн харачага турды	Солнце стало на дымовой круг (харача) на куполе юрты; женщины приступают к доению скота, начиная с коров; это время утра называется вообще «хўн теген» или «хўн чалып теер» (см. выше), т. е. восход солнца
3. Хўн улунга турды	Солнце осветило жерди (улун, или уну) купола юрты (доение коров обычно уже заканчивается, доят овец; это время поднятия солнца над горизонтом — «хўн уўрлеп кельди», или начало малого полдня — «пиче тўш»)
4. Хўн хана бажында турды	Солнце показалось на «хана», верхушках решетки, составляющей круглый деревянный остов юрты; пастухи в это время гонят дойный скот от аала; это продолжение малого полдня
5. Хўн тўк ортузы турды	Солнце осветило середины кожаных сум (мешков с имуществом кочевников, стоящих в переднем углу юрты, против входа); скот под присмотром пастухов все еще удаляется от селения; продолжается малый полдень
6. Хўн сыртык бажында турды	Солнце вышло за «ноги кровати», женщины готовят подушку — «сыртык»; пастухи поворачивают скот назад по направлению к аалу» начинается большой полдень — «улуг тўш»
7. Хўн тōжек ортузында турды	Солнце появилось на середине кровати; пастухи подгоняют скот к аалу, идут в юрты обедать продолжается большой полдень
8. Хўн бут адаанда турды	Солнце вышло за «ноги кровати» женщины готовятся к доению скота, привязывают телят и козлят к веревкам у места доения; пастухи подгоняют дойный скот к юртам; по времени суток — это «жежеки тўш», или тўш ерткен», поздний (вечерний) полдень
9. Хўн элгирге турды	Солнце встало на «эльгир» (деревянные полки для посуды, находящиеся у двери направо от входа); женщины доят овец и коз; это приходится на то время, которое по солнечному исчислению суток называется «шокар көлзге» — пестрые тени, или «хўн чўгүрүнде керэ берген», т. е. солнце бежит к горизонту, к закату
10. Хўн улунга турды	Солнце освещает жерди купола юрты, находящиеся у двери направо от входа; в это время начинается доение коров и сарлыков; за это время происходит закат солнца — «хўн ашкан», «хўн ажып тур», или «орай-танг», доение заканчивается с наступлением светлых сумерек — «чарык имир»; солнце из юрты уже ушло

Приведенное исчисление времени по предметам юрты, освещаемым солнцем, т. е. своего рода солнечные часы, практически применяли только летом, ибо зимой солнце заглядывало в юрту позднее и ненадолго и освещение им тех или иных находящихся в ней предметов было иным. Юрта и эти предметы могли служить солнечными часами только потому, что ориентация ее двери и расстановка в ней немногочисленной, но обязательной обстановки, тех или иных предметов домашнего быта, были постоянными и как бы обязательными (дверь юрты была обращена всегда на восток, следовательно почетная сторона, находящаяся против входа, ориентирована была на запад, полки с посудой стояли у двери направо от входа, стало быть на северо-восточной стороне юрты, и т. д.). Такое утверждение можно подкрепить ссылкой на практику пастухов. Когда летом пастухи находились за аалом на пастбищах, они при первой же надобности определить время чертили на земле план юрты и некоторые расположенные в ней предметы, по освещению которых определяется время дня.

Рис. 3. Гробница шамана. Кара-Холь

Посередине такого наскоро набросанного чертежа втыкали прутик или палочку и по тени, отбрасываемой ею на тот или иной предмет, определяли время, когда надо пригнать скот в аал для доения.

Перейду к материалам этногенетического значения, связанным с верованиями, и приведу несколько примеров. Интересны в этом отношении описания горных молений, проводившихся в этом районе Тувы до начала 1930-х гг. Они близко совпадают с горными молениями древних тюрков, о которых мы знаем из китайских летописных источников, и аналогичными молениями, изученными нами у хакасов и северных алтайцев. Особый интерес представляют обнаруженные нами деревянные гробницы шаманов в виде срубного домика с глухими стенами и двускатной крышей, стоящего на четырех толстых столбах (рис. 3). Внутри этот домик имеет два яруса: нижний, где на деревянном полу покоятся останки шамана в обычной одежде и полный комплект хозяйственного и бытового инвентаря, который считался необходимым покойнику в загробной жизни, и верхний ярус — настил, служивший потолком для нижнего яруса и полом для верхнего, где лежали шаманский бубен, колотушка, костюм и различные зрени (изображающие духов-помощников шамана). В литературе нет упоминаний о наземном захоронении шаманов в таких гробницах. Во время моих многочисленных поездок на протяжении более чем тридцати лет по Саяно-Алтайскому нагорью мне также ни разу не пришлось ни видеть такой гробницы, ни слышать о ней. Единственное упоминание о них я нашел в литературе о якутах. Местами якуты хоронили покойников, не являвшихся христианами, в аналогичных (по внешнему виду) гробницах. Нужно ли доказывать, какой интересный новый факт мы получили, принимая во внимание известные этногенетические материалы и исследования о якутах, в частности — об их древних связях с Саяно-Алтайским нагорьем.

Упомяну еще об обряде лечения шаманом больного у древних каменных изваяний, в большом количестве имеющих в Туве. По окончании обряда на каменную бабу вешали шнурок с цветными ленточками. Этим можно объяснить, почему на некоторых каменных изваяниях висели культовые ленточки. Такие ленточки можно

видеть на некоторых фотографиях, хранящихся в ГМЭ, сделанных исследователями (С. А. Теплоуховым и др.) в 1920-х годах. Исходя из описаний молений тувинцев и принимая во внимание устойчивость некоторых древних тюркских обрядов, можно найти здесь объяснение приводимых Низами сведений о том, что на половецкие каменные бабы вешали колчаны.

Собраны данные о внешнем виде шаманского бубна, об обряде его изготовления, ритуальном костюме шамана, записаны по-тувински обращения шамана к своим зрением и т. д. Особый интерес представляют также сведения об охотничьих обрядах и поверьях, о демонических существах — албасты и других, о почитании зверей и птиц, в частности о пережитках культа медведя, о некоторых магических приемах воздействия на погоду и лечения человека, о культе огня и т. п. Я не имею возможности в этом кратком сообщении дать хотя бы перечень собранных материалов, связанных с другими вопросами этнографического изучения тувинцев, например с их занятиями изобразительным народным искусством.

При характеристике итогов этнографического изучения тувинцев за первые два полевых сезона нельзя не упомянуть и о материалах по родоплеменному составу и топонимике, дающих особенно ценные факты для исследования проблемы происхождения тувинского народа. В указанных выше районах я нашел представителей таких родоплеменных групп, как орчак, кужугэт, караал, соян, телек и др. Первые четыре группы хорошо известны по русским историческим документам XVII в. Они кочевали в то время севернее Саян, в степях правобережья Оби, между Бией и Томью, и часто появлялись вместе с западными монголами, телеутами и енисейскими кыргызами под стенами Томска и Кузнецка. Близ Томска кочевали в начале XVII в. и мады, которые первыми из тувинских племен вступили тогда в состав Российского государства, а затем были удержаны Алтын-ханом за Саянами. Русские исторические документы XVII—XVIII вв. представляют собой исключительно ценный источник для выяснения этнического состава тувинцев в период подчинения их Алтын-ханам и Джунгарии: эти показания прекрасно согласуются с нашими этнографическими материалами по родоплеменному составу современных тувинцев. Что касается топонимики, то мне уже приходилось выступать в печати с сообщением о том, что именно в Туве я обнаружил комплекс древнетюркской топонимики, зафиксированной в тюркских рунических памятниках VIII в.⁸ Именно в Туве до сего времени сохранились древнетюркские названия хребта Отүкән, хребта Көгмен и находящегося рядом с ними хребта Кадырган. Значение этого материала для этнической истории тувинцев очень велико.

Таковы некоторые итоги этнографического изучения тувинцев в связи с проблемой этногенеза. Кратко остановлюсь также на некоторых итогах археологической работы.

Археологических раскопок в Монгун-Тайге и Кара-Холе до 1957 г. никогда не вели, хотя в отношении археологических памятников оба района являются весьма интересными. Обилие и разнообразие здесь типов памятников при их полной неизученности весьма осложняли выбор объектов для раскопок. Перед экспедицией стояла и продолжает стоять трудная задача характеристики и классификации археологических памятников, их точной датировки. Только проделав такую работу, мы превратим эти памятники в полноценный исторический источник для изучения этапов этногенеза и истории тувинцев по крупным периодам, связанным с общим историческим процессом, протекавшим в восточной части Центральной Азии.

На сотрудниках нашей экспедиции лежит большая научная ответственность прежде всего за правильное определение и датировку каждого раскопанного памятника, за превращение его в ценный научный источник. Это первоочередная наша задача. За два полевых сезона было раскопано 68 объектов, в том числе в Монгун-Тайге 58, в Кара-Холе — 7, в Чаахольском районе — 1, в Бай-Тайге — 2. По мнению А. Д. Грача, возглавлявшего работу археологического отряда, исследованные памятники можно разделить на следующие группы: памятники ранних кочевников — 18; памятники кочевников гунно-сарматского времени — 7; тюркского времени — 18 (в том числе 5 кенотафов и 5 поминальных оградок); поздние впускные погребения — 7. Приведу характеристику раскопанных памятников и их датировку, предложенные А. Д. Грачем. Различные типы раскопанных в Монгун-Тайге погребений отнесены им к кочевникам дотюркского времени на том основании, что погребенные были положены головой на запад (что касается инвентаря, то в могилах дотюркских кочевников его почти нет). Эти памятники дают следующие типы захоронений: скорченные погребения в грунтовых могилах под простыми каменными насыпями; погребение на горизонте в обкладке из уложенных плашмя плит под курганами «на платформах»; погребение на горизонте без обкладки (простые каменные насыпи); херексуры с прямоугольным и круглым ограждением и системой перемычек, выложенных из камней; погребения на горизонте под курганами в камерах из валунов. Палеоантропологический материал показывает преобладание европеоидных черт в антропологическом типе погребенных⁹.

⁸ Л. П. Потапов, Новые данные о древнетюркском «Ötükän», «Сов. востоковедение», 1957, № 1.

⁹ Осмотр и определение палеоантропологического материала ведет В. П. Алексеев.

Раскопки курганов древнетюркского времени дали такие типы погребений: погребение с конями; погребение с баранами; одиночное погребение воина без коня; одно погребение с трупосожжением. Погребенные ориентированы головой либо на восток, либо на север¹⁰. Инвентарь курганов: различные стрелы (в том числе боевые), берестяные колчаны, костяные накладки луков и седел, кинжалы, тесла, железные стремена, удила и пряжки от подпруг, костяная застежка от лошадиных пут, различные золотые и серебряные украшения и бытовые предметы, остатки одежды из китайских шелковых и из грубых шерстяных тканей, войлок, кожаные пояса с бляшками, меховые мешочки, керамика, деревянные изделия и т. д. В одном из курганов было найдено металлическое китайское зеркало с надписью¹¹. Это уже не первый

Рис. 4. Общий вид могильника у впадения р. Карасуг в Алаш

случай находки в Туве такого зеркала: в 1956 г. С. И. Вайнштейном в кургане древнетюркского времени (VII—VIII вв.) у с. Черби (Пай-Хемский район) обнаружены два куска такого зеркала с иероглифами. Антропологический материал из погребений древнетюркского времени также показывает преобладание европеоидных черт у погребенных.

Что касается памятников дотюркского и древнетюркского времени, раскопанных и частично разведанных на территории Кара-Холя, то здесь предлагается такая их группировка по внешним признакам: простые каменные насыпи скифского и гунно-сарматского времени; херексуры скифского времени с прямоугольным и круглым ограждением и выкладкой перемычек из камней; могилы в виде задернованных впадин (одна из них дала инвентарь, относящийся ко 2-й половине 1 тысячелетия н. э.); ритуальные памятники древнетюркского времени: а) каменные изваяния, б) каменные оградки со стенами и рядом камней балбалов, в) каменные выкладки, г) оградки со стенами внутри ограждения; кольцевые выкладки из валунов (как правило, из восьми).

Курганов с типичным погребением, относящихся к древнетюркскому времени, экспедиция в районе Кара-Холя не обнаружила. О насыщенности Кара-Холя археологическими памятниками можно судить по тому, что, например, в небольшой долине Карасуглуг, у впадения р. Карасуг в Алаш, на площади в один квадратный километр

¹⁰ Ориентировка головы покойника у кочевников древнетюркского времени, возможно, отражает ориентировку дверей жилища погребенного. Если исходить из известного представления о том, что курган или могила — это жилище покойника, то положение погребенного головой на север может означать, что юрта его была ориентирована дверью на восток. При расположении кроватей в юрте современных тувинов спящие лежат головой на север, если дверь обращена на восток, и головой на восток, если дверь обращена на юг.

¹¹ См. А. Д. Грач, Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве, «Сов. этнография», 1958, № 4; Р. Ф. Итс, О надписи на китайском зеркале из Тувы, там же.

зафиксировано 280 разнообразных памятников. Здесь нами исследовано погребение гунно-сарматского времени в ящике из плит под задернованной впадиной на поверхности (рис. 4). Ниже по течению Алаша, на правобережной его террасе, раскопано погребение скифского времени в ящике из каменных плит под простой каменной насыпью, а также коллективная усыпальница гунно-сарматского времени.

Отмечу заслуживающее большого внимания обстоятельство, что некоторые предметы бытового инвентаря из погребений тюркского времени хорошо увязываются с аналогичными предметами, бытующими у современных тувинцев. В одном из курганов, например, найден предмет, назначение которого было сначала неясно. Рабочие-тувинцы, раскапывавшие курган, сейчас же принесли из своих юрт современные конские волосяные путы, костяная застежка которых точно совпадает по форме с найденным предметом (рис. 5). Благодаря сопоставлению с этнографическим материалом, эта находка не попала в категорию предметов «неизвестного назначения». Железное тесло из кургана древнетюркского времени аналогично теслу, найденному в позднем впускном погребении, и современному, еще бытующему у тувинцев Монгун-Тайги. Стрелы-свистунки («поющие стрелы»), находимые в курганах, сохранились у тувинцев до наших дней. Эти аналогии можно было бы продолжить. Укажу только на один любопытный факт. В двух курганах тюркского времени найдены так называемые каменные пряслица, хотя они находятся в мужских погребениях. Рабочие же тувинцы, копавшие один из этих курганов в 1958 г., сказали В. П. Дьяконовой, что это «сага», т. е. биток для игры в бакки. Заинтересовавшись этим сообщением, В. П. Дьяконова записала от современных тувинцев Мугур-Аксы игру в бакки с битком именно такой формы, называемую «кажик адар». Биток делали в последнее время из кости или наскоро из сушеного сыра (хурут).

При исследовании экспедицией ранних археологических памятников кроме погребений выявлялись и изучались наскальные изображения и каменные бабы (найдено свыше сорока неизвестных в литературе каменных изваяний), из которых четыре вывезены в Музей антропологии и этнографии АН СССР; обнаружены четыре стелы с руническими тюркскими текстами, доставленные в тот же музей.

Следует отметить, что приведенные выше предварительная рабочая классификация и датировка археологических памятников содержат весьма спорные моменты. Покажу это на следующем примере. К ранним кочевникам гунно-сарматского времени отнесены каменные курганы, находящиеся, кстати сказать, рядом с курганом, в котором было обнаружено погребение древнетюркского времени с китайским зеркалом. Эти курганы настолько не отличаются по внешнему виду от соседнего «тюркского», что, приступая к их раскопкам в 1958 г., мы никак не предполагали обнаружить здесь совершенно новый, особый обряд захоронения. Было раскопано три таких кургана из этой группы. Погребенные в них лежали на спине в вытянутом положении (головой на запад), на горизонте; костяк был обложен камнями и плитами, образующими подобие ящика, над которым сделана каменная насыпь (рис. 6). Эти памятники отнесены к ранним кочевникам только по признаку ориентировки покойника головой на запад. Там нет никакого сопровождающего инвентаря, а разве ранние кочевники хоронили покойников без бытового инвентаря? Я думаю, с большим основанием можно предположить, что это захоронения манихейцев. Если это так, то датировка указанных погребений резко меняется (на тысячелетие позднее). Наше предположение опирается хотя и на косвенные, но все-таки существенные основания. Скажу о них коротко. Известно, что в конце VIII в. у уйгуров, живших в северной Монголии и Туве, распространилось манихейство, ставшее государственной религией. О манихействе свидетельствуют и рунические древнетюркские памятники, обнаруженные на территории Тувы. Мы знаем из трудов В. В. Бартольда, что манихейцы не хоронили покойников в земле. Мы знаем также, как широко использовало манихейство местные языческие культы, приспособлявая их к своей системе и в то же время приспособли-

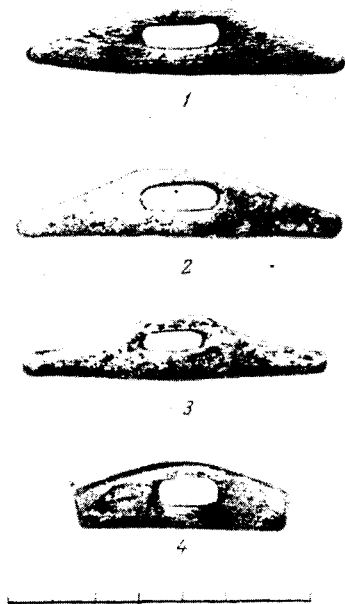

Рис. 5. Костяные застежки для волосяных пут: 1—3 — из древнетюркских погребений Монгун-Тайги; 4 — современная застежка

ваясь к ним. Этим можно объяснить, что допускалось сооружение каменного кургана над манихейским погребением. Но в землю покойника не зарывали, он лежал на горизонте. Ориентировка погребенного головой на запад, лежащего на спине в вытянутом положении, согласуется с манихейским (и вообще христианским) обрядом захоронения. Над этим стоит задуматься. Манихейцы жили на территории Тувы, и манихейские погребения не могут быть здесь для нас неожиданностью.

Что касается поздних погребений, исследование которых составляет одну из главных и специальных задач археологической работы нашей экспедиции, то таких погребений изучено пока мало, и поиски их велись недостаточно. Изучено семь погребений, характеристику которых я привожу по отчету, представленному В. П. Дьяконовой, ведшей также и этнографическую работу. Все поздние погребения впускные.

Рис. 6. Погребение в каменной обкладке на горизонте.
Монгун-Тайга

Они сделаны в каменных насыпях древних курганов. Из насыпи частично выбирали камни, затем в яму укладывали покойника и сопровождающий его инвентарь, а также погребяемых домашних животных, т. е. все то, что, по шаманским представлениям, понадобится покойнику в загробном мире. Сверху погребение накрывали настилом из жердей лиственницы, образующих как бы потолок погребальной камеры, и заваливали камнями, почти не нарушая формы древнего кургана. Хоронили так мужчин, женщин и детей. Инвентарь этих погребений довольно разнообразный и полностью совпадает (за исключением китайских монет) с современным бытовым инвентарем тувинцев Монгун-Тайги. В одном из женских захоронений (рис. 7) погребенная лежала на спине, в вытянутом положении, головой на восток. При ней найдены костяки двух лошадей и двух баранов. Из предметов быта сохранились: два чугунных котла (один китайского производства), медный ковшик, берестяное дно от деревянного сосуда, ручные каменные жернова, ножницы, ножик, игольник, огниво, мужской кожаный кисет и курительная трубка, кожаная подушка, кожаные сапоги, много китайских пастовых и других бус (подобрано 269 штук), 16 металлических подвесок от женских серег, китайские монеты с пробитыми в них отверстиями (для нашивания), части нижнего и верхнего седла, стремяна, пряжки от подпруг и удила. В. П. Дьяконова показывала вещи из этого погребения (как и из других) старикам и старухам, живущим

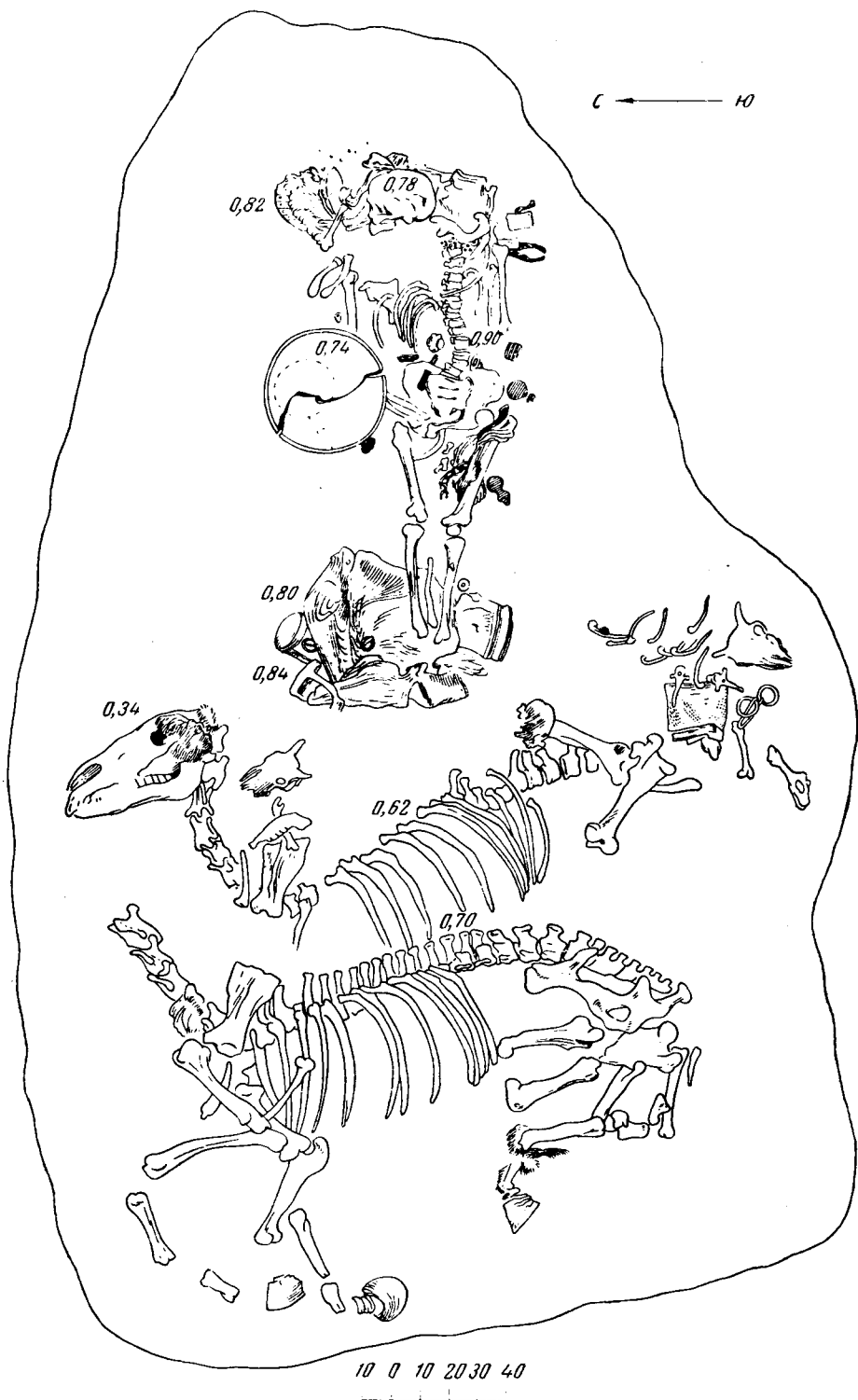

Рис. 7. План впускного погребения. Монгун-Тайга

в поселке Мугур-Аксы, близ которого велись раскопки, и получила весьма интересные сведения. Например, бабушка Анай Тонгак сразу же заявила, что это погребение вдовы, так как там оказались мужской кисет и трубка. По ее словам, трубку и кисет умершего мужа клали в могилу вдовы потому, что супруги на том свете должны встретиться и жена должна передать их своему мужу, сказав: «Вот я тебе принесла». Если умирал вдовец, с ним обязательно клали ножницы, шило, длинную иглу, чтобы он смог передать их жене. Другой пример. В детском впускном погребении в долине р. Карги никакого сопровождающего инвентаря не оказалось. Тувинцы объяснили, что поскольку ребенок этот был еще грудного возраста, то он ничего сам не мог делать, следовательно и в загробном мире ни в чем из вещей не нуждался. Таким же образом удалось получить объяснение подвески, состоящей из кольца и двух лопатообразной формы привесок. Бабушка Анай сказала, что это «чалгын-ок» — оберег

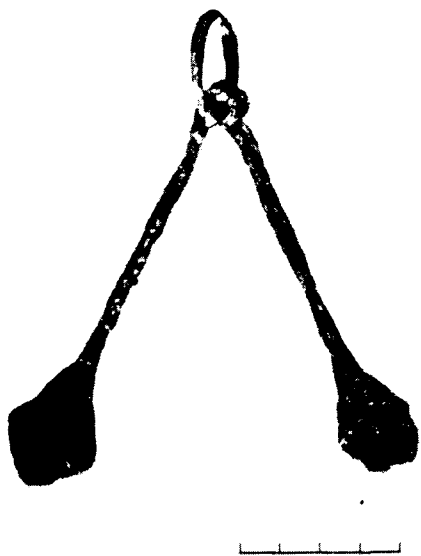

Рис. 8. Металлическая подвеска «чалгын-ок» из впускного погребения. Монгун-Тайга

нашей экспедиции, поэтому им и клали больше необходимых «на том свете» предметов. Что касается датировки, то изучавшиеся поздние погребения относятся к периоду не ранее конца XVII в. и не позднее 30-х годов XVIII в., судя по китайским монетам Цинской династии, чеканенным при императорах Ши-Цзун (1662—1725) и Шэн-цзу (1723—1737), как это определил Р. Ф. Итс. Верхняя граница датировки определяется более сложным путем и доводится для некоторых погребений до конца XIX в. Поздние археологические памятники — ценный вид исторического источника для изучения недавнего прошлого тувинского народа; исследование их является несомненным успехом экспедиции.

Мне остается указать на те научные задачи, которые стоят перед Тувинской комплексной экспедицией на ближайшие два-три года. В отношении дальнейших археологических исследований по ведущим проблемам, определяющим научный профиль экспедиции, я считаю целесообразным наметить ряд аспектов. Необходимо усилить изучение археологических памятников, характеризующих послетюркский период в истории Тувы, в первую очередь уйгурских, затем киданьских и монгольских. Роль уйгуров в этногенезе тувинцев и в истории культуры на территории Тувы явно недооценивается в наших исследованиях. Между тем, уйгуры сыграли, как я думаю, решающую роль в этногенезе современных тувинцев. Изучение памятников древнетюркского времени, конечно, нужно продолжить, но необходимо соблюдать разумную пропорцию. К настоящему времени на территории Тувы исследовано несколько десятков погребений древнетюркского времени (во всех районах Тувы, кроме Тоджинского и Каахемского). Кроме того, обнаружено много каменных изваяний и древнетюркских рунических текстов. Если к этому добавить большое количество древнетюркских рунических текстов из Монголии и других мест, а также китайские летописные изве-

(рис. 8), которым шаман лечил от болезни, называемой по-тувински «тартар аарыг». Больной повседневно носил эту подвеску на шубе или халате и снимал ее только на ночь, вешая на решетку юрты, у кровати. По словам Анай Тонгак, эту подвеску положили с покойницей для того, чтобы она на том свете не болела. В этом же женском погребении была найдена перламутровая пластинка овальной формы с двумя небольшими отверстиями. Эта пластинка была определена и названа по-тувински «тана» (рис. 9). Ее нашивали на женское наконечное украшение «чабага» и считали обладающей лечебным свойством. При болезни глаз (каракка чуве тужер) с нее соскребали немного порошка и присыпали им больное место. Это нельзя не сравнить с тем, что писал В. Вербицкий о лечении глаз у алтайцев: «...Пускают в глаза порошок из перламутра с красным отливом (тынду тана)»¹².

Заканчивая сообщение о поздних памятниках, я хотел бы упомянуть об интересном наблюдении В. П. Дьяконовой: сопровождающий инвентарь более полно представлен в женских погребениях. По ее мнению, это объясняется тем, что круг обязанностей по домашнему хозяйству у женщин-тувинок был больше, чем у мужчин. Женщины при жизни имели больше хозяйственного и бытового домашнего инвентаря и укра-

¹² В. Вербицкий, Алтайцы, Томск, 1870, стр. 174.

тия, то станет ясно, что мы уже располагаем значительным источниковедческим материалом для освещения этого периода. Плохо только то, что мы изучаем древних тюрков вообще и пишем о них также вообще, как бы забывая, что в древнетюркское время в восточной части Центральной Азии на исторической арене выступали по крайней мере две конфедерации племен, именуемые в китайских источниках «тугю» и «теле». Мне кажется, что в связи с изучением этногенеза тувинцев, следует обратить особое внимание на объединение теле, ядро которых составляли уйгуры. Нельзя забывать показание китайской летописи о том, что теле, имея полное сходство в культуре с тюрками-тугю, хоронили покойников в земле¹³, тогда как тугю сжигали трупы и сопровождающий покойника инвентарь. Мы как раз исследуем захоронения, относящиеся к древнетюркскому времени, сделанные в земле. Мне могут напомнить, что я едва ли не первый обратил внимание на то, что тюрки при кагане Хели переходили к обряду трупоположения, следовательно, у тугю этот способ захоронения сосуществовал с трупосожжением. Поэтому погребения в Туве древнетюркского времени одинаково могут быть приписаны и тугю. Я должен заметить, что в китайских источниках Танской династии, относящихся к восточным или северным тугю, действительно содержатся любопытные для нас сведения. В Таншу в разделе, освещающем события 628 г., приводятся следующие слова китайского императора Тайцзуна о тугю в годы владычества над ними Хели-кагана: «То, что они своих покойников, которых по их обычаям следует сжигать, теперь хоронят и сооружают могилы, показывает, что они поступают вопреки предписаниям своих предков и оскорбляют духов»¹⁴. Когда Хели-каган, перешедший вместе со своими тугю в подчинение Китаю, умер (634 г.), император, как говорится в «Кю Таншу» (Kiu-Tang-schu), приказал его соотечественникам похоронить его в соответствии со своими обычаями, и родственники и приближенные «сожгли труп своего кагана в местности восточнее реки Па»¹⁵. Следовательно, еще в первой трети VII в. тугю и сжигали своих покойников, и хоронили в земле. Что же касается кагана западных тюрков, то, по сообщению Табари, их тела предавали сожжению и позднее (даже в первой половине VIII в.) и оплакивали их, царапая себе лицо и надрезая уши¹⁶. Относительно теле источники говорят только о захоронении в земле.

Важные данные о роли уйгуров-теле в этногенезе тувинцев содержат такие известные факты, как сохранение в родоплеменном составе тувинцев группы «уйгур», и то, что современный тувинский язык во всех тюркологических классификациях отнесен в одну группу с уйгурским. Следы конфедерации племен теле сохранились в современном этническом составе населения Тувы и Алтая, что находит отражение в ряде этнонимов, в основе которых лежит термин теле: телек — у тувинцев, телеут, телес, теленгит — у алтайцев: «Современные китайские историки, — пишет Лю Мао-Цай, — сообщают, что T'ie-le назывались также Tsch'i-le. Первоначально они назывались Ti-li, а затем Ting-ling. Во времена Северных Вэй (386—534) они были известны под именем Kao-kü — высокие повозки, которое они получили благодаря устройству повозок»¹⁷. Этимологию термина теле теперь связывают с тюркско-монгольским словом *telegen*, *terge*, *tergen*, также означавшим «повозка»¹⁸. Замечу также, что европеизм в антропологическом типе погребенных из курганов древнетюркского времени в Туве — весьма интересный факт. Это тоже обязывает нас более углубленно заняться вопросом о конфедерации теле, в которую проникали согдийские этнические элементы с запада и которая, вероятно, была связана с динлинскими племенными включениями. Словом, на современной ступени развития нашей науки нас уже не может удовлетворить для решения проблемы этногенеза тувинцев столь широкое и, можно сказать, неопределенное понятие как древние тюрки вообще. Наши археологические работы в Туве должны быть направлены на более конкретное определение памятников древнетюркского времени.

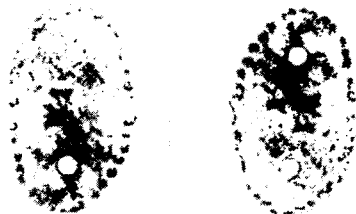

Рис. 9. Перламутровая пластинка «тана» из впускного погребения. Монгун-Тайга

¹³ Д. Позднеев, Исторический очерк уйгуров, СПб., 1899, стр. 41.

¹⁴ Liu-Mau-t'ai, Указ. раб., т. I, стр. 193.

¹⁵ Там же, стр. 145.

¹⁶ См. А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда (По материалам пняджикентских храмов), «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 82.

¹⁷ Liu-Mau-t'ai, Указ. раб., т. II, стр. 491—492, примеч. 24. Автор сообщает, что это мнение защищает также Haenchen-Helfen (см. его работу «The Ting-ling» в «Harvard Journal of Asiatic Studies», т. IV, 1939).

¹⁸ См. Boodberg. Three notes of the T'u-chüeh Turks, «Semitic and Oriental Studies, University of California Publications in Semitic Philology», т. XI, 1951.

Наконец, определяя главные задачи дальнейшей работы экспедиции, нужно подчеркнуть, что исследование поздних памятников должно быть усилено и тоже ориентировано на более точные этнические определения. Здесь также важно обратить внимание на антропологический материал, а по этнографической линии — на изучение всех видов погребального обряда, существовавших совсем недавно, о которых в литературе нет почти никаких сведений, но которые еще помнит старшее поколение современных тувинцев.

Таким образом, этногенез и история тувинцев остаются ведущими для экспедиции проблемами. Но в связи с решительным курсом советской исторической науки на усиление темпов и расширение объема разработки проблем, связанных с практикой строительства коммунизма в нашей стране, Тувинская экспедиция должна внести на своем скромном участке работы посильный вклад в это общее дело. Мы включимся в активное изучение современной социалистической культуры и быта тувинцев, примем участие в написании второго тома истории Тувы, охватывающего период от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Исследование этногенеза тувинцев мы дополним изучением пути современного национального развития тувинского народа, который перешел к коренной реконструкции экономики и культуры на социалистических основах на четверть века позднее, чем остальные народы СССР. Эти изменения в тематическом плане экспедиции, являющиеся откликом на решения XXI съезда КПСС, мы отразим в ежегодных программах полевой работы. В эту работу будут включены все научные сотрудники экспедиции.

И. и Н. ЧЕБОКСАРОВЫ

ПОЛЕВЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1957—1958)

1

Во время нашего пребывания в Китайской Народной Республике в качестве советских специалистов (сентябрь 1956 — декабрь 1958 г.) нам удалось принять участие в двух этнографических экспедициях — Гуанси-Юньнаньской и Гуандунской, организованных Центральной академией национальных меньшинств (ЦАНМ). Гуанси-Юньнаньская экспедиция работала в июле — сентябре 1957 г. и обследовала чжуан уезда Умин Гуанси-Чжуанской автономной области, китайцев (хань)¹ в окрестностях Куньмина, Сягуаня и Баошаня в Юньнани, а также семь национальных меньшинств этой провинции: бай Далийского автономного округа, наси Лицзянского уезда, тай, цзинпо и бэнлун автономного округа Дэхун, одну из групп ицзу — сани уезда Лунань, а также хуэй в пригороде Куньмина. Посещено 14 населенных пунктов (не считая городов).

Помимо полевых работ, был проведен ряд бесед с работниками местных партийных, административных и культурных учреждений и организаций, обследованы этнографические и археологические коллекции в музеях Уханя, Наньнина, Куньмина, Дали, Лицзяна, Чунцина. В Куньмине мы участвовали в научной конференции, посвященной этнографии цзинпо, кава, лису, дулун и ну, осмотрели организованную к конференции выставку. В Гуанси-Юньнаньской экспедиции принимали участие китайские этнографы Сун Шу-хуа, Чжан Най-хуа и Цзинь Тянь-мин.

Гуандунская экспедиция работала в феврале — марте 1958 г. Были проведены стационарное изучение яо уезда Ляньнань и соседних с ними китайцев группы кэцзя (хакка) и маршрутное этнографо-антропологическое обследование хань в окрестностях Гуанчжоу и на крайнем юге о-ва Хайнань (около города Санья), гуанчжоуских и хайнаньских хуэй, а также мяо и ли Хайнаньского автономного округа этих национальностей. Как и во время Гуанси-Юньнаньской экспедиции, мы провели несколько интересных бесед с местными работниками и ознакомились с историко-этнографическими и другими коллекциями в городах (главным образом в Гуанчжоу). В Гуандунской экспедиции, кроме Цзинь Тянь-мина и нас, участвовал профессор Линь Яо-хуа. У ляннаньских яо работали также профессора и преподаватели этнографии Исторического факультета ЦАНМ, аспиранты этого факультета и несколько переводчиков (всего около 40 человек).

Во время этнографических работ 1957—1958 гг. мы старались, учитывая задания Института этнографии АН СССР по подготовке тома «Народы Восточной Азии» (серии «Народы мира»), изучать все стороны хозяйства, общественного строя, культуры и быта китайцев и национальных меньшинств юга и юго-запада Китая, обращая особое внимание на получение легко сравнимых между собою данных по разным народам, а также на процессы социалистических преобразований, развернувшихся у этих народов после Освобождения. Много внимания было уделено сбору материалов, имеющих наибольшее значение для проблем этнической истории и национальных взаимоотношений, для выделения хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей и, наконец, для выяснения вопроса о соотношении в прошлом и настоящем различных социально-экономических укладов. Естественно, что ляннаньские яо, а отчасти и ли, у которых мы пробыли несколько недель, обследованы более подробно и глубоко, чем другие национальности, у которых нам удалось пробыть недолго — всего по 3—4 дня.

¹ «Хань», или точнее «ханьжэнь» («ханьские люди») — самоназвание китайцев. В последнее время наименование это нередко употребляется в русском тексте в том же значении, что и название «китайцы».

Следует сказать, что наши работы не ограничивались перечисленными полевыми исследованиями и изучением музейных коллекций, но включали также тщательную, предварительную подготовку в Пекине (беседы с учеными различных специальностей, ознакомление с литературой, семинарские занятия, посвященные изучавшимся народам, методический инструктаж аспирантов и т. д.). Собранные в экспедициях и частично обработанные уже в Пекине материалы мы использовали для подготовки курсов по этнографии Восточной Азии и по истории культуры, прочитанных в ЦАНМ, а также для написания совместно с проф. У Жу-каном и проф. Линь Яо-хуа вводных глав тома «Народы Восточной Азии».

2

Изучая культуру и быт народов Юньнани, Гуанси и Гуандуна, мы старались по мере возможности обращать внимание на окружающие их природные условия, которые имеют, несомненно, существенное значение для конкретной истории этих народов, в особенности для формирования у них различных хозяйственно-культур-

Рис. 1. Шилинь (Каменный лес)

ных типов. Характерные естественно-географические черты разных районов расселения национальных меньшинств южного и юго-западного Китая должны учитываться также при выборе наиболее рационального экономического, а частично и культурного профиля их развития в эпоху строительства социализма.

Когда мы впервые попали на юг и особенно на юго-запад Китая, нас поразила исключительная вертикальная расчлененность этого края. На севере Гуандуна и Гуанси, а частично и на востоке Юньнани нас окружали невысокие (1000—2000 м), но крутые и местами труднодоступные известковые горы. Наньлина, имеющие чрезвычайно причудливые очертания и изобилующие пещерами. На плато за такими горами, как в естественной крепости, живут, в частности, лянннаньские яо. Особенно славятся своей дикой красотой горы в окрестностях Гуйлиня и Лючжоу, а также знаменитый Шилинь (Каменный лес) восточнее Куньмина, которым мы любовались во время поездки к лучаньским сани.

Когда едешь на запад от Куньмина по живописному Юньнань-Бирманскому шоссе, видишь, как эти горы сменяются более высокими меридиональными хребтами, расходящимися грандиозным веером от юго-восточных рубежей Тибета. В глубоких и жарких долинах между этими хребтами текут с севера бурные и быстрые реки западной Юньнани: Цзиньшацзян (Верхняя Янцзы), Ланьцзян (Меконг), Нуцзян (Салуэн) и др. Здесь также немало озер; крупнейшее из них — Эрлай (Озеро Ухо). В этих долинах и на соседних горных склонах живут бай, наси, тай, цзинпо, бэнлун и многие другие народы юго-западного Китая.

Совсем другой характер имеет рельеф к югу от Наньлина, где преобладают невысокие сглаженные холмы, постепенно понижающиеся к широкой долине Сицзяна. Низменности характерны также для полуострова Лэйчжоу и северной части о-ва Хайнань, где живут главным образом китайцы. Южная часть острова — место расселения ли и мяо — занята горами Учжишань (буквально «Горы пяти пальцев»), достигающими почти 2 тыс. м над уровнем моря. Только на крайнем юге острова, у самых берегов всегда теплого Наньхя (Южного моря) проходит узкая лесная полоса. Здесь встречаются отдельные деревни китайцев и хайнаньских хуэй, жизнь которых в значительной степени связана с морем.

Недра южного и юго-западного Китая, особенно Юньнани, богаты полезными ископаемыми, интенсивная разработка которых развернулась только после образования Китайской Народной Республики. Наиболее известны месторождения разных углей и горючих сланцев, железа, меди, олова, вольфрама, сурьмы, золота и других цветных металлов. На Хайнане много асбеста. Горняки составляют первые отряды рабочего класса многих национальных меньшинств края, например, в прошлом крайне отсталых кава.

Климат в районах работы наших экспедиций в основном влажный и теплый, местами даже жаркий, по своему характеру субтропический, а на юге Юньнани, Гуанси и Гуандуна (включая Хайнань) — тропический. Крайняя расчлененность рельефа вызывает обилие и разнообразие микроклиматов. Так, хотя Юньнань в целом слышит «краем вечной весны» (средняя температура круглый год близка к +20°), но на северо-западе этой провинции у подножья снеговых гор даже летом бывает холодно, тогда как в глубоких долинах текущих на юг рек царит душная тропическая жара. Встречаются в Юньнани и отдельные засушливые районы, большей частью на плато и склонах средней высоты. На Хайнане наиболее резко ощущается дыхание теплых летних муссонов; с ними связаны и частые здесь осенью тайфуны разрушительной силы.

Почвы и растительный мир юга и юго-запада КНР тесно связаны с рельефом и климатом и также обнаруживают ярко выраженную вертикальную зональность. В Юньнани широко распространены сравнительно плодородные красные почвы, легко пропускающие влагу. Нигде раньше нам не приходилось видеть такой «красной земли», как в этих местах. В бассейне Сицзяна и на Хайнане преобладают более выщелоченные латеритные почвы.

В прошлом большая часть юга и юго-запада Китая была покрыта лесами, преимущественно хвойными на севере и в горных районах и широколиственными — на юге и в долинах. В настоящее время значительная часть этих лесов вырублена. В КНР ведутся работы по их восстановлению. Из хвойных древесных пород для этого края наиболее характерны всевозможные виды сосны, в меньшей степени — ели; из лиственных — разнообразные фикусы (смоковницы), остролистые, лавры, камфарные, лаковые и тунговые деревья, различные акации, магнолии, камелии. Особое хозяйственное значение имеют разные виды бамбука, а также пальмы, растущие в местах поселений. На юге Юньнани и Гуандуна, особенно на острове Хайнань, много кокосовых и арековых пальм. В более засушливых районах широко распространены высокотравные степи, иногда с отдельно стоящими деревьями или небольшими ромами. Местами, особенно в Юньнани и на острове Хайнань, поражает обилие кактусов разных видов, агав и других засухоустойчивых растений. Пейзаж здесь напоминает ландшафты Мексики. На крайнем юге встречаются труднопроходимые заросли колючих панданусов на воздушных корнях, а также мангров, растущих в прибрежных полупресноводных лагунах. Мангры укрепляют береговую линию и используются для получения ценных дубильных веществ.

Животный мир южного и юго-западного Китая относится к индо-малайской зоогеографической области. В различных районах этого края, особенно в лесах Юньнани, сохранилось больше диких животных, чем где-либо в Китае. Здесь водятся гиббоны, макаки и другие обезьяны, лемуры, руконожки, летучие мыши, тигры, леопарды и другие дикие кошки, медведи разных видов, панды, антилопы, олени, дикие свиньи, виверровые, ящеры-ланголины, насекомоядные и многочисленные виды грызунов. На юге Юньнани сохранились дикие слоны и носороги. Чрезвычайно богата орнитофауна. Многочисленные павлины, фазаны, тетерева и другие куриные, а также дикие утки, гуси, журавли, цапли, аисты, бакланы (приручаемые для ловли рыбы), разнообразные виды чаек, попугаев, воробьиных, хищных птиц. На Хайнане нам удалось видеть банкивских, или «сорных», кур — родоначальников наших домашних кур. Исключительно обилен на юге и юго-западе Китая видовой состав пресмыкающихся, земноводных, рыб (пресноводных и морских), насекомых, паукообразных, ракообразных, моллюсков, кишечнополостных (в том числе кораллов и губок). Многие из этих животных употребляются в пищу или имеют другое промысловое значение.

3

Разнообразие природных условий способствовало длительному существованию на юге и юго-западе Китая народов, сильно различавшихся между собою по темпам социально-экономического развития, характерным чертам культуры и быта, расовому составу и языку. Археологические и этнографические материалы (в том числе и собранные нами), а также данные китайских письменных памятников (к сожалению, еще неполностью изученные) позволяют предполагать, что на крайнем юго-западе Китая (в южной половине Юньнани) древнейшим населением были племена, говорившие на языках мон-кхмерской семьи,— предки современных бэнлун, кава и булан. В последних веках до н. э. эти племена даже создали довольно прочное объединение — «государство» Элао.

К востоку от мон-кхмерских племен на обширных пространствах всего южного Китая жили, по крайней мере с начала I тысячелетия до н. э., многочисленные племена, известные в древнекитайских источниках под общим наименованием «байюэ»

Рис. 2. Семья хуэй из фамилии Ма у дверей своего дома (г. Гуанчжоу)

(буквально «сто юэ»). Они распадались на несколько местных групп, большей частью предков современных народов чжуан-тунской языковой группы. Под влиянием интенсивного расселения китайцев с севера с эпохи Хань (III в. до н. э.— III в. н. э.) началось движение этих племен на юг и отчасти на восток, вплоть до южной и западной Юньнани и соседних районов Бирмы. В первых веках н. э. тайские племена, принадлежавшие к чжуан-тунской языковой группе, уже жили в Сышуаньбяньна и Дэхуне; мон-кхмеры были оттеснены ими в горы. На Хайнane в это время (вероятно, и гораздо раньше) обитали предки современных ли. Просматривая археологические коллекции в музеях КНР, мы могли убедиться, что многие неолитические орудия с Хайнаня (например, каменные топоры с плечиками или трапециевидные ножи-серпы) очень сходны с поделками, употреблявшимися ли еще в XIX и даже в начале XX в.

Севернее зоны преобладания чжуан-тунских племен, между озерами Дунтинху и Поянху, лежала область расселения предков яо и мяо, входивших в состав этнических общностей, которые в источниках эпохи Чжаньго (V—III вв. до н. э.) были известны под общим наименованием «саньмяо» (три мяо). В дальнейшем, в связи с китайской колонизацией, шло передвижение яо и мяо на юг, сопровождавшееся их дроблением на местные группы, сильно различавшиеся между собою по культуре и языку. Ляньнаньские яо помнят, что их предки отступили под натиском китайцев в свою «горную крепость» около 400 лет назад. Мяо Хайнаня переселились на остров, вероятно, в ту же эпоху; по своему происхождению они стоят ближе не к мяо Гуйчжоу, а к одной из групп яо Гуанси и северного Гуандуна — так называемым кушаньяо (т. е. кочевым горным яо), живущим, в частности, и в Ляньнane.

Еще одна большая языковая группа населения юго-запада Китая — тибето-бирманская (включаящая, в частности, народы ицзу и цзинпо) — расселялась в основном с севера на юг. Древние ицзу еще в эпоху Западного Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.) жили главным образом на севере Сычуани. Их постепенное продвижение до

южной Юньнани представляло собою длительный процесс, в ходе которого складывались отдельные народы этой группы. В VII в. н. э. предки современных нас, бай и юньнаньских ицзу основали государство Наньчао, величественными памятниками которого — пагодами, надгробиями, мраморными стелами со старинными надписями — мы любовались на берегах озера Эрхай в окрестностях Дали, бывшего столицы этого государства в последний период его существования (X—XIII вв. н. э.).

Очень интересна также этническая история различных групп китайцев, обследованных нашими экспедициями. Потомками древнейшего китайского населения, начавшего проникать в Гуандун еще в III—I вв. до н. э. и сильно смешавшегося с различными группами юэ, являются китайцы окрестностей Гуанчжоу и особенно острова Хайнань. Интересно, что диалект китайцев Хайнаня и Лэйчжоу (хайнаньхуа) близок к диалекту Чаочжоу восточного Гуандуна и южной Фуцзяни. Китайцы группы кэцзя (буквально — «семья гостей») пришли в Гуандун из бассейнов Янцзы и Хуанхэ только в эпоху Мин (XIV—XVII вв.). В эту же эпоху несколькими последовательными волнами происходило и заселение китайцами большей части Юньнани. По антропологическому типу, диалекту и культурно-бытовым особенностям кэцзя и юньнаньские хань обнаруживают большое сходство со своими соотечественниками с низовьев Янцзы.

С хань исторически тесно связаны и южнокитайские хуэй, характерные этнографические особенности которых выработались в значительной мере под влиянием ислама. Хуэй города Гуанчжоу сложились в результате смешения потомков арабских поселенцев периода Тан (VII—X вв. н. э.) с северными исламизированными пришельцами, попавшими на юг Китая главным образом во времена маньчжурского завоевания (вторая половина XVII в.). Среди хуэй фамилии Ма в Гуанчжоу и теперь еще можно ясно различить потомков арабов и северных колонистов. Из Гуанчжоу часть хуэй в XVII—XIX вв. переселилась на Хайнань; здесь они смешались с более древней группой мусульман, попавшей на остров из Индокитая или Индонезии. У хайнаньских хуэй сохранились еще следы древнего языка, близкого, по-видимому, к малайскому. Хуэй окрестностей Куньмина (а вероятно, и других мест Юньнани) происходят из северо-западного Китая, особенно из района г. Тайюаня; их переселение началось еще в эпоху Юань (XIII—XIV вв.).

4

Конкретные формы хозяйства народов Гуанси, Гуандуна и Юньнани связаны как с окружающими естественно-географическими условиями, так и с их этнической историей, на протяжении которой у различных национальностей складывались разные технические и культурно-бытовые традиции. В настоящее время основное занятие всех обследованных народов — земледелие. Главная культура в долинах, предгорьях и на невысоких плато — заливной рис. Сортов риса, в частности клейких, на юге и юго-западе Китая очень много — недаром провинция Юньнань славится «кладовой риса». Клетки рисовых полей на низменности — у берегов рек и озер, а также ступенчатые террасы на склонах, укрепленных каменными стенками, — характерный элемент южнокитайского культурного ландшафта. В год снимают два, а на крайнем юге даже три урожая риса. Урожайность после Освобождения, особенно в 1957—1959 гг., резко повысилась благодаря накоплению удобрений, глубокой вспашке, загущенному посеву и другим агротехническим мероприятиям. Во многих районах она превысила тысячу цинней с 1 му (75 ц с гектара). Особенно велики успехи рисоводства у хань, чжуан, бай и тай.

По мере подъема в горы заливной рис уступает место суходольному, а также другим культурам. Особенно заметна эта смена на северо-западе Юньнани, например по пути из Дали в Лицзян, где сосновые леса с примесью осины и березы перемежаются с полями овса, ячменя, гречихи, конопли, за которыми виднеются срубные дома горных нас. Совсем другую картину наблюдаешь по дороге в Дэхун. С каждым ли², наряду с раскидистыми смоковницами и свайными постройками под их сенью, все чаще встречаешь плантации бананов и ананасов, деревья дуриона, манго и папайи (древесной дыни). На Хайнане этот перечень субтропических и тропических культурных растений дополняется хлебным деревом с огромными плодами на стволах и в особенности кокосовой пальмой. Эта пальма дает мяо, ли и другим народам острова питательный, всегда прохладный сладкий сок, материал для строительства домов, изготовления плащей, шляп, домашней утвари и разных художественных изделий (производство которых мы наблюдали в одной из кустарно-ремесленных артелей Хайкоу).

Среди сельскохозяйственных культур районов наших работ надо отметить также пшеницу (ее сеют главным образом зимой), кукурузу, разные бобовые, корнеплоды и клубнеплоды (батат, таро, ямс, маниока и др.), всевозможные овощи и масличные, цитрусовые, личжи, табак, некоторые текстильные растения (хлопок, рами, джут, абак, или манильская пенька из семейства банановых, волокнистая агава — сизал), сахарный тростник. Обращает на себя внимание обилие культурных растений, которые обычно связывают с Америкой; возможно, что некоторые из них были известны на юге Китая задолго до плавания Колумба. После образования Китайской Народной Республики на Хайнане и на юге Юньнани стали выращивать каучуконосную гевею.

² Ли — мера длины, равная в настоящее время 0,5 км.

хинное и кофейное деревья, какао, померанцевую траву и другие эфирносы. Во внедрении этих новых культур активное участие принимают китайцы, вернувшиеся на родину из различных стран тропического пояса — Индокитая, Индонезии, Филиппин и др.

В наши дни все народы Юньнани, Гуанси и Гуандуна знакомы с употреблением плуга, который большинством из них был заимствован у китайцев в последние 100—200 лет. У некоторых национальностей (например, у ли, кава, дулун) плуг получил широкое распространение только в последнее десятилетие. Плуг на юге Китая большей частью легкий, без полоза, с широким, но тонким листовидным лемехом. На возвышенностях, где преобладает богарное земледелие (например, у горных наси и сани), встречается более тяжелый, иногда двойной плуг с полозом. Тягловой силой в долинах служат буйволы; на возвышенностях их частично заменяют быки, нередко горбатые, сходные с индийскими зебу. Орудия ручной обработки земли

Рис. 3. Арековые и кокосовые пальмы на Хайнане

(мотыги, лопаты и т. п.) бытуют везде; однако мотыжное земледелие после Освобождения перестало быть главной формой хозяйства даже у наиболее отсталых в прошлом национальностей, ныне переживающих настоящую техническую революцию.

Животноводство у большинства народов южного и юго-западного Китая имеет подсобное значение. Разводят главным образом крупный рогатый скот (для работы), свиней разных пород, кур, в меньшей степени уток и гусей, местами, особенно в Юньнани, ослов и лошадей для вьючного транспорта. Козы и овцы в большом числе встречаются у народов группы ицзу (сани, бай, наси, лису и др.). Шелководство распространено повсеместно и усиленно развивается. Охота и собирательство теперь не играют сколько-нибудь существенной роли, но до Освобождения они имели серьезное значение в хозяйстве яо, ли, кава, бэнлун, цзинпо, лису, дулун, ну. Рыболовство является важным подсобным занятием почти у всех народов, живущих на берегах рек, озер и моря, особенно у дулун, хайнаньских хуэй и некоторых групп китайцев бассейна Сицзяна — так называемых шуйшанжэньцзя («людей живущих над водой»), жилищем которых до последнего времени служили лодки. Большинство рыбаков объединено в артели.

Различные отрасли домашнего производства и ремесла были издавна развиты почти у всех обследованных нами народов. Особенно распространены обработка дерева, плетение (из пальмовых листьев, бамбука, лиан, соломы), ручное прядение и ткачество (у яо и мяо также батикование), художественная вышивка, достигающая

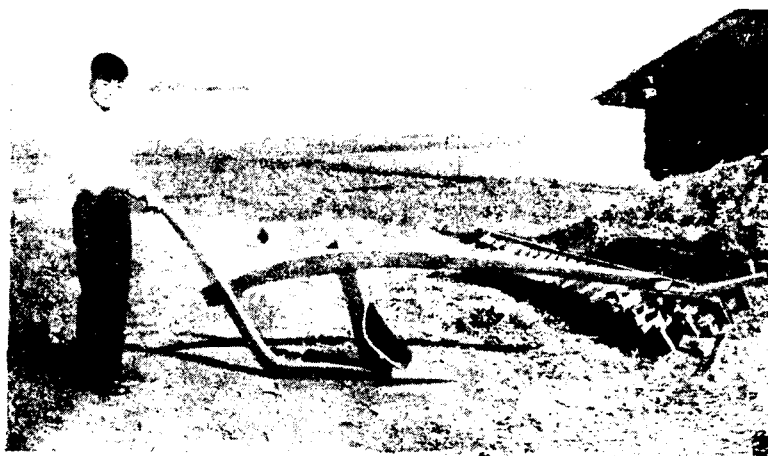

Рис. 4. Плуг с полозом. Окрестности Куньмина

Рис. 5. Женщины работают мотыгами на рисовом поле

Рис. 6. Лодки шуйшанжэньцзя (Гуанчжоу)

подлинного совершенства у ли, чжуан и тай, гончарство, изготовление различных пищевых продуктов. Обработка металла очень характерна для китайцев, тай, бай, наси, ачан (в округе Дэхун) и некоторых других народов. Многие национальные меньшинства (например, цзинпо, бэнлун, кава, дулун, ну, яо, ли) до последнего времени получали металлические изделия большей частью от китайцев. После Освобождения в связи с развитием фабрично-заводской промышленности в южных и юго-западных районах КНР появились первые группы рабочих из национальных меньшинств, особенно из таких, как чжуан, тай, бай, наси. В 1958 г., с начала Большого скачка, все народы Юньнани, Гуанси и Гуандуна вступили на путь быстрого экономического подъема.

5

О материальной культуре обследованных нами народов можно было бы написать целую книгу (что мы собираемся сделать в недалеком будущем). Но в настоящем сообщении можно остановиться только на самом главном.

Рис. 7. Носильщики — ляннаньские яо

Старинные средства передвижения очень разнообразны. Еще недавно большинство грузов транспортировалось носильщиками или вьючными животными. В Гуанси и Гуандуне, в частности у ли, мяо и яо, преобладало коромысло с двумя подвешенными корзинами или тюками. У народов Юньнани чаще переносили грузы на спине, при помощи головных и грудных лямок. Вьючный транспорт был распространен также преимущественно в Юньнани у народов группы ицзу. На дорогах этой провинции мы часто встречали караваны лошадей, ослов, мулов и даже быков, украшенных красными помпонами, бубенцами, а иногда и зеркальцем на лбу переднего животного (что считалось защитой от злых духов). В настоящее время в Юньнани, Гуанси и Гуандуне все более широкий размах получает строительство железнодорожных линий, усовершенствованных дорог для автотранспорта, развивается также воздушное сообщение — пассажирское и грузовое.

Поселения у большинства народов, живущих в долинах, обычно крупные, иногда в несколько сотен дворов; у расселенных в горах — более мелкие, кое-где даже однодворные. У ляннаньских яо, однако, и горные поселения достигают больших размеров (в Наньгане, например, свыше 500 хозяйств). Жилища очень разнообразны. На крайнем юге — у цзинпо, бэнлун, кава, у некоторых групп тай и чжуан — преобладают свайные постройки из бамбука с высокими, иногда седловидными травяными крышами. У ляннаньских яо свайные традиции в строительстве сохранились при сооружении деревянных амбаров и хлевов. У ли, из-за сильных тайфунов, свайные постройки почти отсутствуют, но в старых домах, по внешнему виду напоминающих опрокинутые лодки, часто устраивали на расстоянии 30—50 см от земли решетчатый бамбуковый настил. Почти все дома южных народов (главным образом мон-хмерских и чжуан-тунских) состоят из нескольких помещений, вытянутых по продольной оси, и имеют два входа на коротких сторонах.

На северо-западе Юньнани, особенно в горных районах, где много хвойного леса (например, у наси, лису, дулун, ну), преобладают срубные дома с двускатными

крышами из драни и травы. У народов, живущих в долинах, а отчасти в предгорьях, — у чжуан, лунаньских ицзу (сани и аси), бай, наси, живущих на равнинах, у дэхунских тай, ляннаньских яо и др., — широко распространены различные виды глинобитных, глинобитно-мазанных, саманных, сырцово-кирпичных и кирпичных построек. Внутренняя планировка жилищ во многих районах заимствована у китайцев: преобладают трехраздельные дома с галереей вдоль длинной фасадной стороны. Сами китайцы строят дома из обожженного кирпича и кроют их черепицей. В Гуандуне

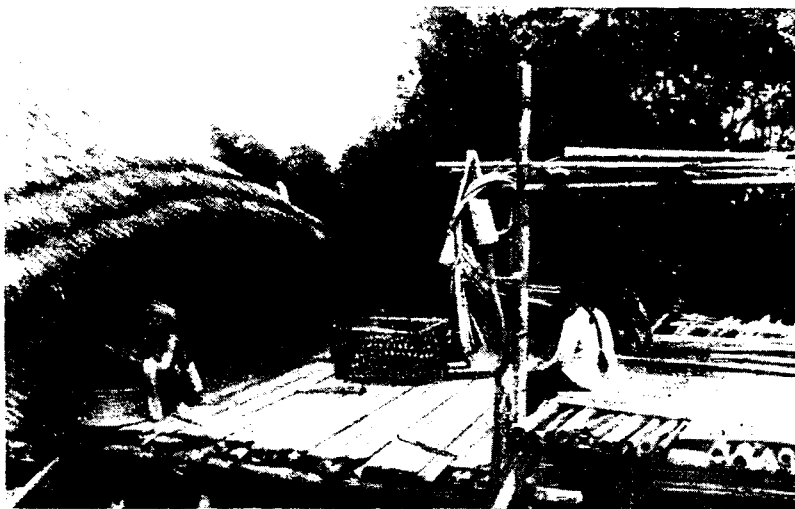

Рис. 8. Помост перед свайным домом у бэнлун

Рис. 9. Старинный дом хайнаньских ли

часть «дома-крепости», бывшие в прошлом жилищами больших неразделенных семей. Легкие бамбуково-пальмовые постройки у китайцев мы встречали только на юге Хайнаня.

В питании изучавшихся нами народов преобладают растительные кушанья: разваренный рис, каши и лепешки (на севере Юньнани, в частности, гречневые и овсяные), печеные клубнеплоды и корнеплоды, разные блюда из кукурузы, соевых и других бобов, из всевозможных овощей. Повсеместно употребляют различные острые соусы и приправы. Чжуан, тай, цзинпо, бэнлун, ли, хайнаньские мяо, хуэй и хань едят много фруктов, особенно бананов и ананасов, плодов дурнона и папайи, а на Хайнане также плодов хлебного дерева и кокосовой пальмы. Для тай очень

характерно употребление в пищу особым образом квашеных овощей и рыбы. Мясо эти народы (за исключением хуэй, которые свинины не едят) предпочитают свиное, а также птичье; местами, например в Ляньнани, сохранилось употребление в пищу собачьего мяса. Из напитков наиболее распространены кипяток и чай; в Гуандуне и Гуанси преимущественно зеленый чай, в Юньнани — часто черный. Слабоалкогольное вино готовят из риса (особенно из клейких сортов), а также из разных корнеплодов и клубнеплодов. Для национальностей Дэхуна, а также для ли и

Рис. 10. Старые и новые дома ляньнаньских яо селения Наньган

Рис. 11. Дом-крепость у гуандунских китайцев

мяо на Хайнане характерно жевание бетелевой смеси. Посуда и утварь у народов южного и юго-западного Китая большей частью деревянная, бамбуковая, плетеная, глиняная — обычно самодельная; металлические и фарфоровые изделия, как правило, покупные. При еде обычно употребляют палочки, заимствованные у китайцев.

Костюм обследованных нами народов отличается большим разнообразием. У чжуан, бай, хуэй, отчасти у наси, сани и ляньнаньских яо в настоящее время преобладают общекитайские элементы одежды: куртки с прямой застежкой у мужчин, левополые кофты и халаты у женщин, а также штаны с широким шагом у обоих по-

Рис. 12. Женщины наси в национальных костюмах (уезд Лицзян)

Рис. 13. Группа льяньнаньских яо

Рис. 14. Женщины ли в праздничной одежде (г. Тунши, 8 марта 1958 г.)

лов. Бытуют, однако, и многие самобытные элементы костюма — войлочные, шерстяные или меховые накидки у народов группы ицзу (наси, сани и др.) или короткие халаты прямого покроя, без пуговиц, носимые с запахом справа налево и подпоясываемые цветным поясом у яо. У народов округа Дэхун — тай, цзинпо и бэнлун, а также у ли и мяо на Хайнане сохраняются многие своеобразные части мужской и особенно женской одежды: мужские набедренные двойные фартуки (спереди и сзади), женские короткие курточки с прямой застежкой, широкие пояса, сшитые или нессшитые юбки, часто богато украшенные узорным тканьем, аппликацией или вышивкой. Чрезвычайно разнообразны головные уборы и всевозможные украшения, преимущественно серебряные. Обувь в связи с теплым климатом употребляется редко, особенно на крайнем юге. В пути и при некоторых видах полевых работ пользуются плетеными сандалиями. В последнее время большое распространение получает покупная обувь — матерчатая или резиновая.

6

Рис. 15. Женщина мяо в национальной одежде (о-в Хайнань)

В дальнейшем тип этот стал господствующим у большинства народов, говорящих на мон-кхмерских, чжуан-тунских и мяо-яоских языках, а также у некоторых тибето-бирманских групп. Даже в 1957—1958 гг. мы могли наблюдать у бэнлун, цзинпо, ли и хайнаньских мяо такие особенности этого типа, как ручная обработка земли, выращивание разных корне- и клубнеплодов, разведение свиней и кур, плетение из разных материалов, ручное прядение и ткачество, свайные постройки с бамбуковым каркасом, одежда типа набедренной повязки у мужчин и нессшитой юбки у женщин. В более северных, возвышенных районах, например у ну, лису, горных групп ицзу и наси, отчасти у льяньнаньских яо, описанный тип постепенно заменяется другим — типом высокогорных мотыжных земледельцев, для которого характерны холодоустойчивые сельскохозяйственные культуры (гречиха, овес, ячмень, конопля), среди домашних животных — большое число коз и овец, в области материальной культуры — выделка шерстяных тканей, срубные или глинобитные (местами каменные) постройки, одежда, закрывающая все тело.

С распространением плуга, принесенного на юг Китая, вероятно, китайскими переселенцами в эпоху феодализма (III—I вв. до н. э.), мотыжно-земледельческие типы стали уступать место плужно-земледельческим. Процесс этот был очень длительным и закончился по существу только в наши дни, когда пахотные орудия получили широкое распространение среди всех национальностей КНР. Кроме китайцев, раньше других народов южного и юго-западного Китая перешли к плужному земледелию многие чжуан-тунские народы (чжуан, тай и др.), а также бай, наси и некоторые группы ицзу. В целом для типа плужных земледельцев теплого влажного пояса надо считать характерными такие признаки, как выращивание заливного риса в качестве основной продовольственной культуры, употребление легкого плуга

без полоза, грядково-террасовая система земледелия, использование буйвола в качестве тягловой силы, различные типы каркасно-столбовых построек без печей со стенами из сырового или обожженного кирпича, одежда из хлопчатобумажных и шелковых тканей. Некоторые особые черты, например, суходольное земледелие, более тяжелый плуг с полозом, шерстяная одежда, матерчатая, а иногда и кожаная обувь, меховые головные уборы, свойственны типу высокогорных пашенных земледельцев, который сложился в северо-западной Юньнани (а также в Сычуани и Тибете) под влиянием хань. Мы имели возможность наблюдать этот тип у горных нас в уезде Лицзян.

В настоящее время плужно-земледельческие типы, получившие дальнейшее развитие на основе современной техники, стали безраздельно господствующими у всех тех народов, которые мы имели возможность изучать в 1957—1958 гг. В период Большого скачка, когда все народы КНР быстро идут вперед, не приходится, конечно, говорить о сохранении в чистом виде охотничье-собираТЕЛЬских и мотыжно-земледельческих хозяйственно-культурных типов. Но многие рациональные технико-рудные и бытовые навыки, характерные для этих типов, продолжают жить и в наши дни, имея все шансы на дальнейшее усовершенствование и прогрессивное развитие. Это относится, например, ко многим сельскохозяйственным приемам, к строительным навыкам, к технике разнообразных художественных ремесел.

7

Общественный строй изучавшихся нами народов отличался до недавнего времени сложным переплетением различных социально-экономических укладов — от первобытно-общинного до социалистического, ставшего после Освобождения, особенно в период Большого скачка, безраздельно господствующим не только у китайцев, но и у национальных меньшинств юга и юго-запада КНР, даже наиболее отсталых в прошлом. Недаром об этих национальных меньшинствах говорили, что они представляют собой «страницы раскрытой книги», по которым можно наглядно изучать историю человеческого общества. Основной причиной такого разнообразия являлись, конечно, неодинаковые темпы социально-экономического развития до Освобождения, связанные с жесткой эксплуатацией трудящихся разных национальностей со стороны «своих» рабовладельцев и помещиков, реакционных гоминьдановских властей и международных империалистов.

Пережитки первобытно-общинных отношений были наиболее сильно выражены из обследованных нами народов у ли, цзинпо и бэнлун, а также у некоторых других национальных меньшинств Юньнани, в особенности у кава, дулун, ну и лису. У всех этих народов имели место коллективное владение средствами производства (землей, скотом, орудиями труда), коллективный труд, а частично и коллективное распределение. Особенно известен строй «хэму» у ли, основанный на совместной обработке земли небольшими группами семей (большой частью родственных) во главе со старейшинами «мутоу». Строй этот сохранялся до кооперирования сельского хозяйства примерно у 10 тысяч ли, расселенных в районе г. Тунчжа. Изучение «хэму», проводившееся и нами, представляет большой интерес для понимания закономерностей развития человеческого общества в период перехода от первобытно-общинных отношений к классовым.

Надо иметь в виду, что у всех перечисленных выше в прошлом отсталых народов еще до Освобождения намечалось известное имущественное неравенство и начинался процесс образования классов. У ли и цзинпо, например, существовали элементы патриархального рабства. У последних в руках общинных старейшин (так называемых шаньгуаней) сосредоточивались значительные богатства, позволявшие им эксплуатировать своих соплеменников. Частная собственность на средства производства имела место наряду с коллективной. Наибольшего развития рабовладельческий уклад достиг, по новейшим данным китайских этнографов, по-видимому, у некоторых народов группы ицзу, в особенности в Далиньшане, на западе Сычуани, и отчасти в Сяоляншане, на севере Юньнани. В прошлом рабовладельческие отношения были также характерны для предков других групп ицзу, нас и бай периода Наньчжао. После образования КНР рабовладение у всех перечисленных национальностей полностью ликвидировано.

У ляннаньских яо до Освобождения уже складывались раннефеодальные отношения, хотя и были очень сильны пережитки первобытно-общинного строя. Частная собственность на землю преобладала, но сохранялись и остатки коллективной собственности. Весьма характерна для этой группы яо частично сохранившаяся до 1958 г. организация «яолао» — наиболее уважаемых стариков, фактически управлявших всей хозяйственной, общественной и обрядово-культурной жизнью сельской общины. Изучению этой организации нами было уделено большое внимание. Давно складывались феодальные отношения также у тай. Большого значения у них достиг институт тусы — наследственных помещиков-феодалов различных рангов, игравших роль посредников между крестьянами и китайскими властями. Еще более развиты были феодальные отношения у чжуан, нас и в особенности у бай. Последние по своему социально-экономическому строю мало отличались от соседнего китайского населения.

Капиталистические отношения не успели пустить среди народов южного и юго-западного Китая глубокие корни, если не считать китайского и хуэйского населения крупных городов и прилегающих к ним районов, например окрестностей Куньмина, Наньнина и особенно Гуанчжоу. Это не значит, однако, что национальные меньшинства обследованных нами районов не подвергались капиталистической эксплуатации. Такая эксплуатация, несомненно, существовала, выражаясь в различных формах (например, тяжелые условия труда рабочих на рудниках и предприятиях фабрично-заводской и кустарной промышленности, а также батраков, в частности — сезонных на плантациях тропических культур, где все было организовано на капиталистический лад). Большое распространение имели также различные формы неэквивалентного обмена, в частности закупки ценного сырья, хлопка, лекарственных растений, пушнины и др. После образования КНР все эти виды эксплуатации навсегда ушли в прошлое.

8

В настоящем сообщении нет возможности подробно останавливаться на нашем изучении духовной культуры народов южного и юго-западного Китая. Во время Гуанси-Юньнаньской и Гуандунской экспедиций были собраны ценные материалы по народному прикладному искусству (в особенности по художественному тканью и вышивке), религиозным верованиям и культам, фольклору. Сравнение орнаментальных мотивов, характерных для хань и различных обследованных нами национальных меньшинств, показывает, что между ними есть много общего, хотя каждая национальность имеет ряд специфических излюбленных форм. Так, у льяннаньских яо, хайнаньских мяо и ли преобладают спирально-меандрические узоры, тогда как для дэхунских тай более характерен растительный орнамент, главным образом при золотошвейной вышивке на бытовых предметах.

Для всех народов Юньнани, Гуанси и Гуандуна (включая хань и хуэй) характерен был до недавнего времени религиозный синкретизм — причудливое сочетание древних анимистических верований, культа предков и наслоений религиозных систем классового общества: буддизма, даосизма, ислама. У цзинпо, ли, хайнаньских мяо, отчасти у льяннаньских яо наиболее устойчиво сохранялись верования, связан-

Рис. 16. Деревянные скульптуры льяннаньских яо — фигуры предков

ные с первобытно-общинным строем, — почитание гор, скал, источников, деревьев и других неодушевленных предметов, тотемистические представления, элементы шаманизма и т. п. У яо и особенно у чжуан чувствуется сильное влияние даосизма. У дэхунских тай и бэнлун господствует буддизм южного направления — Хинаяна (Малая колесница). Для нас характерен особый буддийский толк Дунба, сочетающий учение северного буддизма — Махаяна (Большая колесница) с анимизмом и культом предков. Много своеобразного в исламе гуандунских и юньнаньских хуэй. У последних, например, есть ряд специфических запретов — на лук, чеснок, конину и мясо некоторых диких птиц.

Наиболее ценные материалы по верованиям и культам были собраны у яо Наньгана, где сравнительно длительное время работала большая группа квалифицированных этнографов. Здесь удалось описать и даже заснять на фотопленку такие интереснейшие для этнографии моменты, как торжественные похороны сяньшэнгуна (жреца), обряд изгнания злого духа из села, празднование Нового года по лунному календарю, сопровождаемое обрядовыми танцами с барабанами, и т. п. Мы наблюдали также праздник «выпуска буйволов», во время которого разрешается в пределах, допускаемых родовых экзогамией, общение между девушками и юношами. Китайские ученые находят в этом празднике пережитки группового брака. На вершине горы над Наньганом был подробно обследован действующий и ныне храм предков, сооруженный около 400 лет назад. В этом храме сохранились раскрашенные деревянные фигуры мифических прародителей яо — Паньху-вана, его тетки и одновременно жены Паньху-чанпо и других. Много подобных же фигур предков (как реальных, так и фантастических), но меньших размеров, имеется в домашних алтарях жителей Наньгана.

При изучении устного поэтического творчества мы обращали особое внимание на исторические легенды и предания, в той или иной степени отражающие этногенез народов южного и юго-западного Китая, а также их национально-освободительную борьбу. Большой научный интерес представляют, в частности, предания цзинпо об их приходе в Дэхун около 400 лет назад с восточных предгорий Гималаев, верховьев рек Малика и Нмайка, образующих при слиянии реку Иравади. Не менее любопытны сказания ли о побратимстве их предка с китайцем по фамилии Ван или о происхождении татуировки женщин в память о том, что праmaterь всех ли распалась себе лицо после общения с родным сыном, которого она не узнала в темноте хайнаньских джунглей. Чрезвычайно богаты этногенетические легенды льяньнаньских яо, в которых большую роль играют Паньху-ван и Паньху-ванпо, а также другие предки родовых и патронимических групп Наньгана. Рассказы о национально-освободительной борьбе, частично вполне реальные, частично полуполюгендарные, существуют у всех обследованных нами народов. Среди чжуан очень популярен цикл преданий о тайпинском движении и его вождях. В Юньнани широко распространены рассказы о национально-освободительном движении местных хуэй в 1850—1870-х годах. У ли традиционный архаический фольклор живет рядом с яркими реалистическими рассказами о партизанской борьбе на Хайнane с японскими захватчиками и гоминьдановцами. В наши дни все народы, обследованные нами, создают множество новых произведений разных жанров, отражающих быстрое движение по пути к социализму в период Большого скачка.

9

Важное место в работе Гуанси-Юньнаньской и Гуандунской экспедиций занимало, как уже упоминалось выше, изучение национальных взаимоотношений, которые до Освобождения складывались в различных районах юга и юго-запада Китая по-разному, в зависимости от конкретных историко-географических условий. Так, на северо-западе Юньнани между бай и наси, с одной стороны, и китайцами, — с другой, существовали близкие и дружественные отношения, восходящие к периоду государства Наньчажо, в котором жило много китайских поселенцев. Зато помещики бай и наси эксплуатировали трудящихся соседних более отсталых народов, особенно лису, ну и дулун. Иначе развивались национальные отношения в Дэхуне, где китайцы появились позднее и до образования КНР были представлены главным образом чиновниками, торговцами и военными. Между китайцами и тай долгое время существовали недоверие и отчужденность. Тайские тусы в свою очередь эксплуатировали более отсталых цзинпо и бэнлун, занимавших низшую ступень в этой общественно-национальной иерархии. Даже цзинпоские шаньгуани эксплуатировали не только своих соплеменников, но и зависимых от них бэнлунских крестьян.

Своеобразны были национальные взаимоотношения и в различных районах Гуандуна. Отступившие в горы под натиском китайцев льяньнаньские яо до самого Освобождения оставались по существу полунезависимыми, упорно сопротивляясь попыткам китайских феодалов, а позднее и гоминьдановцев, полностью подчинить их себе. В то же время яо экономически зависели от китайцев, от которых получали необходимые им предметы (железные орудия и утварь, ткани, украшения и др.). Ли на Хайнane тоже долгое время сопротивлялись китайскому феодальному государству: только к середине XIX в. это сопротивление было сломлено. Оттесненные в южную гористую часть острова, ли сохранили свою самобытность главным образом в районе гор Учжишань. На периферии своего расселения они смешивались с хань и подвергались их сильному хозяйственному и культурному влиянию. Мяо, уступавшие ли по численности, должны были селиться в наиболее возвышенных, неблагоприятных местностях. Хуэй везде до самого последнего времени сохраняли свою культурно-бытовую обособленность, стимулируемую исламом. Отношения между хуэй и хань часто бывали напряженными, особенно в периоды мусульманских восстаний, когда феодальные власти сознательно направляли одну национальность на другую.

После Освобождения в результате мудрой политики Коммунистической партии Китая и Народного правительства положение коренным образом изменилось. Постепенно исчезли все причины, порождавшие национальную рознь, — феодальная эксплуатация, ростовщичество, неэквивалентный обмен и т. д. На смену отчужденности и недоверию пришли новые отношения между китайцами и другими народами, основанные на дружбе и взаимопомощи. Исчезла также экономическая и политическая зависимость одних национальных меньшинств от других (например, цзинпо и бэнлун от тай, ну и дулун от наси). В некоторых местах было проведено планомерное переселение национальностей, живущих в тяжелых природных условиях. Так, хайнаньские мяо из высокогорных районов переселились в более низменные. В бассейне Сицзяна в наши дни заканчивается переселение шуйшаньжэньцзя в благоустроенные поселки на твердой земле. Вместе с этим окончательно исчезает былая отчужденность между жителями «плавающих кварталов» и соседним китайским населением.

Большую роль в ликвидации национальной розни сыграла совместная борьба национальных меньшинств, китайских партизан и частей Народно-Освободительной армии против японских захватчиков, а затем — гоминьдановцев. Революционная борьба с оружием в руках еще до Освобождения сплотила, например, трудящихся всех

народов Хайнаня, в том числе ли и мяо, бывших прежде очень отсталыми. После образования КНР такому сплочению способствовал труд в группах взаимопомощи, сельскохозяйственных кооперативах, а с 1958 г. и в народных коммунах, как правило, объединяющих крестьян разных национальностей. Дружбу народов укрепляет также совместная учеба на различных курсах по подготовке национальных кадров, в школах, техникумах и высших учебных заведениях; например, в Куньмине и Наньнине в институтах национальностей получают образование представители почти всех народов Юньнани и Гуанси. В Маньси мы могли наблюдать совместную дружную учебу китайцев, тай, цзинпо, бэнлун и ачан; в Тунши — китайцев, ли, мяо и хуэй.

10

После Освобождения все народы Гуанси, Юньнани и Гуандуна (как и Китая в целом) вступили под руководством Коммунистической партии и Народного правительства на путь демократических, а затем и социалистических преобразований. Кон-

Рис. -17. Молодые национальные кадры хайнаньских ли (г. Тунши)

кретные формы и сроки этих преобразований определялись в соответствии с уровнем общественно-экономического развития различных национальностей, а также в соответствии со специфическими особенностями их хозяйства, культуры и быта. Этнографическое изучение национальных меньшинств играло и играет в настоящее время существенную роль в определении конкретных форм перехода их к социализму. Во время наших работ на юге и юго-западе КНР мы могли сами наблюдать этот важнейший процесс и принимать до некоторой степени в нем участие.

У наиболее отсталых в прошлом национальных меньшинств (кава, цзинпо, бэнлун, дулун, ну, лису, ли) демократические преобразования проводились в небольших масштабах, конечно, только мирным путем. Используя навыки коллективного труда, сохранившиеся у этих народов, партия и правительство повели их «через века — к социализму», минуя стадию демократической революции. В период нашей работы в Юньнани (1957) процесс этот стал уже явным; повсеместно осуществлялась организация групп трудовой взаимопомощи, а частично и сельскохозяйственных кооперативов различных типов. Несколько иначе шло после Освобождения развитие тай, ляннаньских яо и других национальных меньшинств, у которых преобладали в прошлом раннефеодальные отношения. Земельная реформа и другие демократические преобразования проводились здесь также мирно, путем разъяснения и убеждения. Многие помещики (в том числе и тусы) стали непосредственными участниками этих преобразований. Когда мы работали у тай Дэхуна, там уже создавались сельскохозяйственные кооперативы. К настоящему времени (октябрь 1959 г.) дэхунские тай не только полностью кооперированы, но создали уже народные коммуны. Демократические и социалистические преобразования у сани, чжуан, наси и бай проводились

в основных чертах так же, как и у хань. Класс помещиков в период нашей работы у этих народов был ликвидирован. Почти все крестьянские хозяйства вступили в кооперативы высшего типа, а теперь и в народные коммуны.

Аналогичный процесс наблюдался и у ляннаньских яо. Во время нашей работы в Наньгане кооперирование сельского хозяйства было в основном закончено: подавляющее большинство крестьянских семей уже вступило в кооператив высшего типа. После образования КНР значительно расширена посевная площадь (в особенности — орошаемая), создан ряд ирригационных сооружений, увеличена доля повторных посевов, расширен ассортимент сельскохозяйственных культур, началось широкое внедрение удобрений. Большие успехи достигнуты также в культурной работе. Яо, лечившиеся прежде только у знахарей, все чаще обращаются за помощью в медицинский пункт. Все больше распространяется грамотность. Большую роль в строительстве новой жизни у яо играют китайские кадровые работники, посланные в деревню, и свои национальные кадры, получившие подготовку в уездном центре г. Саньцзяне, в Гуанчжоу, Ухани, Пекине и других городах. В Ляньнани много агрономов, учителей, административных работников из числа яо. Все шире и глубже разворачивается работа по борьбе с суевериями, отсталостью и другими пережитками прошлого, тормозившими движение яо к социализму.

Огромный научный и практический интерес представляет также всестороннее изучение тех глубоких общественно-экономических и культурных преобразований, которые имеют место у народов Хайнаня (кооперирование сельского хозяйства, ликвидация неграмотности на языке ли, подготовка национальных кадров из числа коренного населения, развитие сети медицинских пунктов и больниц, начальных и средних школ, специальных училищ, курсов и других культурно-просветительных учреждений). Незабываемое впечатление произвело на нас, в частности, строительство жилых, административных, торгово-промышленных и культурных зданий в Тунши — новом центре автономного округа национальностей ли и мяо, возникшем в 1952 г.

Под руководством Коммунистической партии и Народного правительства все народы южного и юго-западного Китая уверенно идут по пути экономического, социального и культурного прогресса.

Х Р О Н И К А

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА ПО ЭФИОПИИ

9 июля 1959 г. Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде принимал высокого гостя: император Эфиопии Хайле Селасе I посетил отдел Африки, в залах которого находится выставка, посвященная культуре, быту и искусству Эфиопии (рис. 1).

Африканский отдел Музея располагает обширными коллекциями по Эфиопии, собранными русскими путешественниками в конце XIX — начале XX в.¹ Значительная часть коллекций собрана русскими врачами, работавшими в основном в Аддис-Абебе госпитале: А. И. Кохановский привез прекрасные образцы эфиопской живописи и много предметов быта; от М. И. Лебединского получены домашняя утварь и предметы культа; аналогичные предметы содержат коллекции Д. Н. Бровцына. От русского путешественника А. Гудзенко, тщательно описавшего коллекцию с указанием названий по-амхарски, поступили оружие, одежда, украшения, бытовые предметы. Другой путешественник — Н. С. Леонтьев принес в дар Музею обширные коллекции по народам южной Эфиопии. Весьма интересна коллекция члена геологической экспедиции А. Г. Мягкова, содержащая предметы культа народов южной Эфиопии².

Старинные связи России и Эфиопии ярко проявились в 1935 г., когда фашистская Италия спровоцировала инцидент в Уал-Уале и начала войну с Эфиопией. Агрессия Италии вызвала справедливое негодование народов СССР. Наше правительство отстаивало права Эфиопии в Лиге Наций.

Не оставались в стороне и научные работники. В 1935 г. под руководством проф. Д. А. Ольдерогге в Музее была организована большая выставка, экспонаты которой познакомили посетителя с основными этапами истории, с материальной культурой, экономикой и географией Эфиопии. Помимо коллекций, на выставке были представлены фотографии, полученные от академика Н. И. Вавилова, посетившего Эфиопию за несколько лет до того. Выставка, имевшая огромный успех, знакомила также с героической борьбой эфиопского народа против итало-фашистских интервентов. Экспозиция 1935 г. была описана в специальном путеводителе³. Тогда же была издана Музеем фотосерия «Абиссиния» и был опубликован сборник научных статей под редакцией Д. А. Ольдерогге⁴. В сборнике принимал участие ряд авторов: Н. В. Юшманов, Н. И. Каратаев, Д. А. Ольдерогге, К. Н. Лукницкий и другие.

После второй мировой войны политические, экономические и культурные связи между СССР и Эфиопией продолжают успешно развиваться. В Советском Союзе побывал ряд делегаций из Эфиопии. Наш Музей посетили деятели Министерства культуры и просвещения Эфиопии: Саломон Сагайе, Джеманех Аллабесау, Зеуде Гебре Медхин, Теферра Ворк Аримиде, Митике Десита. Они принесли в дар Музею ценные экспонаты.

Все это дало возможность, воссоздавая выставку летом 1959 г., показать не только богатейшее прошлое, но и настоящее дружеского африканского государства.

В обширном зале отдела Африки экспонируются до 200 предметов, знакомящих с разными сторонами культуры, быта и искусства Эфиопии (рис. 2). В центре зала

¹ См. М. В. Райт, Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX — начале XX в. и их этнографические материалы, «Африканский этнографический сборник», I, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXIV, М., 1956.

² См. Д. А. Ольдерогге, Глиняные фигурки из юго-западной Абиссинии, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. VIII, Л., 1929.

³ Д. А. Ольдерогге, Выставка абиссинских коллекций, изд. АН СССР, Л., 1935.

⁴ «Абиссиния (Эфиопия)», М. — Л., 1936.

стоят витрины, где размещены рукописные молитвенники, библия и свитки с магическими текстами на древнем литературном языке Эфиопии — геэз⁵. Значительный вклад в изучение этих свитков внес академик Б. А. Тураев. Недавно большое исследование о них опубликовал профессор Варшавского университета С. Стрельцын.

Стараниями императоров Менелика II и Хайле Селасе I в Эфиопии созданы типографии с амхарским шрифтом. Экспонированные на выставке образцы современной эфиопской печати — газеты и книги на амхарском (государственном) языке Эфиопии — дают представление о художественной литературе и периодических изданиях страны.

Специальная витрина отведена для показа документов, говорящих о давних традициях русско-эфиопской дружбы. Особый интерес представляют грамоты, полученные русскими врачами от Менелика II и его супруги императрицы Тантау. В одной

Рис. 1. Император Хайле Селасе I в Музее антропологии и этнографии АН СССР

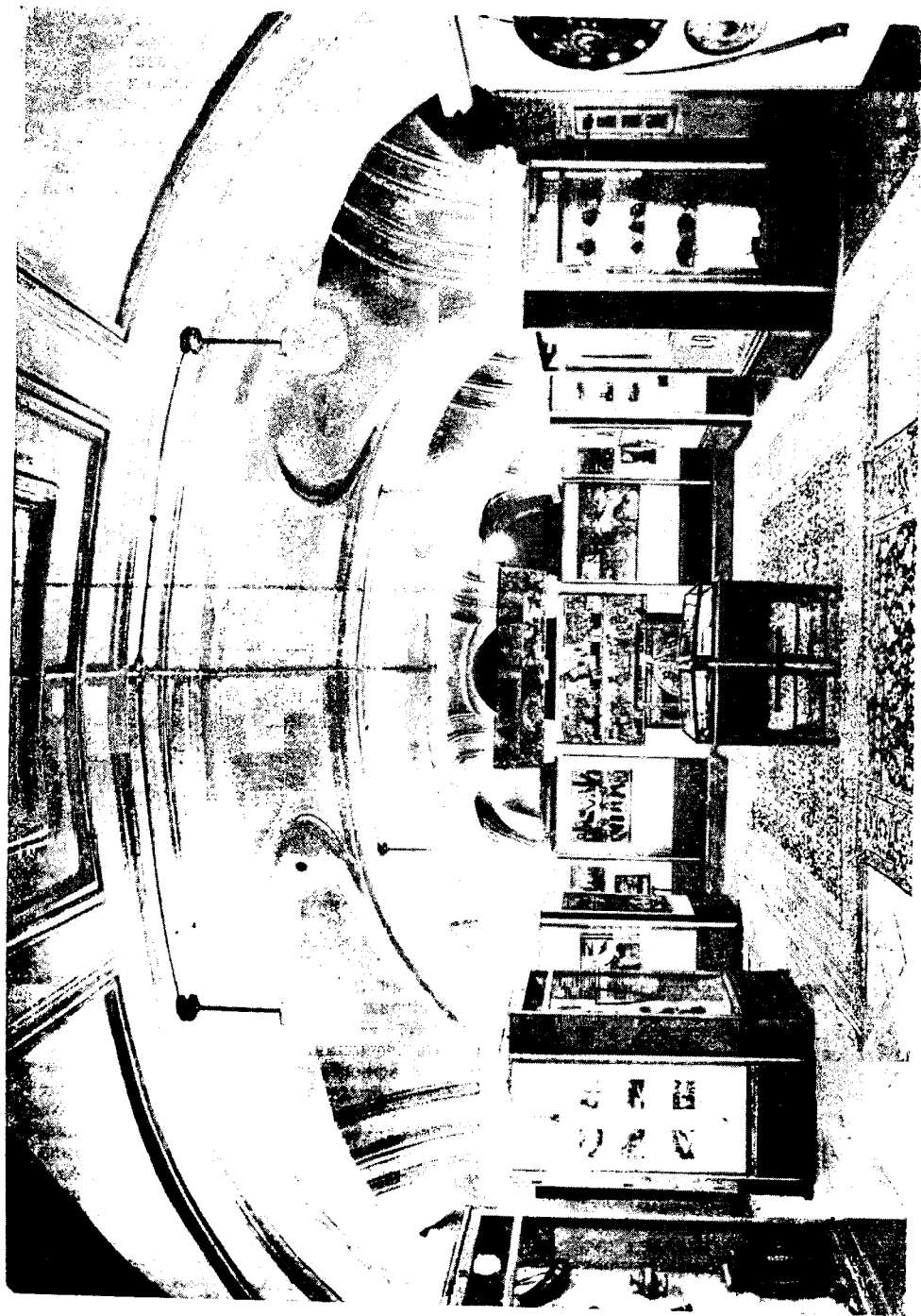
из них объявляется о присвоении почетного звания лейб-медика Менелика II доктору М. И. Лебединскому, в другой — о награждении Лебединского орденом Эфиопской Звезды II класса, в третьей и четвертой — о других наградах ему и его жене за самоотверженную медицинскую помощь Эфиопии.

Особую ценность выставке придают картины эфиопских художников, выполненные в древней национальной манере. Самая интересная из них посвящена победе эфиопских воинов над итальянскими оккупантами при Адуде в 1896 г. (рис. 3). Ниже экспонирована картина художника Фере-Хейвата, запечатлевшего здесь виднейших военных и государственных деятелей Эфиопии (рис. 4). Следующая картина изображает императора Менелика II, его супругу Тантау и их двор; там же изображен рас (правитель области) Маконен — отец Хайле Селасе I. На одной из картин можно видеть молодого Хайле Селасе, бывшего в то время еще даджачем (правителем района) Тафари; рядом с ним изображены рас Маконен и даджах Ильяма. Пять больших живописных работ посвящены легенде о происхождении соломоновой династии эфиопских царей, к которой принадлежит нынешний император.

На выставке экспонированы образцы своеобразной живописи эфиопской церкви, и в наше время играющей значительную роль в жизни страны. Представлены и другие предметы культа, в том числе сисстры (обрядовые погремушки), аналогичные тем, которые известны нам еще по росписям древнего Египта.

Музей располагает ценным собранием старинного оружия Эфиопии. На выставке представлены различные виды копий и стрел, кривые и прямые мечи, кинжалы,

⁵ Эфиопская письменность восходит еще к древней сабейской письменности (VI—V вв. до н. э.).

луки, палицы, щиты. Парадные щиты из кожи гиппопотама покрыты бархатом и филигранными золотыми или серебряными пластинами.

Экспонированные образцы национальной одежды включают так называемые лемды и шаммы. Лемд — старинная накидка воинов из шитого золотом бархата, по форме своей воспроизводящая шкуру льва; шамма — длинное полотнище хлопчатобумажной ткани, украшенное полосой цветного орнамента. Экспонированный на выставке женский костюм для езды на муле искусно украшен цветной вышивкой на вороте, груди, спине, рукавах.

На выставке показано большое количество различных предметов домашнего обихода. Чтобы составить коллекцию этих предметов, многие из которых в натуре очень большого размера, и иметь возможность привезти ее в Россию, А. Н. Гудзенко заказал эфиопским гончарам уменьшенные модели местной глиняной посуды.

Рис. 5. Император Хайле Селасе I пишет отзыв о выставке Музея антропологии и этнографии

Среди них имеются сосуды для разных хозяйственных надобностей: для ношения воды, замешивания теста, приготовления пива, варки мяса или соуса, а также курильница, сковорода, кофейные чашки и др. Один из шкафов посвящен искусному плетению из разноцветной соломы (блюда, всевозможные корзины); очень интересны так называемые столы-корзины, используемые для хранения лепешек (такую корзину в случае надобности можно перевернуть вверх дном и пользоваться ею как столом). В другом шкафу собраны образцы посуды из тыквы, рога, резного дерева и кожи.

Среди мужчин и женщин Эфиопии широко распространено обыкновение носить шпильки, бусы, ожерелья, браслеты. Такие украшения, выполненные с большим изществом, также демонстрируются на выставке.

Тысячелетнюю историю имеет национальная музыка Эфиопии. Среди музыкальных инструментов особое внимание посетителей выставки привлекает щипковый инструмент — керар, на котором обычно играют бродячие певцы — азмари.

Представление об экономической и культурной жизни современной Эфиопии дают несколько стендов с фотографиями, недавно привезенными отсюда сотрудниками Института этнографии М. В. Райт. Выставка снабжена этикетажом, выполненным на амхарском и русском языках.

Эфиопские гости проявили большой интерес к коллекциям из их родной страны. Император Хайле Селасе I сказал, что организация выставки свидетельствует о дружбе и симпатии советского народа к Эфиопии, и выразил надежду, что коллекции Музея будут впредь пополняться новыми экспонатами из Эфиопии. Император оставил запись в книге почетных посетителей Музея (рис. 5).

Директор Института этнографии С. П. Толстов преподнес высокому гостю подарки — фотографии экспонатов выставки, комплект научных трудов Института. Император, поблагодарив за подарок, сказал, что труды Института этнографии займут почетное место в его библиотеке, и вручил С. П. Толстову и Заведующему сектором Африки проф. Д. А. Ольдерогге памятные золотые медали.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ СЕССИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКОГО СОВЕТА ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ (РОСПРОМСОВЕТА)

19—20 марта 1959 г. в Москве, в помещении Музея народного искусства проходила сессия, созданная Научно-исследовательским институтом художественно-промышленности Роспромсовета (НИИХП), посвященная результатам экспедиции 1958 г. на Северный Кавказ, в Татарскую АССР, Хабаровский край, Бурятскую АССР и Архангельскую область.

Цель экспедиций, проводимых Институтом в течение последних лет,— сбор и изучение материалов по народному искусству отдельных областей, краев и автономных республик РСФСР и помощь существующим местным художественным промыслам, а также вновь возникающим производствам художественных изделий.

Доклады, прочитанные на сессии, были дополнены зарисовками предметов на родного искусства и выставкой вещественных памятников, собранных во время экспедиций.

Экспедиция на Северный Кавказ (докладчик Э. В. Кильчевская) проводилась под руководством Э. В. Кильчевской с участием художников Д. А. Чиркова и Н. М. Демюр. Материал по народному искусству адыгейцев, черкесов, кабардинцев, карачаевцев и балкарцев был собран в краеведческих музеях Майкопа, Краснодара, Черкесска, Нальчика, а также у жителей селений Краснодарского края, Адыгейской и Карачаево-Черкесской автономных областей и Кабардино-Балкарской АССР.

В материалах по декоративному искусству народов Северного Кавказа, собранных в обследованных экспедицией районах, Э. В. Кильчевская выделяет два комплекса: искусство адыгейско-черкесско-кабардинской группы народов и искусство балкарцев и карачаевцев, принадлежащих к тюркоязычным народам.

Характерными видами художественных ремесел первого комплекса являются: шитье золотом, обработка серебра, производство узорных циновок и резьба по дереву. Художественная культура адыгейцев, черкесов и кабардинцев имеет глубокие местные истоки и отличается большим своеобразием орнамента, лаконичного и выразительного, крупные элементы которого свободно расположены на больших плоскостях фона.

Шитье золотом, которым в XVIII в. обильно украшали женский костюм, в XIX в. стали применять и на кошельках, сумочках и других мелких изделиях. Э. В. Кильчевская, на основании сохранившихся памятников проследила эволюцию приемов шитья золотом — от сложных узорных швов XVIII в., которыми заполняли орнамент с крупными округлыми мотивами, до более простых гладких швов, напоминающих высокую гладь, характерных для XIX в., когда орнамент стал более линейным и графичным.

Художественная обработка серебра была связана у этой группы народов с изготовлением оружия и всевозможных украшений к национальному костюму: поясов, нагрудных застежек, подвесок, пряжек (рис. 1), газырей, кинжалов и т. п. Э. В. Кильчевская отметила изменения в обработке серебра у народов Северного Кавказа, происшедшие на протяжении второй половины XVIII и в XIX в., когда изделия местных ювелиров были почти полностью вытеснены изделиями пришлых дагестанских мастеров, воспринявших частично местные традиции обработки серебра, но сочетавших их со своими национальными формами орнамента и с более совершенными и разнообразными декоративными приемами (чернь, глубокая гравировка, насечка). В конце XIX — начале XX в. особенно большое распространение на Северном Кавказе получили филигранные женские украшения работы дагестанских и в еще большей степени армянских мастеров.

Резьба и инкрустация костью по дереву были у этой группы народов домашним ремеслом и имели узко местное значение. Резчики по дереву изготавливали всевозможные изделия домашнего обихода: чаши, кружки и т. п. Мебель, деревянные детали огнестрельного оружия, седла и рукоятки кнутов украшали инкрустацией из слоновой кости. Плетение циновок, корзин и других изделий из золотой травы — куги и лозы приобрело в XIX в. у адыгейцев промысловый характер. Такие изделия производятся и теперь на рынок в некоторых адыгейских селениях. Для адыгейских и кабардинских циновок характерен орнамент в виде крупных ромбовидных фигур или широких полос более мелкого геометрического узора. Э. В. Кильчевская обратила особое внимание на декоративные особенности адыгейских циновок с черными узорами; эти узоры выполняли из куги, которую специально вымачивали в воде (рис. 2).

Балкарцы и карачаевцы восприняли у адыгейско-кабардинской группы народов комплекс костюма с золотым шитьем и серебряными украшениями. Наиболее самостоятельный вид искусства балкарцев и карачаевцев представляют узорные войлоки, которые можно подразделить на три типа: войлоки с крючкообразным одноцветным вваленным узором, большие многоцветные войлочные ковры с двусторонним геометрическим узором, выложенным из кусочков цветной шерсти, и войлоки типа «арба-баш», в фон которых вшит узор другого цвета.

Памятники декоративного искусства Северной Осетии, хранящиеся в Областном краеведческом музее г. Орджоникидзе, позволяют установить, по мнению Кильчевской, что искусство Осетии близко искусству Адыгеи и Кабарды.

В настоящее время на Северном Кавказе работают артели по художественной обработке серебра в г. Орджоникидзе (артель «Разнопром»), костерезная в Кисловодске (артель «Художпром») и три ковровые — в Нальчике, Орджоникидзе и Пятигорске. Собранный во время экспедиции материал позволяет по-новому оценить перспективы развития современного декоративного искусства народов Северного Кавказа, поставить вопрос о целесообразности развития наиболее традиционных его видов, таких, как циновое и войлочное производства, сохраняющиеся до настоя-

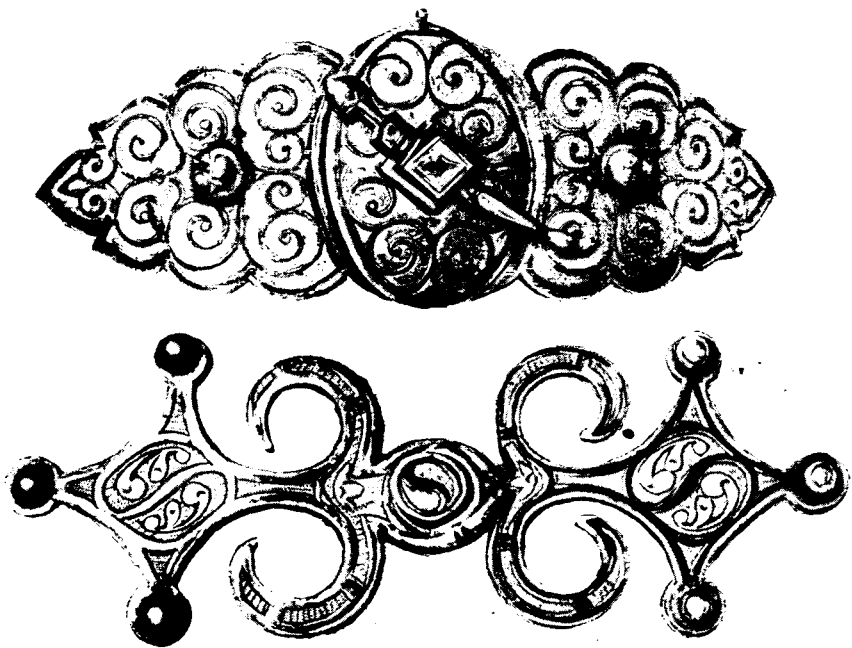

Рис. 1. Серебряные пряжки для поясов женского кабардинского костюма. Чернь, гравировка. Мастер и время изготовления неизвестны.

щего времени, об организации новых центров производства художественных изделий на основе местных традиций.

Экспедиция в Татарскую АССР (докладчик О. С. Попова). Целью экспедиции было выяснить состояние в республике художественных промыслов и собрать предварительный материал по народному искусству татар и русских (более углубленная работа по сбору материала намечается на 1960 г.). Старший научный сотрудник О. С. Попова вместе с художниками А. В. Курочкиной и М. А. Тонэ провели работу в Центральном музее ТАССР в Казани и краеведческом музее в Чистополе. Ими был обследован также ряд населенных пунктов в центральных и южных районах республики: Высокогорском, Арском, Дубязском, Столбищенском, Чистопольском, Рыбно-Слободском, Алексеевском, Камско-Устьинском.

Основной художественный промысел, существующий сейчас в ТАССР, — тапчальный, т. е. производство узорных изделий (преимущественно обуви) из цветной кожи. Тапчальные изделия производятся в районах: Высокогорском (артель имени Тукая), Арском (артель «Труд»), Дубязском (артель «Сигнал») и Лапшевском (артель «Кабан»). Из цветной кожи в артелях вырабатывают мужские и женские мягкие сапоги — ичег (рис. 3), детские сапожки, комнатные туфли на каблуках и чуваки, а также в небольшом количестве выполняют из кожи узорные подушки, коврики, панно. Заготовки обуви из кожи разных цветов укладывают стопкой на столе и вырезают в них острым ножом орнамент по деревянным лекалам. Затем мастерицы берут заготовку и заполняют образовавшиеся в ней отверстия разноцветными узорами, вырезанными из других заготовок. Отдельные части узора они вручную соединяют друг с другом и с заготовкой специальным тапчальным швом, образующим слегка выпуклый контур, причем мастерица, делая этот шов, меняет цвета ниток через небольшие интервалы. В тех же артелях вырабатывают туфли из плюша и бархата, расшитые шелками или золотой мишурой.

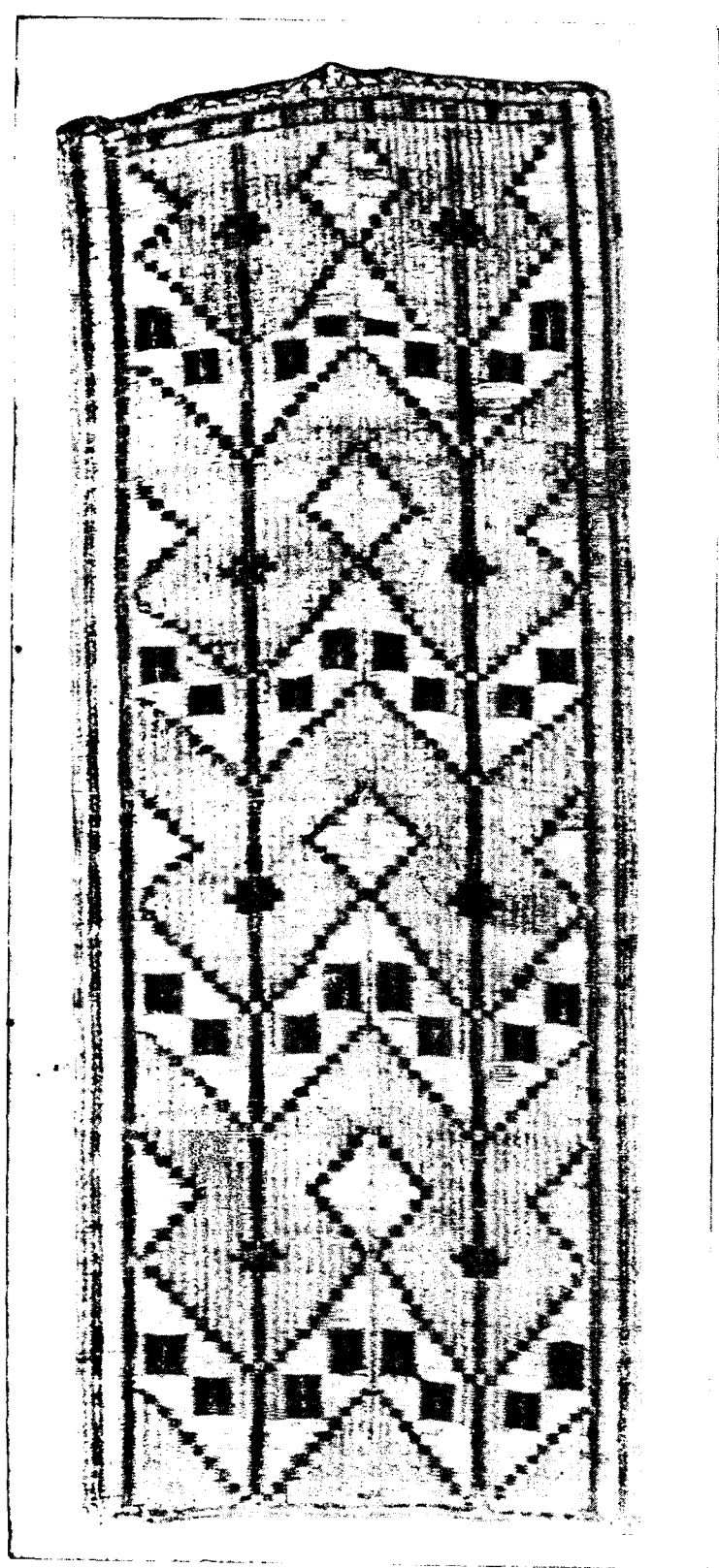

Рис. 2 Циновка, плетенная из болотной травы — куги. Сел. Хаченза
Адыгейской авт. обл. 1930-е годы

Раньше у татар вышивкой золотом, бисером и жемчугом украшали также женские и мужские головные уборы и женские нагрудники. Но особенно широко была распространена у татар вышивка тамбурным швом многоцветными шелками и шерстью по белым и цветным шелковым, льняным и хлопчатобумажным тканям. Вышивкой украшали концы полотенец, свадебные онучи жениха, покрывала на постель и молитвенные коврики — намазлыки. Для татарской тамбурной вышивки характерен легкий, свободный, асимметричный растительный орнамент, сочетание в одном узоре множества тонов. Образцы более старых вышивок, хранящиеся в музеях и у населения, выдержаны в более мягкой, нежной гамме тонов, чем современные, которым свойственны контрастные цветовые сочетания. Старинные тамбурные вышивки делались вручную. В казанской артели «Художпром» в настоящее время производятся вышивки машинным тамбуром. В той же артели вышивают золотом тюбетейки.

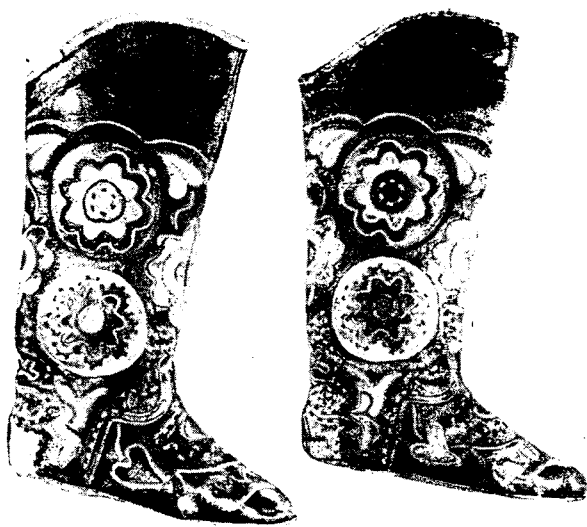

Рис. 3. Ичegi (чатык). Работа 1895 г. Латифы Губайдуллиной из с. Татарский Алат. Приобретены в пос. Дубязы

Для ручного узорного ткачества татар, образцы которого были зарисованы и приобретены в пос. Дубязы и д. Инса, характерен строгий геометрический орнамент, выполненный красными нитками по белому фону, очень близкий к узорам русского браного ткачества. Образцы тканых изделий, приобретенные у русского населения, вытканы на многих ремизках; это концы полотенец с белым и красным орнаментом, а также с узорными яркими каймами по цветному фону.

Художественные изделия из металла, производством которых раньше славилась Рыбная Слобода, у населения почти не сохранились. Изделия выполнялись в Рыбной Слободе русскими мастерами для местного татарского и среднеазиатского рынка. Работы татарских мастеров-ювелиров, работавших в Казани, представлены в большом количестве в Казанском музее. Это старинные женские украшения изящной филигранной работы, отделанные полудрагоценными камнями: ожерелья, серьги, подвески к прическе, а также маленькие цилиндрические футляры для изречений из Корана, написанных на тонких бумажках и свернутых в трубочку, — их носили как амулеты.

Почти заглохло в Рыбной Слободе имевшее в XIX — начале XX в. большое промысловое значение производство кружев, которые плели русские мастерицы. Сейчас лишь несколько старых женщин плетут здесь кружева довольно грубой работы.

Архитектурная резьба существовала у татарского населения, но не отличалась сложностью и нарядностью орнамента. В Дубязях сохранилось много татарских домов, на воротах которых прибиты резные розетки, над окнами расположены украшения в виде расходящихся лучей, а слуховые окна забраны решеткой из баясин.

В районе Камского Устья на русских домах второй половины XIX в. можно видеть прекрасные образцы глухой рельефной резьбы с пышным орнаментом и с изображениями русалок и львов.

О. С. Попова считает целесообразным продолжить сбор материала по декоративному искусству татар и русских в северных районах республики, где оно сохранилось лучше, чем в центральных и южных.

В заключение О. С. Попова отметила, что Промысловый совет ТАССР, Министерство культуры и Дом народного творчества республики не уделяют необходимого внимания развитию местных художественных промыслов. В ТАССР имеется ряд ткацких артелей, которые вполне могли бы, используя традиции татарского и русского ткачества, выпускать декоративные тканые изделия для современного жилого интерьера: скатерти, покрывала, коврики и т. п. Однако теперь в этих артелях вырабатываются лишь одноцветные и клетчатые головные платки. При должном внимании в ТАССР могли бы быть восстановлены ювелирный промысел, производство народных керамических изделий, а также плетение из лозы. Наряду с восстановлением традиционных русских и татарских народных промыслов, возможно организовать в республике производство новых видов художественных изделий, например из гипсового камня, разработки которого ведутся в Камско-Устьинском районе.

Рис. 4. Рукавицы детские из красной кожи. Вышивка шелками, гладью и тамбуром. Работа мастериц с. Булава Ульчского района. 1958 г.

дереву, занимаются плетением из лозы и камыша, а также изготовлением орнаментированных изделий из меха оленя, лося и подкрашенной рыбьей кожи.

Одежду и утварь покрывают орнаментом, отличительной особенностью которого является обилие сложных, симметрично построенных спиралевидных фигур, расположенных то непрерывной полосой, то — отдельно. В упругие завитки узоров ритмично вплетают плоскостные силуэтные изображения животных, птиц, рыб, насекомых.

Халаты из шелковых (раньше китайских) тканей отделаны цветной каймой, вышивкой и аппликацией; к подолу подвешены медные бляшки. Удэгейки шьют халат обычно из ткани разных цветов: верх — одного цвета, низ — другого, рукава — третьего. Характерное украшение удэгейского халата — нашивки на спине в форме равноконечного креста и окаймления разрезов на боках широкой цветной полосой. Своеобразны белые нанайские халаты из рыбьей кожи, отделанные каймой и узорной аппликацией из того же материала, окрашенного в синий цвет. Особенность ульчского национального костюма — длинный узкий пояс из замши или кожи, вышитый подшейным волосом оленя, набранным поперек пояса, закрепленным строчкой на машине и местами расшитым сверху цветной гладью.

Особенно богато орнаментированы свадебные халаты (служащие также и погребальным одеянием) (рис. 5). У нанайцев всю спинку таких халатов покрывает тончайшая вышивка с изображениями, имеющими, как можно предполагать, символическое значение. Сложная композиция этой вышивки делится на две части. Внизу вышиты два священных дерева с сидящими на его тонких ветвях птицами и стоящими по бокам животными (рис. 6). Выше расположены в шахматном порядке сложные орнаментальные фигуры с включенными в них птицами и рыбами. Многоцветная, но не яркая вышивка выполнена узким гладевым швом, причем цвет ниток в контурах фигур непрерывно меняется. Орнамент на спинках свадебных халатов ульчей состоит из красочных изображений фантастических птиц, свободно разбросанных по всей ткани.

Национальный мужской костюм сохранился до нашего времени только у удэгейцев. Очень своеобразен и красив охотничий удэгейский костюм: короткая куртка, отделанные вышивкой нарукавники, доходящие до паха меховые унты, вышитые рукавицы и головной убор, состоящий из треугольного платка, один из углов кото-

Экспедиция в Хабаровский край (докладчик Н. И. Каплан). Изучение искусства народностей Хабаровского края было начато сотрудниками Института в 1957 г., когда на Дальний Восток выезжали художники Р. Н. Фисенко и Ю. А. Мусаров. В 1958 г. эта работа была развернута экспедицией в составе Н. И. Каплан, художников М. Ф. Барина, Е. В. Николаева, Т. А. Дунаевой. Участники экспедиции изучали и собирали материал по народному искусству нанайцев в Нанайском районе, ульчей в Ульчском районе и удэгейцев в с. Гвасюги района имени Лазо. Искусство этих трех народностей, имеющее много общих черт, до настоящего времени не ушло из их быта. Почти все пожилые люди владеют навыками производства различных художественных изделий, женщины среднего и старшего возраста ходят в национальной одежде. Нанайцы, ульчи и удэгейцы знают вышивку гладью и тамбуром (рис. 4), узорную аппликацию, резьбу по

Рис. 5. Нанайские свадебные халаты, принадлежащие семье Ходжер. С. Верхний Нерген Нанайского р-на

рого вышит, и надеваемой поверх него круглой шапочки, удерживаемой ремнем, проходящим под подбородком. Эта шапочка из белой замши вышита по краю гладью и опушена мехом, а к самому верху ее прикреплен беличий, соболиный или заячий хвост. Красочно декорирован вышивкой также один край нарукавников — длинных полос из полотна, которыми несколько раз туго обертывают руки у кисти, чтобы не дать проникнуть в рукав снегу.

Широкое распространение в современном быту нанайцев и ульчей имеют настенные коврики из бязи с аппликацией из колленкора и сатина (рис. 7). На белый или цветной фон нашивают орнамент, чаще всего черный, в котором поразительно ритмично сочетаются рогаобразные завитки с фигурами животных, птиц и рыб.

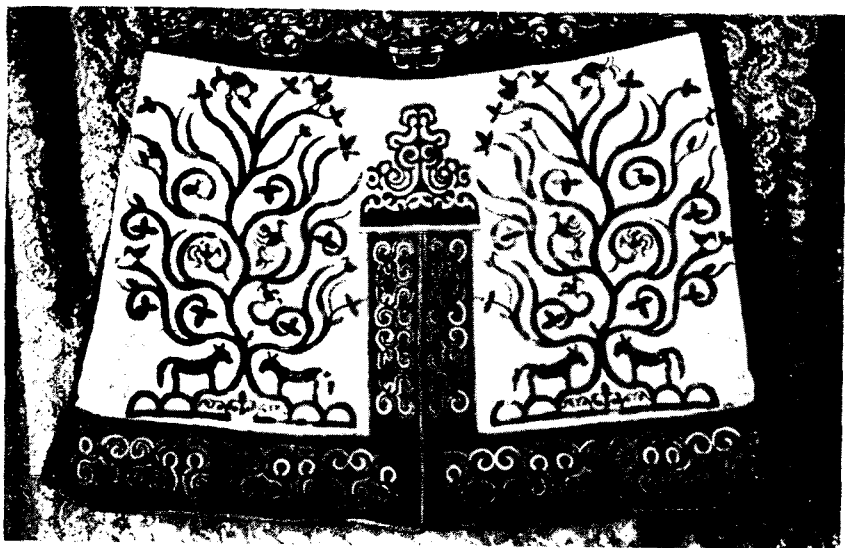

Рис. 6. Фрагмент спинки свадебного халата, принадлежащего Г. Е. Бельды. С. Джари Нанайского р-на

Выдающееся произведение нанайского декоративного искусства представляет собой ковер работы Ванки Ходжер из с. Болонь. У ульчей наиболее интересные по орнаменту ковры создают жительницы села Булава. Прекрасный аппликационный ковер работы Русугбу Очу с четким черным орнаментом по белому фону был привезен участниками экспедиции из ульчского села Аури.

Изготовление изделий из бересты, резных изделий из дерева и плетеных из лозы известно всем трем народностям. Берестяные изделия крайне разнообразны по форме, размеру и назначению — начиная от больших ведер для воды и кончая кистями и кошельками. Эти изделия украшают аппликацией из той же бересты, резбой, тиснением и росписью (рис. 8). Из ульчских изделий наиболее оригинальны деревянные ложки изящной вытянутой формы с длинной ручкой, покрытой резным орнаментом из жгутов и спиралей. Резные ковши или чаши в виде рыб употреблялись ульчами во время медвежьего праздника. В недавнем прошлом у ульчей существовала и архитектурная резьба на жилых домах и амбарах.

Резные ложки, скалки, каталки удэгейцев украшены трехгранной выемчатой резбой в виде повторяющихся углублений-зарубок. Деревянные ложки удэгейцев имеют более простую форму, чем у ульчей.

Краевым, партийным и советским организациям нужно позаботиться о передаче профессионального опыта пожилыми мастерами молодежи. Это возможно сделать через школы, где вместо преподавания вышивки крестом по антихудожественным рисункам следовало бы ввести изучение национального орнамента и национальных швов, через дома культуры путем создания в них соответствующих кружков и самое основное — путем организации кооперативно-промысловых артелей. Необходимо также, чтобы Центросоюз снабжал торгующие организации края нужным им сырьем. Работа по организации художественных промыслов в Хабаровском крае уже начата. В селах Булава, Троицкое и Гвасюги созданы бригады, в которых налаживается выпуск художественных изделий, традиционных для местного национального искусства.

Экспедиция в Бурятскую АССР (докладчик Е. Г. Яковлева) ставила задачей укрепить начатую в 1957 г. работу по развитию художественных про-

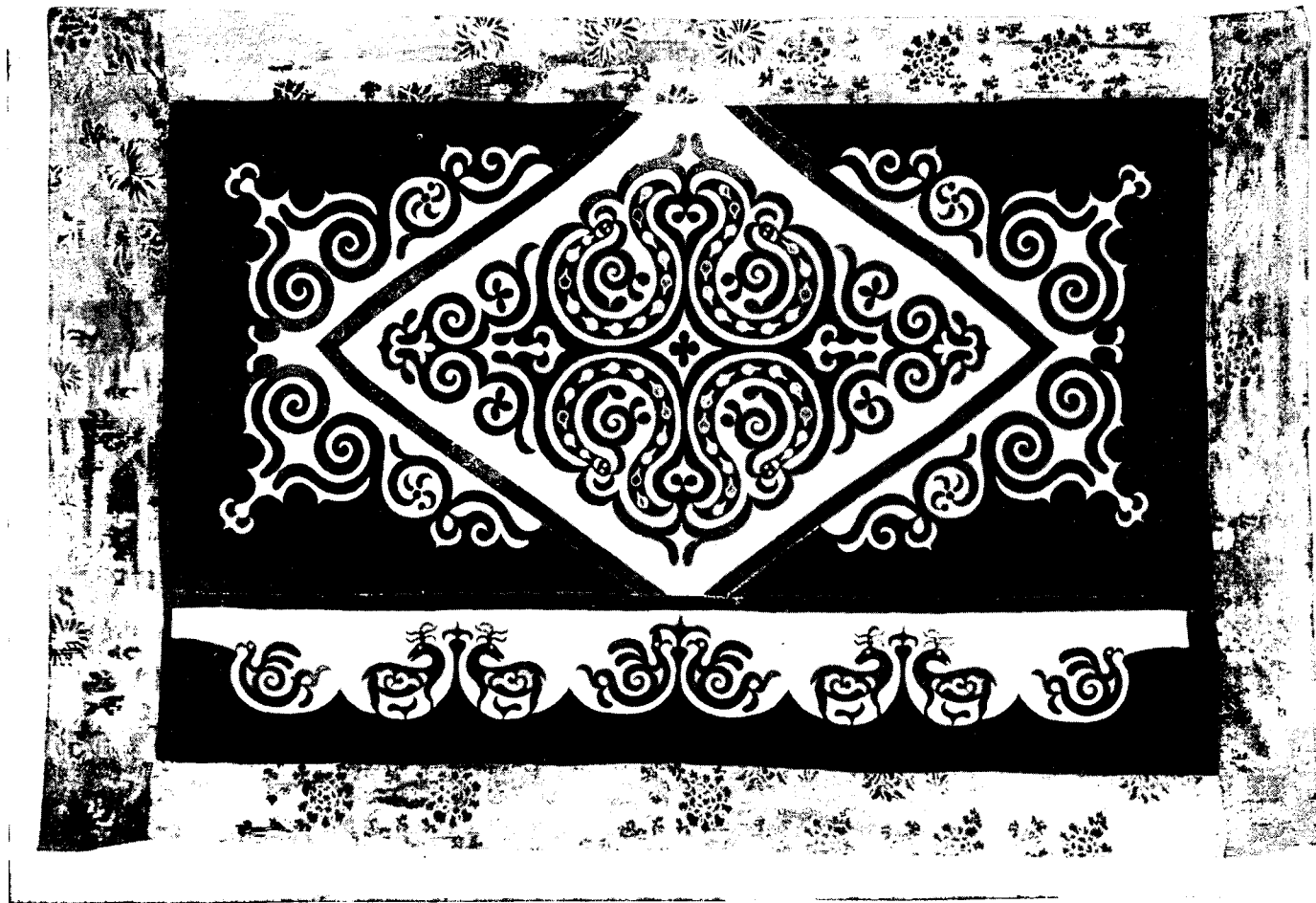

Рис. 7. Настенный ковер из бязи. Аппликация из сатина, вышивка шелком. Работа Русунгу Очу из с. Аури Ульяновского района, 1956 г.

мыслов республики, а также продолжить изучение бурятского национального декоративного искусства. Участники экспедиции — Е. Г. Яковлева, художники З. А. Пучкова и Н. И. Виноградова посетили в 1958 г. отдаленные высокогорные районы западной Бурятии: Окинский и Тункинский. У окинских бурят ими было зарисовано много вещей (ножи, пороховницы, трубки и различные женские украшения), сделанных из серебра в сочетании с кожей, деревом и поделочными камнями. В лаконичных узорах, выполненных по серебру чеканкой и гравировкой, наряду с растительными мотивами, превращенными в завитки, часто встречаются иероглифы, буддийские знаки и изображения драконов (рис. 9). Для изготовления резной посуды, а также трубок и ручек для ножей, местными мастерами используется нарост на стволе березы (кап), очень твердый и имеющий красивую текстуру.

Национальная мебель — сундуки для одежды, культовые столы и скамейки, ящики для продуктов — густо покрыты росписью, выдержанной в спокойной цветовой гамме. В настоящее время у окинских бурят существует только производство изделий из капа; другие виды художественных изделий отсутствуют.

В Тунке народное искусство и сейчас живет полнокровной жизнью в творчестве местных чеканщиков, резчиков и живописцев. В крестьянских усадьбах тункинских бурят рядом с домами русского типа стоят восьмиметровые рубленые юрты, сохраняющие национальное своеобразие внутреннего убранства. Сундуки, ящики, столы и скамейки покрыты яркой росписью, не похожей на роспись подобных изделий в других районах; нередко она сочетается с резьбой. Мебель расписана многокрасочными узорами с цветами или плоскостным золотым орнаментом на ярко-красном фоне. Встречаются также изделия, покрытые высокорельефной резьбой, раскрашенной в несколько тонов, переходящих один в другой. Характерны резные окрашенные дуги, хомуты,

Рис. 8. Берестяной туес с накладным узором из бересты. Работа 1930-х годов мастера Тумали из с. Верхний Нерген Нанайского р-на

седла с простым ритмично построенным узором, а также резные деревянные игрушки: лошади, сардыки, баран. Значительный раздел народного творчества в Тунке, как и в других районах Бурятии, представляют изделия, выполненные целиком из серебра или из серебра в сочетании с кожей и деревом: традиционные ножи, огнива, трубки, нагрудные женские украшения — «гу», серьги и браслеты (рис. 10). Орнамент по металлу — чеканный, широко используется позолота. В растительный узор включаются изображения львов, драконов, фантастических птиц.

Е. Г. Яковлева на основании материала, собранного во время экспедиции, пришла к выводу, что народное искусство Бурятии, имея общие черты с искусством Монголии, Тибета и Китая, представляет в то же время самобытную, весьма своеобразную художественную культуру.

Е. Г. Яковлева остановилась также на том, насколько полезной оказалась работа экспедиций 1957—1958 гг. в Бурятию для активизации творчества местных мастеров. В 1957 г. в Улан-Удэ, по инициативе работников института, при артели «Кооператор-комсомолец» был организован цех по производству художественных изделий. В начале 1958 г. в эту артель выезжали художники института А. Ефимов и Е. Николаев. Они провели семинар с народными мастерами — ювелирами и резчиками по дереву, приехавшими из улусов различных районов Бурятии. Среди образцов изделий с национальным бурятским орнаментом, созданных мастерами во время семинара, наиболее интересны кольца, серьги, броши Д. Логиновой, трубки и ножи Б. Бадмаева. В семинаре приняли участие художники-профессионалы, живущие в Улан-Удэ: живописцы, скульпторы и декораторы, а также молодые мастера из артели «Кооператор-комсомолец». Работа с мастерами из этой артели, а также из артели «Труд» была продолжена летом 1958 г., когда под руководством художников института З. А. Пучковой, Н. И. Виноградовой и Т. С. Дементьевой были проведены с ювелирами, костерезами, камнерезами, вышивальщицами и ковровщицами семинары по созданию новых образцов изделий и улучшению техники их выполнения. Занятиям на семинаре предшествовала экспериментальная работа в НИИХП, во время которой художники института создали опытные образцы, используя традиции бурятского искусства на основе собранного в 1957 г. материала. Эти образцы, привезенные в Улан-Удэ, должны были не служить эталонами для мастеров, а лишь помочь им при создании современных изделий с на-

циональным орнаментом. Мастерами было создано более 80 новых образцов художественных изделий из рога, кости, металла, камня, а также вышивок и эскизов ковров, которые были одобрены Министерством культуры Бурятской АССР и предложены к внедрению в производство.

Экспедиция в Архангельскую область (докладчик И. П. Работнова). Работа по изучению народного искусства Архангельской области, проведенная в 1958 г., явилась продолжением работы экспедиции предыдущего года, участниками которой был собран большой материал в селениях по рекам Мезени и Пинеги, а также в Сольвычегодском и Красноборском районах. В 1958 г. И. П. Работновой вместе с художником Л. А. Березиной были изучены коллекции Вельского и Шенкурского краеведческих музеев и проведена полевая работа в Вельске и Шенкурске.

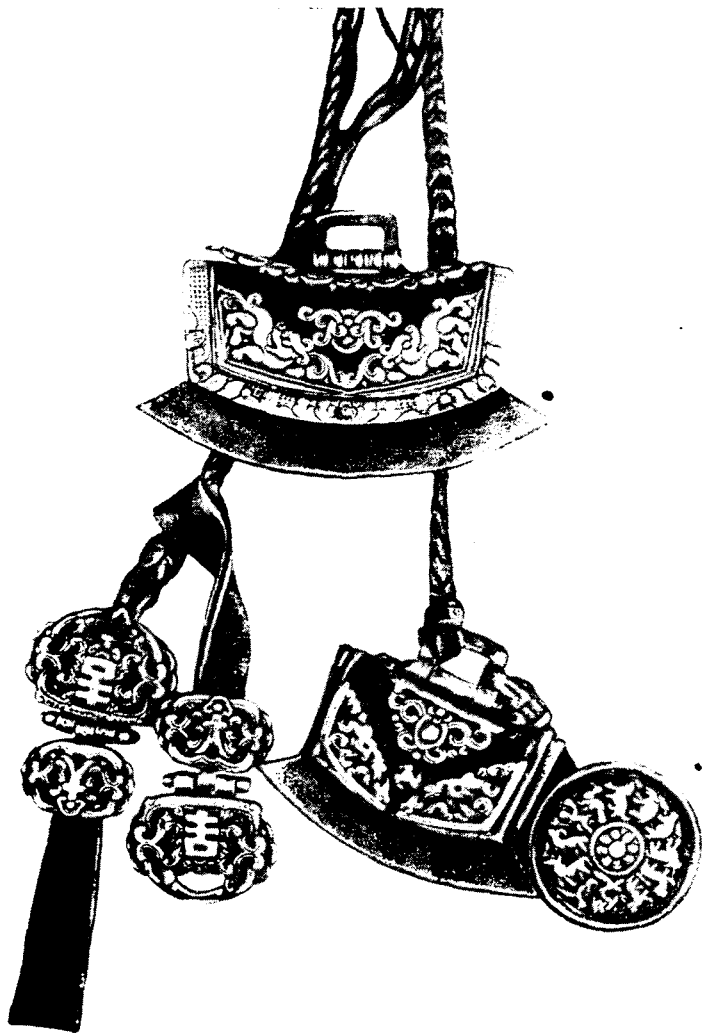

Рис. 9. Огниво с подвесками. Серебро с чеканкой и позолотой, наложенное на кожу. Начало XX в. Приобретено в с. Орлик Окинского р-на

в с. Пешма Вельского района, д. Будрино, Строевское, Прилуки и с. Шангалы Устьянского района и в группе деревень Федорогорского сельсовета под Шенкурском.

В Вельском краеведческом музее представлены памятники народного искусства б. Вельского уезда, объединявшего до 1917 г. современные Вельский, Верховажский, Устьянский, часть Черевковского и Коношского районов. В Шенкурском музее собраны предметы крестьянского искусства только из окрестностей г. Шенкурска. Участниками экспедиции были выявлены своеобразные центры северного народного искусства: с. Верховажье (ныне Вологодской обл.), с. Бестужево Устьянского района и г. Шенкурск с окрестными деревнями.

В Вельском краеведческом музее хранится множество художественных изделий из Верховажского района. Среди них особый интерес представляет коллекция набоек и набивных досок. Большинство этих досок — двусторонние, тесанные топором и имеют орнамент, восходящий к XVII в. В с. Верховажье и окружающих его деревнях до начала XX в. производили набойку старинного типа, выполняемую по некрашеному холсту масляной краской (по-местному — «печатный холст»). В д. Афолинская и других селениях под Верховажьем набивали по холсту черной, синей и коричневой масляной краской «чеканы» (концы полотенец), наматрасники, фартуки, причем набивные доски с фигурами птиц и узорами, повторяющими орнамент браного ткачества, резали сами мастера.

Рис. 10. Бурятка в старинном национальном костюме и украшениях

В д. Сомово, также под Верховажьем, жили гончары, изготавливавшие поливную керамическую посуду. Из них особенно выделялся талантливый мастер Житнухин, недавно умерший, много работ которого находится в Вельском музее.

В районе верхней Ваги было сильно развито браное ткачество, причем для изделий из этих мест особенно характерно сочетание полос красного бранья с белыми ажурными полосами, «выбранными», по выражению местных мастериц, «впереверт нитки».

Во втором крупном центре народного искусства б. Вельского уезда — с. Бестужево и других населенных пунктах в верхнем течении р. Устья также было развито браное ткачество, но особого расцвета здесь достигло узорное ткачество на многих ремизках. В Вельском музее и у населения хранятся различные предметы одежды (сарафаны, шугаи) из Бестужева, сшитые из разноцветной многоремизной ткани красивой узорной фактуры. В расцветке этой ткани оранжевый и лимонный цвета сочетаются с голубым, малиновый — с зеленым и лиловым. Узорное ткачество Вельского Устьянского районов, как браное, так и многоремизное, чрезвычайно близко ткачеству ряда районов Вологодской области.

В селах на р. Устье еще недавно изготавливали прялки, покрытые трехгранно-выемчатой резьбой с геометрическим орнаментом из радиально расчлененных розеток, иногда покрашенные в два цвета: красно-оранжевый и зеленый. Резчики по дереву до сих пор живут в с. Бестужево, но за неимением заказов они заняты другой работой.

В деревнях Федорогорского сельсовета под Шенкурском существовал свой центр производства прялок, весьма отличных от устьянских. Шенкурские прялки — «пресницы» покрывали росписью растительным орнаментом, переданным свободно и легко (рис. 11). Тот же свободный характер носит роспись на опечках, перегородках — «заборах» и дверях, сохранившаяся в отдельных сельских домах этого района (Кундоша, Заборова). Орнамент росписи внутри домов в виде крупных цветочных мотивов, выполненных синим и темно-желтым цветом по киноварному фону, более прост и лаконичен, чем на прялках.

В Шенкурском музее имеется интересная коллекция вышивок двусторонним швом — «роспись» (фрагменты рубах и концы полотенец). По подолам рубах вышивка идет сравнительно неширокой полосой. Мотивы женских фигур, всадников, птиц и древа жизни, составляющие орнамент шенкурской вышивки, даны в несколько иной композиции, чем на вышивках Заонежья, состоящих из тех же мотивов. На последних они образуют обычно трехчастную композицию с женской фигурой или деревом в центре, с птицами или всадниками по бокам. В шенкурских вышивках чередуются две фигуры: женщина — дерево, птица — дерево или женщина — всадник. По свидетельству старожилов, рубахи, вышитые «росписью», носили до 70—80-х годов XIX в., а позднее их сменили рубахи с вытканными (браными) красными узорами. В Вельском и Шенкурском музеях имеются также сквозные вышивки белой строчкой — перевитью (концы полотенец и ширинки) с геометрическими узорами и орнаментом из женских фигур, всадников и птиц. Одна из этих вышивок с узором из женских фигур, помещенных то вверх, то вниз головой, явно свидетельствует о влиянии культуры более южных районов на народное искусство б. Вельского уезда. Аналогичное построение узора из женских фигур часто встречается в вышивке среднерусской полосы и не характер-

но для искусства Русского Севера. Для б. Вельского и Шенкурского уездов были специфичны шерстяные сарафаны с продольными ткаными полосами. В расцветке полос преобладал красный цвет. Такие сарафаны, как и летние сарафаны из пестряди, в начале XX в. стали делать с лифом, а пестрядинники в 1920-х—1930-х годах шили «по моде» — с широкой косой оборкой внизу. В Шенкурске существовало производство головных уборов (сорок и сборников), шитых золотом, с орнаментом, изображающим лебедей и женские фигуры, переданные крайне условно. Золотошвейными работами занимались в Шенкурском уезде главным образом при монастырях.

Собранный участниками экспедиции материал позволяет заключить, что если народное искусство б. Шенкурского уезда в некоторых своих проявлениях сближается с искусством северной части Архангельской области, то все народное искусство б. Вельского уезда теснейшим образом связано с искусством Вологодской области. Различие в народном искусстве обследованных районов объясняется тем, что окрестности Шенкурска были заселены главным образом выходцами из Новгорода (как и север Архангельской области), а среди населения б. Вельского уезда (как и всей Вологодской области) оставили заметные следы переселенцы из «низовских земель» — Ростовской, Владимирско-Суздальской, а позднее Московской. Это подтверждается также анализом местных говоров и антропологическими данными.

В настоящее время, вследствие значительного проникновения городского влияния в быт населения Вельского и Шенкурского районов, навыки производства народных художественных изделий у местного населения почти полностью утрачены. По мнению докладчика, восстановление художественных промыслов в Вельске и Шенкурске вряд ли целесообразно; более перспективной могла бы быть работа в этом направлении в селах Бестужево и Верховажье, но для выяснения всех возможностей этого необходимо проведение специальной экспедиции в эти села.

К сожалению, развитие народного искусства в Архангельской области тормозится полным отсутствием заинтересованности в этом местных советских и кооперативных областных учреждений. Они всячески уклоняются от организации новых художественных производств в районах, отдаленных от транспортных путей, где еще имеют-

ся люди, не утратившие навыков старинного мастерства. Изучение народного искусства Архангельской области тем более необходимо, что оно дает важные материалы для понимания дальнейшего развития русского народного искусства в целом.

И. Работнова

Рис. 11. Расписная прялка. Изготовлена в окрестностях г. Шенкурска в начале XX в. Мастер неизвестен

ОБЪЕДИНЕННАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ПРОГРЕССИВНОМУ ЗНАЧЕНИЮ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

В ближайшие годы исполнится сто лет со времени присоединения Средней Азии к России, коренным образом изменившего судьбы среднеазиатских народов. Это истекшее столетие может быть подразделено на две почти равные части: около 50 лет Средняя Азия была колонией царской России, в следующий затем период народы Средней Азии, в результате Великой Октябрьской социалистической революции, вместе с русским и другими братскими народами СССР стали свободными строителями коммунистического общества.

Присоединение Средней Азии к России было одним из важнейших этапов в истории края; естественно поэтому, что как события 1860—1880-х гг., так и весь период, когда Средняя Азия находилась в составе царской России, стали объектом пристального и тщательного исследования советских ученых. Подвести итоги многолетней деятельности историков в области изучения указанного периода, дать верную оценку событиям и самому факту присоединения, правильно осветить политическое, социально-экономическое и культурное развитие Средней Азии за это время и, наконец, показать те преобразования, которые произошли в результате победы Октябрьской социалистической революции и установления советской власти в Средней Азии,—такова была задача происходившей в Ташкенте 26—29 мая 1959 г. объединенной научной сессии Академии наук СССР, академий наук Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и Киргизии, с участием ученых других республик. Сессия привлекла внимание широкой общественности Ташкента; ее заседания были весьма многолюдны. Центральный Комитет Коммунистической партии Узбекистана и Совет Министров республики создали все условия для успешной работы сессии, многочисленные делегаты-ученые встретили в Ташкенте радушный прием.

Сессию открыл Президент Академии наук Узбекской ССР Х. М. Абдуллаев. Он отметил, что сессия проходит в знаменательные дни, когда народы Советского Союза, воодушевленные решениями XXI съезда КПСС, поставили перед собой задачу всемерно бороться за быстрее выполнение грандиозного плана построения коммунизма. Ленинская национальная политика имела своим результатом невиданный расцвет материальных и духовных сил народов Средней Азии, объединила их в одну дружную семью с другими народами Советского Союза. Невиданное развитие получила многовековая культура Средней Азии. Х. М. Абдуллаев подчеркнул важность правильного марксистского решения вопросов присоединения Средней Азии к России, которыми занимались и занимаются многочисленные ученые Москвы, Ленинграда и среднеазиатских республик.

На сессии были заслушаны шесть докладов. Первый из них — на тему «Присоединение Средней Азии к России» — сделал С. А. Раджабов (АН Тадж. ССР). В начале доклада он остановился на критическом обзоре научных трудов, посвященных рассматриваемой теме. Он отметил, что по вопросу о характере и значении присоединения Средней Азии к России было высказано много различных точек зрения, среди них имелось немало ошибочных взглядов и суждений, как, например, признание присоединения «абсолютным злом», или пресловутая формула «наименьшего зла». Только в результате многих конкретных исследований советских ученых постепенно выработалась правильная точка зрения, признающая прогрессивное значение присоединения Средней Азии и Казахстана к России. Развивая ее, С. А. Раджабов подробно рассмотрел историю взаимных связей России и Средней Азии, проанализировал внутреннее социально-политическое положение и внешнеполитическую обстановку, сложившиеся в крае до присоединения (политическая раздробленность, отсталые патриархально-феодалные отношения, постоянные междоусобицы, угроза захвата края Англией, Турцией, Ираном). Касаясь отношения народных масс и правящих классов среднеазиатских ханств к России, докладчик указал, что они смотрели на продвижение России в Средней Азии по-разному, однако в целом трудовой народ стоял за присоединение к России, тогда как местные феодалы и фанатичное духовенство, враждебно настроенные к русским, всячески восстанавливали массы против них и организовывали вооруженное сопротивление; прогрессивные же среднеазиатские деятели выражали свои симпатии к русскому народу и русской культуре. В конце доклада С. А. Раджабов остановился на прогрессивных последствиях присоединения, которые имели место несмотря на превращение Средней Азии в колонию царской России. Рост производительных сил, изживание национальной обособленности, уничтожение рабства, установление единой власти, развитие культуры — таковы положительные последствия присоединения Средней Азии к России. Решающее прогрессивное значение для судеб края имело формирование местного рабочего класса, влияние русского пролетариата на народные массы и приобщение их к революционно-освободительному движению.

Несколько иную точку зрения на события 1860—1880-х гг. высказал А. В. Пясковский (АН СССР) в своем докладе «Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа — важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России». Основное значение для исторической оценки присоединения Средней Азии к России А. В. Пясковский видит в том, что среднеазиатские народы стали участвовать в революционной борьбе русского народа и его передового отряда — рабочего класса. Истории развития революционной борьбы широких масс местного населения совместно с русскими трудящимися посвящена значительная часть доклада. А. В. Пясковский отметил также объективно прогрессивный характер экономических и культурных преобразований в период вхождения Средней Азии в состав России. Однако, в отличие от первого докладчика, А. В. Пясковский видит в событиях 1860—1880-х гг. только завоевание, он считает недопустимым говорить о добровольном присоединении даже отдельных областей. По словам докладчика, народы Средней Азии вели упорную борьбу против царской агрессии, которая, по существу, ничем не отличалась от любой другой агрессии. В этой связи докладчик обвиняет многих исследователей в некотором приукрашивании национально-колониальной политики царизма и его роли в развитии края. Он подчеркнул, что все экономические и культурные сдвиги

ги, которые имели место после присоединения, произошли вопреки воле и желанию царского правительства, стремившегося сохранить в Средней Азии феодальный способ производства, разобщенность народов, культурную отсталость. Более прогрессивные, капиталистические отношения пробивали себе дорогу в силу непреложных экономических законов; вместе с ними формировались национальные рабочие кадры. Русский рабочий класс и передовая интеллигенция несли в среду среднеазиатских народов демократические и социалистические идеи, русскую культуру.

Секретарь ЦК КП Туркменистана Ш. Т. Ташлиев в докладе «Великая Октябрьская социалистическая революция — коренной переворот в исторических судьбах народов Средней Азии» остановился на вопросах ленинской национальной политики и конкретном ее применении в местных условиях. В начале доклада Ш. Т. Ташлиев отметил, что несмотря на стремление царизма превратить край в сырьевой придаток российской промышленности и рынок сбыта ее товаров, в Средней Азии под влиянием передового русского рабочего класса складывались новые идеи, возник революционный союз между трудящимися разных национальностей. Докладчик осветил основные факты истории установления советской власти в Средней Азии, борьбы с контрреволюционными элементами внутри страны и иностранными интервентами, указал на огромную помощь Коммунистической партии, советского правительства и братского русского народа в этой борьбе. Говоря об успехах ленинской национальной политики, Ш. Т. Ташлиев подчеркнул закономерность образования союзных республик на территории Средней Азии. Он подверг резкой критике высказывания некоторых зарубежных ученых, пытающихся доказать искусственный характер среднеазиатских республик и утверждать, будто их создание не вызвано исторической необходимостью. обстоятельно разобрав эти теории и выявив всю несостоятельность таких высказываний, докладчик привел яркие примеры братского сотрудничества социалистических наций, экономического и культурного расцвета среднеазиатских республик.

Следующие два доклада были посвящены социалистическому преобразованию Средней Азии в результате Октябрьской революции. Доклад на тему «Подъем промышленности, сельского хозяйства и народного благосостояния в национальных республиках Средней Азии в результате победы социализма в СССР» был разработан тремя авторами: Х. М. Абдуллаевым, А. М. Аминдовым и И. М. Муминовым (АН Узб. ССР). Авторы доклада остановились на поставленной в свое время Коммунистической партией задаче — добиться планомерного развития промышленности в национальных республиках Востока и на мероприятиях, обеспечивших выполнение этой задачи. В докладе был дан подробный анализ особенностей экономического преобразования среднеазиатских республик за годы советской власти по отдельным этапам, начиная с переходного периода от капитализма к социализму и кончая периодом развернутого строительства коммунизма.

Доклад А. А. Алтымышбаева (АН Кирг. ССР) был посвящен культурной революции в Средней Азии — одному из важнейших итогов Великого Октября. Он отметил, что только Октябрьская революция вывела народы Средней Азии на путь подлинной свободы и прогресса. За короткий срок была ликвидирована неграмотность взрослого населения, обеспечено всеобщее начальное и среднее образование, созданы условия для распространения высшего образования. Выросли и окрепли кадры местной интеллигенции. Одним из важнейших достижений культурной революции явилось раскрепощение женщины, подъем ее культурного уровня. Большие изменения произошли в содержании и форме национальной культуры народов Средней Азии. Докладчик показал далее, какие огромные перспективы в развитии национальной культуры открываются в новом семилетии. Иллюстрируя свой доклад большим количеством цифрового материала, А. А. Алтымышбаев, вместе с тем, к сожалению, совершенно не коснулся изменений в быту, в материальной и духовной культуре и семейных отношениях народов Средней Азии.

Заключительный доклад на тему «Международное значение победы социализма на советском Востоке» сделал академик И. И. Минц (АН СССР). Он подчеркнул, что В. И. Ленин различал две стороны в международном значении Октябрьской революции: значение революции в широком смысле этого слова, т. е. ее влияние на весь ход мировой истории, на революционное движение во всем мире, и ее значение в узком смысле этого слова, т. е. историческую неизбежность повторения основных черт революции, основных ее закономерностей. Если говорить о международном значении революции в широком смысле, сказал докладчик, то нет ни одного коренного вопроса во всей истории советской страны, который не оказал бы влияния на ход мировой истории, в частности на историю народов Востока. Значительную часть своего доклада И. И. Минц отвел иллюстрации положения о том, что решение национального вопроса в Советском Союзе и опыт социалистического строительства в республиках Средней Азии показали угнетенным народам Востока путь к освобождению. Не случайно поэтому колонизаторы пытаются скрыть и извратить достижения советских республик и тем самым помешать проникновению идей социализма в колониальные и зависимые страны.

По заслушанным докладом развернулись оживленные прения. Особенно много было выступлений по докладу А. В. Пяковского: выступавшие критиковали его тезис о том, что Средняя Азия была завоевана Россией и что о добровольном присоединении не может быть и речи, посялку народы Средней Азии якобы повсюду

оказывали упорное сопротивление царским войскам. В этой связи совершенно справедливо указывалось, что взаимоотношения народов Средней Азии и России существовали уже с давних времен. Так, С. Г. Агаджанов (АН Туркм. ССР) в своем выступлении дал обзор исторических связей, имеющих место еще с X в. н. э. между предками русского и туркменского народов. О наличии давних связей между народами Средней Азии и России говорил В. И. Шунков (АН СССР); уже в XVI—XVII вв. жители Бухары вели интенсивную торговлю с сибирскими городами, что порождало лучшее взаимопонимание между народами; многие бухарские торговцы, ремесленники и земледельцы поселялись в Сибири. А. М. Богоутдинов и З. Ш. Раджабов (АН Тадж. ССР) подробно остановились на вопросе о том, что передовые деятели среднеазиатских ханств выступали за дружбу с русскими и в своих произведениях проводили мысль о необходимости сближения с русской культурой. З. Ш. Раджабов отметил при этом, что на основе имеющихся исторических фактов должен быть шире освещен вопрос о стремлении ряда среднеазиатских народов добровольно перейти в русское подданство. С. К. Камалов (Нукусский пед. ин-т) отметил, что, согласно историческим данным, среди каракалпакского стремление к присоединению к России проявилось еще задолго до завоевания Хивинского ханства; неоднократные восстания против власти ханов проходили под знаком тяготения каракалпакского народа к России. Р. Н. Набиев (АН Узб. ССР) указал, что присоединение Средней Азии к России произошло в тот период, когда феодальная эксплуатация достигла своего апогея. Широкие массы трудящихся, озлобленные и доведенные до крайней нищеты, далеко не всегда оказывали сопротивление русским войскам. В настоящее время, отметил Р. Н. Набиев, благодаря разработке многих не известных ранее источников, для ряда районов следует говорить о добровольном присоединении к России. Б. Д. Джамгерчинов (АН Кирг. ССР) отметил, что угнетенные массы стремились к сближению с русским народом. А. Ильясов (АН Туркм. ССР) на примере Мургабского оазиса показал, что в период продвижения России в Среднюю Азию сопротивление местных жителей русским организовывалось агентами английского империализма; однако основная часть народных масс, как это видно на примере Туркмени, после присоединения быстро сближалась с русскими. К. Е. Житов (АН Узб. ССР), исходя из оценки социально-экономического и политического положения в ханствах Средней Азии накануне ее присоединения к России, отрицал возможность общенародного сопротивления наступлению царских войск.

Х. М. Одильгиреев (Казахский гос. ун-т) указал, что как в докладе С. А. Раджабова, так и в докладе А. В. Пясковского были допущены известные преувеличения: первый представил дело так, что никакого завоевания не было, а все народы Средней Азии присоединились к России добровольно, тогда как второй докладчик полностью отрицал факт добровольного присоединения. В действительности, конечно, имело место то и другое.

С. П. Толстов (АН СССР) в своем выступлении на заключительном заседании сессии сказал, что он разделяет точку зрения выступавших с критикой упомянутого выше положения А. В. Пясковского. На ряде убедительных фактов С. П. Толстов показал, что прочные культурные и торговые связи народов Средней Азии с Россией существовали с отдаленных времен. Для широких слоев населения многих областей Средней Азии русский народ и русская культура не были чем-то совершенно чуждым и далеким, что и обусловило сравнительную легкость присоединения к России многих областей. В заключение С. П. Толстов отметил большое значение данной сессии, показавшей, что ученые среднеазиатских республик серьезно разработали вопрос о связях Средней Азии с Россией и о присоединении к ней, используя для этого новые исторические источники местных архивов.

Некоторые выступавшие возражали против тезиса о том, что русское управление в колониальный период принесло с собой только угнетение. Так, И. К. Ахунбаев (АН Кирг. ССР) отметил, что передовые русские ученые, общественные деятели, писатели проявляли живой интерес к культуре и жизни киргизского народа, много сделали для приобщения его к прогрессивной русской культуре. К. Е. Житов остановился на прогрессивной роли русско-туземных школ в формировании интеллигенции народов Средней Азии. К. И. Дзевенис (ИМЭЛ Туркм. ССР) указала на тесную дружбу, сложившуюся между русскими, туркменами и другими народами, совместно сражавшимися на фронте гражданской войны и против интервентов.

Многие участники сессии посвятили свои выступления социалистическому строительству и расцвету экономики и культуры народов Средней Азии после Великой Октябрьской социалистической революции, подчеркивая при этом братскую помощь русского народа и благотворное влияние русской культуры. И. К. Ахунбаев рассказал о мощном подъеме науки и культуры в советской Киргизии, отметив большую помощь киргизскому народу со стороны ученых, деятелей литературы и искусства Российской Федерации и других братских советских республик. У. Т. Турсунов (Узбекский гос. ун-т) указал, что только в эпоху социализма национальные литературные языки полностью становятся достоянием народа. Развитие узбекского литературного языка потребовало проведения реформы письменности, введения алфавита, основанного на русской графике; это облегчило изучение узбеками

и родного, и русского языка. А. Б. Турсунбаев (Казахский гос. ун-т) говорил об экономическом расцвете Казахстана, о превращении его во вторую житницу Советского Союза. Ш. Н. Ульмасбаев (АН Узб. ССР) привел примеры тесного сотрудничества русского рабочего класса с трудящимися Узбекистана, что обеспечило быстрые темпы социалистической индустриализации республики. А. А. Росляков (ИМЭЛ Туркм. ССР) свое выступление посвятил культурной революции и распространению среди широких масс марксистско-ленинской идеологии, которая явилась главным орудием в борьбе с великодержавным шовинизмом и местным буржуазным национализмом. К. К. Оразалиев (АН Кирг. ССР) подчеркнул огромное значение национально-государственного размежевания Средней Азии, значительно способствовавшего успешному экономическому, политическому и культурному развитию среднеазиатских народов. А. И. Ишанов (АН Узб. ССР) привел ряд интересных документов, отображающих огромную роль Туркестанской комиссии ВЦИК в социалистическом преобразовании Средней Азии.

Выступление Т. А. Жданко (АН СССР) было посвящено проблеме формирования наций в Средней Азии и продолжающейся в наши дни консолидации с социалистическими нациями мелких этнографических групп. Этнические процессы в Средней Азии, начало которых относится к глубокой древности, завершились в средние века сложением ряда народностей. Однако ни один из народов Средней Азии, в силу социально-экономической отсталости, до Великой Октябрьской революции не сформировался в нацию. Лишь в советское время, в результате ленинской национальной политики, наиболее крупные из среднеазиатских народов стали социалистическими нациями. Этнические процессы продолжают и в настоящее время, они идут по трем направлениям: а) слияние мелких народностей и этнографических групп, по происхождению близких той или иной нации, с этой нацией (припамирские народности, турки, карлуки и др.); б) вхождение в социалистическую нацию мелких народностей и групп иного этнического происхождения (цыгане, белуджи, арабы и др.); в) консолидация отдельных групп населения той или иной нации, проживающих в инонациональной среде, с этой последней (туркмены, живущие в Узбекистане, узбеки — в Туркменистане, и т. д.).

На сессии выступил первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов¹. Давние связи, сказал он, создали предпосылки к сближению среднеазиатских народов с русскими. Присоединение к России происходило в различных формах, местами добровольно, местами путем завоевания. Хотя и был установлен колониальный режим, однако присоединение носило безусловно прогрессивный характер — оно привело к сближению с великим русским народом, с его рабочим классом; совместное участие русского и среднеазиатских народов в революционном движении — важнейшее объективное последствие присоединения. Одним из важных его последствий было проникновение в Среднюю Азию передовой русской культуры.

Подлинная история народов Советского Востока начинается с Октября. Коммунистическая партия и Советское правительство, следуя указаниям Ленина по национальному вопросу, не только провозгласили равноправие народов, но и обеспечили на деле ликвидацию былой экономической и культурной отсталости, что было бы невозможно без бескорыстной помощи великого русского народа. Остановившись на задачах, поставленных семилетним планом, Ш. Р. Рашидов сказал, что нарастание темпов и объем коммунистического строительства предполагает усиление взаимопомощи советских республик, укрепление их связей; это и есть социалистический интернационализм в действии, высшее выражение сущности ленинской национальной политики. Однако не следует прекращать борьбу с буржуазными пережитками, в том числе и с националистическими. В заключение Ш. Р. Рашидов сформулировал следующие основные задачи, стоящие перед учеными: 1) углубить изучение просветительно-демократических течений в Средней Азии в колониальный период; 2) обратить серьезное внимание на изучение социально-экономических отношений в тот же период; 3) расширить исследования лингвистами, литературоведами, этнографами, философами вопросов связи передовой русской культуры с культурой других народов; 4) создать крупные труды по истории рабочего класса и крестьянства национальных республик; 5) шире раскрыть исторические корни дружбы среднеазиатских народов с русским народом.

Выступивший после Ш. Р. Рашидова академик-секретарь Отделения исторических наук Академии наук СССР Е. М. Жуков подвел итоги работы сессии. Он подчеркнул, что научная дискуссия, развернувшаяся на сессии по ряду вопросов, обогатила советскую историческую науку; глубокая и всесторонняя разработка актуальных вопросов истории народов Советского Востока имеет огромное научное и политическое значение, это одна из первоочередных задач советских историков.

От имени всех участников сессии было принято приветствие Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

Г. П. Васильева, Н. А. Кисляков

¹ Выступление Ш. Р. Рашидова напечатано с некоторыми изменениями в журн. «Коммунист», № 10, 1959 г.

ВЫСТАВКА РЕМЕСЛЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ ЦЕЙЛОНА

Одиннадцатая годовщина независимости Цейлона была широко отмечена в феврале 1959 г. общественностью Советского Союза. К числу наиболее интересных мероприятий, связанных с этой датой, относится выставка «Художественное ремесло Цейлона», открывшаяся 3 февраля в Музее восточных культур (Москва). Эта выставка была подготовлена Министерством культуры Цейлона, которое было создано вскоре после освобождения страны. Неотложные задачи, поставленные перед этим министерством правительством Цейлона, велики и разнообразны: воскрешение и дальнейшее развитие национальных художественных ремесел, помощь в организации снабжения ремесленников сырьем и сбыта их продукции, экспорт ремесленных изделий и, наконец, устройство выставок на Цейлоне и в других странах для стимулирования роста ремесленного производства. В выполнении этого принимают активное участие многие организации, как местные, так и общецейлонские: Общество аграрного развития и различные кооперативные общества. В результате объединенных усилий за короткий срок были возрождены художественные ремесла цейлонского народа, которые до того пришли в состояние глубокого упадка за долгие столетия иноземного владычества.

Изделия цейлонских ремесленников служили предметом торговли с другими странами еще до начала нашей эры. С глубокой древности здесь известны различные приемы окраски и орнаментирования тканей, особые способы изготовления плетеных изделий, а также чеканки и гравировки металла, резьбы по дереву, кости и камню и т. п. В эпических произведениях и мифических сказаниях Индии и в буддийских притчах — джатаках упоминаются сказочные богатства древнего Цейлона и описываются великолепные наряды знатных горожан и придворных. О богатом и красочном платье обитателей Цейлона упоминают и более поздние источники — описания путешественников, а впоследствии и колониальных чиновников. Но разорение страны в колониальный период резко понизило спрос на дорогие материи, и до момента освобождения сохранилось главным образом искусство набивки и росписи тканей.

Набивные ткани используются главным образом для изготовления мужской и женской одежды. Сингалы, и мужчины и женщины, обертывают бедра и ноги прямой полосой ткани в виде длинной нешистой юбки. Такая ткань обычно украшена цветным узором из полос или клеток, иногда в сочетании с изображениями цветов, животных и птиц. Женщины носят кофты, украшенные набивным орнаментом или вышивкой. Цейлонские тамилы носят, так же как и в Индии, орнаментированные дхоти и сари. Сингалки тоже носят сари, но драпируются несколько по-иному, чем в Индии.

Из бытовых тканей на выставке были представлены шарфы, салфетки и дверные занавесы, украшенные тканым узором. Все эти изделия, как и большая часть длинномерных тканей ручной выработки, изготовлены из хлопчатобумажных нитей, так как шелкоткацкое производство на Цейлоне развито слабо. Узор варьирует в довольно узких пределах — это преимущественно мелкие розетки или шашечки, расположенные полосами, и чередующиеся с ними широкие или узкие сплошные полосы, между которыми на свободном поле иногда изображаются животные или птицы. Но все вещи с тканым орнаментом поражают высоко художественными сочетаниями цветовых оттенков, говорящими о тонко развитом вкусе цейлонских мастеров. Краски для пряжи и ткани отличаются чистотой цвета и большим многообразием тонов. Гамма цветовых сочетаний всегда очень красива и на каждой вещи выдержана в гармоничном соотношении — то в сиренево-желтых тонах с черным, то в серо-голубых с черным и красным, то в серых с серебром и т. п.

Из бытовых предметов были представлены наволоки на диванные подушки с несложной вышивкой табурным швом или аппликацией в виде фигурок льва — символа Цейлона, слона или птиц.

Экспонированные на выставке хлопчатобумажные декоративные панно и покрывала с цветными рисунками являются настоящими произведениями живописи. На них нанесены по трафарету тематические картинки: сцены из эпических сказаний и буддийских мифов, жанровые сценки, фигуры богов. Особенно часто встречаются астрологические символы — фигуры, изображающие планеты и созвездия. Композиционно рисунки на покрывале обычно расположены или в виде двух широких параллельных полос, заполненных многофигурными изображениями, или в виде одной большой фигуры, занимающей все поле. На этих изображениях можно увидеть процессию, сопровождающую праздничную повозку, танцующих женщин в традиционных костюмах, музыкантов и воинов (рис. 1). Как и на индийских покрывалах с тематической росписью, позы людей здесь очень динамичны, а костюмы, музыкальные инструменты и другие предметы воспроизведены со скрупулезной точностью. Изобразительная манера цейлонских художников менее условна по сравнению с традиционным индийской — лица людей и богов более реалистичны, соотношение частей их тела более пропорционально.

Большие по размерам панно закрепляются верхним краем на круглой палке и могут на нее наворачиваться как свиток. Их вешают на стены в домах в качестве картин, укрепляя эту палку на гвоздях. Они не очень дороги, и даже небогатые люди украшают ими свои жилища. Большие покрывала, доходящие в длину до 3—4 м, служат декоративными стенными занавесами и доступны только зажиточным людям.

Рис. 1. Набойка на хлопчатобумажной декоративной завесе

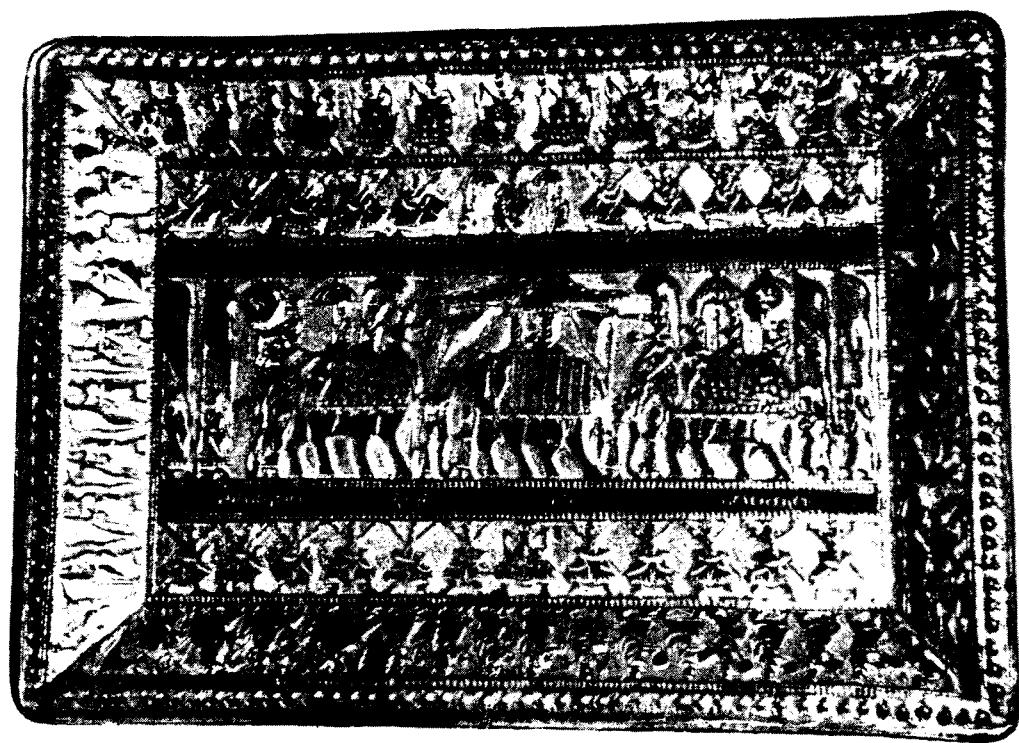

Рис. 6. Медное блюдо с чеканным узором

Костюм для национальных танцев, воспроизведенных на этих покрывалах, напоминает костюм для южноиндийских танцев «катхакали» или «тхулаль». Длинные барабаны, висящие на шее танцоров, по виду не отличаются от индийских барабанов — мридангам; под их аккомпанемент в Канди ежегодно исполняются знаменитые ритуальные танцы, известные под названием «кандийских». Исполнители этих танцев надевают яркие костюмы, множество украшений и пестро раскрашенные деревянные

Рис. 2. Резьба по дереву. Декоративное панно

Рис. 3. Фигурки из черного дерева

маски, изображая духов и демонов. Пестрые, яркой расцветки ткани и ритуальные маски используются также и для костюмов знахарей, заклинающих болезни и якобы отвращающих несчастья.

На Цейлоне делают изображения злых духов, вызывающих болезни, и духов-кровителей. Эти скульптурные изображения тоже наряжают в традиционные костюмы и уборы, а их лица соответствуют маскам, надеваемым заклинателями. Наиболее сильным считается дух, известный под именем «Нагаракша», что означает «защитник змей». На выставке было представлено несколько ритуальных масок, вырезанных из мягкого дерева и расписанных яркими красками. Экспонировано было также одно из скульптурных изображений духов, являющееся очень ценным образцом народных культо-

вых предметов. Кроме того, цейлонские ремесленники прислали много других резных деревянных изделий — декоративного и утилитарного назначения. К первым относятся, например, небольшие настенные панно из орехового дерева с резным рельефным рисунком (рис. 2) и скульптурные фигурки животных из красного или черного дерева, отличающиеся большой выразительностью (рис. 3). Художественные приемы и изобразительные средства цейлонских резчиков во многом подобны тем, которыми пользуются индийские мастера, но есть и некоторые отличия, — фигурки львов, например, вырезанные из дерева и отделанные слоновой костью, очень своеобразны и похожи скорее на деревянную скульптуру стран Юго-Восточной Азии.

К утилитарным бытовым предметам относятся различные точеные деревянные изделия (коробочки, шкатулки, пудреницы, лампы и пр.). Эти предметы, равно как и ножки для плетеных лежанок или табуреток (рис. 4), сначала вытачивают на ручном

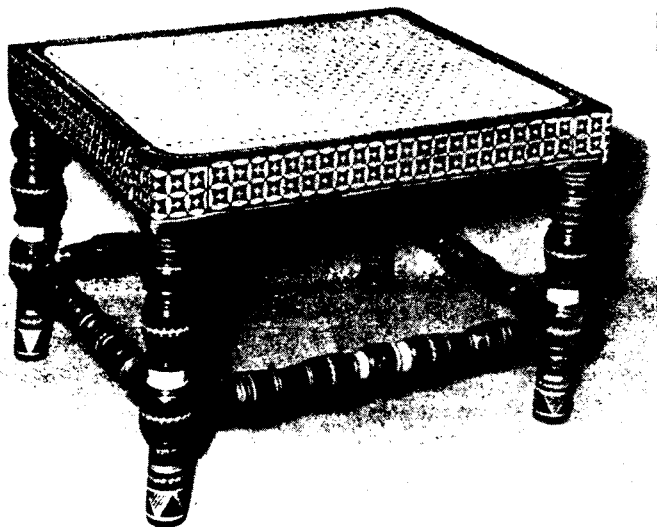

Рис. 4. Деревянная табуретка с цветной росписью

токарном станке, а затем расписывают лаковыми красками. Изготавливают эти краски из сока, собранного в лесу с деревьев определенной породы, к которому добавляют мелко истолченные цветные минералы.

Орнаментальным мотивом обычно служат чередующиеся полосы разного цвета. Подобным же образом расписывают на Цейлоне и барабаны, которые своей пестрой окраской гармонируют с костюмами музыкантов-танцоров.

Плетение — широко распространенное на Цейлоне ремесло — было представлено на выставке рядом изделий. Плетение является дополнительным занятием большого числа цейлонских крестьян. Основным материалом для изготовления плетеных вещей служат волокна кокосовой пальмы и листьев растения «хана». Женщины мочат эти листья, затем сушат, треплют, расчесывают волокна и окрашивают их. Основное место в ассортименте плетеных изделий занимают разнообразные циновки — от больших, постилаемых на пол, до совсем маленьких плетеных салфеточек для стола. Из тонких шелковистых волокон изготавливают цветные чехлы для диванных подушек, украшенные по краям бахромой. Орнамент плетеных изделий сходен с тканым орнаментом — это мелкие шашечки, полосы и изображения львов, слонов, птиц (рис. 5), а также двух гусей, с переплетенными шеями. Последний мотив можно увидеть на многих цейлонских изделиях — это иллюстрация к популярной сингалской легенде «Ханса-путту».

На выставке экспонировались очень своеобразные плетеные изделия ведда: необычные по форме метелки, щетки и кисти-мухобойки. Для метелок берут очень грубые длинные растительные волокна и почти до конца туго оплетают их разноцветным тонким волокном, придавая им вид пестрой палки, а на свободном конце разделяют на несколько коротких пучков, развернутых в одной плоскости, и туго обвязывают их у основания. На верхнем конце делают большую цветную шишку с кисточкой. Щетки изготавливают так же, но они вдвое-втрое короче метел. Мухобойки похожи скорее на какое-то декоративное изделие: из пестрой оплетенной пучки выходит длинная мягкая кисть из тонких волокон, окрашенных в три цвета, в виде стдельных прядей, причем по своим оттенкам эти пряди гармонируют не только друг с другом, но и с расцветкой ручки.

Очень обширен был на выставке ассортимент изделий из металла — меди, бронзы, латуни и серебра. Это круглые и прямоугольные блюда и подносы, кругло- и плоскодонные сосуды, светильники, кувшины, коробки и пр. Техника изготовления и орнаментирования этих вещей разнообразна: отливка, ковка, чеканка, гравировка, инкрустация. В орнаменте имеются и растительные мотивы, и изображения птиц и животных (рис. 6, см. вкл.). Часто встречаются мифологические сюжеты — как буддийские, так и индуистские. Очень красивы круглые блюда из белого серебра, богато украшенные разнообразными узорами, расположенными кольцеобразно по всей поверхности изделия.

На выставке представлены были прославленные ювелирные изделия Цейлона. Драгоценные и полудрагоценные камни добываются в большом количестве на дне водоемов самым примитивным способом: песок и землю со дна черпают неглубокими

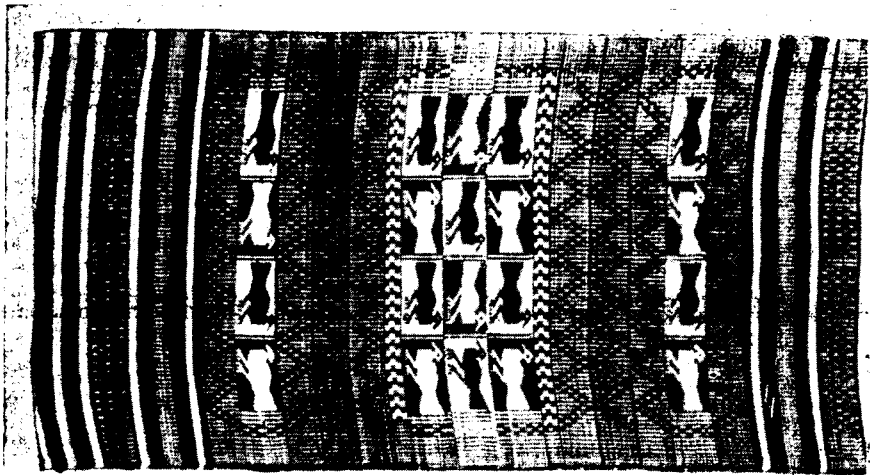

Рис. 5. Циновка с цветным узором

плетеными сачками на длинных палках и, дав воде стечь, смотрят, не удалось ли выловить кристаллы топазов, бериллов, опалов и др. Больше всего драгоценных камней добывается в районе г. Ратнапура, само название которого переводится — «Город Сокровищ». Эти камни обтачивают на ручных шлифовальных станках и оправляют в серебро и золото, изготавливая высокохудожественные, тонкие по выделке и разнообразные по форме украшения — кулоны, броши, диадемы, ожерелья и т. д.

На выставку были присланы кулоны из лунных камней размером с голубиное яйцо, серьги и ожерелье очень изящной формы с рубинами и сапфирами, оправленными в тонкие серебряные цветы с золотыми листиками, а также много колец, браслетов и других украшений. Изделия цейлонских ювелиров издавна являются предметом вывоза. На самом Цейлоне эти изделия служат не только предметами женского убранства, но ими украшают буддийские молельни и статуи бодисатв. Специальные уборы из серебра, изготавливаемые для исполнителей кандийских танцев, на выставке, к сожалению, не были показаны.

Всеобщее внимание привлекали на выставке ножи для бумаги, кольца для салфеток, настольные украшения и другие изделия из панциря черепахи, инкрустированные серебром. Особенно нарядно выглядят дамские сумочки, украшенные с обеих сторон серебряными изображениями астрологических символов.

Значительная часть предметов выставки была приобретена Институтом этнографии Академии наук СССР для экспозиции Музея антропологии и этнографии в Ленинграде.

Н. Р. Гусева

ПОЕЗДКА В КИТАЙСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ

В марте 1959 г. я был командирован Институтом этнографии АН СССР в Китайскую Народную Республику сроком на два месяца. За это время мне предстояло осуществить обмен этнографическими коллекциями, познакомиться с производством изделий народного прикладного искусства и постановкой музейного дела в КНР.

Основной целью поездки был обмен коллекциями. Музей антропологии и этнографии АН СССР, являясь старейшим в нашей стране, обладает богатыми коллекциями по быту, культуре и искусству Китая, собранными еще в дореволюционное время. За годы советской власти Музей почти не пополнялся коллекциями по Китаю, если не считать отдельных случайных приобретений. Моя поездка явилась первой попыткой получить систематически подобранные музейные материалы по новому Китаю.

Для обмена Институт этнографии выделил свыше 120 экспонатов, преимущественно — образцы современной одежды и другие предметы, характеризующие быт таджиков и узбеков. Эти коллекции были собраны в 1958 г. Среднеазиатской этнографической экспедицией Института специально для обменного фонда. Кроме того, в коллекцию вошли 20 образцов старинных бухарских шелковых тканей из фондов Музея. К предметам узбекской коллекции были приложены иллюстрирующие их цветные и черно-белые фотографии. С целью поделиться с китайскими музейными работниками опытом регистрации этнографических коллекций мы сопроводили передаваемые предметы подробными научными описями, принятыми в нашем Музее.

Коллекции были переданы в Институт национальностей Академии наук КНР. При передаче присутствовали и. о. директора Института тов. Су Кэ-цин и заместитель директора тов. Я Хань-чжан, которых я познакомил с принципами постоянной экспозиции «Культура и быт народов Китая» в нашем Музее, указав на крайнюю необходимость пополнения его экспонатами по современному быту и культуре Китая.

Для навстречу нашим пожеланиям, китайские товарищи в порядке обмена подготовили большую коллекцию, которую я доставил в Музей. В подборе экспонатов участвовали: Институт национальностей Академии наук КНР, Центральная академия национальных меньшинств, Нанкинский музей, Музей Автономной области Внутренней Монголии. Всего было получено около 300 предметов и два десятка фотографий. В основном это предметы быта, в частности — одежда китайцев и национальных меньшинств КНР.

Кроме того, Музею передано 173 предмета и 11 книг по культуре и быту китайцев. Эти предметы дарили нам руководители фабрик, мастерских, кооперативов и музеев, которые нам удалось посетить. Привезенные коллекции значительно пополняют наши собрания по этнографии народов Китая и дадут возможность обновить существующую экспозицию.

Наиболее значительные поступления составляют предметы культуры и быта китайцев, общим числом более 350 (включая индивидуальные подарки). Сюда вошли особенно интересные для нас художественные вырезки из цветной бумаги пекинских нанкинских, шанхайских, чжэцзянских и гуанчжоуских мастеров (рис. 1), а также фигуры теневого театра и лубочные картины из Янлюцина и Таохуау. Интерес представляют также подаренные нам инструменты резчика по слоновой кости, керамические и плетеные изделия (рис. 2), образцы эмали, употребляемой для изделий клуазонне, и прекрасно выполненные муляжи китайских кушаний.

Из предметов культуры и быта национальных меньшинств следует отметить совершенно отсутствовавшие в фондах нашего Музея коллекции по народам юго-западного Китая: чжуан, буи, ицзу, таи, дун и цзинпо, а также мяо, яо, казахов, монголов Внутренней Монголии и корейцев КНР. Из этих предметов заслуживают особого внимания изумительно тонкие вышивки народов чжуан и таи. Костюмы народов мяо, буи и яо показывают, как много выдумки и художественного вкуса вложено женщинами в украшение своей одежды, сшитой из хлопчатобумажной ткани темных тонов. Среди полученных экспонатов представлены также костюмы маньчжуров, уйгуров и хуэй.

Можно надеяться, что дружеский обмен коллекциями — только начало пополнения Музея антропологии и этнографии экспонатами, характеризующими новый, народный Китай, и что Президиум Академии наук СССР найдет возможным и впредь систематически пополнять Музей новыми этнографическими материалами.

Большую часть времени я посвящал знакомству с производством изделий народного прикладного искусства. Перед поездкой в КНР мною был разработан план посещения не только столицы, но и других районов страны. В Пекине этот план, по советам и при содействии китайских друзей, был значительно расширен, что дало возможность посетить гораздо больше населенных пунктов, чем планировалось вначале.

Один из двух месяцев пребывания в КНР я провел в Пекине, остальное время заняла поездка по стране. Я побывал в тринадцати городах и трех поселках, которые издавна славятся развитой кустарной промышленностью. Повсюду я знакомился с мастерскими, кооперативами и фабриками, изготовляющими различные художественные изделия. Всего я посетил свыше сорока предприятий. В этой краткой заметке я имею возможность упомянуть только некоторые из них.

В Нанкине на государственно-частной шелкоткацкой фабрике я наблюдал процесс изготовления парчи еще по старым образцам, на деревянных станках. Работая вручную вдвоем на одном станке, старые опытные мастера в день изготавливают до 30 с.м парчи

Рис. 1. Художественные вырезки из цветной бумаги. Мастер Ли Чжи-фэй, г. Гуанчжоу

с весьма сложным рисунком. На этой же фабрике вырабатывают в большом количестве и шелковые ткани на современных металлических станках. Кстати, на этой фабрике работают двенадцать бывших частных владельцев, занимающих различные должности; двое из них работают в качестве заместителей директора фабрики.

В исконном центре гончарства — уездном городе Исине и близлежащих поселках, в районе, богатом глинами различных цветов, вырабатываются художественные керамические изделия, которые экспортируются в 63 страны. Больше всего продукции идет в Юго-Восточную Азию и страны народной демократии.

В г. Сучжоу, известном центре вышивального искусства, я посетил Институт художественных изделий, в котором занимаются вышивкой 132 квалифицированных работников, передающие свой опыт молодому поколению. Одна только 72-летняя дунганка Цин Цин-фын за сорок лет подготовила около 3000 учеников.

В г. Сучжоу на улице Таохуау дацзе находится мастерская, в которой работает всего 19 человек. Мастерская эта известна производством лубочных картин. Лубок здесь стали изготавливать триста лет тому назад. В настоящее время мастерская выпускает продукцию трех видов: современные новогодние картины, плакаты и древний традиционный новогодний лубок (всего 50000 экземпляров лубка и плаката в год).

Мне удалось посетить г. Цзиндэчжэнь, древнейший крупный центр фарфорового производства Китая. Здесь я ознакомился с Институтом фарфора, при котором имеется экспериментальная фабрика, и с фабрикой художественных изделий из фарфора, где я имел случай наблюдать работу талантливых мастеров, создающих подлинные произведения искусства.

В целях ознакомления с изделиями других видов народного прикладного искусства я осмотрел ряд крупных и мелких предприятий, познакомился с работами Пекинского, Гуанчжоуского и Сучжоуского институтов художественных изделий и с деятельностью отдела искусства легкой промышленности Шанхайского Городского Народного Комитета. В этих учреждениях, как правило, занимаются многими отраслями кустарной промышленности: резьбой по камню, бамбуку, дереву, слоновой кости, изготовлением фигур из теста, художествен-

ными вырезками из бумаги, изготовлением фигур для театра теней и др. Во всех этих учреждениях работают старые, имеющие огромный опыт народные мастера, передающие свои знания молодому поколению. Перед этими организациями поставлены задачи: 1) сохранить и развить национальные формы искусства и его местные особенности; 2) повысить технику изготовления художественных изделий; 3) организовать сотрудничество мастеров и научных работников для создания новых образцов; 4) систематически обобщать опыт производства художественных изделий всех отраслей; 5) усовершенствовать оборудование и инструменты.

Таким образом, если прежде кустарные промыслы носили распыленный характер и представляли собой мелкие кустарные производства, осуществляемые одним человеком или одной семьей, то в новом Китае кустари постепенно вступили на путь кооперирования, а кооперативы в свою очередь, объединяясь, создавали фабрики. В итоге можно видеть, как возродилось за годы народной власти прикладное искусство Китая, в ряде случаев достигшее высокого уровня развития.

Третья задача, стоявшая передо мной в этой поездке, — ознакомление с постановкой музейного дела в КНР. За время пребывания в стране я посетил 25 музеев и выставок. Здесь прежде всего заслуживает внимания Гугун — бывший императорский дворец. В настоящее время во многих помещениях музея Гугун открыты постоянные выставки, где экспонируются богатейшие коллекции бронзовых, золотых, серебряных, нефритовых и лаковых изделий, клуазонне, картины, ткани, одежда и многое другое. По-своему интересны Нанкинский и Гуанчжоуский исторические музеи, Шанхайский музей истории искусства, Тяньцзиньские художественный и исторический музеи, Музей истории музыки при Институте музыки в Пекине, Чжэцзянский и Цзянсийский

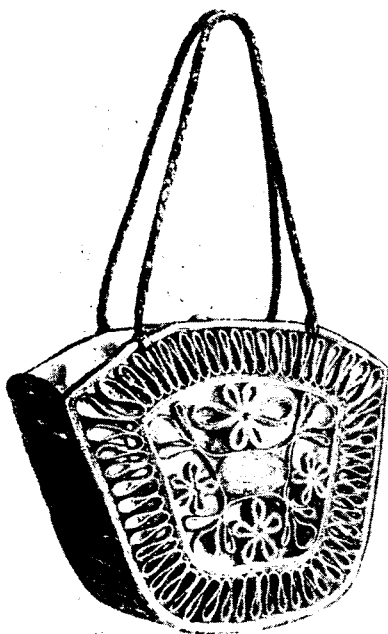

Рис. 2. Плетеная женская сумочка. Государственная фабрика художественного плетения «Победа», г. Тяньцзинь

краеведческие музеи. Однако собственно этнографических музеев немного. Из них мне удалось посетить лишь музей при Уханьском филиале Центральной академии национальных меньшинств, для которого в 1955 г. было построено специальное здание и где в настоящее время представлены культура и быт национальных меньшинств КНР. Я посетил также выставку при Центральной академии национальных меньшинств в Пекине.

В КНР наблюдается бурный рост музейного строительства и создания местных музеев. В одном только 1958 году было организовано около 800 новых музеев. В создании их большую роль играют местные партийные, общественные и культурные организации.

В посещенных мной городах меня знакомили с их достопримечательностями и предоставляли широкую возможность посещения театров. За время пребывания в командировке я посетил 16 театральных постановок и концертов.

В заключение хочется особо отметить теплый, сердечный прием, который был мне оказан всюду, где я побывал. Это дало мне возможность за весьма короткий срок увидеть очень многое. Благодаря прекрасной работе сотрудников отдела связи Отделения философии и общественных наук Академии наук КНР моя поездка в Китай была хорошо организована, оказалась полезной и интересной. Пользуясь случаем, хочу еще раз выразить чувство большой благодарности всем китайским товарищам, которые помогли мне познакомиться с их страной и народом.

Г. А. Гловацкий

О МОЕЙ РАБОТЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В своем докладе на XXI съезде КПСС товарищ Хрущев сказал: «... в мировой социалистической системе идет бурное развитие народного хозяйства и культуры во всех странах. Высокие темпы — это общая закономерность социализма, подтвержденная теперь на опыте всех стран социалистического лагеря»¹.

Весь ход истории подтверждает правильность этого положения. В своем историческом развитии страны лагеря социализма, возглавляемого Советским Союзом, крепнут и становятся могущественнее с каждым днем.

Руководствуясь принципами марксизма-ленинизма, учитывая конкретные условия Китая, на основе успешного выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР (1953—1957), Коммунистическая партия ведет наш народ к новым, еще более грандиозным достижениям, предусмотренным вторым пятилетним планом. За истекшие после освобождения десять лет Китай из бедной, отсталой сельскохозяйственной страны превратился в передовую, богатую промышленно-сельскохозяйственную державу.

В 1958 г., первом году нашей второй пятилетки, во всех областях — политической, экономической и культурной — достигнуты невиданные успехи. Поэтому мы называем его первым годом Большого скачка. В этом году наша страна добилась выплавки стали около 8 млн. т (не считая стали, выплавленной в местных печах) — на 49,5% больше, чем в 1957 г., добычи угля — более чем в два раза больше, чем в 1957 г. В 1958 г. произведено более 50 тыс. станков (не считая станков простейшего устройства), т. е. втрое больше, чем в 1957 г. В области сельского хозяйства успехи также велики: урожай продовольственных культур составил более 500 млрд. цзиней (или 250 млн. т), превысив урожай 1957 г. на 35%; хлопка собрано более 42 млн. даней (т. е. 2100 тыс. т), что тоже больше чем на 28% превышает сбор 1957 г.

Велики достижения и на культурном фронте. Число учащихся в высших учебных заведениях — 660 тыс., что в полтора раза больше, чем в 1957 г.; число учащихся средних школ — 12 млн. (т. е. на 70% больше, чем в 1957 г.), а учащихся начальных школ — 86 млн. (на 40% больше, чем в 1957 г.)². Наука, искусство, литература тоже достигли значительного уровня развития.

Как и в других областях науки, в области этнографии достигнуты серьезные успехи. Нужно отметить, что Коммунистическая партия Китая с первых лет ее создания всегда обращала большое внимание на исследовательскую работу по национальному вопросу. В тяжелых условиях антияпонской войны в гор. Яньань уже были созданы учреждения, проводившие такого рода исследования. Эти учреждения, правильно применяя положения марксизма-ленинизма, сыграли большую роль в разрешении проблем, связанных с национальным вопросом. После Освобождения условия работы значительно улучшились. Правительственный Совет (ныне Государственный Совет) еще в 1950 г. утвердил «Проект создания Центральной академии национальных меньшинств» и ее филиалов в районах расселения национальных меньшинств. Задачи Академии по утвержденному проекту таковы: 1) подготовка кадровых работников высшего ранга (для учре-

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января 1959 г., Госполитиздат, М., 1959, стр. 74—75.

² «Жэньминь жибао» от 3 января, 15 апреля и 27 августа 1959 г.

дений провинций и областей) и среднего ранга (для учреждений уездов и ниже), особенно учитывая создание автономных единиц у всех народов страны и развертывание строительства в области политики, экономики и культуры; 2) исследование вопросов, касающихся определения национальных меньшинств Китая, их языка и письменности, истории и культуры, общественного строя и экономики, а также распространение и пропаганда их культурных достижений; 3) организация руководства работой по редактированию и переводу различных материалов, касающихся национальных меньшинств.

В период, когда проводилось урегулирование структуры и профиля всех вузов, большинство работников, занимающихся исследованиями в области национального вопроса, было сосредоточено в Центральной академии национальных меньшинств (ЦАНМ), что позволило концентрировать исследовательскую работу в этой области.

В 1956 г. в ЦАНМ был приглашен советский специалист, проф. Н. Н. Чебоксаров, который работал у нас более двух лет. Его пребывание имело большое значение не только для нас — молодых этнографов, но и для повышения квалификации ученых старшего поколения. Вместе с тем его работа сыграла важную роль в ознакомлении китайских этнографов с большими достижениями советской этнографической науки. Труд всех советских специалистов сейчас уже приносит свои плоды; аспиранты, работавшие вместе с ними, под их непосредственным руководством, в настоящее время во всех районах обитания национальных меньшинств нашей родины отдают свои силы и знания делу строительства социализма.

Благодаря заботе со стороны Коммунистической партии Китая и Народного правительства в июне 1958 г. в Пекине в системе Академии наук создан Институт национальностей; вместе с тем в научно-исследовательских учреждениях многих провинций и областей были постепенно созданы или расширены отделы исследований по национальному вопросу.

Хотя этнография как наука в Китае существовала и раньше и термин этот в старом Китае был известен, но этнография, основанная на принципах марксизма-ленинизма, — наука в Китае еще молодая. Поэтому мы должны напряженно трудиться, чтобы она развивалась соответственно подъему в других областях науки, культуры и экономики нашей страны. Здесь следует особенно подчеркнуть необходимость изучать передовой опыт Советского Союза. Я лично получил сейчас замечательную возможность учиться у моих советских наставников, непосредственно общаясь с ними. Это и является целью моего приезда в Советский Союз.

Я — сотрудник Академии национальных меньшинств, но принимаю участие и в работе Института национальностей Академии наук КНР. Этим институтом я и командирован в Институт этнографии Академии наук СССР. В Китае я занимался преимущественно преподавательской работой в ЦАНМ, в предыдущие годы — главным образом марксистской теорией национального вопроса. Проблемами этнографии я занимаюсь только три года, из которых два я работал как переводчик с советским специалистом.

Срок моего пребывания в СССР не долг, поэтому основной задачей, которая стоит передо мной, является общее, по возможности всестороннее, познание советской этнографической науки. Чтобы справиться с этой задачей, я должен прежде всего представить себе пути ее развития и достижения за годы советской власти. Я должен освоить методы исследования, выработанные советскими этнографами, принять участие в их экспедициях, ознакомиться с различными этнографическими научными учреждениями, музеями и с постановкой работы в них. Так как моя деятельность связана с преподаванием, я хотел бы детально ознакомиться с работой кафедры этнографии Московского университета. Кроме того, я хотел бы войти во все детали повседневной работы Института этнографии. Задачи, которые стоят передо мной, по-видимому, очень сложны, но для нашей работы они крайне необходимы.

Каким путем я думаю, по возможности, выполнить эти задачи?

Во-первых, я принимаю участие в заседаниях, собраниях, совещаниях по различным вопросам этнографии. Так, я систематически присутствую на заседаниях Ученого совета Института этнографии, на заседаниях сектора этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии и др. Большой интерес представили для меня конференция по этнографии Прибалтики (18—21 февраля 1959 г.) и экспедиционная сессия, проведенная совместно Институтом этнографии и Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР (6—11 апреля 1959 г.), позволившие мне глубже понять значение координации между смежными науками — этнографией, археологией, антропологией и языкознанием, важность сочетания данных этих наук в исследовательской работе. Хотя я раньше, еще в Китае, представлял себе, какое это имеет значение, но, прослушав доклады и выступления на этих заседаниях, я стал глубже понимать, что такая связь нужна не только для разрешения важных общих проблем, но и для более тесного общения между специалистами из различных республик как в области теории, так и в дружном совместном решении общих практических задач. Это очень актуально и для строительства коммунизма. Однако это не означает, что формирование комплексных экспедиций избавляет от всех трудностей. Каждая упомянутая здесь наука имеет свой предмет исследования, свои методы и особенности. Так, при изучении проблем национальной консолидации в Дагестане языковедческие материалы несомненно имеют очень большое значение, но подход к языковым материалам у этнографов

и лингвистов различных: этнографа интересуют общность многочисленных языков этой области и история их изменения; лингвиста же занимают структура, морфология, грамматика каждого из языков. Поэтому сотрудничество во время комплексных экспедиций — это еще не все; необходима повседневная тесная связь в дальнейшей исследовательской работе.

О Прибалтийской конференции я записал в своем дневнике: «Хотя такие конференции организуются и не в очень торжественной обстановке, но они имеют большое значение. В деловом повседневном контакте люди лучше узнают друг друга, усиливают сплоченность представителей различных республик, дружбу народов. На этих заседаниях проводится координация действий, обсуждаются прошлые, действующие и перспективные планы. Недостатки исправляются в атмосфере дружественной критики и самокритики».

Кроме заседаний в самом Институте этнографии, я посещал также отдельные заседания и конференции в других учреждениях по темам, связанным с национальным вопросом. Содержание этих докладов не всегда было для меня одинаково важно, но меня интересовали не только обсуждаемые проблемы, но и сама организация заседаний, методы и формы обсуждения научных проблем. Ведь все стороны научной жизни Советского Союза для меня новы, и мне хотелось познакомиться с ними, поучиться у советских товарищей.

Во-вторых, я обращался с различными проблемными и методическими вопросами ко многим ученым соответственно их специальности. Я старался предварительно, до беседы, подготовить вопросы, а затем договаривался о месте и времени встречи. Этот вид работы имеет большое значение для повышения моих знаний: за истекшее время я беседовал с сотрудниками различных секторов Института этнографии и мог познакомиться с общим характером работы каждого сектора за прошедшие годы, в настоящее время и с планами на ближайшее будущее. Такие беседы помогли мне усвоить многие в прошлом для меня неясные вопросы, получить богатый материал и глубже понять многие серьезные проблемы, например вопрос о роли марксистской этнографии в исследовании различных этапов истории развития человеческого общества. В результате этих бесед мне стало ясно, что роль этнографии при изучении современности не менее важна, чем при исследовании более ранних этапов истории человечества. Это — очень важный вопрос, потому что правильное его разрешение непосредственно связано с подходом к этнографическому исследованию современности, с выработкой правильной методики этого исследования. Здесь нужно прежде всего руководствоваться принципами марксизма-ленинизма, учитывать актуальность и значение указанного вопроса для построения социализма в различных странах.

В этих беседах я тоже не ограничивался встречами с работниками Института этнографии. Пользуясь случаем выразить сердечную благодарность научному сотруднику Государственного музея этнографии в Ленинграде Е. Н. Студенецкой; несмотря на свою занятость, она нашла возможность выделить время для длительных бесед со мной, во время которых с такой же готовностью и теплотой, как своему ученику или младшему брату, рассказала подробно о проблемах кавказоведения, о музейной этнографической работе, о методике полевых этнографических исследований.

В-третьих, я составил программу чтения соответствующей литературы. Работу эту я проводил главным образом в Государственной публичной библиотеке имени Ленина. Этапы этой программы соответствовали этапам учебного процесса. Здесь я получал дополнительные источники для пополнения и закрепления знаний; например, когда я знакомился с историей русской этнографии, я читал труды русских дореволюционных этнографов; когда я изучал этнографию и учебно-преподавательскую деятельность этнографов советского периода, я читал труды советских ученых.

В-четвертых, я слушал лекции по этнографии СССР на историческом факультете Московского государственного университета. Поскольку времени у меня мало, я не мог прослушать полный курс. Поэтому я слушал лекции только по этнографии определенных стран. Хотя я и не мог, к сожалению, слушать курс систематически, но посещение лекций позволило мне составить общее представление (может быть, и недостаточно глубокое) об учебном процессе. Кроме того, я планирую в дальнейшем более подробно ознакомиться с постановкой работы Кафедры, с тем, как в Советском Союзе готовят молодые этнографические кадры для центральных и местных учреждений, каким путем проводится повышение их квалификации и как добиваются правильного их использования. Эти вопросы также очень важны и актуальны для моей родины.

В-пятых, я использовал возможности работы в предоставленных мне командировках. Я строил план этой работы применительно к конкретным особенностям тех мест, куда я был командирован: Ленинграда (со 2 по 29 марта) и Риги (с 30 марта по 6 апреля). Цели моей поездки совпадали с моей основной задачей — всестороннее ознакомиться с этнографической работой в Советском Союзе. Благоприятные условия командировки позволили мне ознакомиться с постановкой музейного дела и этнографическими музеями в этих городах (как известно, в Москве нет этнографического музея). В Ленинграде я, кроме продолжения ознакомления с научно-исследовательской этнографической работой, знакомился с деятельностью этнографических музеев, начиная с их научного и культурно-просветительного значения до методов комплектования, экспозиции, учета и хранения. Почему я сравнительно подробно ознакомился со всем

комплексом этих вопросов? Потому что эта работа в настоящее время для нашей страны стала особенно актуальной, ей уделяют особое внимание партия и правительство. Кадры работников в этой области у нас еще немногочисленны, а в Пекине — столице нашей родины — организуется огромный специально этнографический музей. Для меня музейная этнографическая работа — совсем новый участок деятельности, прежде я ею никогда не занимался.

В Ленинграде я посетил Музей антропологии и этнографии при Институте этнографии Академии наук СССР. Государственный музей этнографии народов СССР, Эрмитаж, Музей искусств (Русский музей), Музей истории религии и атеизма. Времени у меня было очень немного. Поэтому я в этих музеях все время учился и далеко не все осмотрел в Ленинграде, хотя знаю, что там есть много мест, которые я должен был посетить. Ведь Ленинград исключительно богат прекрасными музеями и памятниками искусства. Каждый его камень, каждое здание имеют свою историю. Но, к сожалению, я не успел даже Эрмитаж осмотреть полностью, а ознакомился детально только с экспозицией отдела Китая.

Чтобы успеть вернуться к экспедиционной сессии в Москву, я вынужден был в Риге работать очень напряженно, но благодаря теплоте приема, помощи в организации моей работы и вниманию со стороны товарищей из этнографического сектора Института истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР я все же многое успел сделать. Здесь я познакомился с работой сектора этнографии в целом и отдельных ученых, посетил Музей народного быта (экспозицию на открытом воздухе), Исторический музей, Музей истории города Риги, побывал в двух рыбацких поселках под Ригой.

Как уже упомянуто выше, одной из моих задач во время пребывания в СССР было получение навыков в области методики полевой этнографической работы. С 19 июня по 6 августа я участвовал в работе Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Я с большим интересом наблюдал культуру и быт возрожденного тувинского народа и познакомился с методами полевой работы советских этнографов и археологов. Собранные мной полевые и документальные материалы по истории и этнографии тувинцев окажут большую помощь в ознакомлении всего коллектива работников Института национальностей Академии наук КНР с опытом социалистических преобразований и строительства коммунизма у тувинского народа, в прошлом экономически и культурно очень отсталого.

В работе мне много помогли члены экспедиции, а также местные партийные организации и коллектив Научно-исследовательского института языка, культуры и истории Тувинской автономной области. Пользуясь случаем, хочу выразить им свою сердечную благодарность за оказанную мне помощь.

Заканчивая свою заметку, я хотел бы высказать несколько слов об общем впечатлении и своих ощущениях во время пребывания в Советском Союзе. Самое яркое впечатление — это чувство искренней братской дружбы между народами Советского Союза и Китая и тот высокий дух интернационализма, который является неотъемлемым свойством советских товарищей. Живя в Советском Союзе и работая в Институте этнографии, я чувствовал, что ко мне относятся так, как относились бы дома. Если мне в период пребывания в СССР удалось достигнуть каких-либо положительных результатов, то в этом есть большая доля труда советских наставников и товарищей.

Я хотел бы также сказать, что благодаря заботе работников посольства Китайской Народной Республики в Советском Союзе и партийной организации Управления по делам командированных в СССР из Китая наша работа была хорошо организована; кроме того, мы имели возможность систематически быть в курсе событий в нашей стране и глубже понять все происходящее в Советском Союзе. Благодаря этому мы не отстали от жизни всего китайского народа в период Большого скачка и по возвращении на родину можем сразу включиться в общенародное дело строительства социализма.

Опыт, приобретенный мной во время пребывания в Советском Союзе, показал мне, на что следует обратить внимание в моей дальнейшей работе на родине, что следовало бы еще сделать. Круг моей деятельности во время пребывания в Советском Союзе и особенно в Москве был для работника в области этнографии все же недостаточно широк. В Москве много музеев и памятных мест, которые мне следовало бы посетить; в пригородах Москвы есть много колхозных и рабочих поселков, где мне надо бы побывать, но пока у меня еще не было возможности сделать это. Это значит, что я не сумел достаточно четко распределить свое время и не был достаточно внимателен к окружающей меня жизни. Может быть, в этом сыграло роль и недостаточно свободное знание русского языка. Это сказалось и на продуктивности моего участия в заседаниях: если, например, докладчик говорил быстро, я не мог еще полностью понимать содержание его доклада; темпы чтения литературы и других материалов также были вследствие этого недостаточны. Все это говорит мне, что в дальнейшем я должен углублять знание русского языка, и поэтому я хотел бы собрать и увезти с собой на родину соответствующие материалы и литературу, которые помогут мне в этом. Наконец, я глубоко ощущаю, что совершенно необходимо еще более укреплять связи ученых КНР и СССР в области этнографических исследований. Я знаю, что взаимопонимание и связи между нами, наша учеба у советских товарищей установились уже давно. Сейчас обстановка бурного развития строительства коммунизма в СССР и социализма

в КНР требует в дальнейшем сделать наши связи шире, глубже и крепче. Если взять, например, взаимопонимание советских и китайских этнографов, то можно сказать, что советские ученые лучше знают этнографию Китая до Освобождения, чем современную, и, наоборот, китайские этнографы хуже знают этнографию России дореволюционного периода и первых лет советской власти, чем наших дней. Следует отметить, что вообще это вопрос очень важный и актуальный, так как от его решения непосредственно зависит, с одной стороны, правильное понимание советскими этнографами китайской современности, а с другой — это даст возможность китайским этнографам более плодотворно использовать богатый опыт русской и советской этнографии, углубленное учиться у советских товарищей.

В настоящее время срок моего пребывания в СССР продлен еще на три месяца. На-днях я уезжаю в экспедицию на Кубань, где буду изучать быт и культуру кубанского крестьянства в период строительства коммунизма. Я думаю, что опыт работы в этой экспедиции будет интересен и для этнографов Китая, изучающих быт и культуру народов своей страны в период построения социализма.

Цзинь Тянь-мин

PERSONALIA

ПАМЯТИ А. И. АНДРЕЕВА

12 июня 1959 г. в Ушкове, дачной местности близ Ленинграда, скоропостижно скончался на 72 году жизни крупный советский историк Александр Игнатьевич Андреев.

А. И. Андреев начал свою научную деятельность еще будучи студентом Петербургского университета, в 1913 г., став сотрудником Постоянной исторической комиссии Академии наук. В 1915 г. он опубликовал свою первую научную работу.

После Великой Октябрьской революции, с 1918 по 1925 г., Александр Игнатьевич работал в одном из ленинградских архивов Главного Архивного управления. С 1922 г. он состоял членом, а затем ученым секретарем Историко-Археографической Комиссии Академии наук. Переехав затем в Москву, он стал вести педагогическую и научно-исследовательскую работу в Московском Историко-Архивном институте, где заведывал кафедрой вспомогательных исторических дисциплин.

В 1949 г. Александр Игнатьевич возвратился в Ленинград и работал в системе Академии наук СССР; состоял ученым секретарем Археографической комиссии при Институте истории, занимал ряд других должностей, принимал участие в работе разнообразных комиссий и пр. В последние годы он возглавлял Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Наряду с работой в Академии наук, Александр Игнатьевич был тесно связан с рядом ленинградских научных учреждений, в частности с Институтом народов Севера, Институтом этнографии АН СССР, Историческим и Географическим факультетами Ленинградского университета, Государственной Публичной библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Главной редакцией морского атласа Военно-морского флота, принимал активное участие во Всесоюзном

Географическом обществе и т. д. Различные работы выполнял Александр Игнатьевич для некоторых местных научно-исследовательских учреждений, в частности для институтов языка, литературы и истории Карельского и Якутского филиалов АН СССР.

Основные научные интересы А. И. Андреева лежали в области русской истории XVII и XVIII вв. Много внимания в течение всей своей научной деятельности уделял он вспомогательным историческим дисциплинам: источниковедению, археографии, архивоведению, дипломатике и др. Обширную работу вел Александр Игнатьевич по публикации трудов различных авторов XVIII в. и различных исторических источников. В значительной своей части эти работы относятся к выдающимся деятелям русской культуры XVII—XVIII вв.— С. Я. Ремезову, Петру I, В. Н. Татищеву, М. В. Ломоносову, Г. Ф. Миллеру, С. П. Крашенинникову, А. Н. Радищеву. Большое число работ А. И. Андреева относится к истории географии и картографии.

Большое место в кругу разнообразных интересов Александра Игнатьевича занимала история русской этнографии. С этнографией связана часть его общих исторических трудов и часть осуществленных им публикаций авторов XVIII в. Наконец, имеется у Александра Игнатьевича и ряд специальных этнографических работ.

Из общих трудов А. И. Андреева к этнографии имеют то или иное отношение: «Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР»

(«Финно-угорский сборник», Л., 1928); «Жизнь и научные труды С. П. Крашенинникова» («Сов. Север», 1939, № 2); «Переводы труда С. П. Крашенинникова „Описание земли Камчатки“» (там же); «Очерки по источниковедению Сибири XVII в.» (Л., 1940) — незаменимое пособие для этнографа-сибироведа (новое, переработанное и значительно дополненное издание этого труда находится в печати); «Новый источник по географии, этнографии и истории Азии второй половины XI и первых двадцати лет XII в.» («Изв. Всесоюзного Географического общ-ва», 1943, № 3); «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв.» (М.—Л., 1944) и «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.» (М., 1948) — два сборника архивных документов, содержащих ценнейшие этнографические данные; «Сибирские зарисовки первой половины XVIII в.» («Летопись Севера», 1947, № 1) — интересный очерк, содержащий материал по истории русской этнографической иллюстрации; «Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783—1794 гг. и работы, связанные с ними» («Вопросы географии», сб. 17, М., 1950); «Изучение Якутии в XVIII в.» («Ученые записки Ин-та языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР», 4, 1956); «Изучение Якутии в первой половине XIX в.» (там же, 5, 1958).

Громадную заслугу А. И. Андреева составляет осуществленное им (совместно с С. В. Бахрушиным) издание двух томов монументального труда Г. Ф. Миллера «История Сибири», опубликованных в 1937 и 1941 гг. Благодаря Александру Игнатьевичу этот замечательный труд выдающегося русского исследователя Сибири, оставшийся почти неизвестным, стал доступен и вошел в научное обращение. Оба тома А. И. Андреев снабдил своими статьями, в том числе обширной работой «Труды Г. Ф. Миллера о Сибири» (в т. I) и обширными примечаниями. Г. Ф. Миллеру посвятил Александр Игнатьевич и большое число частных исследований, статей и заметок. Отметим еще изданную под его редакцией и с его предисловием книгу: «Свен Ваксель, Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, перевод с рукописи на немецком языке» (Л., 1940) — сохранившийся дневник участника второй экспедиции Беринга, содержащий ценный этнографический материал.

Непосредственно этнографическими являются следующие работы А. И. Андреева: «Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири» («Сов. этнография», 1936, № 6); «Буляши (одно из эвенкийских объединений XVIII в.)» («Сов. этнография», 1937, № 1/3); «Этнографические труды С. У. Ремезова о Сибири XVII в.» («Сов. Север», 1938, № 1); в более полном виде: «Труды С. У. Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII в.» («Проблемы источниковедения», в. 3, 1940); «Материалы по этнографии Сибири XVIII в.» («Сов. Север», 1939, № 3); «Неизвестный труд А. Н. Радищева о Сибири» («Сов. этнография», сб. VI—VII, М.—Л., 1947); «Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах» («Сов. этнография», 1947, № 1).

Отметим, что А. И. Андреев был одним из старейших, с 1936 г., сотрудников журнала «Советская этнография».

Александр Игнатьевич принадлежал скорее к тому распространенному типу ученых-накопителей, которые собирают и исподволь обрабатывают гораздо больше материала, чем успевают за свою, хотя бы и долгую жизнь реализовать, т. е. окончательно приготовить к печати и опубликовать.

Все же список напечатанных работ А. И. Андреева сравнительно очень велик¹. Однако сам Александр Игнатьевич отнюдь не повинен в том, что многие его материалы и ряд его готовых или полуготовых трудов не увидели света при его жизни. В результате А. И. Андреев оставил большое рукописное литературно-научное наследство².

Из этого наследства надлежит прежде всего назвать III том «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, отредактированный А. И. Андреевым совместно с Л. П. Потаповым и снабженный примечаниями Александра Игнатьевича. Этот том совершенно готов к печати. Большая работа выполнена А. И. Андреевым, также совместно с Л. П. Потаповым, по подготовке к печати отдельного тома неизданных этнографических трудов Г. Ф. Миллера, а именно: обширного «Описания народов Сибири», анкеты для собирания материалов по этнографии народов Сибири и ряда других этнографических статей и заметок, к чему предположено присоединить переиздание напечатанного в свое время труда Миллера «Описание народов, живущих в Казанской губернии».

Крупнейшее значение для истории русской науки, в частности истории русской этнографии, имеет работа А. И. Андреева — второй выпуск его «Очерков по источ-

¹ Список этот опубликован в «Археографическом ежегоднике» за 1957 г., М., 1958, стр. 496а—501; к этому списку надлежит прибавить две вышедшие после издания «Ежегодника» работы А. И. Андреева: названный выше очерк «Изучение Якутии в первой половине XIX в.» и последнюю напечатанную при его жизни работу: «Труды Г. Ф. Миллера о Второй Камчатской экспедиции» («Изв. Всесоюзного Географического об-ва», т. 91, 1959).

² Большая часть сведений о литературном наследстве А. И. Андреева получена нами благодаря любезному посредству Э. Г. Гафферберг, которой выражаем глубокую благодарность.

никоведению Сибири», посвященный XVIII веку. Работу эту постигла печальная, доставившая покойному Александру Игнатьевичу немало горя, судьба. В 1941 г. работа уже печаталась (в издательстве Главсевморпути) и была доведена до верстки, но вследствие обстоятельств военного времени издание это не состоялось и набор был рассыпан. У Александра Игнатьевича сохранился один корректурный экземпляр верстки. В этой книге содержались, между прочим, следующие главы-очерки: «Собрание материалов о Сибири в первой четверти XVIII в.»; «Д. Г. Мессершмидт»; «Деятельность пленных шведов»; «Страленберг и его труд о Сибири»; «Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири»; «Труды Г. Ф. Миллера о Сибири»; «Г.-В. Стеллер — исследователь Сибири и Америки»; «И. Э. Фишер и Я. Линденау как исследователи Сибири»; «Обзор материалов Первой и Второй Камчатской экспедиций». С тех пор и в особенности в самое последнее время А. И. Андреев работал над подготовкой нового издания этого своего труда, весьма значительно его переработав и дополнив. Александр Игнатьевич оставил эту книгу в состоянии почти полной готовности к печати.

В числе рукописей, оставленных А. И. Андреевым, находятся еще три имеющие отношение к этнографии работы: «В. Н. Татищев и его сношения с Академией наук в 1730—1730 гг.», (доклад, прочитанный на заседании Сектора истории Академии наук Института истории науки и техники АН СССР, 1936); «Литература по истории и этнографии народов Тобольского Севера» (1940 г., 45 стр.); «Труды Н. И. Надеждина по географии и этнографии России. К 100-летию со дня рождения Н. И. Надеждина 17 октября 1954 г.» (доклад, прочитанный в Отделении истории географических знаний Географического общества 19 октября 1954 г.).

Прямой долг советской науки перед памятью А. И. Андреева — опубликовать все его оставшиеся неизданными работы. В первую очередь должно быть выпущено в свет новое издание «Очерков по историографии Сибири XVII в.», находящееся в Ленинградском отделении издательства АН СССР. Должен быть срочно издан совершенно готовый, как было упомянуто, III том «Истории Сибири» Миллера. Должно быть обязательно реализовано издание тома этнографических работ Миллера и второго выпуска «Очерков по источниковедению Сибири». Всего этого должна настоятельно потребовать наша научная общественность, учреждения и лица, от которых это зависит, обязаны это выполнить, а соответствующие специалисты должны помочь своим трудом. Это будет некоторым вкладом в увековечение памяти покойного выдающегося советского ученого.

А. И. Андреев был замечательным, общепризнанным и широко известным у нас и за рубежом знатоком тех отраслей исторической науки, которые он сделал своей специальностью. Немало лиц и учреждений постоянно обращалось к Александру Игнатьевичу с просьбой о совете, консультации, помощи. В его рукописном наследстве имеется очень большое число написанных им по различным просьбам, оставшихся ненапечатанными, рецензий и отзывов на диссертации, предполагавшиеся издания и пр. Оказать такого рода помощь Александру Игнатьевичу никогда и никому не отказывал. Надо сказать, что он оставался при этом всегда высоко принципиальным и, где надо было, довольно суровым критиком.

А. И. Андреев был выдающимся знатоком разнообразных архивных фондов. Как известно, его особую специальность составляла история Сибири XVII—XVIII вв. И можно сказать, что он отлично знал все относящиеся к Сибири фонды, документы и материалы, хранящиеся во всех архивах Москвы и Ленинграда. Превосходно знал Александр Игнатьевич и всю сюда относящуюся литературу.

С покойным Александром Игнатьевичем меня соединяла большая многолетняя дружба. Она основывалась с моей стороны на моем глубоком к нему уважении как к человеку и ученому, на высокой оценке его обширных знаний, на общности некоторых наших научных интересов и, наконец, на его постоянной готовности дать мне совет или оказать помощь. С того времени, как Александр Игнатьевич переселился в Ленинград, мы с ним поддерживали постоянную переписку, делясь своими научными достижениями, неудачами и планами.

Весной 1959 г. Александр Игнатьевич перенес тяжелую болезнь. Одно из его последних ко мне писем он написал, несколько оправившись, еще лежа в постели. Но это было бодрое письмо, в котором Александр Игнатьевич писал о своих издательских делах, предстоящих работах и пр. В последовавшем затем письме, тоже очень бодром, Александр Игнатьевич сообщал, что поправился, начал выходить и переезжает на дачу, где надеется окончательно восстановить свои силы. Письмо было написано за несколько дней до его смерти. Как громом поразила неожиданная горестная весть о его кончине...

С глубокой грустью приняли это печальное известие его друзья, товарищи по работе, его ученики, все знавшие его лично и по его трудам, и каждый помянул покойного Александра Игнатьевича добрым словом.

Прекрасную память оставил о себе этот большой ученый и благородный человек.

М. О. Косвен

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

ЖУРНАЛ «НАРОДНА ТВОРЧІСТЬ ТА ЕТНОГРАФІЯ» (1957—1958)

Третий год на Украине издается новый фольклорно-этнографический журнал «Народна творчість та етнографія» — орган Института искусствознания, фольклора и этнографии Академии наук УССР и Министерства культуры Украины. Журнал рассчитан не только на специалистов — фольклористов и этнографов, но и на более широкий круг читателей. Разнообразное и богатое содержание, хорошее техническое оформление способствуют приобретению журналом все большей популярности среди специалистов-ученых, преподавателей-словесников, студентов-филологов, историков и искусствоведов, руководителей художественной самодеятельности и многих колхозников и рабочих.

В редакционной статье «Очередные задачи нашей работы»*, открывающей первый номер, подчеркивается, что особое место в журнале будет уделяться современности — освещению процессов, происходящих в народном творчестве в настоящее время, и изменений в быте народа, характерных для Советской Украины. В этой статье отмечается, что журнал ставит своей целью систематическую публикацию образцов народного творчества, рецензирование новых изданий по фольклору и этнографии Украины, братских республик СССР, стран народной демократии, а также других зарубежных стран. Такую установку следует всячески одобрить.

В той же статье справедливо указывается, что «исследование и популяризация различных видов коллективного народного творчества имеет большое значение в деле коммунистического воспитания трудящихся. Собранные, изданные и правильно объясненные образцы народного художественного и культурно-бытового творчества показывают творческую роль трудящихся масс в истории общества, служат правдивому освещению истории народа, его культуры и быта» (1957, I, стр. 3). Как видим, журнал ставит перед собой серьезные задачи познавательного и воспитательного характера.

Ценно, что журнал публикует ряд теоретических работ, касающихся проблем советской фольклористики и этнографии. Среди них следует отметить прежде всего статью акад. М. Ф. Рыльского «Расцвет народного творчества на Украине», в которой дана решительная отповедь сторонникам «теории» отрицания народного творчества в наше время. На ряде убедительных примеров автор доказывает, что только в советский период украинское народно-поэтическое творчество достигло небывалого расцвета, что не было и нет принципиального отличия между произведениями, народными «по происхождению» и «по бытованию», что в советский период старые формы успешно используются для выражения нового содержания. М. Ф. Рыльский подчеркивает, что только в нашей стране созданы все условия для массового коллективного творчества. «Удивительно,— пишет он,— что люди, которые отрицают у нас возможность *коллективного творчества* и обосновывают на этом мысль о невозможности *советского* народного творчества вообще, выдвигают эти утверждения именно в стране, где *коллективность труда* стала основным принципом жизни!» (1957, I, стр. 19).

Актуальность затрагиваемых вопросов отличает и ряд других статей, опубликованных в журнале в 1957—1958 гг. Например: «Октябрьская революция и расцвет советской культуры» (1957, № 3) и «Состояние и задачи развития этнографической науки в Украинской ССР» К. Г. Гуслистого (1958, № 4), «Развитие украинской этнографии за годы советской власти» Г. Е. Стельмаха (1958, № 2), «Коммунистическая

* Здесь и ниже все названия статей в журнале и его разделов, а также цитаты, даны в переводе на русский язык.— *Ред.*

партия Советского Союза — вдохновитель и организатор расцвета народного искусства» П. Н. Попова (1957, № 3), «Коммунистическая партия — вдохновитель развития культуры и искусства» (1958, № 2) и «Фольклор — источник развития советской музыки» И. Ф. Ляшенко (1957, № 3), «Достижения украинской советской фольклористики за сорок лет» П. Д. Павлия (1958, № 3), «Формирование социалистического быта и культуры трудящихся Закарпатья» И. Ф. Симоненко (1958, № 1) и др. Правда, некоторые из опубликованных статей имеют в основном информационный характер. Так, в статье П. Д. Павлия дан не столько анализ, сколько перечень основных работ советского периода. В обзор не попали некоторые заслуживающие внимания работы, в частности — посвященные изучению украинского народно-поэтического творчества периода Великой Отечественной войны.

Важным вопросам теории народно-поэтического творчества посвящены статьи: «О специфике фольклора и фольклористики» А. Б. Бунько (1958, № 2), «О некоторых чертах советского устно-поэтического творчества» В. Н. Кнейчера (1957, № 4), «Коллективность народного творчества» А. М. Кинько (1957, № 1), «Художественные особенности повествовательного фольклора» Г. С. Сухобрус (1957, № 2) и некоторые другие.

К сожалению, не все эти статьи отличаются должной научной обоснованностью. Так, А. Б. Бунько в упомянутой статье под многообещающим заголовком «О специфике фольклора и фольклористики» рассматривает только некоторые специфические черты народно-поэтического творчества (в частности, его массовость и устность) и пытается внести точность в определение предмета фольклора, но в ряде случаев повторяет давно известные положения, а формулировка автора отличается нечеткостью. Между тем, именно в такой статье следовало бы всесторонне охарактеризовать специфику народно-поэтического творчества и, в частности, поставить вопрос об устранении терминологической путаницы в фольклористических работах.

По теории музыкального фольклора опубликован также ряд статей: «Ладовая изменяемость в украинской народной музыке» (1957, № 2) и «Из истории изучения ладовых особенностей украинской народной музыки» (1958, № 1) А. А. Правдюка, «Украинское народное многоголосие и его происхождение» (1957, № 4) и «Основные структурно-стилистические типы украинского народного многоголосия» (1958, № 2) Л. И. Яценко и др. Эти статьи были бы еще более интересны, если бы их авторами был проведен сравнительный анализ музыкального фольклора братских народов, прежде всего русского и белорусского.

Многие статьи журнала разрабатывают частные вопросы фольклористики и этнографии, интересующие, однако, не только специалистов, но и широкий круг читателей. Так, статья Ф. И. Лаврова «Запрещение царской цензурой печатания антирелигиозного фольклора» (1957, № 4) имеет не только исследовательское, но и важное воспитательное значение.

Это же касается ряда статей о выдающихся kobzarah — Егоре Мовчане (1957, № 1; 1958, № 2) и о народных мастерах — художнице Катерине Белокур (1957, № 1), резчике Петре Верне (1957, № 2) и др.

Думается, что подобные статьи и заметки должны все чаще появляться на страницах журнала. Было бы неплохо журналу напоминать и о народных мастерах прошлого — выдающихся песенниках, kobzarah, сказочниках, резчиках, гончарах и т. п.

Как уже упоминалось, журнал уделяет большое внимание современному быту и художественному творчеству народа. Это касается прежде всего статей по этнографии. Так, в первом номере из девяти этнографических статей и заметок семь посвящены современной тематике. Очень ценно, что этнографы изучают быт, жилище, обычаи, праздники не только колхозников, но и рабочих, чему до сих пор уделялось недостаточно внимания (см. статьи «К изучению рабочего быта на Украине» А. С. Куницкого (1957, № 1), «Современный рабочий брак и свадьба» (1957, № 2), «Новые черты в семейном быте рабочих» (1957, № 3) и «О некоторых новых общественных праздниках и коллективном досуге рабочих» (1958, № 3) В. Т. Зинича, «Характерные черты современного народного жилья рабочих» (1958, № 1) и «К вопросу об усадьбе и дворе рабочих Донбасса» (1958, № 2) Н. П. Приходько и др.).

Так же пристально изучают украинские этнографы и современное колхозное село. Например, вопросу формирования новых обычаев и праздников на селе уже в первом номере журнала посвящено три статьи (Г. Е. Стельмаха, А. Ф. Кувеневой и Д. М. Косарика).

Этим не исключается, конечно, интерес авторов журнала к дореволюционному быту украинского народа (см. публикации С. А. Таранушенки, А. Я. Порицкого и др.). В журнале опубликован ряд статей, посвященных дореволюционному быту украинцев.

Некоторые специальные статьи посвящены различным вопросам народного прикладного искусства и художественных промыслов Украины. Среди них имеются и обобщающие работы, как, например, «Традиции, состояние и потребности художественных промыслов Украины» С. Г. Колоса (1957, № 4), и работы, посвященные отдельным местным производствам, — «Косовские гончары» Ю. Ф. Лашука (1957, № 1), «Гончарное искусство Луганщины» А. Р. Тищенко (1958, № 3), «Петриковская декоративная роспись» Н. А. Глухенькой (1957, № 2) и др.

Журнал уделяет внимание и обобщающим исследованиям советского фольклора. Этому посвящены статьи «Великий Октябрь и гражданская война в украинском

фольклоре» В. С. Бобковой и И. Я. Лазаревича (1957, № 3), «В. И. Ленин в поэтическом творчестве украинского народа» В. Г. Хоменко (1958, № 2), «Трудовая героика комсомола в украинской народной поэзии» В. Г. Бойко (1958, № 4) и др. Однако таких обобщающих статей в журнале появилось еще мало, а поэтический материал в них часто не анализируется, а выступает простым дополнением, «довеском» авторских утверждений, художественной иллюстрацией, подтверждающей общеизвестные положения.

Особо следует отметить статьи, посвященные культурным взаимосвязям братских народов. На страницах журнала появляются работы, освещающие прежде всего культурные взаимосвязи украинского и русского народов. Таковы статьи «Репин и украинское народное искусство» Б. С. Бутник-Сверского (1957, № 1), «К вопросу о фольклорных интересах Гоголя» И. С. Морозовой (1958, № 1), «Украинско-русские фольклорные взаимосвязи в оценке декабристов» Г. С. Сухобрус (1958, № 3), «Из украинско-русских взаимосвязей в области этнографической науки середины XIX в.» В. Ф. Горленко (там же) и др. Статьи же о фольклорно-этнографических взаимосвязях украинского и других народов в журнале встречаются редко, эпизодически.

Ценно то, что отдельные статьи освещают вопросы фольклористики и этнографии братских республик и славянских стран народной демократии (см. статьи П. Н. Попова о чешском фольклористе и этнографе Людвике Кубе (1957, № 1), Н. Н. Велецкой — об изучении фольклора в чешской Силезии (1958, № 1), А. И. Залесского — об этнографических наблюдениях над отношением белорусского крестьянства к религии (1958, № 4) и др.).

Необходимо подчеркнуть, что братские взаимосвязи, а также основные проблемы фольклористики и этнографии как восточнославянских, так и южно- и западнославянских народов должны бы освещаться в журнале гораздо шире. Необходимы работы по сравнительному изучению фольклора и этнографии славянских народов.

Ценный материал для историографии фольклористики и этнографии представляют публикации, посвященные выдающимся украинским фольклористам и этнографам, а также фольклористам и этнографам других братских народов.

Уделено внимание и методике собирания фольклорных произведений. См. работы: «Методика записи народной музыки» Н. М. Гордийчука (1958, № 4), «Из опыта записи и постановки народных танцев Днепропетровщины» К. Е. Василенко (там же), а также обобщающую статью П. Д. Павлия «Собирание и публикация образцов народного творчества» (1957, № 2), ценную и по богатству материала, и по методическим указаниям. Эти статьи представляют особый интерес, так как они написаны практиками-собирающими. Так, И. Т. Танцюра, поместивший статью «Как я собираю фольклор» (1957, № 1), собирает народно-поэтические произведения более сорока лет и уже направил около 2000 текстов в Институт искусствознания. фольклора и этнографии АН УССР (см. специальную заметку А. М. Кинько в первом номере журнала за 1958 г.).

Следующим по значению является раздел «Публикации». В этом разделе, как заявлено в редакционной статье, будут систематически печататься новые материалы украинского народного творчества, прежде всего словесного и музыкального, которыми столь богаты фонды Института искусствознания, фольклора и этнографии АН УССР. За два года на страницах журнала появилось немало ценных публикаций народно-поэтического творчества, почерпнутых преимущественно из рукописных фондов Института. Следует отметить, что подавляющее большинство этих публикаций относится к творчеству советского периода. Материал подобран чаще всего по тематическому принципу: «Народные песни о Советской Армии» (1957, № 1), «Советская женщина в поэтическом творчестве народа» (там же), «Украинский народ о Ленине» (1957, № 2), «Нас мудрая партия ведет» (1958, № 2) и др. Только в последних двух номерах за 1958 г. публикации даны по жанрам: «Современные народные песни» (1958, № 3), «Народные сказки» (там же), «Современные песни украинского народа» (1958, № 4). Очень ценно, что в этих номерах текст публикуется вместе с нотными записями.

В разделе «Публикации» решительно преобладают песни в ряде случаев оригинальные, высокохудожественные, однако встречается немало и таких произведений, которые еще не стали песнями (и вряд ли станут ими). Это стихотворения, принадлежащие колхозным и рабочим поэтам и колбазарям. Очевидно, подобные произведения должны публиковаться под соответствующей рубрикой и с особыми примечаниями (хотя очень увлекаться ими, по всей вероятности, не следует).

Особо необходимо отметить публикацию двух украинских народных сказок, записанных в Румынии в 1957 г. румынским писателем В. Кордуном от талантливого сказочника Василия Цолы. — «П'ятдесят легінів та люта баба» и «Про двох братів». Эти сказки разработывают общеизвестные сюжеты, но оригинальность их заключается во включении в текст национальных особенностей румынского народно-поэтического творчества. Хочется выразить пожелания, чтобы журнал как можно больше печатал подобных материалов украинского фольклора, бытующего в других славянских и неславянских странах (в Чехословакии, Польше, Румынии, Канаде и т. д.), а также во многих районах (особенно соседних) братских республик (в Молдавии, Белоруссии, на Кубани, в Сибири, в Курской, Воронежской и других областях

РСФСР). Столь же ценными были бы и публикации фольклора братских народностей, бытующего на Украине. Этот материал необходим для всестороннего изучения фольклорных взаимосвязей, все еще ожидающих своих исследователей.

В разделе критики и библиографии, который от номера к номеру расширяется, даны рецензии почти на все работы по украинскому народно-поэтическому творчеству и этнографии, изданные за последние годы не только Академией наук УССР и центральными издательствами, но и областными. Кроме того, систематически даются обзоры фольклорных и этнографических журналов, наиболее известных трудов и изданий в области фольклора и этнографии, опубликованных в странах народной демократии (Чехословакия, Польша, Болгария, Венгрия). Следует отметить обзор «Чехословацкие издания украинского и белорусского фольклора» Л. Лавровой (1957, № 4) и рецензии на отдельные фольклорные и этнографические издания русского и частично белорусского народа.

В целом раздел «Критика и библиография» ведется квалифицированно, однако в некоторых случаях наблюдается тенденция давать слишком высокую оценку тем или иным работам по фольклору и этнографии. Так, довольно скромный и не оригинальный по материалу сборник белорусского народно-поэтического творчества «Антырэлігійныя казкі, частушкі, прыказкі» (изд. АН БССР, Минск, 1957), в адрес составителей которого высказан ряд критических замечаний в белорусской прессе, В. Хоменко объявляет «отрадным явлением» всей советской фольклористики (1958, № 1, стр. 146). В. Сидельников считает «чудесным подарком читателю», «большим достижением Гослитиздата Украины» (1958, № 3, стр. 136—137) сборник «Українські народні казки, легенди, анекдоти» (Киев, 1957). Хотя в целом сборник ценен по материалу, но классификация этого материала дана мало удовлетворительно (так, в одном разделе помещены бытовые анекдоты и сразу же после них исторические сказки патристического характера), требуется более квалифицированное предисловие и ряд доработок. Объективная рецензия способствовала бы улучшению этого нужного сборника. Очевидно, рецензией В. Сидельникова в большой мере объясняется то, что сборник «Українські народні казки, легенди, анекдоти» вышел вторым изданием без всяких изменений и исправлений.

Заключительным разделом журнала является «Хроника». В этом разделе дается довольно полная и живая информация о фольклорной и этнографической жизни республики, о проведенной работе и о планах фольклористов и этнографов.

Итак, новый фольклорно-этнографический журнал — «Народна творчість та етнографія» богат и разнообразен по содержанию. Не удивительно, что он за короткий срок приобрел популярность как среди специалистов, так и среди широкого круга читателей Украины и братских республик. Чтобы закрепить этот успех, журнал должен смелее ставить и решать теоретические проблемы, в частности — активнее выступать по вопросам специфики народного художественного творчества, его национального своеобразия, взаимосвязей фольклора и литературы и т. д. В журнале должно быть развернуто сравнительное изучение народно-поэтического творчества и этнографии украинского и братских славянских, а также неславянских народов. С этой целью следует расширить, сделать более разнообразным раздел новых публикаций, имея в виду не только современное творчество, но и — как ценное культурное наследие — фольклор прошлых времен, мертвым капиталом лежащий в фондах или вовсе до сих пор не записанный из уст народа. В разделе критики и библиографии было бы необходимо давать аннотированные библиографические списки. Гораздо полнее нужно бы освещать достижения фольклористики и этнографии не только Украины, но и РСФСР, Белоруссии, а также других братских республик и зарубежных стран, в первую очередь стран народной демократии, населенных славянами. Все это потребует увеличения объема журнала и его периодичности, чего он вполне заслуживает.

П. Охрименко

Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Собраны Ф. В. Тумилевичем. Ростов, 1958, 267 стр.

В Приморско-Ахтарском районе Краснодарского края на хуторах Ново-Некрасовском, Потемкинском и Ново-Покровском, а также в селении Шевкитили Грузинской ССР живут казаки-некрасовцы, предки которых — донские казаки в свое время принимали участие в восстании Кондратия Булавина и Игната Некрасова, а после разгрома этого движения ушли сперва на Кубань, потом на Дунай и, наконец, в Турцию на озеро Майнос. Оттуда некрасовцы вернулись на родину лишь при Советской власти, пробыв на чужбине двести пятьдесят лет. В чужом, иноземном окружении некрасовцы хранили свою национальную культуру: язык, быт, костюм, религию и фольклор.

Еще лет десять тому назад некрасовские хутора представляли собой особый мир, поражавший приезжих архаичностью; это был клад для этнографов, искусствоведов и фольклористов, которые вволю могли там изучать старинные костюмы и утварь, слушать песни, необычайно близкие к чулковским текстам XVIII в., записывать величественные варианты традиционных сказок.

Нет нужды доказывать, какой огромный научный интерес представляют собой записи и наблюдения ростовского фольклориста Ф. В. Тумилевича, который вот уже двадцать лет неумоимо собирает, записывает, публикует устно-поэтическое творчество некрасовцев. Областные книжные издательства в Ростове и Краснодаре время от времени издают небольшие сборники то сказок, то песен некрасовцев, записанных этим собирателем¹. Эти публикации вместе с тем являются как бы подготовкой к будущему академическому изданию фольклора некрасовцев.

Рецензируемый сборник, вышедший в 1958 г., включает тридцать сказок и двенадцать преданий, составляющих лишь небольшую часть огромного сказочного репертуара, до настоящего времени бытующего у казаков-некрасовцев. Тексты сопровождаются подробными комментариями и исследовательской статьей собирателя. Кроме того, даны биографии и портреты сказочников.

На основании выборочного материала нельзя, конечно, делать заключения о характере репертуара той или иной группы населения, о соотношении в нем отдельных видов сказок, о мастерстве отдельных исполнителей. Однако рецензируемый сборник все же дает возможность убедиться в сюжетном богатстве сказок некрасовцев, в их высоком художественном качестве, в наличии среди них, помимо общераспространенных сюжетов, ряда оригинальных произведений, варианты которых не зарегистрированы в других местах. Для сказок казаков-некрасовцев характерен ярко выраженный своеобразный колорит, постоянны упоминания Дона, степей, казачества, его занятий, турок и пр. Так, в прекрасном варианте популярной детской сказки «Кот, кочеток и Лиса Иванова», рассказанном одной из лучших сказочниц Т. И. Капустиной, в песенку, которой лиса выманивает кочетка, введены специфические детали:

Иди просо имати,
Ехали татары,
Зерно растеряли,

Следом идут турки,
Бьют кота-мурку.
(стр. 59)

Очень интересная сказка «Олень золоторогий и рыбак» записана Ф. В. Тумилевичем от сказочника Т. К. Петрушина. В ней сочетаются широко распространенные в русском сказочном эпосе мотивы (благодарное животное-помощник, чудесная жена, влезанье по стеблю на небо) с чрезвычайно оригинальными эпизодами. Герой и его жена по приказанию отца жены ездят по небу на колеснице и поливают землю из двух склянц с дождем — «как увидят сухую землю, так и польют» (стр. 97). Зато, что они, тоскуя по родной земле, залили ее слезами и затопили проливным дождем, отец прогоняет их с неба. О тоске по родине говорится и в оригинальной сказке И. В. Господарева «Иван-охотник», в которой фигурируют чудесные цветы, — прикоснешься к ним губами и окажешься в родном доме.

В нескольких вариантах записана интересная сказка «Про царицу Лютру», также не известная в других районах. Герой сказки — донской казак ведет борьбу со злой чернокнижницей царицей Лютроей, которая «окромя русского царства, всех победила и взяла под свое управление» (стр. 107). Победив ее, казак «не взял награды, и отчина полковника отказался».

Интересно, что в репертуаре некрасовцев значительное число сказок восходит к литературному источнику: так, одна из сказок, напечатанных в рецензируемом сборнике, восходит к известному «Слову о бражнике», встречающемуся в рукописных сборниках некрасовцев, которые бережно хранятся во многих домах в качестве семейной реликвии.

Кроме сказок, в сборник Ф. В. Тумилевича вошли и предания, преимущественно об Игнате Некрасове. Независимо от художественного качества этих текстов, все они представляют бесспорную ценность, так как в совокупности создают образ народного героя Игната Некрасова и раскрывают во всем его своеобразии отношение к нему некрасовцев.

Сказки и предания, вошедшие в сборник, свидетельствуют о наличии у некрасовцев живой, полнокровной сказочной традиции. Даже «осовременивание» сказок путем введения новой, книжной или городской, лексики в данном контексте свидетельствует не о распаде сказочной традиции, а об ее активной жизни в новых условиях: мышь и воробей, например, засевают «двенадцать гектар» (стр. 69), а орел принимает от воробья «заявление» (стр. 70).

Помещенные в сборнике сказочные тексты настолько хороши, что читателя невольно охватывает чувство досады при мысли о том, что несколько сотен таких сказок и многие сотни чудесных песен казаков-некрасовцев ждут своего опубликования уже десятки лет. Это тем более досадно, что в свое время издательством Государственного Литературного музея был подготовлен капитальный том фольклора казаков-некрасовцев, который, однако, в связи с ликвидацией издательства, так и не увидел света. Следует еще раз напомнить, что нельзя оставлять под спудом драгоценное для науки наследие, бережно сохраненное народом на чужбине и возвращенное им родине.

Э. Померанцева

¹ См. книги Ф. В. Тумилевича: «Сказки казаков-некрасовцев», Ростов, 1945; «Песни и сказки», Ростов, 1947; «Песни казаков-некрасовцев», Ростов, 1948; «Фольклор казаков-некрасовцев», Краснодар, 1948, и др.

Русская сатирическая сказка. Предисловие, примечания и редакция текстов Дм. Молдавского, М., Гослитиздат, 1958, 404 стр.

Несколько лет назад в серии «Литературные памятники», издаваемой Академией наук СССР, вышел сборник Д. Молдавского «Русская сатирическая сказка в записях середины XIX — начала XX века» под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. Появление книги такого рода явилось большим событием не только в фольклористике, но и в литературоведении. Не случайно поэтому в советской печати появилось сразу три отзыва на этот сборник¹. Имеются и зарубежные отзывы (в Польше и Югославии). Отмечая отдельные недостатки в подборе текстов и спорность некоторых теоретических положений вступительной статьи и комментариев, рецензенты давали высокую общую оценку всей работы, указывали на необходимость издания сатирических сказок массовым тиражом для широкого круга читателей. И вот перед нами новая книга Д. Молдавского — «Русская сатирическая сказка».

Рецензируемый сборник подготовлен автором с учетом критических замечаний: сняты малоудачные тексты («Царь и черепан», «Мужик разгадывает загадки», «Беременный поп» и др.), раздвинуты хронологические рамки привлекаемого материала. В основном тексты по-прежнему взяты из сборников XIX — начала XX в., но теперь Д. Молдавским используются и записи современных собирателей — М. К. Азодовского, В. С. Бахтина, И. В. Карнаухова, М. В. Красноженовой, С. И. Миц, А. Н. Нечаева, Н. В. Новикова, Н. И. Савушкиной, В. И. Чернышова, Л. Е. Элиасова и др. Некоторые менее художественные варианты из дореволюционных изданий в книге заменены лучшими текстами советского времени; так, сюжет «Беспечального монастыря» представлен развернутым изложением Е. И. Сороковикова-Магая. Добавлен рассказ Ф. П. Господарева о шуте Балакиреве и др.

Большую ценность представляют впервые публикуемые тексты: три из Новгородской области (№№ 80, 84 и 94), один — из Псковской (архив Географического общества Союза ССР), один — из Вологодской (№ 35), один — карельский (№ 17) и две сказки из репертуара И. Д. Богатырева (№№ 8, 53).

Переработана и вступительная статья: опущен подробный историографический экскурс, мало интересный широкому читателю. Обширная статья (объемом более двух листов) открывается живо написанным очерком о сказочнике И. Д. Богатыреве, «открытом» автором. Расширены разделы ее, характеризующие сказки, отразившие мечту крестьян о «хорошем» царе и осмеивающие бар (в первом издании материал этого рода в сжатом виде был приведен в комментариях). В конце статьи дан обзор творчества современных мастеров сатирической сказки — таких, как А. К. Барышникова, Ф. П. Господарев, М. М. Коргуев, Е. И. Сороковикова-Магай.

Изменен характер примечаний: каждый текст снабжен не только паспортными данными, но и отсылками к указателю сказочных сюжетов Андреева-Аарне, приведены развернутые пояснения к публикуемому варианту, а также толкования диалектных слов. В примечаниях освещается обработка сюжетных линий и образов сатирической сказки русскими писателями; к сожалению, говоря об антицарских и антиклерикальных сюжетах народной сатиры, составитель недостаточно внимания уделил сказкам о «Золотом петушке» и «О попе и работнике его балде» А. С. Пушкина, не привел и известного высказывания А. М. Горького о глубоком понимании Пушкиным социального смысла народной сатирической прозы².

Не вызывает возражения принцип отбора и подачи материала в рецензируемом сборнике; тексты отбирались не только наиболее социально-заостренные, но и ярко художественные. При этом при подготовке к печати сохранялись наиболее характерные черты лексики, а в отдельных случаях и морфологические особенности. Транскрипция приближена к литературной. Для издания данного типа оправдан и метод изъятия не вполне приличных мест и отдельных выражений (не оговоренный, однако, составителем).

Особо надо остановиться на иллюстрациях в книге. К каждой сказке дана картинка-концовка; большей частью это жанровые сценки, подчеркивающие сатирические черты сказочных персонажей (см., например, стр. 63, 119, 178, 310). Фигурная первая буква текста стилизована под древнерусские рукописи; одних вариантов буквы «ж» насчитывается до девяти. Черный кот — символ разоблачаемого в книге народного суеверия, «украшающий» обложку и завершающий последнюю сказку, сразу создает нужное настроение. Неудивительно, что иллюстратор глубоко проник в смысл текстов: книгу оформил ее автор.

Хотелось бы, конечно, видеть изданный в наши дни сборник сатирических сказок еще более обширным, с большим привлечением материалов из богатейших научных хранилищ; по-прежнему мало текстов из архива Географического общества, совсем не тронуты фонды Фольклорного отдела рукописного хранилища Пушкинского дома. Недостаточно отражено творчество рабочих Урала; нет сказок из репертуара воро-

¹ См.: Н. Савушкина, «Сов. этнография», 1956, № 3; И. Карнаухова, «Нева», 1956, № 5; А. Андреев, «Звезда», 1956, № 6.

² См.: М. Горький, О Пушкине, «Временник пушкинской комиссии», т. III, М.—Л., 1937, стр. 263.

нежской сказительницы А. К. Барышниковой, хотя, как указывалось выше, о ней довольно подробно говорится во вступительной статье (стр. 39).

В этой статье, рассчитанной на широкого читателя, надо было дать хотя бы приблизительную классификацию русской традиционной сатирической сказки, выделив две основные группы: социальную сатиру, обличающую представителей эксплуататорских классов, и бытовую, осмеивающую общечеловеческие пороки в среде самого крестьянства. При более дробном делении сказок первой группы ярче выявились бы антицарские, антибоярские, антиклерикальные, а подчас и антирелигиозные черты русского фольклора. При развернутом анализе видов сатирической прозы в статье нашлось бы место для характеристики сказок о животных (в рецензируемом сборнике такая характеристика заняла непомерно большое место в комментариях — стр. 399 и 400).

Как уже отмечалось, статья открывается живым рассказом собирателя о знакомстве со сказочником Богатыревым. Но жаль, что далеко не все интересные подробности, рассказанные по другим публикациям автора³, использованы в рецензируемом издании.

Сборник «Русская сатирическая сказка» вызовет интерес у самых различных по культурному уровню и возрасту читателей. Вступительная статья к такой книге должна быть публицистически страстной, не только объясняющей смысл народной сатирической прозы, но и показывающей жизнь фольклора, раскрывающей его общественную функцию. В статье же обидно мало сказано о бытовании русской сатирической сказки. Более того, говоря о белозерском сказочнике В. В. Богданове, Д. Молдавский не приводит очень интересное описание Б. и Ю. Соколовыми манеры исполнения этого крупнейшего мастера⁴. Жаль, что автор не вспомнил о данной А. М. Горьким блестящей характеристике сатирической сказочницы второй половины XIX в. — няньки Горького Евгении, где конденсирована специфика русской сатирической сказки: «По сказкам няньки, — рассказывает Горький, — выходило, что и всё на земле глуповато, смешно, плутовато, неладно, судьи — продажны, торгуют правдой, как телятиной, дворяне-помещики — люди жестокие, но тоже неумные, купцы до того жадны, что в одной сказке купец, которому до тысячи рублей полтины не хватило, за полтинник продал ногойским татарам жену с детьми»⁵.

Хочется пожелать Д. Молдавскому — знатоку народной сатиры — не оставлять работы над этой трудной и благодарной темой. Актуальным было бы издание им тематических сборников, посвященных антиклерикальным и антирелигиозным сказкам, которые дают ценнейший материал для дела научно-атеистической пропаганды.

М. Я. Мельц

Я. Г. Гулямов. *История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней*. Ташкент, 1957.

Монография узбекского археолога Я. Г. Гулямова посвящена истории возникновения и развития орошения в низовьях Аму-Дарьи. Известна та огромная роль, которую играло орошение в жизни древневосточных цивилизаций. На плодородных берегах великих речных артерий Востока, где географические условия вызвали необходимость и обеспечивали возможность применения ирригации, на основе плужного поливного земледелия возникали древнейшие классовые общества, мощные рабовладельческие государства. Орошение сыграло важнейшую роль и в создании древнего Хорезмийского государства, о чем ярко и убедительно написал автор, излагая конкретную историю ирригации Хорезма в связи с историей его политического и экономического развития. В этом капитальном исследовании Я. Г. Гулямов вскрыл основные причины возникновения и запустения цветущих в древности областей низовьев Аму-Дарьи, связанные с изменением социально-экономических условий и сменой социально-экономических формаций¹.

Одной из важных проблем истории народов Средней Азии является проблема происхождения поливного земледелия. Я. Г. Гулямов исследовал древнейшие этапы развития орошения в Хорезме и, развивая дальше известную схему Д. Д. Букинича и С. П. Толстова², пришел к выводу о том, что «природа первобытного и орошаемого земледелия в странах Востока подчинена общему закону: оно развилось на базе использования затухающих протоков равнинных рек и горных ручьев в двух физико-географических зонах: в предгорьях, где горные ручьи и силевые потоки, приносящие обильный ил, затухают на равнине, отлагая приносимую ими мусть, а также в обра-

³ См., например, очерк Д. Молдавского «За сказкой» в «Ленинградском альманахе», кн. 13, 1957.

⁴ Б. и Ю. Соколовы, Сказки Белозерского края, М., 1915, стр. 32.

⁵ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 27, М., 1953, стр. 396.

¹ См. также С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 48—56.

² Д. Д. Букинич, История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства, журн «Хлопковое дело», 1924, № 3—4, стр. 110; С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 45.

зуемых ими лиманах в дельтах равнинных рек; и тут и там они снабжают почву таким количеством влаги, которая необходима для произрастания и созревания злаков»³.

Автор на большом археологическом и историко-этнографическом материале проследил зарождение ирригации в дельтовых затухающих протоках Аму-Дарьи и наметил общую схему развития орошения Хорезма: медленную эволюцию от использования амударьинских разливов для охоты и рыболовства в неолитическое время — к примитивному земледелию и скотоводству на затухающих протоках в период бронзы и, наконец, к искусственно орошаемому земледелию на базе мощных магистральных каналов в эпоху классового общества. Резкий перелом в развитии ирригации Хорезма наступил после победы Великой Октябрьской социалистической революции и укрепления советского строя в Хорезме, когда были реконструированы старые и проложены новые каналы, оросившие многие тысячи гектаров плодородных земель (стр. 295).

В своих исследованиях Я. Г. Гулямов использовал обширный круг источников — восточных рукописей, актов, архивных документов — и привлек большой литературный материал. Знакомство с большим количеством археологических памятников Хорезмского оазиса и прекрасное знание рукописных средневековых источников позволили автору подробно описать основные ирригационные системы Хорезма в различные периоды и составить серию гидрографических и исторических картосхем. Особый интерес представляет картосхема расселения узбекских племен в Хорезме в XVII—XVIII вв. (стр. 209), при составлении которой использованы не только рукописные источники, но и значительный историко-этнографический материал — предания и легенды, собранные автором в Хорезме. Последняя глава книги Я. Г. Гулямова посвящена этнографическому описанию народного опыта хорезмских ирригаторов в строительстве мощных оросительных систем, головных, распределительных и водоподъемных сооружений, в способах орошения полей.

Этой книгой автор подвел итоги своих многолетних работ (1936—1950 гг.) по археологическому надзору на ирригационных народных стройках Хорезма, а также при работе в составе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР (1938—1946 гг.). Во введении автор отмечает, что им не были затронуты новые материалы по истории орошения Хорезма, накопленные экспедицией в последние годы. Нужно сказать, что новые данные полностью подтверждают высказанные С. П. Толстовым в книге «Древний Хорезм» и полученные в работе Я. Г. Гулямова дальнейшее развитие основные выводы по истории древней ирригации. Однако некоторые частные положения, высказанные в монографии Я. Г. Гулямова, могут быть уточнены и исправлены в соответствии с новыми материалами, полученными благодаря широкому применению аэрофотограмметрических методов исследования и проведению археолого-топографических изысканий.

Освещая зарождение и развитие ирригации в правобережном Хорезме, автор отводит большую роль разливам Су-Яргана (стр. 47, 93, 97). Проведенные недавно с участием известного геоморфолога А. С. Кесь археологические и географические работы Хорезмской экспедиции показали, что незначительное по ширине и свежее по своему строению русло Су-Ярган не могло быть источником для мощных античных оросительных систем. Оно появилось значительно позднее. Древнейшие же ирригационные системы брали свое начало в боковых протоках верхней акчадарьинской дельты, от которых сохранился веер полос такыровидных суглинков и скопления песков⁴.

Описывая раннесредневековую ирригацию в окрестностях Куня-Ургенча (Гурганджа), автор высказывает предположение, что русло Дарьялыка образовалось лишь во времена монгольского нашествия (стр. 167). Данная гипотеза находится в резком противоречии с фактами геоморфологии этого старого русла (разработанность русла, меандры и т. п.), а также с археологическими данными: на берегах Дарьялыка зафиксирован ряд античных памятников (Дэв-Кескен, Каладжик-баба, Курганча-кала) и оросительных каналов⁵, что указывает на функционирование Дарьялыка в более раннее время.

Я. Г. Гулямов довольно подробно останавливается на описании окрестностей бугра и крепости Джанбас-кала. По его мнению, основная масса населения в античную эпоху жила не в крепости, а в обширном поселении, которое располагалось на равнине у подножья возвышенности. На этой равнине прослеживаются каменные выкладки, образующие многоугольные планировки, принятые автором за фундаменты зданий. В 1957 г. они были подвергнуты Хорезмской экспедицией специальному обследованию, в результате которого установлено, что планировки — агроирригационного происхождения и образуются валами с каменными и керамическими выкладками, представляющими собой, вероятно, остатки акведуков. Поля покрыты мощным слоем

³ Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Автореферат докторской диссертации, Ташкент, 1949, стр. 9—10.

⁴ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 39.

⁵ Б. В. Андрианов, Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII—XIX вв.), Труды Хорезмской экспедиции, т. III, М., 1959, стр. 35, 36.

мелко битой античной керамики, вывезенной вместе с культурными остатками из Джанбас-калы. По всей территории встречаются обломки средневековых сосудов (IX—X вв.); особенно много их на грядах виноградуников в юго-восточной части этого комплекса, где была обнаружена керамическая печь, датированная, на основании шурфа, IX—X вв. Таким образом, гипотеза Я. Г. Гулямова о большом кангюйском поселении у подножья Джанбас-калы не получила подтверждения.

По мнению Я. Г. Гулямова, большие магистральные каналы в Хорезмском оазисе появляются непосредственно вслед за культурой городищ VI—III вв. до н. э. (стр. 76), т. е. в так называемый «кангюйский период». Археолого-топографические изыскания выявили ряд больших раннеантичных магистральных систем, датированных архаическим периодом (VII—IV вв. до н. э.)⁶, что подтверждает сделанный С. П. Толстовым еще в «Древнем Хорезме» вывод о строительстве основных ирригационных систем Хорезма в ахеменидское время⁷.

Несмотря на спорность некоторых выводов автора, труд Я. Г. Гулямова имеет очень большое значение для решения многих вопросов истории материальной культуры среднеазиатских народов. Он содержит ценные археологические и этнографические материалы, которые уже широко используются в обобщающих работах по истории и этнографии Средней Азии⁸.

Б. Андрианов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

«Etnografia Polska», т. I, Wrocław, 1958.

В 1958 г. вышел в свет первый том периодического издания «Польская этнография» — печатного органа IV (этнографического) отдела Института истории материальной культуры Польской Академии наук (ИИМК ПАН). Главный редактор издания — проф. Витольд Дыновский. Первый том подготовлен к печати членом редакционной коллегии д-ром Анной Кутшей-Пойнаровой. В небольшой редакционной статье сформулированы основные задачи издания «Польской этнографии»: публикация исследований культуры и быта польских рабочих и крестьян, исследований проблем этногенеза и этнической истории поляков, отчетов о научной деятельности этнографических учреждений страны, рецензий и хроникальных заметок, а также статей по этнографии различных народов мира.

На страницах первого тома «Польской этнографии» подняты интересные дискуссионные вопросы, касающиеся определения крестьянской традиционной культуры и предмета этнографии. Первому вопросу посвящена статья проф. Казимежа Добровольского «Крестьянская традиционная культура» (стр. 19—33), являющаяся частью подготовляемого им обширного труда о теоретических и методологических основах польской этнографии. Статья написана на полевых этнографических материалах, собранных автором преимущественно в южных районах Малой Польши и относящихся к XIX—XX вв. Автор использовал также литературные и архивные источники.

В статье дано определение традиции, под которой К. Добровольский понимает любое культурное наследство, полученное от прошлых поколений. Он считает, что классические традиционные культуры сохраняются у так называемых примитивных народов, не знающих письменности. Эти культуры не испытали большого влияния более высоких культур, и в настоящее время их становится все меньше. По его мнению, в эпоху феодализма в Европе возникли крестьянские традиционные культуры, как результат классовой дифференциации населения. Факторами, благоприятствующими складыванию этих культур в Европе, автор считает занятие земледелием при низком уровне развития производительных сил (натуральное или полунатуральное хозяйство, примитивная техника труда и т. п.) и стабильность населения деревень. Патриархальный строй и тяжелое экономическое положение крестьянских семей способствовали

⁶ С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXVI, М., 1957, стр. 7; С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 112.

⁷ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 45.

⁸ См.: «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 36—37; Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии, «Сов. этнография», 1955, № 3, стр. 27.

сохранению этих культур. Большое значение в сохранении крестьянской традиционной культуры автор придает магии и религии (боязнь «божьей кары» за нарушение обычаев и т. п.).

К. Добровольский отмечает ограниченность пространственного распространения достижений крестьянской традиционной культуры, в связи с чем создавались характерные для нее локальные различия. Из поколения в поколение передавались прежде всего то, что имело практическое значение (например, сельскохозяйственные орудия, предметы материальной культуры и др.). К специфичным чертам крестьянской традиционной культуры автор относит медленный темп ее развития и консерватизм. Одновременно он отмечает известную однородность общественных институтов и обычаев сельских обществ.

К. Добровольский рассматривает также общественные отношения крестьян: соседскую помощь, осознание жителями одной деревни крепкой связи между собой, их антагонизм по отношению к жителям других деревень и т. д. Он пытается проследить зависимость всех областей материальной культуры крестьян, их общественной и семейной жизни от уровня развития производительных сил.

В последнем разделе своей статьи К. Добровольский обращает внимание читателей на связь прогрессивных традиций культуры польских крестьян с классовой борьбой. В этой борьбе формировались идеология крестьян, их понятие морали. В том же разделе рассмотрен процесс разложения традиционной культуры, заметно усилившийся на рубеже XIX и XX вв. и протекающий особенно интенсивно в настоящее время, когда возникает новый культурный облик деревни.

В статье Добровольского содержится много других интересных материалов и выводов, полученных в результате исследования. Но исследовательская база автора (главным образом материалы из южных районов Малой Польши) оказывается иногда слишком узкой для его обобщающих выводов. Это относится, в частности, к выводам о стабилизирующих и перспективных тенденциях, выступающих в истории культуры (стр. 20—21), об ограниченных возможностях устной передачи культурных достижений от поколения к поколению. Остается неясным, каким образом при таких ограниченных возможностях было создано и сохранилось в течение столетий все богатство и своеобразие польской народной культуры. Правильно отмечая отрицательное влияние тяжелого экономического положения польских крестьян на развитие их культуры, автор забывает подчеркнуть, что, несмотря на это, польские крестьяне создали самобытное изобразительное искусство, прекрасные образцы народной поэзии, музыки и танцев. Никак нельзя согласиться с положением автора о том, что неравноправное общественное положение крестьян делало невозможным для них достаточно быстрое создание собственных культурных ценностей (стр. 24).

Несмотря на спорность некоторых положений К. Добровольского, его статья имеет большое теоретическое значение. Содержащееся в ней исследование крестьянской традиционной культуры является ценным вкладом в этнографическую науку.

В рецензируемом томе помещена еще одна статья К. Добровольского — «Пути развития польской этнографии, ее актуальные задачи, методы и связь с другими дисциплинами» (стр. 72—83). Эта статья представляет собой проспект доклада К. Добровольского на конференции, организованной этнографическим отделением ИИМК ПАН 23 апреля 1956 г. в Кракове. На конференции ясно обозначились два основных направления в современной польской этнографии, одно из которых и возглавил Добровольский. Дискуссия развернулась главным образом по вопросу о предмете и задачах этнографии. Результаты дискуссии освещены в статье Эдварда Петрашка «Методологическая конференция этнографов» (стр. 410—431). Э. Петрашек сообщает, что на конференции К. Добровольский привел в своем докладе определение этнографии как исторической науки, которая должна исследовать прежде всего культуру рабочих и крестьян, а также этногенез и этническую историю народов. Он подчеркнул связь этнографии с практическими потребностями общества. Важнейшими задачами полевых исследований являются, по его мнению, изучение современного быта трудового народа и реконструкция его культуры в прошлом. В этих своих положениях К. Добровольский не расходится с советскими этнографами.

Иное определение предмета этнографических исследований предложил на той же конференции ныне покойный проф. Казимеж Мошиньский. Этому он посвятил также большую часть напечатанной в рецензируемом томе статьи «Некоторые директивы по вопросам Польского этнографического атласа». По мнению К. Мошиньского, этнография — историческая наука, имеющая в отличие от других исторических наук специфические источники и методы исследования. Первоочередной и в то же время конечной целью этнографии он считает установление законов, управляющих развитием культуры. Для этого необходима реконструкция культуры отдельных народов, а затем — истории культуры в целом.

Как пишет Э. Петрашек, К. Мошиньский утверждал на конференции, что предметом этнографических исследований является культура всех нецивилизованных народов, а у народов цивилизованных — так называемая народная культура, и прежде всего — крестьянская. Он выступил против изучения этнографами быта городских рабочих, считая, что этим должны заниматься историки, экономисты и социологи.

Возражая К. Мошиньскому, К. Добровольский подчеркнул, что если бы даже дело шло о разграничении задач исследования рабочего класса между экономистами,

историками, социологами и этнографами, последним досталась бы обширная область материальной культуры рабочих, их семейного быта, обычаев, традиций, фольклора. Однако практически такое точное разграничение провести невозможно.

Э. Петрашек сообщает далее о выступлении на конференции в Кракове проф. Юзефа Гайка, который отметил, что при определении этнографии как науки участники дискуссии принимали во внимание главным образом специфику исследуемого материала (культура рабочих, крестьян, шляхты и пр.). По мнению же Гайка, этнографию как самостоятельную науку определяют ее задачи: выявление характерных черт народной культуры, племенной культуры и др., выявление черт, отличающих одни человеческие общества от других, а также особенностей культуры, связывающих классы и локальные группы одного народа в некую общность. К. Добровольский возразил Ю. Гайку, что задачи и методы любой науки зависят от предмета ее исследований, а поэтому и этнографию как науку нельзя определить, исходя из ее задач.

Э. Петрашек пишет, что большинство выступивших на конференции этнографов согласилось в основном с определением предмета этнографии и области ее исследования, данным К. Добровольским. Закрывая конференцию, руководитель IV отдела ИИМК ПАН проф. В. Дыновский подчеркнул ее большое значение для развития польской этнографической науки и выразил уверенность в том, что открывшаяся дискуссия будет продолжена.

В рецензируемом томе напечатаны две статьи о Польском этнографическом атласе¹. Об одной из них уже упоминалось. Автор ее, проф. К. Мошинский, утверждает, исходя из своего определения задач этнографии, что Атлас должен служить достоверным пособием для воспроизведения истории культуры народа. Составители Атласа должны ограничиться только картографированием явлений культуры и кратким их объяснением. В другой статье поднят вопрос о разработке текстов Польского этнографического атласа (стр. 68—72). Автор статьи проф. Казимера Завистович-Адамская предлагает помещать в каждом выпуске Атласа введение с точной документацией использованных материалов. В итоге тексты Атласа должны дать представление о польской народной культуре, об ее изменениях, вызванных географическими и историческими факторами.

В специальном разделе первого тома «Польской этнографии» освещены результаты полевых этнографических исследований в разных районах Польши. Большую часть раздела занимают статьи о Верхней Силезии (стр. 85—240)². В статье «Подготовка этнографической монографии о Верхней Силезии» (стр. 85—103) проф. Мечислав Гладыш осветил историю изучения Верхней Силезии со второй половины XIX в. до настоящего времени. В 1954—1955 гг. этнографы проводили под его руководством полевую работу в деревне Старые Селковицы, где живут сейчас рабочие и крестьяне. Кроме Старых Селковиц, этнографы обследовали также 13 соседних деревень. Они изучали историю возникновения поселений, говоры, семью как хозяйственную единицу, земледелие, животноводство, ремесла и домашние промыслы, материальную культуру, обычаи, обряды, народное изобразительное искусство и фольклор. При исследовании всех областей культуры учитывались классовая дифференциация населения и профессиональные различия между его отдельными группами. Много внимания уделено изучению хозяйственной деятельности населения, сделана попытка проследить зависимость развития культуры от изменения социально-экономических условий. Выделены четыре периода социально-экономического и культурного развития села: от раскрепощения крестьян до 1890-х годов; с 1890-х годов до окончания первой мировой войны; с 1918 по 1945 г.; послевоенные годы.

В статье Ежи Шидловского (стр. 103—108) рассказывается о первобытных поселениях в районе Старых Селковиц, следы которых обнаружены при археологических раскопках. Краткие сведения по диалектологии населения этой деревни мы находим в статье Альфреда Зарембы (стр. 109—116).

Интересна статья Дануты Добровольской и Дануты Мырчик-Марковской «Классовая и профессиональная дифференциация жителей деревень Старые и Новые Селковицы» (стр. 117—149). По содержанию эта статья скорее социально-экономическая, чем этнографическая. Однако ее место в будущей монографии вполне законно, так как прослеженные в ней социально-экономические процессы дают возможность понять изменение народной культуры в разные хронологические периоды (1850—1890; 1891—1918, 1918—1945, 1946—1955 гг.). К сожалению, материалы и выводы этой статьи недостаточно учтены авторами других работ по Верхней Силезии, что привело к некоторым повторениям. Так, Станислав Бронич в статье «Сельское хозяйство в XIX и XX вв. в деревнях Старые и Новые Селковицы» (стр. 150—161) вновь приводит данные о классовом расслоении крестьян, тогда как здесь можно было бы ограничиться ссылкой на упомянутую выше статью Д. Добровольской и Д. Мырчик-Марковской. Только Ирена Низинская в своей статье о ремесле (стр. 162—187) придерживается хронологической периодизации, предложенной М. Гладышем (см. выше) и принятой Д. Добровольской и Д. Мырчик-Марковской при изучении классовой и

¹ Первый выпуск Польского этнографического атласа вышел в свет в 1958 г.

² Об изучении Верхней Силезии см. опубликованную в журнале «Советская этнография» (1959, № 4) статью Д. Добровольской и В. Квасьневича «Этнографические исследования современной культуры краковскими учеными».

профессиональной дифференциации населения Старых и Новых Селковиц. Другие работы построены иначе, что создает известные трудности при прослеживании общего процесса развития культуры.

Результаты исследования народного жилища освещены в статьях Марии Глазшевой «Очерки по развитию народного зодчества в XIX и XX веках в Старых Селковицах» (стр. 200—213) и Людвика Дубеля «Устройство деревенской избы в Старых Селковицах» (стр. 214—200). Авторы ввели в научный оборот оригинальные материалы, характеризующие развитие верхнесилезского крестьянского жилища с середины XIX в. по настоящее время.

В статье Барбары Базелихувны описаны средства передвижения жителей дер. Старые Селковицы (стр. 188—195), а в статье Станислава Бронича — их одежда (стр. 221—225). Календарным обрядам в старых Селковицах посвящена также опубликованная в рецензируемом томе работа Я. Климашевской (стр. 226—231). Там же напечатаны статьи: Марии Мисиньской «Сплав леса в северо-восточных районах Ополя» (стр. 196—199) и Юзефа Лигензы «О трудах по музыкальному фольклору Опольского повета» (стр. 232—239).

На страницах первого тома «Польской этнографии» нашло отражение этнографическое исследование Малой Польши, которое вели две группы краковских этнографов. Одна из них с 1952 г. работала в Подгалье под руководством проф. К. Мошиньского и доцента Ядвиги Климашевской. Как пишет Анна Ковальская-Левичкая в статье «Этнографические исследования в Подгалье» (стр. 240—256), там были собраны материалы в тринадцати специально выбранных деревнях и дополнительные сведения в других населенных пунктах. В результате разработки собранных материалов написаны и опубликованы в рецензируемом томе две статьи о ремесле: Анны Замбжицкой «Ремесло в районе Подгалья» (стр. 257—268), Ядвиги Климашевской и Евы Фрысь «Материалы по народному ремеслу в Келецком воеводстве» (стр. 269—275).

Другая группа этнографов, возглавленная проф. К. Добровольским, изучала культуру малопольских рабочих и крестьян в XIX—XX вв.³ Об исследовании развития сельскохозяйственных орудий в малопольской деревне в XIX—XX вв. пишет Владислав Квасьневич (стр. 278—287). По его мнению, изучение сельскохозяйственных орудий имеет большое практическое значение, так как позволяет использовать богатые народные знания по сельскому хозяйству в современной агротехнике и агробиологии. В. Квасьневич утверждает также, что исследование техники крестьянского хозяйства и связанной с ней организации труда в значительной степени будет способствовать рациональному ведению хозяйства в современной деревне. Во всем этом В. Квасьневич видит осуществление марксистского положения о связи науки и практики, толкуя его несколько упрощенно.

На основе полевых материалов, собранных в Малой Польше, написана также статья Д. Добровольской «Горнорабочие соляных копей в Величке и их культура в период 1880—1939 гг.» (стр. 288—314). Д. Добровольская проследила развитие величских копей как промышленного предприятия, прилив на копи рабочей силы из городов и деревень, участие рабочих в производственном процессе и связанное с ним формирование их общественных отношений, материальные условия жизни рабочих. Особое внимание она обратила на материальную и духовную культуру горняков (жилище, одежда, пища, обычаи, фольклор, изобразительное искусство и др.), а также на развитие их классового сознания и участие в рабочем движении.

Широту тематического плана своих исследований Д. Добровольская объясняет необходимостью показать культуру горняков во всем ее многообразии. Но, рассмотрев довольно подробно даже те вопросы, которые не имеют прямого отношения к этнографии (например, дифференциацию рабочих по разным производственным группам и их отношение к управляющим копиям), Д. Добровольская в то же время почти совсем не осветила семейный быт горняков, что, на наш взгляд, является существенным пробелом в ее работе.

Другая статья Д. Добровольской называется «Дома отдыха для трудящихся в народной Польше. Образование новой социалистической культуры» (стр. 315—322). В ней говорится об исследованиях новых форм отдыха трудящихся в Малой Польше. Эти исследования провела в 1949—1950 гг. в домах отдыха Закопане и Татраньской Буковины группа сотрудников кафедры общей этнографии Ягеллонского университета. Работой руководили доктор Андрей Валигурский и магистр Станислав Бронич. В настоящее время подготовлена монография, в которой описано проведение отпуска рабочими в прошлом и в наше время, сообщены результаты интересных наблюдений этнографов среди разных групп отдыхающих рабочих, а также подчеркнуто большое значение домов отдыха для формирования новых, социалистических отношений между трудящимися народной Польши. Как видно из приведенного в статье Д. Добровольской краткого изложения содержания монографии, ее тематика несколько выходит за пределы этнографической науки (например, в ней говорится о роли руководителей домов отдыха, об организации там экскурсий и др.).

В рецензируемом томе опубликована статья д-ра Марии Франковской «Работа над этнографической монографией по Великой Польше» (стр. 323—343). Как указывает автор статьи, эту работу начали еще в 1949 г. сотрудники кафедры этнографии Поз-

³ См. Д. Добровольская и В. Квасьневич, Указ. раб

наньского университета под руководством проф. Евгения Франковского. В 1954 г. подготовка монографии была включена в научно-исследовательский план работы организованного тогда Познаньского этнографического отделения ИИМК ПАН. Сейчас на первом месте в подготовке монографии стоят исследования хозяйства и материальной культуры крестьян, их семейного и общественного быта, народного искусства. В статье кратко охарактеризованы земледелие, жилище и одежда великопольских крестьян.

Проф. Мария Знамеровская-Прюфферова в своем сообщении, озаглавленном «Из деятельности этнографического коллектива в Торунь» (стр. 344—347), остановилась на подготовке этнографической монографии по куявам. В настоящее время над монографией работают сотрудники Торуньского этнографического отделения ИИМК ПАН, но изучение куявов было начато еще в 1948 г. Торуньским отделом Польского этнографического общества и этнографическим отделом Торуньского музея. Впоследствии были собраны материалы по сельскому хозяйству, ремеслу, рыболовству. С некоторыми итогами изучения крестьянского жилища куявов познакомила читателей Мария Фрычева в статье «Народное зодчество Куявии» (стр. 348—350).

В первом томе «Польской этнографии» помещены статьи, посвященные разным проблемам этнографических исследований, проведенных под руководством д-ра Казимиры Завистович-Адамской. В статье «Труды этнографического коллектива ИИМК ПАН в Лодзи» (стр. 351—356) сообщается, что одной из основных тем, разрабатываемых лодзинскими этнографами, является исследование крестьянской взаимопомощи и организации коллективных работ в форме простой кооперации⁴. Сотрудники Лодзинского этнографического отделения ИИМК ПАН принимают также участие в подготовке Польского этнографического атласа и проводят исследования скотоводства в Подгалье, лесосплава по Висле, рыболовства, скотоводства и др. В рецензируемом томе опубликованы сообщения Брониславы Копчиньской-Яворской о горном скотоводстве в районе Подгалья (стр. 357—360), Марии Мисиньской — о ткацком производстве в деревне Жечица Равско-Мазовецкого уезда (стр. 361—362) и о сплаве леса по р. Пилице (стр. 363), Марии Бернацкой — о деревне Каменьчик, поселении сплавщиков леса (стр. 364—366).

В последнем разделе рецензируемого тома — «Хроника» напечатан некролог проф. Божены Стельмаховской, написанный д-ром А. Кутшебой-Пойнаровой. Б. Стельмаховская занималась преимущественно этнографическим изучением западных и северо-западных районов Польши. С 1946 г. она была профессором университета в Торунь.

В этом же разделе помещена статья проф. В. Дыновского об истории организации и планах научной деятельности IV (этнографического) отдела ИИМК ПАН (стр. 370—379); в других заметках отражены результаты работы отчетно-планирующей конференции IV отдела ИИМК ПАН (Зофия Шифельбейн), конференции сотрудников Польского этнографического атласа (А. Кутшеба-Пойнарова и З. Шифельбейн) и методологической конференции этнографов, о которой уже говорилось выше (Э. Петрашек). Кроме того, в «Хронике» помещен отчет о подготовке Польского этнографического атласа, составленный Зофией Стащакувной. В конце раздела Яниной Рудницкой дан именной указатель, включающий всех лиц, упоминаемых в данном томе.

В целом первый том «Польской этнографии» представляет большой научный интерес. Он знакомит читателей с организацией этнографической науки в народной Польше, с основными исследованиями и теоретическими направлениями в современной польской этнографии.

О. Ганцкая

⁴ См. «Prace i Materiały Etnograficzne», т. 8—9, Łódź — Lublin, 1950—1951.

Ján Komorovský. *Kráľ Matej Korvín v ľudovej prozaickej slovesnosti*. Bratislava, 1957, 137 стр.

Интерес к прогрессивным тенденциям в традиционном народном творчестве — характерная черта современной фольклористики Чехословакии. Исследования традиционного фольклора отражают стремление выявить народную оценку важнейших исторических эпох, событий, личностей, вскрыть выражения национального самосознания и патриотизма, а также мотивы протеста против классового и национального гнета. Из первых крупных работ, отражающих это направление, хотелось бы обратить внимание на труды доктора Андрея Мелихерчика о яношиковской традиции¹. В этом же плане написана и работа Яна Коморовского о короле Матвее Корвине в народной поэзии, выпущенная в 1957 г. издательством Словацкой академии наук. Большому исследованию предшествовало несколько статей, опубликованных в 1954—1956 гг.² В первой же работе Ян Коморовский проявил стремление анализировать материал с новых научных историко-материалистических позиций.

До последнего времени, несмотря на детальную разработку многих вопросов (главным образом — касающихся сравнительного изучения произведений о короле Матвее у славянских и неславянских народов, входивших в состав Австро-Венгрии), не обращалось внимания на то, что чрезвычайно интересно с точки зрения современной науки. Сказания и песни о короле Матвее представляют большой интерес для изучения социальных воззрений народных масс, создавших художественный образ идеального главы государства — строгого блюстителя справедливости, милостивого, близко стоящего к народу и защищающего его интересы. Самая постановка таких вопросов, наглядно показывающая новый подход к изучению фольклорных явлений прошлого, — бесспорная заслуга автора. Стремление уловить взаимосвязь возникновения образа короля Матвея с историческими процессами эпохи образования централизованного феодального государства также отражает влияние марксистской научной методологии исследования фольклора. Но при рассмотрении характера образа короля Матвея, времени и условий его возникновения едва ли можно обойти вопрос о соотношении художественного образа с историческим прототипом. Думается, что углубленное проникновение в сущность исследуемых явлений неосуществимо в случае снятия со счетов данного круга проблем.

При ознакомлении с исследованием Яна Коморовского, очень интересного в целом, сразу же возникает вопрос: каким путем в фольклоре словаков возник образ короля Матвея? В силу каких причин венгерский король стал в фольклоре образцом истинно народного короля? Ссылки на то, что Матвей Корвин проводил политику централизации, и на то, что после его смерти крепостной гнет достиг апогея, в сущности, не все объясняют. Естественно напрашивается вопрос: почему же прототипом идеального короля послужил именно он? Анализ произведений о короле Матвее под этим углом зрения необходим для подкрепления и развития высказанных автором наблюдений и соображений.

Ян Коморовский находит возможным считать, что возникновение традиции о короле Матвее означает зарождение исторического фольклора в Словакии. Интересны его наблюдения над жанровыми особенностям сказок о короле Матвее. По его мнению, эти особенности в значительной мере определяются тем, что сказки о короле Матвее являются сказками историческими. В сравнении с древними легендарными преданиями историческая сказка характеризуется возрастающей значимостью социальной тематики. Зачастую основа ее сюжета строится на изображении аристократии в самых отрицательных тонах. Историческая сказка, по мнению Коморовского, ярко отразила изменения, происходящие в социальном положении крестьянства, и связанное с ними восприятие трудовыми массами окружающего мира. В отличие от древнего мифологического и легендарного предания историческая сказка органически связана с историческими фактами и личностями; элементы фантастики не играют здесь большой роли. И если фантастический элемент все-таки проникает в предания нового времени, то это обусловлено традиционным использованием древних элементов, которые в новых исторических условиях конкретизируются и приобретают новый смысл. Поэтому, подчеркивает Я. Коморовский, «предания о государе, избранном от железного стола (Прежмысл Орач), в новое время восприняли конкретные исторические имена и в условиях обостренной классовой борьбы с феодальной олигархией приобрели новый смысл: они выражали мечту трудового народа о крестьянском государе, который защищал бы их интересы. Следовательно, вымысел и фантастика в преданиях о Матвее имеет новую, социальную функцию. Новое идейное наполнение вытеснило старое» (стр. 26—27).

¹ См. A. Melicherčík, *Jánošíkovská tradícia na Slovensku*, Bratislava, 1952; его же, *Juraj Jánošík. Hrdina protifeudálneho odboja slovenského ľudu*, Praha, 1956.

² См. Ján Komorovský, *Poznámky k ľudovej tradícii o kráľovi Matejovi*, «Slovenský národopis», 1954, № 1—2, стр. 176—182; его же, *Kedy vznikla ľudová tradícia o kráľovi Matejovi Korvínovi*, «Slovenský národopis», 1955, No 3, стр. 309—315; его же, *Rozprávky o kráľovi Matejovi v ich vzťahu k staroruským apokryfom o kráľovi Salamúnovi*, «Časopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny SSSR», 1956, No 2, стр. 295—300.

По мнению автора, в сказках о короле Матвее повседневная жизнь крестьянства и городского люда нашла гораздо более широкое и полное отражение, чем в древних преданиях. В них даются яркие образы представителей различных социальных слоев и групп, от беднейших крестьян до вельмож. Соображения любопытны, но хотелось бы видеть в работе более убедительное обоснование высказанных положений, исходящее из углубленного анализа конкретного материала.

Формирование традиции о короле Матвее Коморовский относит к XVI веку (при этом он допускает, что отдельные элементы ее могли возникнуть еще в конце XV в., в последние годы царствования Матвея Корвина). Основа ее — образ справедливого государя, защищающего народ от притеснений и угнетений господ, — возникает в условиях усилившегося социального гнета (процесс, начавшийся в Австро-Венгрии в XVI в.). Попытка установить время возникновения традиции о короле Матвее имеет и общетеоретическое значение, так как способствует разработке проблемы отражения в фольклоре процесса развития народных представлений об идеальном правителе. Сопоставляя произведения о короле Матвее с фольклорными произведениями об Иване Грозном, автор пришел к интересным наблюдениям относительно того, как сходные исторические условия порождают сходные фольклорные циклы.

В связи с вопросом о возникновении традиции хотелось бы заметить следующее. Возникнув в XVI в., она развивалась дальше; многие из дошедших до нас произведений о короле Матвее возникли в относительно недавнее время как выражение мечтаний о «крестьянском» царе, который представлял бы волю народа. Автор не анализирует с этой точки зрения цикл в целом, а ограничивается тем, что отмечает вхождение в традицию новых элементов под воздействием тех или иных событий, поразивших народное воображение, претворение прежних мотивов и образов посредством перенесения на них отдельных черт героев древних преданий, легенд и т. д. Так, весьма интересные наблюдения, касающиеся слияния традиции о короле Матвее с яношиковской традицией (стр. 74—75), привнесения в образ короля Матвея мотивов, почерпнутых из древних апокрифов и сказок о мудрости царя Соломона (см. стр. 78—100).

Во введении Я. Коморовский заявляет о своем стремлении посредством сравнительного анализа показать связи традиции о короле Матвее у народов, входивших в состав бывшей Австро-Венгерской империи (мадьяры, словаки, украинцы), с фольклором других, преимущественно славянских, народов и на этом фоне выявить специфические особенности словацкой традиции о короле Матвее (стр. 8). Первая из выдвинутых проблем в целом удачно решается автором: ему удалось проследить традицию в широком сравнительном плане, проанализировать точки соприкосновения традиции о короле Матвее с фольклорными произведениями других народов (с чешскими — о Пржемысле Ораче, с моравскими — об императоре Йосифе II, русскими — об Иване Грозном, Петре I, Суворове и др.).

Сравнительное изучение материала на базе марксистской методологии и критическое освоение сделанного предшественниками в этой области составляют большое и бесспорное достоинство исследования, делают его содержательным и разносторонним. Но при этом приходится признать, что выявить своеобразие традиции о короле Матвее у словаков автору в достаточной степени все-таки не удалось. В процессе рассматривания материала сделаны отдельные наблюдения, однако данные в заключение выводы об оригинальности словацких сказок о короле Матвее (стр. 102) не всегда вытекают из предшествующего анализа. Желательность детального исследования материала для более полного выявления словацкой специфики высказывалась в среде чехословацких фольклористов еще при утверждении книги к печати³. Надо полагать, что автор продолжит начатые им изыскания в этом направлении, так как вопрос о национальной специфике — один из основных в кругу проблем, поставленных в работе. Неизбежно возникает желание выяснить, есть ли существенная разница в характере образа короля Матвея у мадьяр, словаков и закарпатских украинцев, — ведь для словаков и для украинцев Матвей Корвин был носителем национального гнета. Надо либо вскрыть различия, либо попытаться выявить причины идеализации и различие характера ее в фольклоре мадьяр, с одной стороны, словаков и закарпатских украинцев, — с другой. Если из работы становится понятной идеализация образа Матвея Корвина в фольклоре южных славян (его успехи в борьбе с турецким нашествием), то относительно словаков и украинцев исследование полной ясности в этот вопрос не внесло, хотя в целом указанная проблема в работе поставлена.

Ценным дополнением к исследованию являются приложения, содержащие варианты произведений о короле Матвее, подобранные из чехословацких, венгерских, югославских и украинских изданий, а также собственных записей автора; подробную библиографию; указатель сюжетов и мотивов; указатель имен. Очень содержательно, несмотря на краткость, резюме на русском языке⁴. Оно дает возможность советским исследователям, не владеющим словацким языком, ознакомиться с этой интересной монографией.

Н. Велецкая

³ См. «Slovenský národopis», 1956, N 6, стр. 624.

⁴ Имеется также на немецком и венгерском языках.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

C. J. Glacken. *The Great Loochoo. A study of Okinawan Village Life*. California, 1955, XI+324 стр.

В ходе второй мировой войны южные острова Японии — Рюкю — были захвачены вооруженными силами США. До настоящего времени острова продолжают оставаться на положении оккупированной Соединенными Штатами территории. Американский империализм превратил Рюкю в свою крупнейшую военно-воздушную базу. Демократические силы Японии ведут упорную борьбу за национальный суверенитет, за освобождение японской территории от американских военных баз.

В Рюкюский архипелаг входят 40 крупных и множество мелких островов. Общая площадь их составляет 3372 км². Один из самых больших островов архипелага — остров Окинава, или Большой Рюкю (китайское чтение иероглифов — Лючу), занимает одну треть всей площади; здесь сосредоточено 60% населения. Общее число жителей архипелага определяется в 961 тыс. человек (данные 1953 г.). Основное население составляют рюкюсцы, или лючусцы, этнографическая группа японцев, говорящая на рюкюском языке. Этот язык, по определению крупного исследователя Японии Чемберлена¹, близок к японскому и соотносится с ним примерно так же, как итальянский с французским; строй языка и его словарный фонд общие, а фонетика и детали грамматики различны. Необходимо, однако, отметить, что более поздние лингвисты рассматривают рюкюский язык как диалект японского².

Различия в физическом типе рюкюсцев и японцев незначительны. Для рюкюсцев характерен больший удельный вес айских элементов: форма глаз, большая волосатость и др.³ Тесные исторические и культурные связи с Китаем и Японией наложили свой отпечаток на культуру и быт рюкюсцев. Японское влияние оказалось особенно значительным после присоединения в конце XIX в. Рюкю к Японии. Официальным языком стал японский. На государственную службу принимали только тех лиц, которые овладели этим языком и одевались соответственно японской форме.

С развитием капитализма в Японии, охватившим и острова Рюкю, наблюдается нивелировка национальных особенностей, замена феодальных традиций новыми обычаями. Многие элементы новой японской культуры проникают и утверждаются среди рюкюсцев. Японская официальная историография утверждает, что рюкюсцы полностью ассимилировались с японцами. Однако последние исследования показали, что, несмотря на значительное сглаживание локальных отличий, рюкюсцы сохраняют в быту свой язык, национальные особенности и традиции.

В свете этой проблемы большое значение имеет книга профессора географии Колумбийского университета К. Глакена «Большое Лючу», содержащая богатый и разносторонний фактический материал о современном положении рюкюсцев. Книга написана, как подчеркивает автор в предисловии, по поручению Тихоокеанского научного бюро при Национальном исследовательском совете (Pacific Science Board of the National Research Council), и материал собирался по программе «Общества изучения островов Рюкю», разработанной в соответствии со специфическими нуждами оккупационных войск. В задачу этого Общества, кроме сбора фактического материала, входит и научное обоснование положения американского империализма о неполноценности и несамостоятельности малых народов, необходимости опеки над ними со стороны носителей высокой цивилизации — американцев. Определенный социальный заказ наложил известный отпечаток на книгу К. Глакена. Однако научные интересы автора и его стремление объективно обрисовать действительность позволили ему выйти за пределы официального задания, сущность которого охарактеризована в замечаниях от редактора и заключалась в том, что автор должен был «отразить эффективность американской культуры». Однако К. Глакен пришел в этом вопросе к неутешительным для американских империалистов выводам. Он выражает сомнение в том, будут ли жители Окинавы усваивать ценности американской культуры или, несмотря на сепаратистскую политику США, их культура будет оставаться общей с японцами (стр. 45). Вместе с тем идейные и политические взгляды К. Глакена помешали ему увидеть, что рюкюсцев объединяет со всем японским народом не только общность культуры, но и их совместная борьба против колониальной политики американского империализма за свободную и демократическую Японию.

Рецензируемая книга основана на личных наблюдениях автора, который имел возможность в течение семи месяцев в 1951—1952 гг. жить среди рюкюсцев. Кроме того, в работе использованы архивные материалы и письменные источники.

Первый раздел книги «География и культурная история» дает общее представление о Рюкюском архипелаге. К. Глакен подчеркивает суровые природные условия

¹ B. H. Chamberlain, *The Luchu Islands and their Inhabitants*, «The Geographical Journal», 1925, NNo 4, 5, 6.

² Miyanaga Masamori, *An Outline of the Ryukyuan Language*, «Minzokugakukenshyu», т. 15, 1950, No 2.

³ M. T. Newman and R. Z. Eng, *The Ryu-Kyu people. A Biological Appraisal*, «American Journal of Physical Anthropology», т. 5, 1947, No 2.

островов и исключительное трудолюбие крестьян. Бесплодные земли, частые тайфуны, уничтожающие рис и сахарный тростник, обильные дожди, заливающие сладкий картофель, — вот те условия, в борьбе с которыми рюкюсы научились покорять и изменять природу (стр. 26).

История рюкюсцев дана в свете связей с Китаем и Японией. Автор, как и большинство исследователей, склоняется к тому, что древнейшее население островов — пришлое и является продуктом миграций и завоеваний. Аборигены островов сближаются с айнами. Относительно маршрута миграций айнов существуют различные точки зрения. Одни исследователи считают, что переселение айнов шло с юга и что они близки народам южного круга (индонезийцам, полинезийцам, индокитайцам). Теория южного происхождения айнов получила наиболее полную аргументацию в трудах советских ученых (Л. Я. Штернберг, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров⁴). Другие утверждают, что переселение айнов шло с севера через Камчатку и Японию, а затем, на Южные острова. Родиной айнов в этом случае считают район Амура. Последнюю ошибочную версию принимает и автор рецензируемой книги.

Археология Рюкюского архипелага мало изучена. Наиболее ранние находки на Рюкю японские ученые датируют IX—III вв. до н. э.⁵ Археологи отмечают, что древнейшая керамика Рюкю по форме и орнаментации близка к неолитической керамике острова Хонсю и восходит к айнской⁶.

Примерно в III в. до н. э. (о чем свидетельствуют китайские летописи) наблюдалась большая волна переселенцев на материк. В дальнейшем переселение не носило такого массового характера. Оно происходило отдельными группами, которые не имели большого значения для формирования рюкюсцев как народности. К. Глакен отмечает большое влияние на историю Рюкю культурных (добавим — исторических) контактов с великими цивилизациями Дальнего Востока: Китаем, Японией и в меньшей степени с Кореей. Китайцы были осведомлены о Рюкю еще в III в. до н. э., но тесный контакт их был установлен только в начале XII в., когда китайцы отправили посольство на один из островов. Первые документированные сношения японцев с Рюкю также относятся к началу XII в., когда были установлены прочные связи с северными островами Рюкю. Контакт японцев с Окинава в более позднее время связывается с прибытием в 1165 г. на острова японского военачальника Минамото Таметомото, изгнанного из Японии после окончания борьбы кланов Минамото и Тайра. Согласно официальной истории, Таметомото основал династию рюкюских королей.

В конце XII и в XIII в. происходит объединение северных и центральных островов, укрепляется централизованная власть короля. Расширяются связи с Китаем и Японией. В это время на острова проникают буддизм и заимствованное из Японии силлабическое письмо. Централизованное королевство просуществовало недолго: уже в начале XIV в. от него отделяются северные и южные области. К середине XIV в. на островах образуются три самостоятельных королевства. Наибольшее значение приобретает центральное королевство Чузан, которое признало власть Китая и с 1732 г. стало платить ежегодную дань китайскому императору.

Китайские купцы имели свои концессии в Наха (главный город на о. Окинава) и других городах. Китайская дипломатия, поддерживая центральное королевство, содействовала объединению рюкюских княжеств в одно государство. В XV в. северное и южное княжества были покорены и присоединены к центральному королевству. В завоеванных областях были поставлены губернаторы, население обложено тяжелыми податями, собираемыми в пользу центрального правительства.

В книге дана подробная характеристика торговых связей Окинава в XIV—XVI вв. с Китаем, Японией, Кореей, Индией, Сиамом, Явой. В XVI в. на Окинава проникают изделия из арабских стран и Португалии. Автор подчеркивает возросший в начале XVII в. интерес Японии к Рюкю. В 1609 г. японское правительство посылает туда военную экспедицию. В результате этого похода северные острова и остров Осима перешли во владение Сацумского князя и с тех пор стали частью японской провинции Кагосима. Остальные острова были номинально независимы, но подпали под политический и экономический контроль со стороны Японии и должны были уплачивать ей ежегодную дань.

Призав власть Японии, рюкюский двор вместе с тем продолжал посылать дань и Китаю. Влияние Китая и в этот период, подчеркивает К. Глакен, оставалось сильным, особенно на центральных и южных островах. В 1871 г. острова Рюкю были аннексированы Японией и присоединены к ней под наименованием префектуры Окинава, управлявшейся японскими чиновниками.

⁴ Л. Я. Штернберг, Айнская проблема. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. VIII, Л., 1929; М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XVI, М., 1951.

⁵ Yawato Schiroo, Some Notes on the Prehistory of Ryukyu Islands, «Minzoku-gakku-kenkyu», т. 15, 1950, № 2.

⁶ A. Matsumura, The Shell-Mounds of Ogido in Riu-Kiu, «Papers of Anthropological Institute college of Science, Imperial University of Tokyo», 1920, № 3 (на японск. яз.).

В 1950 г. на Рюкю была создана гражданская администрация США, под контролем которой находится деятельность правительства Рюкю, образованного в 1952 г. Автор умалчивает о том, что американские власти установили на Рюкю колониальный режим: жители без разрешения американских властей не могут покидать острова; органы печати, радио находятся в руках гражданских и военных чиновников США. Мы не найдем в книге упоминания и о том, что американские власти отобрали у крестьян острова Окинава около четверти всей земли под военные базы.

В книге имеются отдельные ценные сведения, характеризующие тяжелые последствия второй мировой войны. В начале 1945 г. США высадили на Окинава десантные войска. Сопротивление американским войскам длилось около трех месяцев. К. Глакен отдает должное стойкости окинавцев перед физическими и моральными испытаниями. Многие жители уходили в пещеры, страдали от голода и болезней, но продолжали борьбу (стр. 44). Он приводит убедительные статистические данные, свидетельствующие об огромных людских потерях. Так, в деревне Русичан, где непосредственно происходили военные действия, погибло свыше 25% населения (стр. 59). Автор отмечает, что особенно велика была смертность среди юношей и стариков.

Послевоенный жизненный уровень населения, по свидетельству автора, значительно ниже, чем довоенный. Население не имеет денег, чтобы восстановить разрушенные войной жилища, многие не в состоянии сделать себе национальную одежду и ходят в дешевых полувоенных костюмах американского и японского образца.

Основное внимание автор уделяет социальной структуре окинавской деревни, семейно-брачным отношениям и связанным с ними праздникам. В книге дается также характеристика сельской экономики рюкюсцев, их материальной культуры и религии. Для сравнительного изучения К. Глакен выбрал три деревни с различной хозяйственной направленностью: земледелием, рыболовством и обработкой известняка для нужд строительства. Отдельная глава посвящена основным культурам — рису, батату, различным бобовым и сахарному тростнику. Под поливным рисом, по подсчетам автора, занято всего 3% обрабатываемой площади. Своего риса систематически не хватает и его привозят извне. Сахарный тростник идет в основном на экспорт. Животноводство развито слабо. В небольшом числе разводят лошадей, коров и коз. Большое значение в крестьянском хозяйстве имеют свиньи, куры, утки, кролики. Подсобными занятиями являются рыболовство и шелководство. Домашние ремесла не занимают видного места в хозяйстве крестьян; больше других развито производство матов, веревок и корзин. Автор отмечает, что плетением занимаются исключительно мужчины.

К. Глакен сообщает об изменениях, происшедших в системе землевладения рюкюсцев. Еще в конце XIX в. около 76% пахотной земли находилось в общественном владении крестьян. Пахотные участки перераспределялись между членами общины через каждые 2—4—10 лет. Земельная реформа, проведенная в 1893—1903 гг., разрушила общественное землевладение; в результате образовалось множество parcelлярных хозяйств. Автор подробно останавливается на классификации земель с точки зрения их хозяйственной пригодности, но не касается вопроса о расслоении крестьянства Окинавы. Из приведенного в книге материала видно, что многие крестьяне не имеют своей земли. Так, в обследованной автором деревне Минатогава только 50% крестьян имеют свои участки, остальные, очевидно, вынуждены арендовать землю или заниматься промыслом. В книге остается недоуясненным характер землевладения и землепользования на острове.

Автор дает подробное описание национального жилища, строительной техники, отмечает изменения в типах построек. В конце XIX в. наиболее распространенное национальное жилище представляло собой легкое каркасно-столбовое строение на возвышенном земляном фундаменте или на сваях, с четырехскатной соломенной или тростниковой крышей. Стены делали из бамбука и переплетали травой или соломой. Дверной проем завешивали циновками. Открытый очаг помещался в центре жилища, обычно однокамерного, и огораживался камнями. Дым выходил через отверстие в крыше или через дверь. Такого рода жилища, по наблюдениям автора, поныне сохраняются в глухих горных селениях среди беднейшей части населения. В настоящее время большое распространение получили стандартные деревянные дома японского типа с верандами и скользящими раздвижными дверьми. Дома строят фасадом во двор и обносят высокой изгородью из соломой или бамбука, а иногда из камня.

В питании населения преобладают национальные блюда из батата, бобовых и риса; беднейшие семьи питаются преимущественно сладким картофелем (бататом). Из соевых бобов вырабатывают пасту и бобовый творог. Чай, как и в собственно Японии, широко распространен. В последнее время в городах распространяется кофе.

Национальная одежда рюкюсцев сохраняется среди старшего поколения. Она состоит из длинного западного халата, покроя кимоно. Цвет ткани, из которой шьют кимоно, обычно синий с белыми полосами для мужчин и белыми мелкими вкраплениями для женщин. В настоящее время местная одежда почти повсеместно сменилась европейской или общепяпонской. Мужчины, как уже говорилось выше, носят преимущественно полувоенные костюмы японского и американского образца, женщины перешивают кимоно на платья европейского покроя или шьют юбки и кофты.

Большой этнографический интерес представляет имевший широкое распространение у рюкюсцев обычай татуировки (дакэ). Местные жители дают несколько объяснений этому обычаю: девушки татуировались при наступлении половой зрелости, или,

по другому толкованию, для того, чтобы обезобразить себя и не попасть в публичный дом в Японию; татуировка рыбаков объясняется желанием оградить себя от злых духов; ее делали на спине и руках, включая пальцы. Рисунок татуировки на отдельных островах был различен. Высказанные предположения о связи татуировки с ткачеством (Фурнер)⁷ или с родовыми знаками (Симон)⁸, по мнению автора, заслуживают внимания.

Детальную разработку в книге получил вопрос о структуре семьи. Основу социальной жизни деревни составляют, по словам автора, индивидуальные семьи, в состав которых, кроме родителей и их детей, входят и другие родственники: младшие сестры и братья, племянники и т. д. Несколько десятков родственных малых семей составляют большую семью. Члены ее поддерживают связь между собой — собираются по праздникам (Новый год, праздник наречения имени и т. д.) и для богослужения в честь фамильных предков. Большие семьи делятся на «главные» (ханке) и «боковые» (бунке), образованные при выделении младших сыновей. Основные принципы современной рюкюской семьи, были, по мнению автора, заимствованы из Китая.

Недвижимое имущество (землю) делит в различных пропорциях между сыновьями, причем старший сын получает больше половины. В бедных семьях, владеющих небольшими участками, земля вместе с домом передается старшему сыну. Младшие сыновья при образовании самостоятельной семьи получают деньги для покупки земли и строительства дома. Многие бедные семьи не в состоянии обеспечить младших детей, и они порывают с земледелием и уходят на заработки. Автор указывает, что много юношей работает в американских военных лагерях. Система наследования подчеркивает неравное положение женщины в семье. Дочери не наследуют недвижимого имущества, а при вступлении в брак в богатых семьях получают деньги, одежду, утварь, в бедных — только одежду. Женщины выполняют всю тяжелую работу по дому и наравне с мужчинами работают в поле; К. Глакен отмечает, что из-за тяжелой работы женщин в поле на Рюкю часты случаи преждевременных родов. По традиции вся мелкая торговля в сельских местностях ведется женщинами.

Очень интересные страницы, посвященные описанию обрядов и праздников. К. Глакен подробно и красочно описывает свадебный обряд рюкюсцев, который он неоднократно наблюдал. Однако деревенские жители говорили ему, что низкий материальный уровень не позволяет справлять свадьбы с прежней пышностью и сложными церемониями. Современный свадебный обряд заимствован у японцев. Как и прежде, в свадебной церемонии большую роль играют посредники; по традиции это должны быть только женщины, но в последнее время посредниками выступают и мужчины.

Наиболее архаичные черты, восходящие к глубокой древности, прослеживаются в обрядах, совершаемых при рождении ребенка. До сих пор женщина во время беременности и родов считается нечистой. Для беременной женщины строится специальный дом, причем крышу не достраивают, с тем чтобы через нее, по представлениям рюкюсцев, мог вылететь нечистый дух. После родов женщина должна обмыться в реке или в море. Сохраняется обычай закапывания послета отцом новорожденного, причем он в это время должен смеяться. Смех отца и присутствующих при этом обряде родственников должен предвещать благополучный рост и радостную жизнь ребенка. До последнего времени сохранялся старый обычай «дзиру» (очаг), состоящий в том, что мать и новорожденного несколько дней, независимо от сезона, даже в жару, прогревали у очага, помещенного в темной комнате. К. Глакен не дает объяснения этому обычаю; возможно, что он связан с культом огня, распространенным среди рюкюсцев.

Погребальный обряд также претерпел изменения. Описанный в начале XX в. обряд помещения костей в урну после изъятия из гроба теперь не наблюдается. По традиции, тело умершего должно быть погребено в течение суток. Хоронят в деревянном буддийского типа гробу, в который кладут одежду, обувь, а для мужчин, кроме того, табак и флягу с вином, чтобы всем этим душа умершего могла пользоваться в загробном мире. Гроб, когда его закрывают, помещается так, чтобы голова покойного была обращена на запад. После похорон происходит регулярное поминовение души умершего. В домашние алтари (буцудан) помещают поминальные дощечки (ихай), на которых написаны имя и дата смерти умершего; перед ними произносят ежедневные молитвы и ставят жертвоприношения душам умерших предков. Культ предков сильно развит у рюкюсцев. В каждой деревне есть алтарь, воздвигнутый в честь ее основателя. Перед этим алтарем жрицами совершаются общие поклонения жителей деревни фамильному богу (удзигами).

В главе «Общественная жизнь» дано подробное описание народных праздников: нового года, праздника фонарей, поминовения усопших, полнолуния и др. Веселым является праздник рисовой водки, который отмечается восьмого числа двенадцатого месяца по лунному календарю. Новые праздники (например, европейский новый год) не носят общенародного характера.

Во время праздников исполняются различные танцы (например, танец журавля и черепахи), даются импровизированные юмористические представления. К. Глакен от-

⁷ W. Furner, Life in the Luchu Islands, «Bulletin of the Free Museum of Science and Art of the University of Pennsylvania», Philadelphia, т. II, 1899, № 1.

⁸ E. Simon, Beiträge zur Kenntniss der Riukiu Inseln, Leipzig, 1914.

мечает широкое распространение кино, которое посещают в выходные и праздничные дни. Демонстрируют японские и американские кинофильмы. В столице Окинавы, Нахе, имеются национальные театральные труппы, в которых даются традиционные театральные представления.

К. Глакен подчеркивает, что в деревне нет радио, мало газет, журналы из-за своей дороговизны недоступны, и их читают редко. Несмотря на то, что по природным условиям в Японии электрификация сельских местностей очень облегчена и распространена весьма широко, во многих деревнях на Рюкю (например, в одной из обследованных автором деревень — Ханасиро) электричества нет.

Религиозные пережитки среди крестьян, особенно среди женщин, очень сильны. В деревнях широко распространены обряды, связанные с почитанием духов — огня, родников, рощ и др. В исполнении религиозных обрядов ведущую роль играют женщины.

В верованиях рюкюсцев значительное место занимают древние анимистические воззрения, которые оформились в своеобразную систему с жрицами — «норо» во главе. Система норо играла в XV—XVI вв. роль государственной религии. Жрицы-норо имели большое политическое влияние, в их распоряжении находились наследственные земли. Развитие женского жречества «норо» связано с поклонением огню, домашнему очагу и предкам. Укрепление конфуцианских идей подорвало его могущество, оно перестало играть роль государственной религии, но в народе сохраняло свое значение.

Буддизм, проникший на Рюкю в XII в., большого влияния не имел. Синтоизм и культ императора на Рюкю получили меньшее распространение, чем в Японии.

В заключительной главе еще раз подчеркивается большое влияние Китая и Японии на Рюкю. Особенно сильное влияние Японии, как отмечает К. Глакен, наблюдается в языке, — японский язык получил всеобщее распространение; однако в быту сельских жителей сохраняется старый рюкюский язык.

Книга К. Глакена, написанная с большой симпатией к рюкюскому народу и содержащая огромный фактический материал, заслуживает внимания не только специалистов, но и широкого круга читателей.

Ю. Ионов

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

ДВЕ КНИГИ О ГАВАЙЯХ *.

Огромную роль в разрушении самобытной культуры гавайского народа и его колониальном порабощении сыграли американские миссионеры. Обосновавшись на Гавайях в 1820 г., они вскоре сумели подчинить своему влиянию местных вождей и в течение нескольких десятилетий являлись закулисными правителями этого стратегически важного архипелага. Вместе с другими американскими поселенцами миссионеры подготовили захват Гавайских островов Соединенными Штатами. Официально он был оформлен в 1898 г., но фактически задолго до аннексии острова стали колонией североамериканских капиталов.

Уже в 30—40-х гг. XIX в. в печати США и ряда европейских государств разгорелась полемика по поводу деятельности американской протестантской миссии на Гавайях. В сочинениях почти всех мореплавателей, посетивших архипелаг (Бичи, Мейен, Белчер, Уолпол, Билле и др.), осуждалось ханжество, корыстолюбие и религиозное изуверство миссионеров, которые ввели вместо старых табу новые, еще более обременительные, и, проповедуя гавайцам «царствие небесное», в то же время усиленно заботились о своем обогащении. Американские церковники и их покровители (Диббл, Бингхем, Бартлет, Андерсон, Чивер и др.) отвечали на эти разоблачения книгами и статьями, в которых превозносили действия своих посланцев на далеких островах, а всю ответственность за бедственное положение гавайского народа и его постепенное вымирание возлагали на «безбожников» — матросов и торговцев разных национальностей, посещающих порты архипелага или там обосновавшихся. Пожалуй, наиболее объективную оценку обстановки на Гавайях дал в тот период известный русский мореплаватель О. Е. Коцебу¹. Он показал истинное лицо американских миссионеров, вскрыл тот большой вред, который они принесли коренному населению архипелага, и вместе с тем обрисовал крайне отрицательные последствия общения островитян с другими представителями «западной цивилизации».

Споры о роли протестантской миссии в истории гавайцев продолжались и после присоединения архипелага к Соединенным Штатам; не утихли они и поныне. Амери-

* B. Smith, *Yankees in Paradise. The New England Impact on Hawaii*, Philadelphia — New York, 1956, 376 стр.; его же, *The Islands of Hawaii*, Philadelphia — New York, 1957, 118 стр.

¹ О. Е. Коцебу, *Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг.*, М., 1959, стр. 223—270. Этот труд, изданный в 1830 г. на немецком языке, лишь теперь впервые опубликован в русском переводе.

канские либеральные историки, этнографы и публицисты (Барбер, Макдональд, Хэнди и др.) не раз подвергали осторожной критике как самих миссионеров, так и их потомков, захвативших ключевые позиции в гавайской экономике и превратившихся, по словам Кэри Маквилльямса, в «одну из самых замкнутых экономических олигархий во всем мире»². В свою очередь, гавайские сахарные, ананасные и другие магнаты финансировали, как сообщает Джозеф Барбер, издание нескольких апологетических написанных книг и широко использовали другие средства пропаганды, пытаясь обелить себя и своих предков — миссионеров, а также изобразить в розовом свете современную обстановку на островах и всю историю их «христианизации» и «американизации»³. Эти магнаты в течение многих лет небезуспешно поддерживали заговор молчания вокруг некоторых наиболее «деликатных» проблем, связанных с деятельностью миссионеров. Вот почему с интересом открываешь книгу американского социолога и публициста Бредфорда Смита «Янки в раю. Влияние Новой Англии на Гавайи», специально посвященную истории гавайской протестантской миссии.

В основу рецензируемой работы положены официальные документы миссии, а также письма и дневники ее членов, хранящиеся в американских архивах и библиотеках. Автор использовал также некоторые рукописные материалы из частных коллекций, ранее недоступные для исследователей. Но внимательное ознакомление с книгой вызывает разочарование: Б. Смит оправдал «доверие» тех, кто открыл перед ним свои архивы, и привлек неопубликованные документы лишь для того, чтобы с их помощью попытаться подновить старую, явно несостоятельную версию о «благородном бескорыстии» миссионеров и «благотельном» влиянии миссии на все стороны жизни гавайского общества.

Так, автор повторяет миссионерские рассказы о том, будто посылка христианских «пастырей» на Гавайи была вызвана слезами гавайского мальчика Опукаана, который, попав в США и явившись в богословский колледж, горько оплакивал свое невежество, а также «греховность» своих соотечественников, находящихся «во мраке язычества» (стр. 21—22). Можно только удивляться приведенному объяснению, так как известно, что создание протестантской миссии на Гавайях было неразрывно связано с экспансией США в бассейне Тихого океана⁴.

В таком же духе излагается история распространения христианства на островах. Смит ни слова не говорит о социальных причинах принятия новой религии гавайской знатью и принудительном обращении рядовых островитян, зато сообщает о «чудесах», якобы происходивших в 1838 г. на острове Гавайя (стр. 202—206). Он расхваливает миссионеров за создание гавайской письменности и открытие «школ» для островитян, но умалчивает о том, что «просвещение» гавайцев потребовало миссии, чтобы обеспечить насаждение на островах христианского вероучения. «У них (миссионеров, — Д. Т.) не было другого выхода, кроме создания письменности на гавайском языке», — признает Х. Брэдли⁵. А другой американский буржуазный исследователь, Р. Кикендолл, говоря о том же, подчеркивает: «Печатная страница явилась магическим ключом, открывающим доступ к сердцам и умам народа... Религиозные идеи были включены в материал для чтения и таким путем проникли в умы учащихся»⁶.

В период своего теократического правления на Гавайях американские миссионеры приложили огромные усилия, чтобы уничтожить самобытную культуру островитян и навязать им нормы пуританской морали. Однако Б. Смит избегает касаться этой весьма непримиримой стороны деятельности протестантской миссии. Куда охотнее он живописует «праведные кончины» миссионеров и связанных с ними гавайских вождей (стр. 178—179, 245, 279 и др.). Эти страницы книги напоминают воскресные проповеди или «жития святых».

Любопытно, что для подкрепления своей апологетической концепции автор привлекает реакционную теорию функционалистов. «С того момента, — пишет он, — когда гавайцы отказались от своей собственной системы табу, их культура была обречена» (стр. 287). Ответственным за вымирание островитян и за разрушение всего их жизненного уклада оказывается гавайский король Кемеама II, который под влиянием кучки иностранных авантюристов отменил все табу незадолго до прибытия на острова первых американских церковников (стр. 50). Миссионеры же, которые «искренне и от всего сердца заботились об интересах гавайцев», якобы сделали все от них зависящее для того, чтобы смягчить неотвратимую катастрофу (стр. 287).

Автор приводит некоторые заниженные данные об обогащении миссионеров, но дает этим фактам весьма своеобразное объяснение. Оказывается, смиренные «пасты-

² С. McWilliams, *Brothers Under the Skin*, Boston, 1951, стр. 186.

³ См. J. Barber, *Hawaii: Restless Rampart*, Cornwall, New York, 1940, стр. 11, 26—27.

⁴ См. мою рецензию на книгу A. Koskinen, *Missionary Influence as a Political Factor in the Pacific Islands* (Helsinki, 1953), опубликованную в журнале «Сов. этнография», 1956, № 1, стр. 168—170.

⁵ H. W. Bradley, *The American Frontier in Hawaii. The Pioneers, 1789—1943*, Berkeley—Los Angeles, 1942, стр. 134.

⁶ R. S. Kuykendall, *The Hawaiian Kingdom, 1778—1854*, Honolulu, 1938, стр. 104.

ри» приобретали земли и основывали фермы и плантации главным образом для того, чтобы преподать гавайцам «хороший пример рачительного хозяйствования», приучить их к «производительному труду» и т. д. (стр. 285, 323). Так даже само обогащение церковников попадает в число «добрых дел», которыми американская миссия благодетельствовала свою «паству».

Несмотря на апологетическую направленность рецензируемой книги, в ней все же имеются интересные факты. Так, выгораживая миссионеров, автор приводит некоторые данные о злодеяниях и бесчинствах на Гавайях иностранных моряков и торговцев, включая консулов США и Англии и американских военно-морских офицеров (стр. 129—136, 158—160, 212, 281). В книге содержатся интересные детали, касающиеся организации и структуры миссии и изменения форм ее деятельности по мере «американизации» архипелага (стр. 25—30, 217, 292—293, 315), сообщения о мучениях гавайцев на строительстве огромных церквей из коралловых глыб (стр. 199, 252), приводятся отдельные факты о попытках сопротивления островитян миссионерской тирании (стр. 182, 273). Разумеется, каждому из этих явлений автор дает свое объяснение, выдержанное в духе его концепции.

Восхваляя и оправдывая деятельность американских миссионеров на Гавайских островах, Б. Смит с еще большим усердием возвеличивает их потомков. Он заявляет, что переход в руки миссионерских сыновей и внуков естественных ресурсов архипелага был якобы справедливым и закономерным, ибо «упадок и неспособность создали вакуум, который был заполнен этими людьми, как наиболее достойными» (стр. 325). Автор признает, что, захватив огромные богатства и действуя как сплоченная группа, потомки миссионеров превратились в «социальную элиту», но называет их «самой позитивной и прогрессивной силой в гавайской жизни» (стр. 330). Послушать Б. Смита, так окажется, что эти миссионеры перенесли в бизнес «христианские принципы». «по-отечески» относились к плантационным рабочим и вообще были самыми настоящими благодетелями всего населения архипелага. Автор тщится оправдать проведенную этими магнатами монополизацию гавайской экономики. «Трудно даже представить себе, чем были бы без них Гавайские острова!» — восклицает он в припадке низкопоклонства перед гавайскими миллионерами (стр. 330).

Усердие Б. Смита не осталось неоцененным. Через год вышла в свет его новая книга «Острова Гавайи», изданная при содействии гавайских капиталистов. Характерно, что все иллюстрации к этой книге были предоставлены «Hawaii Visitors Bureau» — объединением местных банков и фирм, участвующих в «туристском бизнесе» (только в 1955 г. острова посетило более 100 тысяч туристов). В этом произведении откровенно рекламируется «тихоокеанский рай», как нередко называют Гавайские острова составители туристских проспектов.

В начале книги Б. Смит сообщает некоторые сведения о главных островах архипелага и жизни гавайцев до прихода колонизаторов. Здесь всячески подчеркивается «экзотический» характер природы островов и культуры коренного населения. В главах, посвященных «миссионерскому периоду», пересказываются основные положения предыдущей книги. Автор на стр. 57 вновь пытается уверить читателей, что миссионеры, став фактическими правителями архипелага, «старались сохранить Гавайи для гавайцев, но этот народ сорвал их усилия своим вымиранием» (!). Еще более грубые искажения истины содержатся в тех разделах книги, где говорится о развитии плантационного хозяйства, условиях жизни рабочих-иммигрантов, «большой пятерке» концернов, господствующих в гавайской экономике, а также о современном положении на островах. Остановимся лишь на некоторых фальсификациях, имеющих, на наш взгляд, наиболее существенное значение.

Для работы на сахарных и ананасных плантациях американские капиталисты вплоть до мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. ввозили на Гавайи огромные партии законтрактованных рабочих. Эти полурабы доставлялись из многих районов земного шара, но главным образом из Японии, Китая и с Филиппинских островов. Совершенно бесправные, они подвергались на плантациях зверской эксплуатации; их безнаказанно мучили надсмотрщики и хозяева; в 1903 г. комиссия министерства труда США сравнила ввоз кули на Гавайские острова с работорговлей⁷.

Смит сознательно умалчивает об этих позорных фактах, предпочитая сосредоточить внимание читателей на поверхностно излагаемых им проблемах аккультурации, т. е. постепенном приобщении выходцев из Азии к «американскому образу жизни». Он рисует идиллическую картину сосуществования и сотрудничества различных рас на Гавайских островах, заявляет, будто там успешно решен национальный вопрос и проведен «один из наиболее волнующих экспериментов в области демократии» (стр. 82, 113). На суперобложке сообщается, что «нигде на земле люди всех рас и национальностей не живут так благополучно и счастливо», как в «тихоокеанском раю».

Как же совместить такого рода утверждения с тем обстоятельством, что «белые» американцы по-прежнему владеют всеми основными средствами производства и контролируют местные органы власти, тогда как на плантациях трудятся выходцы из

⁷ См. S. Weinman, Hawaii: A Story of Imperialist Plunder, New York, 1934, стр. 6. В этой брошюре, написанной прогрессивным публицистом, сделана попытка дать марксистский анализ колониальной политики США на Гавайских островах.

Азии? Будучи не в силах опровергнуть эти факты, Б. Смит пытается подыскать для них «историческое» оправдание и одновременно проводит мысль о том, будто господство американских капиталистов не препятствует «прогрессу и процветанию» других национальностей (стр. 113). В действительности же на Гавайях сохранилась открытая расовая дискриминация. В статье о «тихоокеанском рае», опубликованной недавно в реакционном журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», содержится следующее признание: «Расовые барьеры существуют в общественной жизни и размещении жилищ... В газетах печатаются объявления о найме на работу и сдаче квартир с предупреждением: «Только для белых»⁸.

Автор рецензируемой книги отводит много страниц описанию всевозможных празднеств, создавая у неосведомленных читателей впечатление о «райской жизни» на островах, но лишь мимоходом, в трех фразах, упоминает о гавайском рабочем движении (стр. 111). Между тем архипелаг с начала XX в. сделался ареной упорных классовых битв, в ходе которых росли и крепились боевые профсоюзы, объединившие трудящихся различных национальностей. Некоторое улучшение положения плантационных рабочих, наступившее в послевоенные годы, Смит пытается объяснить «доброй волей» предпринимателей, осуществивших механизацию полевых работ (стр. 65). В действительности же эти изменения явились результатом мощного подъема стачечной борьбы: гавайские профсоюзы, самые прогрессивные в США, провели в послевоенный период несколько успешных всеобщих забастовок, заставивших пойти на уступки капитал местного «большого бизнеса»⁹.

Настойчивые попытки Б. Смита представить в розовом свете как историю «американизации» Гавайев, так и особенно современную обстановку на островах, станут понятными, если ознакомиться с его рассуждениями о международном значении «гавайского эксперимента». Напомнив о том, что лица азиатского происхождения составляют ныне три пятых населения архипелага, автор заявляет, что их пример может оказать значительное влияние на народы Азии. Поскольку США якобы удалось добиться «гармонического слияния» на Гавайях «азиатской» и «западной» цивилизаций, это дает им, по словам Смита, право претендовать на руководство аналогичными процессами в масштабах всего мира (стр. 82, 114). Таким образом, автор рекламирует «тихоокеанский рай» не только для привлечения туда богатых туристов, но и для того, чтобы попытаться ввести в заблуждение азиатские народы и оправдать вмешательство США в их внутренние дела.

Пропагандистские соображения сыграли немаловажную роль при решении вопроса о предоставлении Гавайским островам статуса штата (март 1959 г.). Так, рупор американских монополий журнал «Тайм» заявил, что указанный шаг является ответом тем, кто обвиняет США в колониализме¹⁰. Однако шумиха, поднятая американскими пропагандистами, вряд ли достигнет цели, ибо, как отмечалось в другом реакционном журнале, превращение Гавайев из «федеральной территории» в штат не вызовет там никаких сколько-нибудь существенных перемен¹¹. Откликаясь на появление нового штата, М. Шумач вынужден был признать в газете «Нью-Йорк Таймс»: «Чистокровные гавайцы, потомки полинезийцев, превратились на Гавайях почти в диковинку и, вероятно, вовсе исчезнут в течение этого столетия»¹². Таков один из красноречивых итогов «американизации» архипелага.

Как сообщают издатели, Б. Смит в 1942—1945 гг. служил в американском ведомстве «психологической войны». Приобретенный им в те годы опыт явно не пропал даром. Рецензируемые книги, особенно вторая, являются примером полнейшего подчинения науки и публицистики интересам «большого бизнеса».

Д. Д. Тумаркин

⁸ «U. S. News & World Report», 13 февраля 1959, стр. 102.

⁹ «The Worker», 22 марта 1959, стр. 2.

¹⁰ «The Time», 23 марта 1959, стр. 16.

¹¹ «U. S. News & World Report», 23 марта 1959, стр. 52—53.

¹² «The New Times», 13 марта 1959, стр. 13.

СОДЕРЖАНИЕ

Знаменательные даты в жизни народов Бурятии и Калмыкии	3
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
Л. В. Хомич (Ленинград). К тридцатилетию Ненецкого национального округа	13
Б. И. Вайнберг (Москва). К истории туркменских поселений XIX века в Хорезме	31
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
Проблема воссоединения Камеруна	46
А. С. Орлова (Москва). Уровень общественного развития народов Камеруна к началу европейской колонизации Африки	47
Б. В. Андрианов (Москва). Этнический состав современного Камеруна	56
И. И. Потехин (Москва). Борьба за воссоединение Камеруна	62
Ю. И. Журавлев (Москва). Тибетские народности и этнографические группы тибетцев Китайской Народной Республики	71
Р. Ф. Итс (Ленинград). Мань в этногенезе мяо и яо	93
Из истории этнографии и антропологии	
М. П. Хамаганов (Улан-Удэ). М. Н. Хангалов как этнограф-фольклорист	98
Сообщения	
Л. П. Потапов (Ленинград). Некоторые итоги работ Тувинской экспедиции	109
И. и Н. Чебоксаровы (Москва). Полевые этнографические работы в Китайской Народной Республике (1957—1958)	123
Хроника	
З. П. Акишева (Ленинград). Этнографическая выставка по Эфиопии	140
И. Работнова (Москва). Экспедиционная сессия Научно-исследовательского института художественной промышленности	144
Г. П. Васильева (Москва), Н. А. Кисляков (Ленинград). Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России	155
Н. Р. Гусева (Москва). Выставка ремесленных изделий Цейлона	160
Г. А. Гловацкий (Ленинград). Поездка в Китайскую Народную Республику	164
Цзинь Тянь-мин (Пекин). О моей работе в Советском Союзе	167
Personalia	
М. О. Косвен (Москва). Памяти А. И. Андреева	172
Критика и библиография	
Народы СССР	
П. П. Охрименко (Гомель). Журнал «Народна творчість та етнографія» (1957—1958)	175
Э. В. Померанцева (Москва). Русские народные сказки казаков-некрасовцев	178
М. Я. Мельц (Ленинград). Русская сатирическая сказка	180
Б. Андрианов (Москва). Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней	181
Народы зарубежной Европы	
О. А. Ганцкая (Москва). «Etnografia Polska», т. I	183
Н. Велецкая (Москва). <i>Ján Komorovský. Král' Matej Korvin v ľudovej prozaičkej slovesnosti</i>	188
Народы зарубежной Азии	
Ю. Ионовна (Ленинград). <i>G. J. Glacken. The Great Loochoo</i>	190
Народы Океании	
Д. Д. Тумаркин (Ленинград). Две книги о Гавайях	194

Dates notables dans la vie des Bouriates et des Kalmyks	3
---	---

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'U.R.S.S.

L. V. Khomitch (Léningrad). Le trentième anniversaire du district national Nenén	13
B. I. Weinberg (Moscou). Sur l'histoire des lieux d'habitation des Turcomans en Khorezme au XIX siècle	31

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers

Problèmes de la réunification du Cameroun	
A. S. Orlova (Moscou). Le niveau de l'évolution sociale des Camerounais vers le commencement de la colonisation de l'Afrique	46
B. V. Andrianov (Moscou). Composition ethnique du Cameroun contemporain	47
I. I. Potékhine (Moscou). La lutte pour la réunification du Cameroun	62
Y. I. Jouravlev (Moscou). Peuplades tibétaines de la République Populaire Chinoise	71
R. F. Its (Léningrad). Man dans l'ethnogénèse des Miaos et Yaos	93

Histoire de l'ethnographie et de l'anthropologie

M. P. Khamaganov (Oulan-Oudé). M. N. Khangalov comme ethnographe et folklorist	98
--	----

Informations

L. P. Potapov (Léningrad). Quelques résultats de l'expédition en Touva	109
I. et N. Tcheboksarov (Moscou). Travaux des expéditions ethnographiques en République Populaire Chinoise	123

Chronique

Z. P. Akichéva (Léningrad). Exposition ethnographique sur l'Ethiopie	140
I. Rabotnova (Moscou). Session consacrée aux expéditions de l'Institut de l'art appliqué	144
G. P. Vassiliéva (Moscou), N. A. Kisliakov (Léningrad). Session scientifique consacrée au rôle progressif du rattachement de l'Asie Centrale à la Russie	155
N. R. Gousséva (Moscou). Exposition artisanale de Ceylon	160
G. A. Glovatzky (Léningrad). Voyage en République Populaire Chinoise	164
Tzin Tian-min (Pékin). Mon travail en U.R.S.S.	167

Personalia

M. O. Kosven (Moscou). A la mémoire de A. I. Andreév	172
--	-----

Critique et Bibliographie

Peuples de l'U.R.S.S.

P. P. Okhrimenko (Gomel). La Revue «Narodna Tvortchist ta etnografia» (Art populaire et ethnographie) (1957—1958)	175
E. V. Pomérantzeva (Moscou). Rousskié narodnié skazki kazakov-nekrassovtzev (Contes populaires russes des cosaques-nekrassovtzy)	178
M. J. Meltz (Léningrad). Rousskaïa satiritcheskaïa skazka (Contes satiriques russes)	180
B. Andrianov (Moscou). Ya. G. Gouliamov. Istoria orochénia Khorezma s drevneichikh vrémen do nachikh dnéi (Histoire de l'irrigation en Khorezme depuis les temps les plus anciens jusqu'à nos jours)	181

Peuples de l'Europe étrangère

O. A. Gantzkaïa (Moscou). «Etnografia Polska», t. I	183
N. Veletzkaï (Moscou). Ján Komorovský, Kral'Matej Korvín v ľudovej prozaickej slovesnosti	188

Peuples de l'Asie étrangère

J. Ionova (Léningrad). C. J. Glacken. The Great Loochoo	190
---	-----

Peuples de l'Océanie

D. D. Toumarkine (Léningrad). Deux livres consacrés aux Iles Hawaï	194
--	-----

*О КОНКУРСЕ НА СОИСКАНИЕ ПРЕМИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1960 г.*

Отделение исторических наук Академии наук СССР сообщает, что в 1960 г. состоится присуждение премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, в размере 10 000 руб. Премия присуждается советским ученым за лучшие работы по этнографии и антропологии, а также за лучшие работы в области географии Восточной, Юго-Восточной Азии и Океании.

В конкурсе могут участвовать: отдельные лица, персонально; коллективы авторов, выполнившие выдвигаемую на соискание премии научную работу.

Право выдвижения кандидатов на соискание премии предоставлено: научным учреждениям СССР и союзных республик (научно-исследовательским институтам), высшим учебным заведениям, научным обществам, действительным членам и членам-корреспондентам АН СССР.

Организации и отдельные лица, выдвинувшие кандидатов на соискание премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, должны представить в Отделение исторических наук АН СССР (Москва, Г-19, Волхонка, 14) к 1 апреля 1960 г. следующие документы и материалы с надписью: «На соискание премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая»:

а) опубликованную научную работу в трех экземплярах;

Примечание: ранее премированные работы на конкурс не принимаются;

б) материалы обсуждения научной общественностью, отзывы или опубликованные рецензии;

в) автореферат научного труда объемом до 0,25 авт. листа;

г) краткие биографические сведения о соискателе с перечнем его основных научных работ.

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
----------	--------	------------	----------------

Исправление к № 4, 1959 г.

101	8—7 сн. (спутаны строки)	They saw by their neighbours' experience the advantages of cooperation; since 1953 tance to the croftomen *	The Communist Party of China and the National Government render constant assistance to the craftsmen
-----	-----------------------------	---	--

Исправления к № 5, 1959 г.

32	4 св.	Атрека	Атека
33	12 сн.	и др. ¹³ (рис 1, 1)	и др. ¹³
35	2 св.	(рис. 1, 2)	(рис. 1, 1, 2)
72	8 сн.	e leur	et leur
113	27 сн. (спутаны строки)	Солнце вышло за «ноги кровати», женщины готов	Солнце появилось на изголовье кровати, осветив
124	6 сн.	горы. Наньлина	горы Наньлина
154	40—41 св.	Вельского Устьянского районов	Вельского и Устьянского районов
197	7 сн.	публикацистики	публицистики

Цена 18 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1960 ГОД НА ЖУРНАЛЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Названия журналов	Номеров в год	Подписная цена	
		годовая	полугодовая
ОБЩЕАКАДЕМИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ			
Вестник Академии наук СССР	12	96	48
Доклады Академии наук СССР (без папок)	36	518—40	259—20
Доклады Академии наук СССР (с 6 коленкоровыми папками с тиснением)	36	542—40	271—20
Известия Карельского и Кольского филиалов АН СССР	4	28	14
Известия Сибирского отделения АН СССР	12	84	42
Природа	12	84	42
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ			
Вестник древней истории	4	96	48
Исторический архив (без переплета)	6	90	45
Исторический архив (в переплете)	6	99	49—50
История СССР	6	72	36
Новая и новейшая история	6	60	30
Советская археология	4	100	50
Советская этнография	6	108	54
Проблемы востоковедения	6	96	48
Советское государство и право	12	144	72
Вопросы языкознания	6	72	36
Русская литература	4	40	20
Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка	6	54	27

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в пунктах подписки Союзпечати, почтамтах, конторах и отделениях связи, общественными уполномоченными на предприятиях и в учреждениях, в научно-исследовательских институтах и учебных заведениях.

Подписка принимается также магазинами «Академкнига» и конторой «Академкнига» по адресу:

Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10.

«Академкнига»

Рис. 3. Битва при Адве в 1896 г. Картина неизвестного эфиопского художника (нач. XX в.)

Рис. 4. Внук Менелика II Лидж Ясу в окружении вельмож. Картина эфиопского художника Фере-Хейвата (1911 г.)